ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
Институт истории, государства и права
Научно-исследовательская лаборатория «Археология»

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III–II вв. до н. э.

Тирасполь, 2012

УДК 902/904"0/03"(082)
Д73

Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.
Д73 Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. – Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. – 211 с.

Antetit: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, Ин-т ист., гос-ва и права, НИЛ «Археология» – Bibliogr. la sfârşitul art. – 200 ex.

ISBN 978-9975-4062-7-7

В сборнике публикуются материалы Международной научной конференции «Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.», проходившей 16-19 октября 2012 г. в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь).

УДК 902/904"0/03"(082)

Ответственный редактор
Н.П. Тельнов, канд. ист. наук, доц. зав. НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Ответственный секретарь
В.С. Синика, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко

ISBN 978-9975-4062-7-7

© Авторы статей, 2012
© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические исследования на территории Приднестровской Молдавской Республики проводятся практически с момента её образования.

В 1991 г. в Приднестровском государственном университете (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко был образован Центр археологических исследований, сотрудниками которого были проведены раскопки трёх курганов возле г. Слободзея, два из которых были сооружены в эпоху бронзы, а третий – в предскифское время (1992 г.), а также в Тираспольской (Суворовской) крепости (1992–1994 гг.).

В 1993 г. в ПГУ создаётся научно-исследовательская лаборатория (НИЛ) «Археология». Её сотрудники за 20 лет провели и продолжают проводить научные исследования различных археологических памятников Приднестровья: исследован курган у г. Слободзея, в котором обнаружены 43 погребения различных культурно-исторических эпох: энеолитическое, ямной культуры и культуры многоваликовой керамики, а также средневековых кочевников (1994 г.); исследованы два кургана у с. Чобручи Слободзейского района, один из которых был сооружён над основным скифским погребение конца III в. до н.э., а второй – над сарматским захоронением (2000 г.); проводятся раскопки на верхнепалеолитической стоянке Рашков 8, расположенной у с. Рашков Каменского района (с 2005 г.); исследованы четыре кургана у с. Дойбаны-2 Дубоссарского района, в которых были обнаружены погребения ямной культуры, сарматские, и захоронения средневековых кочевников (2007 г.); начаты раскопки гетского поселения, расположенного в непосредственной близости от верхнепалеолитической стоянки Рашков 8 (2008 г.); исследован курган у с. Катериновка Каменского района, в котором были обнаружены несколько погребений эпохи бронзы и одно захоронение средневекового кочевника (2010 г.); приднестровско-российской экспедицией проводятся раскопки и разведки раннепалеолитических памятников на территории Каменского, Рыбницкого и Дубоссарского районов[1] (с 2010 г.); приднестровско-украинской экспедицией исследованы два кургана эпохи бронзы у с. Глиное Слободзейского района[2] (2012 г.).

Помимо раскопок различных археологических памятников, сотрудниками НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко на протяжении 2006–2011 гг. были проведены археологические разведки всех пяти районов Приднестровской Молдавской Республики (Каменского, Рыбницкого, Дубоссарского, Григориопольского и Слободзейского). В результате этих разведок были выявлены новые и проведена инвентаризация всех известных археологических памятников, проведено их описание, уточнено их месторасположение, дана оценка их состояния, сохранности и научной значимости, определена или уточнена культурная принадлежность. В настоящее время вышли из печати своды археологических памятников Каменского[3], Рыбницкого[4] и Дубоссарского[5] районов; своды памятников Григориопольского и Слободзейского районов готовятся к изданию.

Вместе с тем необходимо констатировать, что наиболее масштабными археологическими исследованиями НИЛ «Археология» являются раскопки двух памятников – многослойного поселения у с. Чобручи и скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района.

Изучение поселения у с. Чобручи было начато в 1993 г. Чобручской археологической экспедицией (1993-1996 гг.), а затем продолжено Днестровской археологической экспедицией (2000-2002, 2004-2006, 2010, 2012 гг.). На памятнике, занимающем значительную площадь, за 12 полевых сезонов было исследовано около 200 строительных комплексов. Обнаруженные на поселении находки позволили выделить три хронологических горизонта существования памятника: VII-V вв. до н.э., конца IV – II в. до н.э. и III–IV вв. н.э.

На протяжении 1995-2012 гг. Днестровской археологической экспедицией проводились исследования скифского могильника у с. Глиное. За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время, и только две – в эпоху бронзы. В скифских курганах исследовано 181 скифское погребение, а также целый ряд инокультурных, позднейшего времени. С 2010 г. российскими коллегами проводится изучение эпиграфического и тарного материала, обнаружен-

[1] На основании Договора о сотрудничестве между Институтом истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) Российской Академии наук и ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

[2] На основании Договора о сотрудничестве между Институтом археологии Национальной Академии наук Украины (г. Киев) и ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

[3] Коваленко С.И., Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Фидельский С.А., Четвериков И.А., Щербакова Т.А. Свод археологических памятников Каменского района Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь. Типар. 2006. 100 с. + 11 карт.

[4] Коваленко С.И., Синика В.С., Тельнов Н.П., Фидельский С.А. Свод археологических памятников Рыбницкого района Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь. Типар. 2008. 91 с. + 7 табл. + 20 карт.

[5] Коваленко С.И., Синика В.С., Тельнов Н.П. Свод археологических памятников Дубоссарского района Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь. Полиграфист. 2011. 71 с. + 14 карт.

ного при раскопках могильника у с. Глиное.[6] В 2011 г. польскими коллегами начаты исследования антропологического материала из скифских захоронений могильника у с. Глиное.[7]

Особая научная важность полученных в ходе раскопок поселения у с. Чобручи и могильника у с. Глиное данных заключается в том, что эти памятники активно функционировали в III–II вв. до н. э. Разнообразные материалы из могильника у с. Глиное, во-первых, однозначно свидетельствуют о его скифской принадлежности, во-вторых, о том, что захоронения на нём совершались с конца IV в. до н. э. и до третьей четверти II в. до н. э. включительно.

Совокупная информация об этих двух памятниках, аккумулированная на протяжении 20 лет сотрудниками НИЛ «Археология» , с одной стороны, является предметом оживлённых дискуссий по различным направлениям в современной археологической науке – наличие или отсутствие памятников III–II вв. до н. э. в различных регионах Северного Причерноморья, их этнокультурная атрибуция, хронология, межкультурные взаимодействия и, шире, ход исторического развития степей Юго-Восточной Европы в это время. С другой стороны, огромное количество накопленных материалов за время исследований поселения у с. Чобручи и могильника у с. Глиное, равно как и с целого ряда других памятников левобережного Поднестровья, позволяет решить многие указанные проблемы, ранее представлявшиеся неразрешимыми и тупиковыми, или, по крайней мере, наметить пути их решения.

Эти причины стали основными аргументами при принятии решения о необходимости проведения Международной научной археологической конференции «Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.». В настоящем сборнике опубликованы тексты докладов, прочитанных авторами в ходе конференции, проходившей 16–19 октября 2012 г. в ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

Сборник открывается работами аналитического характера, посвящёнными предварительным итогам исследований могильника у с. Глиное (Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика) и многослойного поселения у с. Чобручи (С.А. Фидельский) на левобережье Нижнего Днестра.

Две статьи вводят в научный оборот «странные» комплексы позднескифского времени из Гордашевки в лесостепном Побужье (С.В. Полин, Е.Г. Карнаух) и из Грушевского могильника на левобережье Нижнего Дона (А.В. Дедюлькин). Ещё две работы Ю.П. Зайцева посвящены интерпретации аналогичных комплексов: античной керамики из кладов и соотношения этих кладов с археологическими культурами в III–II вв. до н. э.

В сборнике публикуются материалы новых археологических исследований: погребальные комплексы Александровского могильника IV – первой половины III в. до н. э. из Нижнего Побужья (А.И. Смирнов), комплекс помещений второй половины III – первой половины II в. до н. э. с городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму (Т.В. Егорова) и храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (В.П. Копылов, А.В. Коваленко).

Довольно представителен блок работ, посвящённых греческому присутствию в Северном Причерноморье. Рассмотрены вопросы развития хоры Тиры в V–III вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье (Т.Л. Самойлова) и Херсонеса Таврического в III–II вв. до н. э. в Крыму (Е.Я. Туровский), особенностей исторической топографии, характера и структуры древнегреческих некрополей Нижнего Побужья IV–III вв. до н. э. (И.А. Снытко). В статье С.Ю. Монахова представлена типология амфор малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э. и предложены дополнения к их классификации. Проанализирована коллекция «мегарских» чаш из раскопок Неаполя Скифского в Крыму (И.И. Шкрибляк). Анализируются эпиграфические материалы, полученные в ходе исследования поселения Чобручи (М.В. Иващенко), гетских, скифских и греко-варварских памятников (В.И. Кац), группа родосских клейм из Тиры (Н. Матеевич, Т.Л. Самойлова) в Поднестровье; выделена и вводится в научный оборот новая группа средиземноморских амфорных клейм (группа «Антилоха») на основании материалов с Капуловского поселения на Нижнем Днепре (О.В. Фатеев).

Ситуация на западе Северного Причерноморья нашла своё отражение в статье о фрако-гетских поселениях Среднего Поднестровья (А. Заноч) и в публикации новых раннелатенских импортов Прутско-Днестровского междуречья (Д. Топал). Фракийские влияния на верования и материальную культуру нижнеднепровских городищ III в. до н. э. – II в. н. э. рассматриваются в работе Н.А. Гаврилюк.

Восточный ареал Северного Причерноморья также представлен в материалах сборника. Охарактеризована этнокультурная ситуация на Нижнем Дону в IV–II вв. до н. э. (В.П. Глебов). Вводится в научный оборот серия лепных курильниц с каннелюрами из памятников Северо-Восточного Приазовья (В.А. Меньшикова). Немалый интерес представляет работа о северопричерноморских импортных изделиях из погребений III–II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья (О.А. Шинкарь).

В сборнике также впервые публикуются новые памятники глиптики времени Митридата VI Евпатора из Тиры (А.С. Островерхов, А.Е. Малюкевич) и клад ольвийских «борисфенов» из Капуловского поселения на Нижнем Днепре (О.В. Фатеев, Ю.Ю. Третьяков).

Н.П. Тельнов, В.С. Синика

[6] На основании Договора о сотрудничестве между Саратовским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского и ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

[7] На основании Договора о сотрудничестве между Университетом им. А. Мицкевича (г. Познань) и ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика

Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования)

Scythian cemetery of the III-II centuries BC near the village of Glinoe on the left bank of the Lower Dniester river (preliminary results of the study). *In the article for the first time the preliminary results are presented which concerned the research of the scythian cemetery of the III-II centuries BC near Glinoe village. A description of the burial rite and material culture is provided, as well as the chronology of the monument is considered. The materials obtained in the study of the cemetery are regarded to be of particular importance for the renovation of the historical development of the Northern Black sea littoral and South-Eastern Europe in the III-II centuries BC.*

Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). *В статье впервые подводятся предварительные итоги исследования скифского могильника III-II вв. до н. э. у с. Глиное. Приводится характеристика погребального обряда и материальной культуры, рассматривается хронология памятника. Особо подчёркивается значение материалов, полученных при исследовании могильника, для реконструкции исторического развития Северного Причерноморья и Юго-Восточной Европы в III-II вв. до н. э.*

На протяжении 1995–2012 гг. Днестровской археологической экспедицией (ДАЭ) Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь) проводились исследования скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В 2012 г. работы на могильнике были полностью завершены.

До настоящего времени из печати вышло очень небольшое количество работ, посвящённых характеристике материалов из могильника у с. Глиное. Некоторые из них опубликованы в малотиражных, а потому и труднодоступных изданиях.[1] Необходимо отметить, что из опубликованных статей ни одна не даёт комплексного (хотя бы и краткого) представления обо всей совокупности археологических данных, полученных при раскопках могильника у с. Глиное.

Сложившаяся ситуация объясняется не только многолетним ходом раскопок памятника, а следовательно, и непрерывным накоплением огромного материала, который объективно не позволял делать даже предварительные выводы о могильнике. Приходится также констатировать, что до определённого времени не было возможности вводить в научный оборот результаты раскопок комплексно, поскольку ни одно скифское погребение (не говоря уже о кургане) не было полностью изучено.

Причина подобного состояния заключается в истории исследования могильника у с. Глиное. Начало раскопок этого памятника связано с именем Е.В. Ярового, который, будучи в то время заведующим научно-исследовательской лабораторией (НИЛ) «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко и начальником ДАЭ, принял решении об исследовании кургана эпохи бронзы у с. Глиное высотой 1,5 м и диаметром около 40 м (курган № 1 могильника Глиное). Изучение началось (исследовано 43 погребения), но не было доведено до конца. В результате были исследованы полностью только две центральные траншеи, ещё две – были исследованы частично. В 1996 г. сотрудниками НИЛ «Археология» были обнаружены и исследованы ещё три погребения в кургане. Е.В. Яровой, прекрасно зная о том, что курган 1 не был доисследован в 1995 г., и имея возможности в последующем пользоваться тяжёлой техникой, не предпринял попытки завершить раскопки этой насыпи. Только спустя 17 лет, в 2012 г. работами совместной приднестровско-украинской экспедиции было осуществлено доисследование этого кургана, в результате чего было обнаружено ещё десять погребений.

В этом же, 1995 г., были начаты раскопки первого скифского кургана (№ 2) могильника у с. Глиное. Вся его насыпь была полностью снята бульдозером, однако при этом не были исследованы ни обнаруженный ров, окружавший основное погребение кургана, ни впускная входная яма этого погребения. Только спустя 13 лет, в 2008 г. сотрудникам НИЛ «Археология» удалось доисследовать этот комплекс.

На протяжении 1996–2003 гг. Е.В. Яровой продолжал практиковать не только варварские и антинаучные, но и просто грабительские методы раскопок, опробованные им в 1995 г. Все курганы в это время исследовались вручную, с привлечением значительного количества студентов-практикантов. Несмотря на достаточное количество рабочих на раскопе, сами раскопы представляли собой небольшие квадраты (размерами 4 × 4 м); исследовались только основные погребальные сооружения, содержавшие большую часть находок. Вся остальная подкурганная поверхность изучению не подвергалась, например, рвы, тризны, впускные погребения,

[1] См. работы: (Яровой и др., 1997а; 1997б; Синика, Алемша, 2000; E.V. Yarovoy and oth., 2000; Яровой, Четвериков, 2000; Четвериков, 2002; Четвериков, Синика, 2002; Синика, 2004а; 2004б; 2011а; 2011б; 2012).

культовые сооружения. При этом особый цинизм ситуации заключался в том, что не раскапывались впускные входные ямы, дромосы которых были видны из погребальных камер. Нередко доходило до анекдотических случаев: в ряде курганов (1996–1998 гг.) не были исследованы основные погребения для насыпей, и это притом, что впускной характер уже исследованных захоронений не вызывал сомнения; раскопки одного из курганов «глинянской аристократии» завершилось после «взятия» входной ямы, в которой был обнаружен богатый инвентарь, а погребальная камера и прилегающая к ней впускная входная яма остались не исследованными ввиду «трудоёмкости процесса» (2001 г.); в одном из курганов после «взятия» основного погребения через пролом в стене камеры была расчищена погребальная камера впускного погребения, однако ни его входная яма, ни дромос исследованы не были (2001 г.). Перечисление подобных «деяний» можно продолжать, однако, подытоживая «раскопки» Е.В. Ярового на протяжении 1995–2003 гг., необходимо констатировать следующее: 1) Е.В. Яровым были начаты исследования 76 курганов;[2] 2) ни один из курганов могильника Глиное не был полностью исследован, а значит, не был исследован вообще; 3) Е.В. Яровым ни разу за годы раскопок не были написаны отчёты, не велась и вся остальная полевая документация; 4) весь полученный в ходе раскопок материал был практически полностью «дезорганизован» (не зашифрован, не описан, перемешан (например, бусы из различных комплексов, другие украшения и др.), не реставрирован, не зарисован), некоторые вещи из могильника были «утрачены» (раздаривались на сувениры). Рекультивация почвы после проведения раскопок не проводилась. Страшная картина обезображенного поля годами оставалась перед жителями села и нашла отражение даже на спутниковых снимках.

После увольнения Е.В. Ярового «по собственному желанию» в 2003 г. принимается решение о продолжении исследований курганного могильника у с. Глиное, причём приоритет отдаётся доисследованию курганов, раскопки которых были начаты при Е.В. Яровом. Раскопки новых насыпей проходят в крайне ограниченных масштабах, как правило, по нескольку насыпей в год. Ставится основная цель – минимизация последствий деятельности Е.В. Ярового для археологической науки, которая осуществляется не только путём доисследования курганов, раскапывавшихся в 1995-2003 гг., но и воссозданием всей полевой документации, в том числе и полевых отчётов, а также поэтапной и полной обработке всех ранее обнаруженных находок.

В 2004 г. были раскопаны шесть курганов – №№ 77-82; 2005 г. полностью посвящается систематизации ранее полученных материалов, полевые исследования на могильнике не проводятся; в 2006 г. доисследованы 11 курганов – №№ 66-76, раскопаны два новых – №№ 83 и 84; в 2007 г. доисследованы 34 кургана – №№ 31-60, 62-65, раскопаны семь новых – №№ 85-91; в 2008 г. доисследованы 30 курганов – №№ 2-30, 61, раскопаны пять новых – №№ 92-96; в 2009 г. раскопаны четыре новых кургана – №№ 97-100; в 2010 г. исследован один новый курган – № 101; в 2011 г. раскопаны восемь новых курганов – №№ 102-109; в 2012 г. доисследован курган № 1, а также раскопаны шесть новых – №№ 110-115, на чём исследование могильника у с. Глиное было завершено.

Необходимо особо подчеркнуть, что в результате доисследований курганов, частичное изучение которых было начато при Е.В. Яровом (но не Е.В. Яровым!) было обнаружено и доисследовано 140 археологических объектов, из которых: рвов – 8, околокурганная выемка – 1, ритуальная яма – 1, погребений – 34, впускных входных ям – 21, погребальных камер – 2, грабительский ход – 1, индивидуальных находок на древнем горизонте/в насыпи – 5, тризн на древнем горизонте/в насыпи – 77. Все эти цифры, по нашему мнению, очень точно характеризуют тот объём научной информации, который, весьма вероятно, мог бы быть утерян для науки, а также «методику» раскопок Е.В. Ярового.

Настоящая работа призвана дать первое комплексное представление о скифском могильнике у с. Глиное, функционировавшем в III–II вв. до н. э. в Поднестровье.

Географическое и топографическое положение

Могильник расположен на левобережье Нижнего Днестра, на северной окраине с. Глиное Слободзейского района, слева от трассы Тирасполь – Днестровск, на плато второй надпойменной террасы р. Турунчук (рукава р. Днестр). К началу исследований сохранилась только северная часть могильника длиной ок. 1,5 км в меридиональном направлении и шириной ок. 0,35 км – в широтном. Таким образом, раскопки были проведены на площади около 52,5 га. Южная часть могильника в настоящее время находится под жилыми домами с. Глиное и в своей большей части недоступна для исследования.[3]

[2] Исследования курганов №№ 66–76 проходили в 2002 г. и 2003 г. В 2002 г. экспедиция не была открыта, однако раскопки проводились в связи с проходившей в этом году в г. Тирасполь Международной археологической конференцией. В 2003 г. в июле Е.В. Яровой распустил студенческую археологическую практику в качестве своеобразного ответа на «гонения» со стороны руководства ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Т.о. даже формальное участие Е.В. Ярового в раскопках 2002–2003 гг. является сильно преувеличенным мифом.

[3] На территории приусадебных участков с. Глиное к настоящему времени сохранилось несколько отдельных насыпей могильника.

Характеристика источниковой базы

За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время, и только две – в эпоху бронзы (курганы №№ 1 и 110). В 113 скифских курганах исследовано 181 скифское погребение.

Погребальные сооружения и обряд

Все погребения[4] могильника у с. Глиное курганные. О курганном обряде захоронения свидетельствуют сохранившиеся к моменту раскопок насыпи, рвы, а также характер заполнения впускных входных ям и входных ям впускных катакомб (мешаное заполнение из глины и чернозёма, которое образовывалось при засыпке ям, впущенных через чернозёмную насыпь). Среди погребений преобладают основные для насыпей (113), остальные погребения (68) являлись впускными. О неоднократности совершения захоронений в курганах могильника у с. Глиное свидетельствуют не только впускные погребения, но и впускные входные ямы, а также практика подзахоронения через основную и единственную (для основных погребений) или основную (для впускных погребений) входную яму.

Единственным видом погребального сооружения, известным на могильнике у с. Глиное, является катакомба. Катакомбы представлены пятью основными типами (I, II, III, V, VI) по классификации В.С. Ольховского (1991, 26–28) и четырьмя типами комбинированных катакомб (II + I, III + I, III + V, V + I). Абсолютно доминируют катакомбы III и V типов, довольно редки катакомбы I типа, остальные типы встречаются крайне редко или вообще единичны.

Только в одном случае из 181 вид погребального сооружения установлен не был.

Среди конструктивных элементов катакомб отмечены: забутовка ямы, побелка стен ямы, ступени в ямах, ниши в стенах ямы, выемки у входа в дромос и заплечики вдоль длинных стен входной ямы, заклад входа в дромос/в погребальную камеру, ниши в стенках камер, деление камеры на две зоны, ямка в полу камеры.

Отдельное место среди конструктивных элементов катакомб занимают орнаменты над входом в дромос, собственно дромосов и погребальных камер. Особое положение этих элементов обусловлено тем, что они предназначались либо для дополнительного выделения элемента конструкции (орнаменты над входом в дромос), либо для имитации определённой конструкции (орнаментация дромосов и погребальных камер).

Орнаменты над входом в дромос зафиксированы в 32 катакомбах могильника у с. Глиное. Они представляют собой прочерченные в виде желобков линии, реже полные фигуры или их части, а также различные их сочетания, наносившиеся острым инструментом на стену входной ямы, в которой устраивался вход в дромос, непосредственно вокруг него и над ним. Единственной близкой аналогией орнаментам над входом в дромос катакомб могильника у с. Глиное, известной авторам настоящей работы, является изображение в виде буквы «А» с небольшим вертикальным отростком, опускающимся вниз от горизонтальной линии буквы. Этот знак был прочерчен желобками на южной стене впускной входной ямы погребения 1 кургана 1 группы IV у с. Первомаевка на Херсонщине (Евдокимов, Фридман, 1991, 85, рис. 10/3). Вопрос о семантике этих орнаментов на настоящий момент представляется наиболее сложным: они могли быть и магическими символами, предназначенными для охраны умерших, и клановыми или родовыми знаками (своего рода «тамгами»), и просто декоративным элементом, украшавшим вход в дромос.

Орнаментация дромосов и погребальных камер встречена на могильнике у с. Глиное в 27 катакомбах. Орнаменты дромосов и погребальных камер выполнялись острым инструментом и представляют собой различные сочетания горизонтальных и вертикальных линий на сводах и торцевых стенах сооружений, в совокупности имитирующие каркас жилой постройки или повозки. В отличие от орнаментов над входом в дромос, орнаментация погребальных камер в виде каркасных конструкций была неоднократно зафиксирована в скифских погребальных комплексах Степи и Лесостепи (Шкадышек, 1910, 92; Мелюкова, 1962, 122, 134-136, табл. 5/16, 7/8, 8/1,5,7, 9/6; Черненко, 1967, 185, 189; Бидзиля и др., 1977, 142, рис. 33; Бокій, 1977, 70, рис. 5/6,7; Евдокимов, Фридман, 1991, 85, рис. 10/2; Ольховский, 1991, 33; Плешивенко, 1991, 68; Евдокимов, 1992, 146, рис. 8/1; Куприй, 1993, 32, 34, рис. 1/3, 2/1; 1994, 107; 2009, 85, 87-88;). Необходимо констатировать, что традиция имитации каркасных конструкций зарождается в Северном Причерноморье, по крайней мере, в V в. до н. э. Наличие подобных имитаций в III-II вв. до н. э. в скифских погребениях на левобережье Нижнего Днестра является одним из свидетельств преемственности классической скифской культуры и культуры позднескифской.

К элементам погребальной обрядности, фиксируемым в катакомбах, относятся погребения зависимых лиц, лошадей и собак во входных ямах, погребение кошки в камере, подмазка зелёной глиной, меловая подсыпка на дне дромосов и камер, угли и кострища во входных ямах и дромосах, канавки в дне погребальных камер.

[4] Здесь и далее речь идёт только о скифских погребениях, поскольку в скифских курганах могильника у с. Глиное были исследованы и впускные инокультурные захоронения – несколько сарматских, одно гуннское и ряд позднекочевнических.

Все погребения на могильнике у с. Глиное были совершены по обряду ингумации. Характер захоронений, совершённых на могильнике у с. Глиное, различается. Исследован единственный кенотаф в катакомбе III типа. Более половины всех остальных погребений были одиночными; парные погребения встречаются довольно редко; коллективные – крайне редко. Значительное распространение получили асинхронные погребения: ими являются около трети всех погребальных комплексов. Подзахоронения в погребальную камеру чаще всего совершались через впускную входную яму и значительно реже – через основную входную яму (путём извлечения из неё заполнения и последующей вторичной засыпки).

Поза погребённых установлена для 80% погребённых на могильнике. В остальных случаях отмечено полное или частичное разрушение скелетов при подзахоронениях или, реже, при ограблениях. Абсолютно преобладает вытянутое положение на спине. Скорченное положение отмечено только для трёх погребённых, причём во всех комплексах, где была выявлена подобная поза, она являлась не следствием заранее запланированных обрядовых действий, а результатом определённых обстоятельств – несоответствия размеров погребальной камеры длине тела и др.

Ориентировка установлена для подавляющего большинства погребённых (ок. 95%). Абсолютно доминирует северный полукруг (82,5%), значительно более редок южный (10%), что обусловлено ориентировкой длинной оси погребальных камер катакомб III, V и производных от них типов. Широтная ориентировка встречается значительно реже и включает западное (6%) и восточное (1,5%) направление, соответствуя ориентировке длинной оси погребальных камер катакомб I и II типов.

Тело погребённого, как правило, укладывали на подстилку (более 90%) из травы или из шкуры животного и, крайне редко, из камыша. Изредка использовались настилы из деревянных плах и коры. Дважды отмечены деревянные гробовища (ящики), которые устанавливались в погребальных камерах катакомб. Единожды зафиксировано материковое «ложе», представлявшее собой прямоугольное возвышение, оставленное в материковой глине в центре камеры. Ложе было разделено на две части: меньшая часть имела ровную поверхность и предназначалась для размещения посуды, а большая имела корытообразную форму и была устроена для тела погребенного. Два раза отмечена подсыпка дна камеры материковой глиной, что, вероятно, имитировало материковое ложе.

Нередко в погребениях могильника под голову погребённого укладывали «подушку» (более 20 случаев), как правило, из травы, однако по разу отмечены подушки из войлока, рыхлой материковой глины и даже в виде каменной плитки.

Погребальный инвентарь на могильнике у с. Глиное представлен всеми категориями – оружием, конским снаряжением, орудиями труда, предметами быта и хозяйственного обихода, посудой, украшениями, деталями и аксессуарами костюма, предметами туалета и культа. Среди всех погребальных комплексов выявлено менее десяти безынвентарных.

Оружие находилось более чем в 65% погребений могильника.

Самым распространённым видом вооружения являются наконечники стрел, причём абсолютно доминируют железные (более 90%) трёхлопастные втульчатые. Остатки кожаных и берестяных колчанов зафиксированы более 20 раз. Нередко для крепления колчана использовались колчанные крючки, которые были обнаружены в 40 захоронениях.[5] К предметам снаряжения лучника, выявленным на могильнике у с. Глиное, относятся и железные колчанные шилья (20 экз.), четырёхгранные и округлые в сечении. Единственной известной нам аналогией является «железный стержень» с утолщением в центральной части, ромбический в сечении, обнаруженный справа в ногах вместе с наконечниками стрел из колчанного набора в скифском погребении 1 кургана 27 у с. Головковка в верховьях Ингульца (Полин и др., 1994, 16, 17, рис. 24/11). Дважды на могильнике были найдены железные пряжки с округлыми рамками и подвижным язычком, которые служили застёжками портупейного ремня. Аналогичные изделия известны только в Подонье в скифских курганах V-IV вв. до н. э. (Савченко, 2004, 241, 242, рис. 29/1,2), а также в кургане 13 у с. Львово на Херсонщине (Евдокимов, 1992, 142, рис. 5/3) и в Толстой Могиле (Мозолевський, 1979, 101-123, рис. 87, 106/6).

Боевые топоры и копья делят второе место по распространённости среди видов вооружения на могильнике, однако они встречаются довольно редко – не более чем в 15 захоронениях каждый. Дротики обнаружены только в четырёх погребениях и представлены пятью находками.

Защитное вооружение представлено только щитами, три из которых были легкими, деревянными, а четвёртый был изготовлен из дерева и железных скоб.

Конское снаряжение является довольно распространённой категорией погребального инвентаря в захоронениях скифского могильника у с. Глиное. Оно выявлено в четверти всех по-

[5] Это не исключает и иного функционального предназначения данных крючков, что подтверждается и материалами могильника у с. Глиное. Предположение о многофункциональсти использования подобных крючков уже высказывалось (Гуляев, 1969, 127; Ольховский, 1999, 1985; Савченко, 2004, 229).

гребальных комплексов и представлено всеми основными видами: удилами, псалиями, трензельными кольцами, подпружными и уздечными пряжками, уздечными обоймами, а также налобниками, пронизями, перстневидными бляхами, фаларами (бляхами) и бусинами.

Орудия труда наиболее многочисленны и представлены железными ножами, глиняными пряслицами и фрагментами веретён, железными шильями и иглами, различными абразивными инструментами. Особое место среди орудий труда занимают «затиральники» – разнообразные орудия из кости и камня, которые использовались и для орнаментации погребальных камер короткой стороной, и для заглаживания и затирки стен сооружения длинной – поскольку они являлись не погребальным инвентарём, сопровождавшим умершего, а строительным.

Предметы быта представлены большим количеством светильников (бронзовый, гончарные, лепные) и единственным железным канделябром.[6]

Посуда обнаружена боле чем в 75% погребений могильника. Тарная посуда представлена исключительно амфорами, кухонная – очень редка (лепные горшки и бронзовый котёл[7]). Наиболее распространена столовая посуда, она обнаружена более чем в 70% всех погребений: гончарные, лепные и деревянные миски; гончарные и лепные чашки; гончарные и лепные кувшины; лепные чаши (округлодонные), гончарный канфар и лепной поильник.

Украшения встречены в 80% захоронений: бусы из стекла, фаянса, кости, янтаря, золота, серебра, бронзы и глины; бронзовая и стеклянные подвески; стеклянный бисер; золотые, бронзовые и стеклянные пронизи; браслеты из бус, бронзовые и железные браслеты; золотые, серебряные и бронзовые серьги; золотые, серебряные и бронзовые височные кольца; бронзовые и железные перстни; золотые, серебряные и бронзовые кольца.

Особо необходимо отметить, что в некоторых захоронениях могильника у с. Глиное сохранились детали костюма, а именно головные уборы (начельные повязки и шапки) и фрагменты обуви.

Аксессуары костюма в погребальных комплексах скифского могильника у с. Глиное представлены фибулами, ворворками и застёжками. Фибулы ранне– и среднелатенской конструкции известны почти в 40% погребений. Глиняные, деревянные, костяные, свинцовые, бронзовые и серебряные ворворки встречаются гораздо реже. Пара уникальных по своей конструкции серебряных застёжек происходит из детского погребения, где они использовались, вероятно, для фиксации погребального покрывала.

Предметы туалета довольно редки на могильнике. Это бронзовые зеркала и туалетные сосуды – унгвентарий и амфориск.

Предметы культа и следы культовых действий обнаружены более чем в 60% погребений могильника у с. Глиное. Они представлены лепными курильницами с гальками внутри, каменными плитами, камнями и фрагментами сосудов, амулетами и раковинами, оленьим рогом, панцирем черепахи, а также реальгаром, охрой и серой.

Жертвенная пища является неотъемлемой чертой погребального обряда могильника. Она зафиксирована не менее чем в трёх четвертях всех захоронений и, как правило, помещалась в миску вместе с железным ножом.

Намогильные, подкурганные, внекурганные сооружения и следы ритуальных действий

Единственным намогильным сооружением на глинянском могильнике является насыпь. Только в десяти курганах были прослежены насыпи в рельефе. Их высота варьировала от 0,45 м до 0,95 м.[8] Абсолютное большинство курганных насыпей (93) на момент исследований не прослеживалось в рельефе: значительная часть из них была уничтожена плантажной распашкой, другая – при строительстве водонакопительного бассейна, школы и тракторной бригады, расположенных на территории могильника. Во всех этих случаях, когда насыпи не прослеживались в рельефе, курганы фиксировались по серому или желтовато-серому пятну на пахоте, когда распахивался выкид из основного и впускных погребальных сооружений. Вместе с тем, нет никаких оснований считать все эти комплексы бескурганными, о чём упоминалось выше.

Подкурганными сооружениями на могильнике являются выкиды из погребальных сооружений и ритуальные ямы. Выкиды представляют собой излишки материковой глины вследствие неполного засыпания погребальной камеры катакомбы даже в том случае, если вход в дромос специально не перекрывался закладом. На могильнике у с. Глиное выкиды всегда связаны с основными для насыпей захоронениями и маркируют уровень древнего горизонта.

Единственным внекурганным сооружением, исследованным на могильнике у с. Глиное, является ров. Он был зафиксирован в 15 курганах, что

[6] Подробнее о светильниках и канделябре см. (Синика, 2012, 268-270).

[7] Сам котёл был вынесен грабителями из погребальной камеры, однако его наличие было отмечено отпечатком ножки и множеством костей животных, покрытых окислами бронзы.

[8] Самой большой на настоящий момент скифской насыпью III в. до н. э. в Поднестровье является насыпь кургана 2 группы «Чобручи-источник», исследованного в 2000 г., высотой 1,5 м от древнего горизонта (Четвериков, Синика, 2009, 204, рис. 1/3)

составляет всего 14,15% от общего числа. Все рвы кольцевые, особый интерес представляют два рва с восемью разрывами, или восьмисегментные. Подобный ров, насколько известно авторам настоящей работы, был исследован только в кургане у г. Геническа. Он был окружён обычным рвом с двумя разрывами, причём оба рва были сооружены одновременно вокруг основного погребения кургана (Кубышев, Саенко, 1991, 154, рис. 1/1).

Следами ритуальных действий традиционно считаются тризны в насыпях курганов, тризны на уровне древнего горизонта и тризны во рвах. Первые из них В.С. Ольховский связывает с намогильными, вторые – с подкурганными, а третьи – с внекурганными сооружениями (Ольховский, 1991, 183, приложение 1). На могильнике у с. Глиное вследствие уже упоминавшейся степени сохранности насыпей нет никакой возможности установить, проводилась ли тризна на уровне древнего горизонта, либо позже во время возведения насыпи. Тризна во рвах, безусловно, относится к данным внекурганным сооружениям, однако и в этом случае ни разу не было установлено, когда именно (во время совершения погребения или спустя какое-то время) она проводилась.

Хронология

Количество надёжных, т.е. достаточно точных хроноиндикаторов, которые позволяют получить абсолютную дату погребений могильника у с. Глиное, крайне малочисленно. К ним относятся, в первую очередь, амфорная тара и данные эпиграфики, во вторую – гончарные чашки и светильники, а также единичные находки канфара и амфориска. Эти хроноиндикаторы позволяют применить прямой метод датирования погребальных комплексов могильника у с. Глиное. Корреляционный метод датирования используется применительно к большинству захоронений могильника, в которых обнаружены предметы, встречающиеся в погребениях с керамическими хроноиндикаторами и являющиеся своего рода хронологическими маркёрами второго порядка – фибулы и, крайне редко, серьги. Некоторые типы фибул достаточно уверенно датируются на основании различных керамических хроноиндикаторов; другие – на основании иных идентичных предметов, встречающихся как в погребениях с амфорным материалом, так и собственно с тем или иным типом фибулы. При датировании определённых типов фибул, когда нет возможности применить ни прямой, ни корреляционный способ, используется типологический метод, предполагающий использование схемы развития различных типов от простых к более сложным. В некоторых случаях основанием для датировки комплексов являлись аналогичные элементы декора, встречающиеся на различных предметах, например, «восьмёрки» на фибулах и серьгах.

Анализ хроноиндикаторов из погребений могильника у с. Глиное позволяет не только установить его нижнюю (рубеж IV-III вв. до н. э.) и верхнюю (вторая-третья четверти II в. до н. э.) даты, но и выделить на основании узко датированных погребальных комплексов три этапа функционирования могильника: ранний – рубеж IV-III вв. до н. э. – первая половина III в. до н. э., средний – вторая половина III – первая четверть II в. до н. э., и поздний – вторая-третья четверти II в. до н. э.

Хронология могильника у с. Глиное однозначно свидетельствует о том, что скифская степная культура, которая на Нижнем Днестре появляется в VI в. до н. э. и существует в V–IV вв. до н. э., не исчезает и позже, продолжая своё непрерывное развитие до середины – третьей четверти II в. до н. э.

Инокультурные влияния на погребальный обряд и материальную культуру

Материалы, полученные при исследовании могильника у с. Глиное, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческий, фракийский и латенский элементы, отложившиеся на погребальном обряде и материальной культуре нижнеднестровских скифов.

Греческое влияние на погребальный обряд наиболее отчётливо проявляется на примере устройства сырцовых закладов входов в дромос катакомб и помещения в камерах, как правило, в специальные ниши, светильников, которые имитировали греческие образцы. Другие элементы обрядности и категории материальной культуры, происхождение которых аргументированно связывается с греческими импульсами, фиксируются на могильнике у с. Глиное изредка либо в единственном случае/экземпляре (Синика, 2012).

Соседство с фракийскими племенами на могильнике у с. Глиное нашло своё отражение в единственном предмете вооружения (двулезвийном топоре), немногих украшениях (браслеты со змеиными головками на окончаниях, браслеты с лопаточковидными окончаниями, серьги с коническими шишечками на окончаниях), но наиболее выражено в керамическом комплексе (профилировка сосудов и различные элементы декора).

Элементы латенской материальной культуры Центральной и Восточной Европы также достаточно уверенно фиксируются на могильнике у с. Глиное. Крайне редко это заметно в украшениях (браслет с выступами на стержне, серьги с поперечными «восьмёрками»), аксессуарах костюма (единственная ворворка с выступами на

тулове) и предметах конского снаряжения. Появление большинства крючков-застёжек и всех фибул, обнаруженных на могильнике, безусловно, следует связывать не только с влиянием латенских и «латенизированных» культур Восточной Европы на скифов степей Северо-Западного Причерноморья, но и с проникновением их носителей непосредственно в Нижнее Поднестровье (Кривенко и др., 2011; Синика, 2011б).

Несмотря на наличие указанных инокультурных влияний, которые более или менее отчётливо прослеживаются, скифские основы погребального обряда и материальной культуры скифского могильника у с. Глиное представляются очевидными и бесспорными.

Значение могильника у с. Глиное для истории Северного Причерноморья и Юго-Восточной Европы

Наиболее значимым итогом исследований могильника у с. Глиное стало получение уникального объёма археологической информации.

Поразительная степень сохранности катакомб, а также непотревоженность большинства из них, предоставили возможность собрать наиболее представительные в настоящее время коллекции различных предметов (вооружение, конское снаряжение, орудия труда и предметы быта, посуда, украшения, аксессуары и детали костюма, предметы туалета, предметы культа), которые позволяют, во-первых, однозначно констатировать скифскую принадлежность погребальных комплексов, а во-вторых, не только детально реконструировать материальную культуру, быт, хозяйство и экономику скифов III–II вв. до н. э. в Поднестровье, но и, впервые, получить о них достоверное представление. В равной степени это относится и к антропологической, зоологической и иным коллекциям, которые, безусловно, станут основой для демографических и прочих исследований.

Не менее важным является обнаружение в погребальных комплексах могильника у с. Глиное достаточного количества хроноиндикаторов, бесспорно свидетельствующих о продолжении существовании скифской степной культуры в III-II вв. до н. э. в Поднестровье. Эти же хроноиндикаторы позволяют внести значительный вклад в развитие хронологии, во-первых, различных керамических, а во-вторых, ранне– и среднелатенских импортов Северного Причерноморья.

Совокупность данных о погребальном обряде и материальной культуре отчётливо фиксирует инокультурные влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов, проживавших в III–II вв. до н. э. в Поднестровье.

Материалы, полученные при исследовании могильника у с. Глиное, позволяют пересмотреть некоторые взгляды на хронологию погребальных комплексов в Нижнем Поднестровье, известных под названием «скифские курганы Тираспольщины» (Мелюкова, 1962), а также целого ряда других аналогичных (причём не только из Поднестровья). В настоящее время нет никаких сомнений, что скифская степная культура на Нижнем Днестре не только не угасает в конце первой четверти или трети III в. до н. э., но и продолжает развиваться бурными темпами, по крайне мере, до конца третьей четверти II в. до н. э. Необходимо констатировать, что количество скифских погребений III-II вв. до н. э. в Поднестровье (могильник у с. Глиное, скифские курганы Тираспольщины III-II вв. до н. э., целый ряд иных скифских захоронений – более 230) сравнимо с общим количеством захоронений, оставленных скифами за три предшествующих столетия пребывания в степном Поднестровье (VI-IV вв. до н. э. – немногим более 250).[9]

Также в III-II вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье активно функционируют памятники оседлого населения, крупнейшими из которых являются поселения Чобручи[10] и Красное (Синика и др., 2012). Ближайшими соседями скифов и, безусловно, их торговыми и культурными партнёрами в Молдавской лесостепи в III-II вв. до н. э. являлись племена гетов,[11] а на черноморском побережье – жители греческой колонии Тиры (Самойлова, 1988, 42-68, 105) и различных посёлков, расположенных по берегам Днестровского лимана (Синика и др., 2012, 199).

В связи с этим приходится признать, что никаких хронологических «пробелов», «лакун», «хиатусов» в исторической картине Степного Поднестровья в III-II вв. до н. э. просто не было.

Однако, по господствующим в настоящее время представлениям, скифы по неизвестной причине (сарматская экспансия из-за Дона; экспансия кельтов или галато-германцев из Карпато-Дунайского бассейна; экономический фактор; аридизации степной зоны) сокращают ареал своего обитания до Добруджи, Нижнего Днестра, Крыма, Нижнего Днепра, образовав там свои Малые Скифии (Мелюкова, 1989, 35; Андрух, 1994; 1995, 96-161; Алексеев, 2003, 251; Бруяко, 1999а, 331; 2009, 362-363).[12] Необоснованность сарматской, галато-германской и гибридной (экспансия сарматов с востока и кельтов с запада)

[9] Подсчёты авторов работы, в которых использовались данные за всё время исследований археологических памятников в Степном Поднестровье. Допускается минимальная погрешность, которая не может превышать десяти погребальных комплексов.

[10] См. статьи С.А. Фидельского, В.И. Каца, М.В. Иващенко в настоящем сборнике.

[11] См. статью А. Заноча в настоящем сборнике.

[12] Нижнеднестровская Малая Скифия была выделена совсем недавно. Можно, по крайней мере, удивиться, как И.В. Бруяко, при отсутствии сколь-нибудь существенного объёма опубликованного материала о могильнике у с. Глиное, удалось это сделать (Бруяко, 2009). Остаётся только предполагать исключительный дар научного предвидения.

версий «кризиса III в. до н. э.» подтверждается отсутствием в степях Северного Причерноморья от Дуная на западе до Дона на востоке сарматских погребальных комплексов, которые датируются ранее, чем рубежом эр, и тем более кельтских, которых нет вообще, что уже неоднократно подчёркивалось в литературе (Виноградов и др., 1997, 102; Бруяко, 1999а, 328; 1999б, 84; 2009, 355-357). Экономическая версия (связь хлеботорговой политики Египта с экономической ситуацией в Северном Причерноморье) ещё менее состоятельна, чем все предыдущие, поскольку «хлебная» ситуация в Северном Причерноморье напрямую не затрагивала варварскую среду, хотя и сказывалась на ней опосредованно (Бруяко, 1999б, 88-91).

Также уже сейчас необходимо признать несостоятельной климатическую версию причины «кризиса III в. до н. э.» – климатические изменения приводят к аридизации степной зоны, вследствие чего происходят значительные изменения в хозяйственной деятельности скифов, а также в географии их расселения (Полін, 1984, 28-31; 1992; Иевлев, 1989; Крыжицкий и др., 1989, 96; Алексеев, 1992, 141-142). Представляется невероятным, чтобы степные пространства Северного Причерноморья внезапно опустели в результате засухи, за исключением бассейна р. Днестр. Общеизвестно, что бассейны Дуная, Южного Буга, Днепра и Дона намного более полноводны и обладают значительно большими природными ресурсами, причём как в своей степной части, так и в лесостепной, в связи с чем они не могли быть менее привлекательными для скифов в III–II вв. до н. э., чем бассейн Днестра.

Таким образом, не отрицая того, что в конце первой четверти или трети III в. до н. э. произошли какие-то военно-политические события, повлиявшие на весь ход дальнейшей истории в Северном Причерноморье (прекращение строительства скифами царских курганов и курганов высшей аристократии; спад экономического развития или прекращение функционирования греческих и варварских поселений и т.д.), мы считаем, что историческое развитие степей Северного Причерноморья в III–II вв. до н. э. продолжалось при абсолютной доминанте скифской культуры от Дуная на западе до Дона на востоке. Проблема заключается в том, какие из погребальных и поселенческих памятников этого времени нам известны и могут быть отнесены к скифской культуре. С запада на восток картина скифского присутствия нам представляется следующим образом.

На левобережном Подунавье со значительной долей вероятности к III–II вв. до н. э. относится ряд скифских погребальных памятников – могильники Кугурлуй, Дербент и Градешка (Редина, 1989, 31-32; 1993; 2000, 28; Бруяко, 2009, 331-333). Скифское присутствие в Добрудже отмечено до I в. до н. э. включительно (Андрух, 1994, 152-153; 1995, 146-147).

Существование скифской культуры в III–II вв. до н. э. в Поднестровье очевидно как на основании материалов, полученных при исследовании могильника у с. Глиное, так и целого ряда других скифских погребальных комплексов региона.

Намного сложнее обстоит дело с Побужьем, где в III–II вв. до н. э. продолжают функционировать греческие памятники – Ольвия и её некрополь (Парович-Пешикан, 1974; Папанова, 2006), а также поселения и могильники её хоры (Крыжицкий и др., 1989). Скифские памятники этого времени неизвестны.

В Крыму наличие памятников III–II вв. до н. э., равно как и более позднего времени, никогда не подвергалось сомнению.

Присутствие скифов в Поднепровье в III–I вв. до н. э. фиксируется целым рядом городищ, несмотря на различные точки зрения относительно нижней и верхней хронологических границ их существования (Бруяко, 2009, 352). Однако мы сталкиваемся с проблемой отсутствия скифских погребальных комплексов этого времени. Безусловно, подобная ситуация может объясняться только состоянием фонда археологических источников региона (просто не исследованы[13]) или степенью их изученности (не выделены из уже исследованных). Это в полной мере может относиться и к Побужью, расположенному между регионами, где присутствие скифов в III-II вв. до н. э. зафиксировано археологически (Поднестровье на западе, Поднепровье на востоке и Крым на юго-востоке).

В Подонье, наиболее восточном регионе северопричерноморских степей, присутствие скифского населения фиксируется, по крайней мере, в III в. до н. э., а вероятно, и позже.[14]

Возвращаясь к материалам из раскопок могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, необходимо затронуть ещё одну проблему, которая имеет очень важное значение для понимания исторического развития Северного Причерноморья и, шире, Юго-Восточной Европы. Эта пресловутая проблема этнокультурной идентификации и хронологической атрибуции так называемых «странных» комплексов – кладов, в составе которых фиксируются предметы вооружения (наконечники стрел, наконечники и втоки копий, шлемы, панцирь), конской упряжи (удила, псалии, ворворки, подпружные пряжки, налобники, фалары/бляхи, перстне-

[13] Здесь представляется немаловажным тот факт, что курганные могильники скифов III-II вв. до н. э. могли остаться без внимания во время крупномасштабных новостроечных археологических работ 60-80-х гг. XX в. по причине своей «невыразительности» в рельефе.

[14] См. статью В.П. Глебова в настоящем сборнике.

видные бляхи узды, кольцевидные пронизи, крупные бусины и др.), посуда (керамические сосуды – амфоры, чернолаковые и лепные сосуды, металлические сосуды – котлы, ситулы, чаши, а также изделия из некоторых других материалов) и некоторые детали поясной гарнитуры (пряжки латенских типов) (Зайцев, 2008; там же см. литературу). География распространения подобных кладов довольно широка и охватывает в настоящее время территорию от Болгарии и Румынии на западе до левобережного Подонья на востоке (Зайцев, 2007, рис. 1; Сергацков, 2009). Количество кладов постоянно увеличивается, а их топография уточняется,[15] в связи с чем вопрос об их культурной атрибуции по-прежнему актуален.

Некоторые исследователи считали их позднескифскими, другие – кельтскими; позже появилась точка зрения, что все эти клады являются сарматскими. В настоящее время оформилась позиция, согласно которой эти клады относят к позднескифским (Зайцев, 2008, 147; там же см. литературу). В литературе уже ставился вопрос о культуре вотивных кладов как о степной позднескифской (Зайцев, 2007, 266), а также о том, что наиболее результативно сопоставление этих кладов с «Тираспольской группой курганных могильников» (Зайцев, 2008, 149-150).

Однако только комплексное изучение материалов из могильника у с. Глиное позволяет нам безоговорочно связывать их с позднескифской культурой. В частности, в погребальных комплексах могильника были обнаружены практически все составляющие кладов – вооружение, конское снаряжение, посуда и пряжки латенских типов. Исключение составляют только шлемы и ситулы, а также некоторые редкие в составе кладов вещи – панцирь, металлические и стеклянная чаша. Все эти вещи, безусловно, были достаточно дорогими импортными изделиями, а шлемы и ситулы могли использоваться и использовались как ёмкости для помещения в них содержимого кладов, что объясняет их отсутствие в захоронениях могильника у с. Глиное. Абсолютная идентичность (наконечники стрел, копий, ворворки, некоторые колчанные/поясные крючки/пряжки, удила, S-видные псалии, налобники с крючком с ассиметрично-ромбической лопастью) или полная генетическая преемственность (крестовидные псалии, подпружные пряжки, налобники с крючком с топоровидной лопастью, перстневидные бляхи узды, кольцевидные пронизи, крупные бусины и др.) большинства предметов вооружения и конского снаряжения и образцов IV в. до н. э. не оставляют никаких сомнений относительно их скифской принадлежности. Только некоторые предметы, очевидно, происходят из нескифской среды: греческие керамические импорты; набор блях с изображением человеческих лиц, происхождение которых обоснованно связывается с влиянием латенской культуры (Мордвинцева, 2001, 112-113), как и целый ряд колчанных/поясных крючков латенских типов. Заметим, что так же, как инокультурные влияния, отмеченные на могильнике у с. Глиное, не могут поколебать его этнической основы, так и греческие и латенские импорты не могут изменить скифской принадлежности указанных кладов.

Очень важно, что на могильнике у с. Глиное предметы, идентичные или аналогичные обнаруженным в кладах, имеют точную датировку, которая в целом соответствует датировке памятника, однако является значительно более узкой для каждого захоронения, содержащего те или иные компоненты кладов.

Анализ соотношения сходных вещевых материалов из могильника у с. Глиное и из кладов демонстрирует два ключевых момента: 1) так называемые «странные» комплексы Северного Причерноморья принадлежат скифам; 2) большинство из кладов было депонировано в III-II вв. до н. э., хотя при этом нельзя исключать дату I в. до н. э. для некоторых из них. В настоящее время любое другое решение проблемы представляется маловероятным.

В завершении необходимо подчеркнуть проблему, которая возникает, но не может быть решена на основании данных, полученных при исследовании могильника у с. Глиное. Как уже указано, хроноиндикаторы ограничивают верхнюю границу функционирования памятника третьей четвертью II в. до н. э. Таким образом, для более чем сотни лет (последней четверти II – I в. до н. э.) ни в Степном Поднестровье, ни в Северо-Западном Причерноморье в настоящее время нет известных археологических памятников, оставленных и функционировавших в это время. Сокращение этого интервала в ходе дальнейшего изучения хроноиндикаторов могильника у с. Глиное крайне маловероятно, поскольку раскопки памятника завершены. По-видимому, решение этой задачи будет заключаться только в новых полевых исследованиях, подразумевающих поиск скифских памятников, более поздних по сравнению с могильником у с. Глиное. Перспектива этих работ основана на простом факте существования скифской культуры в I в. до н. э. в Добрудже, Нижнем Поднепровье и Крыму при уже подчёркнутом отсутствии сарматских памятников в это время. Внушает осторожный оптимизм информация о том, что поселение у с. Чобручи в Нижнем Поднестровье, расположенное неподалёку от могильника у с. Глиное, функционировало, на основании эпиграфических материалов, по крайней мере, до перво-

[15] См. статьи С.В. Полина и Е.Г. Карнауха, а также А.В. Дедюлькина в настоящем сборнике.

го десятилетия I в. до н. э.[16] Более значимыми являются данные археологических разведок на левобережье Нижнего Днестра, в ходе которых был открыт очень крупный могильник. Подъёмный материал, собранный на этом памятнике, как будто свидетельствует о том, что захоронения на нём совершались, в том числе, и в I в. до н. э. Если раскопки могильника покажут достоверность предварительных данных о его хронологии, то появится возможность открыть ещё одну крайне малоизвестную страницу истории Северного Причерноморья.

Литература

Алексеев, 1992 – Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб. Петербургкомстат. 206 с.

Алексеев, 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. 416 с.

Андрух, 1994 – Андрух С.И. Малая Скифия в Добрудже // Древности скифов (отв. ред. Е.В. Черненко). Киев. Препринт. С. 144-157.

Андрух, 1995 – Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. (этнополитический аспект). Запорожье. Днепровский металлург. 207 с.

Бидзиля и др., 1977 – Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (Предварительная публикация) (отв. ред. В.И. Бидзиля). Киев. Наукова думка. С. 61-158.

Бруяко, 1999а – Бруяко И.В. От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р.Х.). // Stratum plus. № 3. Скифский квадрат. С. 325-332.

Бруяко, 1999б – Бруяко И.В. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х. Волжск. Волжская городская типография. 212 с.

Бруяко, 2009 – Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3. 2005-2009. Скифские интерпретации. С. 329–370.

Виноградов и др., 1997 – Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93-103

Евдокимов, 1992 – Евдокимов Г.Л. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине // ДСПК. III. С. 136-148.

Евдокимов, Фридман, 1991 – Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы Степной Скифии. Сборник научных трудов (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян). Киев. Наукова думка. С. 72-97.

Бокій, 1977 – Бокій Н.М. Розкопки курганів у верхів'ях басейну Тясмина // Археологія. № 22. С. 65-73.

Гуляев, 1969 – Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. Вып. 151. Население Среднего Дона в скифское время. С. 109-127.

Зайцев, 2007 – Зайцев Ю.П. Комлекс из Гэвани (к проблеме хронологи III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 2 (отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 258-268.

Зайцев, 2008 – Зайцев Ю.П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III-I вв. до н. э. Хронология и культурная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII (глав. ред. И.В. Немченко). Одесса. «Фридман А.С.» С. 146-152.

Иевлев, 1989 – Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. I (отв. ред. Ю.Г. Виноградов). Запорожье. Коммунар. С. 54-55.

Кривенко и др., 2011 – Кривенко А.В., Синика В.С., Тельнов Н.П. Случайные находки III-II вв. до н. э. с Левобережья Нижнего Днестра // Stratum plus. № 6. Памятники материи и духа. С. 41-45

Крыжицкий и др., 1989 – Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев. Наукова думка. 240 с.

Кубышев, Саенко, 1991 – Кубышев А.И., Саенко В.Н. Скифский курган у города Геническа // ДСПК. II. С. 153–156.

Куприй, 1993 – Куприй С.А. Курганная группа у с. Новомихайловка // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. Збірка наукових праць (відп. ред. В.М. Асламов). Херсон. Препринт. С. 31-41.

Куприй, 1994 – Куприй С.А. О некоторых особенностях скифских погребальных памятников Присивашья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. II (отв. ред. Г.Н. Тощев). Запорожье. Запоріжжя. С. 106-107.

Куприй, 2009 – Куприй С.А. Оригинальные погребальные сооружения скифского времени из Присивашья // ССПіК. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Вид-во Запорізького національного університету. С. 85-89.

Мелюкова, 1962 – Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // МИА. № 115. Памятники скифо-сарматской культуры. С. 114-166.

Мелюкова, 1989 – Мелюкова А.И. Краткие сведения об истории скифов // Археология СССР. Степи европейской части в скифо-сарматское время (отв. ред. А.И. Мелюкова). М. Наука. С. 33-35.

Мозолевський, 1979 – Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ. Наукова думка. 252 с.

Мордвинцева, 2001 – Мордвинцева В.И. Декоративные пластины из Бубуеча // РА. № 2. С. 108-114.

Ольховский, 1991 – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М. Наука. 256 с.

Ольховский, 1999 – Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье. Изд-во Запорожского государственного университета. С. 182-187.

Папанова, 2006 – Папанова В.А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. Киев. Знания Украины. 278 с.

Паровіч-Пешикан, 1974 – Паровіч-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. Наукова думка. 220 с.

Плешивенко, 1991 – Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозёрского лимана // Курганы Степной Скифии. Сборник научных трудов (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян). Киев. Наукова думка. С. 53-72.

[16] См. статью М.И. Иващенко в настоящем сборнике.

Полін, 1984 – Полин С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. № 45. С. 24-33.

Полин и др., 1994 – Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3. (Курганы у с. Головковка, Звенигородка и Протопоповка). Кировоград. Препринт. 95 с.

Редина, 1989 – Редина Е.Ф. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Сборник научных трудов (отв. ред. Т.Л. Самойлова). Киев. Наукова думка. С. 25-34.

Редина, 1993 – Редина Е.Ф. Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея (отв. ред. С.Б. Охотников). Одесса. Гортипография Одесского управления по печати. С. 50–52.

Редина, 2000 – Редина Е.Ф. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 28-30.

Савченко, 2004 – Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН (отв. ред. В.И. Гуляев). М. Гриф и К. С. 151-277.

Самойлова, 1988 – Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н. э. Киев. Наукова думка. 124 с.

Сергацков, 2009 – Сергацков И.В. «Клад» II в. до н. э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. № 4. С. 149-159.

Синика, Алемша, 2000 – Синика В.С., Алемша А.Н. Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 43-46.

Синика, 2004а – Синика В.С. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. Ч. I (отв. ред. Н.М. Куковальская). Киев – Судак. Академпериодика. С. 110-113.

Синика, 2004б – Синика В.С. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное // ССПiК. XI. С. 237-239.

Синика, 2011а – Синика В.С. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Археологія: від джерел до реконструкцій (гол. ред. П.П. Толочко). Київ. Дніпрокварц. С. 119-124.

Синика, 2011б – Синика В.С. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V (отв. ред. А.С. Балахванцев, Г.Ю. Колганова). М. Научно-издательский отдел Института Востоковедения РАН. С. 184-187.

Синика, 2012 – Синика В.С. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко (отв. ред. А.А. Пригарин). Одесса. СМИЛ. 2012. С. 268-270.

Синика и др., 2012 – Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Четвериков И.А. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. № 3. Эллинство и иранство. С. 187-215.

Черненко, 1967 – Черненко Е.В. Скифские курганы на Никопольщине (раскопки 1961 г.). // ЗОАО. Т. II (35). С. 179-191.

Четвериков, 2002 – Четвериков И.А. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н. э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (сборник научных статей) (отв. ред. Н.А. Кетрару). Тирасполь. Типар. С. 234-245.

Четвериков, Синика, 2002 – Четвериков И.А., Синика В.С. Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат-лы III Междунар. науч. конф. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. Типар. С. 299-305.

Четвериков, Синика, 2009 – Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // ССПiК. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Вид-во Запорізького національного університету. С. 204-212.

Шкадышек, 1910 – Шкадышек М. Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведённой подполковником Шкадышек 18 июля 1909 г. // ЗООИД. Т. XXVIII. С. 92-94.

Яровой и др., 1997а – Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей Междунар. археологич. конф. (отв. ред. С.Б. Охотников). Одесса. Ветаком. С. 251-255.

Яровой и др., 1997б – Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995-1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (мат-лы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 14-19.

Яровой, Четвериков, 2000 – Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (мат-лы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 3-28.

Yarovoy and oth., 2000 –Yarovoy E.V., Chetverikov I.A., Sinika V.S. The barrow cemetery of late scythian time on the territory along the Dnister River // Funeral practices as forms of cultural identity (Bronze and Iron Ages). Abstracts. Tulcea. Editura Institutului de Cercetări Eco-Muzeale. C. 77-79.

С.А. Фидельский

Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н. э.

Chobruchi settlement on the Lower Dniester in the III–II centuries BC. *The article considers the materials of the multilayered settlement near Chobruchi village situated on the left bank of the Lower Dniester. Of particular interest is the fact that monument dated back to the III–II centuries BC. The article presents the findings of that period from Chobruchi settlement.*

Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н. э. *В статье анализируются материалы многослойного поселения у с. Чобручи, расположенного на левобережье Нижнего Днестра. Особый интерес вызывает тот факт, что памятник функционировал в III–II вв. до н. э. В работе публикуются находки этого времени с поселения Чобручи.*

Территория Нижнего Поднестровья во второй половине I тыс. до н.э. была одним из самых густонаселённых регионов Северо-Западного Причерноморья. Об этом свидетельствует огромное количество археологических памятников, как античных, так и варварских, расположенных по обоим берегам Днестровского лимана, а также выше по течению вплоть до границы степи и лесостепи. Среди них преобладают в основном поселения и городища, погребальных памятников значительно меньше. При этом надо отметить, что большая часть укреплённых и неукреплённых поселений Нижнего Днестра относится к античным памятникам, широкое распространение которых было связано с возникновением греческих городов-колоний – Тиры и Никония. Археологические раскопки указанных городов можно считать началом полевых исследований поселенческих памятников на берегах Нижнего Днестра.

Среди известных в настоящее время археологических памятников Нижнего Поднестровья особое место занимает многослойное поселение Чобручи, расположенное на территории Слободзейского района. Поселение находится на обширном пологом возвышении левого берега р. Днестр, в 400 м от его русла, между населёнными пунктами Слободзея и Чобручи. Оно занимает значительное пространство поверхности террас р. Днестр (Терновской и Парканской) и непосредственно примыкает к пойме.

Первые археологические изыскания на поселении были предприняты в 1993 г. Чобручской археологической экспедицией под руководством Т.А. Щербаковой. За несколько лет полевых исследований был получен материал, который позволил выделить три культурно-хронологических горизонта. К первому из них были отнесены материалы VI-V вв. до н.э., представленные в основном лепной керамикой скифского и фракийского облика, а также амфорной тарой клазоменского, хиосского и фасосского производств. Второй горизонт был датирован III – началом II в. до н.э. и содержал находки позднескифской культуры. Третий горизонт был представлен материалами III-IV вв. н.э., которые позволили Т.А. Щербаковой впервые для Днестровского Левобережья выделить памятники типа Этулия (Щербакова, 1994, 231-232; 1997, 19).

В 2001 г. археологические исследования на поселении Чобручи были продолжены Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко. В ходе семи полевых сезонов (2001, 2002, 2004-2006, 2010, 2012 гг.) был изучен участок поселения общей площадью 1077 м², на котором было зафиксировано 156 различных объектов (десять жилых сооружений, 144 хозяйственные ямы и два захоронения).

Результаты раскопок подтвердили присутствие на поселении материалов указанных хронологических периодов. Кроме того, удалось уточнить хронологию наиболее раннего периода, нижняя граница которого в настоящее время относится ко второй половине – концу VII в. до н.э. Основанием для удревнения этого горизонта послужили находки фрагментов лепных мисок типа Фериджиле, а также гончарной серолощёной керамики северо-фракийского производства (Никулицэ, Фидельский, 2004, 55, рис. 7; 2004а, 196-198, рис. 15). Также на поселении были обнаружены фрагменты лепных раннегальштатских сосудов, суммарно датирующиеся X-VIII вв. до н.э. (Никулицэ, Фидельский, 2004, 53), однако эта дата пока является условной и требует более надёжной аргументации.

Таким образом, в настоящее время можно с уверенностью говорить о возникновении поселения уже во второй половине VII в. до н.э. Косвенным свидетельством этого является существование в непосредственной близости от поселения грунтового могильника рубежа VII-VI вв. до н.э., в разрушенном погребении которого найдена миска типа Фериджиле (Фидельский, 2009, 237, 240-241, рис. 1/1). Сходство керамического материала позволяет констатировать сосуществование в VII-VI вв. до н.э. поселения и могильника, составлявших единый археологический комплекс.

Анализ другого археологического материала, обнаруженного как в культурном слое, так и в сооружениях, показал, что большая его часть относится к III-II вв. до н.э.

Из выявленных на поселении десяти сооружений ни одно нельзя абсолютно достоверно

отнести к жилым комплексам из-за отсутствия чётких конфигураций, остатков конструкций и признаков отопительных сооружений. Тем не менее, некоторые объекты могли использоваться как жилые дома, на что указывают трапециевидная форма и наличие столбовых ям, которые являлись частью опорной конструкции. Кроме того, в пользу существования жилых комплексов, скорее всего наземных типов, говорят многочисленные находки фрагментов обожжённой обмазки со следами прутьев и жердей.

Хозяйственные ямы на поселении Чобручи имели округлую или овальную форму, отличаясь при этом сечением. Выделяются три основных типа ям: с цилиндрическим, колоковидным и конусовидным сечением. Заполнение ям не было однородным. Встречались сооружения, заполненные плотным чернозёмом с примесью материковой глины, но чаще заполнение состояло из золы с включением древесного угля. В ямах обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей животных. Характер заполнения ям говорит о том, что на последнем этапе своего существования они служили для сбора золы, мусора и бытовых отходов. Первоначально же они использовались в качестве погребков.

За годы исследования поселения обнаружено значительное количество находок – десятки тысяч. К ним относятся различные орудия труда и предметы быта, целые формы керамической посуды, фрагменты лепной и гончарной керамики, кости животных и рыб.

Большая часть индивидуальных находок связана с домашним производством: костяные проколки, иглы, шпатели, гребень, рашпиль, коньки-гладилки и др. В хозяйстве использовали также железные ножи и серпы, от которых сохранились костяные рукояти. Среди каменных предметов большой процент точильных брусков и заготовок для них. Глиняные изделия представлены значительным количеством пряслиц и грузил, которые употреблялись в текстильном производстве, а также лощил, применявшихся в керамическом производстве. Наряду с указанными видами хозяйственной деятельности были распространены косторезное и кожевенное дело, а также обработка камня (Fidelschi, 2006, 24-33).

О местном изготовлении глиняной посуды на поселении свидетельствуют находки целых форм, а также фрагментов лепной керамики. Выделяется кухонная, столовая и тарная посуда.

Кухонная керамика представлена только лепными горшками, изготовленными из плохо отмученной глины с примесями крупнозернистого песка и шамота. Обжиг несквозной и неравномерный. Внешняя поверхность грубая, шероховатая, плохо залощена. Цвет, как правило, не однотонный, в основном преобладают оттенки коричневого и серого цветов, со следами некачественного обжига в виде чёрных пятен.

Лепные горшки бывают разных размеров; наиболее крупные из них считаются корчагами **(рис. 1/2,3)**. Все горшки характеризуются расширением в средней части тулова **(рис. 1/4,5,8)**. Классификация лепной посуды и, в частности, горшков была разработана на материалах Каменского городища Б.Н. Граковым (1954, 68-81) и успешно использовалась Н.А. Гаврилюк при анализе материалов из степных скифских погребений (Гаврилюк, 1980, 17-30; 1989, 38-60; 1999, 246-253). Применить эту классификацию при анализе лепной посуды поселения у с. Чобручи крайне сложно из-за отсутствия полных профилей сосудов. Немногие целые формы горшков соответствуют определённым типам и вариантам указанной классификации.

Столовая посуда представлена лепными мисками, чашками, кувшинами, кружками, а также гончарными мисками, чашками и кувшинами.

Лепная столовая посуда, как правило, изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью мелкозернистого песка. Внешняя поверхность чёрного, серого или коричневого цветов, хорошо залощена. Довольно широкое распространение получили лепные миски конической формы с прямым или отогнутым наружу венчиком. Найдены также фрагменты лепных чашек, профиль тулова которых ничем не отличается от мисок, от последних они отличаются только размерами **(рис. 1/6)**. Редкой находкой являются фрагменты лепных кувшинов с максимальным расширением в средней части тулова, выделенной горловиной с отогнутым наружу венчиком и петлевидной ручкой, которая крепится к венчику и средней части тулова. Ручки, как правило, круглые в сечении. Известны также фрагменты лепных кружек. Их тулово коническое, вогнутое либо выпуклое, венчик не отделен, отогнут наружу или загнут внутрь. Только наличие петельчатой ручки отличает кружки от чашек.

В незначительном количестве найдены фрагменты гончарных чернолаковых и краснолаковых мисок с коническим туловом на кольцевом поддоне **(рис. 1/13)**. Гончарные чашки встречаются значительно реже. Они, как правило, имеют коническое тулово на выделенном кольцевом поддоне и чаще всего загнутый внутрь венчик. Ещё реже встречаются фрагменты гончарных кувшинов с широким туловом, выделенной горловиной с отогнутым наружу венчиком и ленточной ручкой, а также фрагменты светильников **(рис. 1/10)**.

Тарная посуда представлена только амфорами **(рис. 1/9,11)**. Помимо стенок, ручек и профильных частей, за всё время исследования поселения было обнаружено 128 амфорных клейм (Синопа – 67 экз., Родос – 44 экз., Херсонес

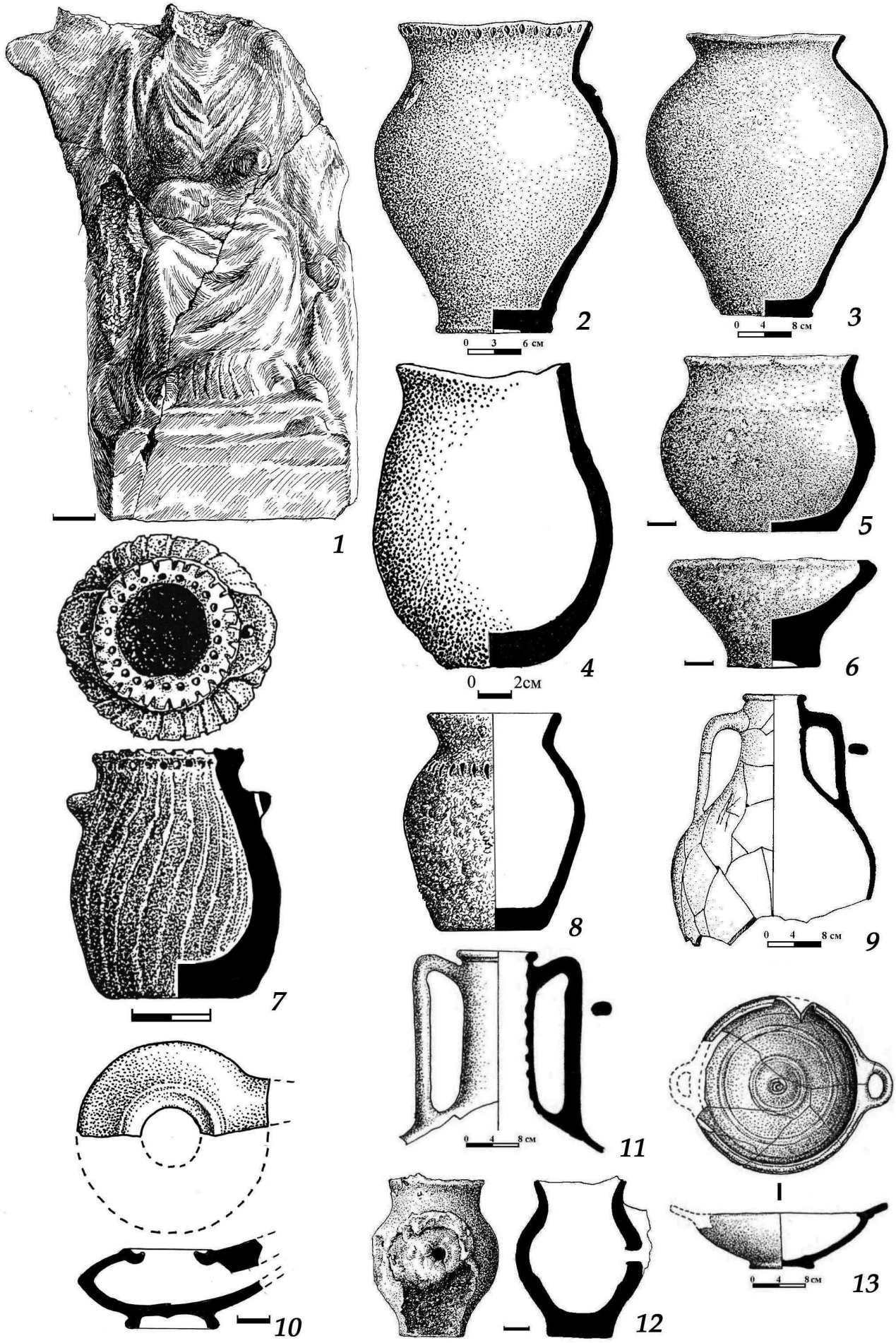

Рис. 1. Материалы с поселения Чобручи: 1 – статуэтка Кибелы, 2-6, 8, 12 – лепные сосуды, 9, 11 – греческие амфоры, 10, 13 – чернолаковая и краснолаковая керамика

– 12 экз., Книд – 3 экз., Гераклея – 1 экз., Парос – 1 экз.). Суммарный анализ всего эпиграфического материала показывает, что начало поступления клеймёной амфорной тары на поселение Чобручи относится к последней четверти IV в. до н.э., а прекращение – к первому десятилетию I в. до н.э.[1]

Совокупный анализ амфорного материала (профильных частей и клейм) позволяет выделить два периода массового поступления керамической тары на поселение Чобручи: 1) позднеархаический – вторая половина VI – начало V в. до н.э.; 2) эллинистический – вторая половина III – первая четверть II в. до н.э.

В позднеархаический период всплеск торговой активности явился следствием начала греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья, приведшей к основанию на Нижнем Днестре античных полисов Тиры и Никония (Карышковский, Клейман, 1985, 41; Секерская, 1989, 16-17), а также к образованию их хоры, состоявшей из многочисленных поселений, расположенных главным образом на левом берегу Днестровского лимана (Охотников, 1983, 101-122). Для эллинистического периода увеличение поступления керамической тары на поселение Чобручи, по-видимому, следует связывать с активизацией торговых связей со скифами Нижнего Днестра, могильники которых сосредоточились от с. Парканы на севере до с. Коротное на юге (Четвериков, 2004). В частности, при раскопках скифского курганного могильника у с. Глиное Слободзейского района в его закрытых комплексах были обнаружены клеймёные амфоры, отдельные легенды которых идентичны обнаруженным на поселении Чобручи (Кайдаш, Тащи, 1997, 242, рис. 17; Фидельский, Матеевич, 2004, 120, рис. 1/3; Синика, 2004, 111, рис. 1/1).

Суммируя изложенное, необходимо заключить, что бóльшая часть археологического материала, а, следовательно, и большинство сооружений поселения Чобручи датируются III-II вв. до н.э. Это время характеризуется общим экономическим и культурным подъёмом в Нижнем Поднестровье, в первую очередь, благодаря тесным торговым связям между античным и варварским миром. В результате был сформирован единый рынок, который стимулировался такими видами хозяйственной деятельности как земледелие, животноводство и ремесло. Показателем активного развития торговли в III-II вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье, а соответственно, и значимости поселения Чобручи в этом регионе, по-видимому, являлся и Чобручский речной порт (Кишлярук, 2007, 384, рис. 9).

Влияние античных центров на варварское население поселения Чобручи выразилось в распространении религиозных культов. Одним из наиболее популярных, особенно в эллинистическое время, был культ матери богов Кибелы. Терракотовые статуэтки этой богини были обнаружены в Тире (Самойлова, 2000, 93). На поселении Чобручи **(рис. 1/1)** они были найдены в сооружениях вместе с варварской керамикой III-II вв. до н.э. (Фидельский, Синика, 2005, 282). Находки этих статуэток на поселении Чобручи свидетельствуют о широком распространении культа Кибелы у местного населения, благодаря установившимся контактам с греками, что ставит под сомнение тезис о влиянии только варварских культов на греческую религию (Самойлова, 2000, 101). Исходя из имеющихся данных на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о взаимных контактах в религиозной сфере между варварским и греческим населением Нижнего Поднестровья.

Одной из наиболее важных проблем изучения поселения Чобручи является определение этнокультурных составляющих памятника.

Есть основания предполагать, что поселение Чобручи возникает в результате миграции оседлого населения, которое, скорее всего, принадлежало к фракийским племенам. Об этом свидетельствует характер керамического материала, значительная часть которого включает фрагменты и целые формы лепной посуды фракийского облика. Вероятно, на раннем этапе существования поселения следует говорить о его моноэтничном составе. Но уже к III в. до н.э. в материальной культуре жителей поселения отчётливо преобладают скифские элементы. Наиболее ярким примером этого являются находки одного целого и нескольких фрагментированных культовых сосудов – курильниц **(рис. 1/7)**. Географически ближайшими аналогиями являются курильницы из скифского могильника у с. Глиное, скифских курганов Тираспольщины (сс. Глиное, Парканы, Чобручи, а также из г. Тирасполь[2]) III-II вв. до н.э. Вместе с тем подобные сосуды известны от Румынии на западе (Scorpan, 1970, 80-81, fig. 1/1,2, 4/3-6) до Дона на востоке (Беспалый, Лукьяшко, 2008, 72, табл. LXXII/7) и представляют собой, по нашему мнению, общескифское явление. Установившиеся тесные контакты с греками, возможно, приводят к частичной эллинизации варварского населения, что подтверждается находками терракотовых статуэток Кибелы, Деметры и т.д., а также некоторых форм посуды, в частности, лепного поильника **(рис. 1/12)**.

Без всякого сомнения, дальнейшие археологические раскопки памятника приведут к получению нового материала, который позволит более полно осветить важнейшие стороны развития поселения Чобручи.

[1] См. статью М.В. Иващенко в настоящем сборнике.

[2] Курильница не опубликована, обнаружена в 2005 г. при проведении земляных работ.

Литература

Беспалый, Лукьяшко, 2008 – Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. I. Мат-лы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН. 224 с.

Гаврилюк, 1980 – Гаврилюк Н.О. Кераміка степових скіфських поховань IV-III ст. до н. е. // Археологія. № 34. С. 17-30.

Гаврилюк, 1983 – Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев. Наукова думка. 109 с.

Гаврилюк, 1999 – Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н. э. Киев. Изд-во ИА НАН Украины. 424 с.

Граков, 1954 – Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36. 240 с.

Кайдаш, Тащи, 1997 – Кайдаш А.Е., Тащи Е.Ф. Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н. э. поселения Чобручи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья (отв. ред. С.Б.Охотников). Одесса. Ветаком. С. 241-244.

Карышковский, Клейман, 1985 – Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев. Наукова Думка. 158 с.

Кишлярук, 2007 – Кишлярук В., Литолого-фациальный анализ пойменных отложений Днестра в районе поселения Чобручи и его использование в палеогидрологических реконструкциях // RA. S. n. Vol. III. Nr. 1-2. C. 370-385.

Никулицэ, Фидельский, 2004 – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003) (red. res. N. Răileanu). Chişinău. Tipografia Centrală. C. 50-63.

Никулицэ, Фидельский, 2004а – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău – Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004. (ed. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ). Chişinău. Cartdidact. C. 190-216.

Охотников, 1983 – Охотников С.Б. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI-III вв. до н. э.) // Мат-лы по археологии Северного Причерноморья. Сборник научных трудов (отв. ред. Г.А. Дзис-Райко). Киев. Наукова Думка. С. 101-122.

Самойлова, 2000 – Самойлова Т.Л. Эллинское и варварское в духовном мире греков Нижнего Поднестровья в VI-I вв. до н.э. // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я (відп. ред. Т.Л. Самойлова). Одесса. Гермес. С. 87-106.

Секерская, 1989 – Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н. э. Киев. Наукова Думка. 127 с.

Синика, 2004 – Синика В.С. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. (12-16 октября 2004 г.) Часть I (отв. ред. Н.М. Куковальская). Киев–Судак. 2004. Академпериодика. С.110-113.

Фидельский, 2009 – Фидельский С.А. Погребение железного века у г. Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северо-фракийских памятников // Tirajetia. Arheologie. Istorie Antică. S. n. Vol. III [XVIII]. Nr. 1 (red. res. E.Sava). Chişinău. C. 235-246.

Фидельский, Матеевич, 2004 – Фидельский С., Матеевич Н. Античный импорт в амфорной таре на поселении Чобручи из раскопок 2001-2002 гг. (по данным эпиграфики) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. (12-16 октября 2004 г.) Часть I (отв. ред. Н.М. Куковальская). Киев–Судак. Академпериодика. С. 118-123.

Фидельский, Синика, 2005 – Фидельский С.А., Синика В.С., Новые находки терракотовых статуэток Кибелы в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок на многослойном поселении Чобручи) // Четвёртая Кубанская археологич. конф. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Символика. С. 281-286.

Четвериков, 2004 – Четвериков И.А. О хронологическом разделении Тираспольской группы // ССПІК. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XI (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Вид-во Запорізького національного університету. С. С. 279-285.

Щербакова, 1994 – Щербакова Т.А. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) (отв. ред. Е.В.Яровой). Тирасполь. Типар. С. 231-232.

Щербакова, 1997 – Щербакова Т.А. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой четверти II в. до н.э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) (отв. ред. Е.В.Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 19-22.

Fidelschi, 2006 – Fidelschi S. Dezvoltarea meşteşugului la populaţie sedentară dîn regiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la aşezarea pluristratigrafică Ciobruci) // Tirajetia. Anuar XV (red. res. N. Răileanu). Chişinău. Reclama. P. 24-33.

Scorpan, 1970 – Scorpan S. Prezenţa şi continuitatea getică în Tomis şi Callatis // SCIV. T. 21. Nr. 1. Bucureşti. P. 65-95.

Н.А. Гаврилюк

Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н. э. – II в. н. э.

Concerning the characteristic features of beliefs of thracian subethnos from Lower Dnieper hill-forts of the IIIrd century BC to the IInd century AD. *The collection of the things known as «horses» with heads of rams from the materials of Lower Dnieper hill-forts from the 3rd century BC to the 2nd century AD is submitted. These images have a lot of analogies in the monuments of Eurasia. Studying of semantics of the «horses» with heads of rams allows considering these images as replacement of animals' sacrificial.*

Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н. э. – II в. н. э. *Представлена коллекция «коньков» с головами баранов из материалов нижнеднепровских городищ 3 в. до н. э.-2 в. н. э. Изображения имеют множество аналогий в памятниках Евразии. Изучение семантики бараньих головок позволяет рассматривать эти изображения в качестве замены жертвенных животных.*

В проблематике истории постскифских городищ Нижнего Днепра одним из наиболее актуальных вопросов, несмотря на более чем 50-летнюю историю его изучения, остаётся вопрос об этническом составе населения городищ. В его решении большинство современных исследователей склоняются к признанию полиэтничности этого населения. Материальная и духовная культура обитателей городищ конца III в. до н. э. – II в. н. э. представляется сочетанием скифских, сарматских, греческих, зарубинецко-корчеватских, фракийских и римских составляющих и элементов (Вязьмитина, 1962; 1969, 123; Гаврилюк, Абикулова, 1992; Гаврилюк, Крапивина, 2005).

В настоящее время наибольшее внимание привлекает к себе фракийский субэтнос. В своё время М.И. Вязьмитина датировала его появление на Нижнем Днепре временем после гетского нападения на Ольвию, т.е. I в. до н. э. (Вязьмитина, 1969, 121 и др.). Результаты наших полевых исследований Анновского, Великолепетихского городищ в 1980-х гг., а также повторное обращение к архивным и фондовым материалам Золотобалковского, Львовского поселений, Любимовского, Гавриловского и других городищ, позволили нам не только подтвердить устоявшуюся точку зрения относительно бытования фракийцев на Нижнем Днепре, но и существенно удревнить время их появления до II в. до н. э., т.е. до времени, предшествующего гетскому разгрому Ольвии. Такое уточнение позволяет по-новому подойти к политической истории Северного Причерноморья этого периода. В частности, мотивами атаки Буребисты на Ольвию может быть защита неких гетских интересов, обусловленных пребыванием фракийского населения в Приднепровье. Нами также были выделены фракийские строительные комплексы, а фракийские объекты локализованы в пространственной изохронной структуре этих памятников (Гаврилюк, 2009; 2009а; 2009б). При этом при изучении материальной культуры городищ особое внимание было уделено едва ли не серийному виду находок – так называемым «конькам», которым, по общему мнению, принадлежит важнейшая роль в идентификации фракийцев в этническом спектре населения городищ (Вязьмітіна, 1962, 208-217; Гаврилюк, 2009; 2009а). Остановимся на «коньках» подробнее.

Иногда эти изделия называют «брусками», «двухголовыми брусками», «зооморфными изображениями», «очажными подставками». Мы, если не оговорено другого, будем пользоваться термином «коньки», несмотря на то, что в данной работе (из-за ограниченности объёма) рассматриваются «коньки» только с головами баранов.

Итак, происхождение «коньков» – несомненно, фракийское – (см. выше упомянутые работы: Вязьмітіна, 1962, 208-217; Гаврилюк, 2009; 2009а). Однако их функциональное предназначение, смысловое содержание и практика использования оставались дискуссионными и специально не исследовались. В частности, «коньки» трактовались и как «очажные подставки культового предназначения» (Вязьмітіна, 1962, 211), и как ординарные «шашлычницы-подставки» (Буряков, Кошеленко, 1985, 303). М.И. Вязьмитина находит широкий круг аналогий этим изделиям – от Средней Азии и Кавказа до дакийских и кельтских регионов (Вязмітіна, 1962, 212-213). При этом она связывает «коньки» с духовной системой и практикой её реализации, а именно, – с культом великой богини и «фракийского всадника» (культом огня). Мною ранее высказывалось предположение о том, что «коньки» из материалов некоторых поселений Нижнего Поднепровья могли быть тотемами ряда этносоциальных групп населения (Гаврилюк, 2009а, 138).

Эта гипотеза была высказана на основании анализа локализации находок «коньков» и их фрагментов на территории городищ Нижнего Поднепровья. Оказалось, что все они связаны с глинобитными домашними алтарями, что свидетельствует об их культовом предназначении

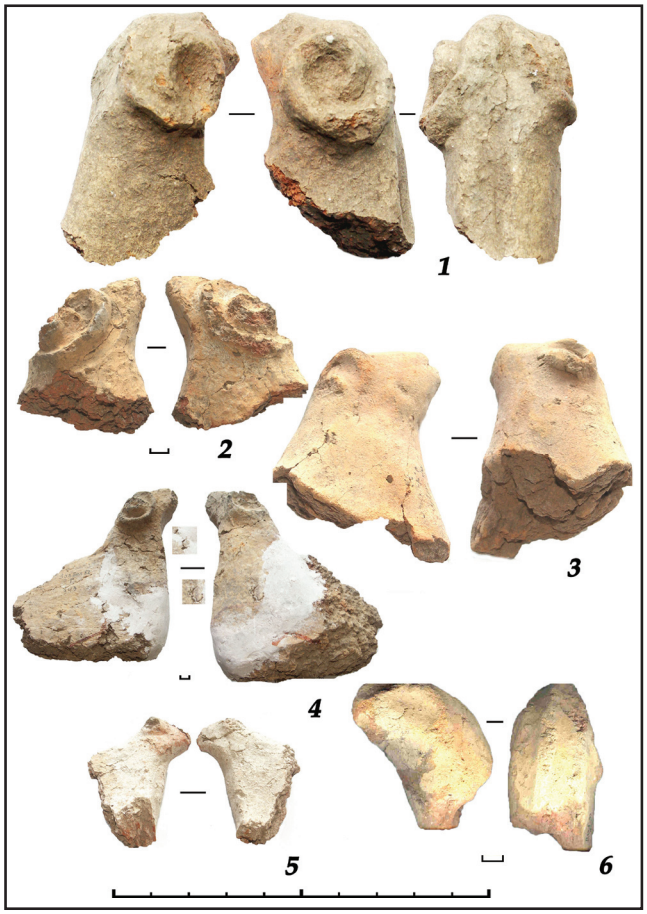

Рис. 1. Фрагменты «коньков» с головами баранов:
1 – Гавриловка, 2 – Золотая Балка, здание 8, западная часть; 3 – Золотая Балка, помещение 4, вымостка, западная часть; 4 – Золотая Балка, здание 7, скопление Б; 5 – Золотая Балка, помещение 6; 6 – Любимовское городище

(Гаврилюк, 2009). Мы также обратили внимание на то, что почти все (кроме двух из 40) «коньки» найдены с отбитыми в древности головами. Этот факт может свидетельствовать о культовом характере находок. А вот о каких культах и об особенностях ритуалов, в которых участвовали «коньки», дискурс отсутствует. Поэтому представляется актуальным исследование этих находок с использованием новых материалов. Для этого целесообразно систематизировать данные об известных на сегодняшний находках «коньков» на нижнеднепровских городищах II в. до н. э. – II в. н. э., уяснить семантику образов и попытаться определить роль этих изделий в магических действиях обитателей городищ. При этом ограничимся коньками с головами баранов, преобладающими среди зооморфных изображений.

1. Характеристика коллекции. С материально-физической точки зрения, под «конь-ками» обычно понимаются изделия, которые в нефрагментированном состоянии представляют собой удлиненные керамические тела подпрямоугольного сечения со сглаженными гранями, обе оконечные части которых выполнены в виде головок животных. Коллекция «коньков» с бараньими головами состоит из 40 находок, из которых только 2 являются целыми формами. Они содержатся в материалах Гавриловского, Анновского, Великолепетихского и Любимовского городищ; 22 фрагмента «коньков» (13 головок) обнаружены на Золотобалковском поселении. *In situ* бруски с головами баранов происходят только с поселения Золотая Балка и Гавриловского городища. Коньки найдены на глиняных обожжённых вымостках, которые являлись примитивными домашними алтарями и располагались рядом с очагами (Гаврилюк, 2009).

Головки **баранов,** являющиеся оконечными частями «коньков», представлены тремя группами изделий. К *первой группе* относятся головы баранов с чётко выделенными, закрученными в полтора или два оборота рогами, показанными высокими оттянутыми валиками. Они изготовлены из грубой формовочной массы с примесями шамота, крупной дресвы и с выгоревшими растительными добавками. Головки баранов с закрученными рогами, переданными рельефным валиком происходят из раскопок К.А. Бреде Гавриловского городища **(рис. 1/1)** и из западной части помещения 8 поселения Золотая Балка **(рис. 1/2)**. На боку барана из глинобитного здания 7 участка Г нанесен тамговидный знак **(рис. 1/4)**. Подобный знак имеет аналогии среди «доримских знаков дакийского региона», которые К. Белдиман связывает «с местным населением» (Beldiman, 1990, 149).

Вторую группу составляют «коньки» с головками баранов, рога которых слегка намечены в виде небольших круглых «смазанных» валиков. Они изготовлены из оранжевой формовочной массы. Поверхность изделий тщательно обработана – заглажена или подлощена. Подобные головки глиняных «коньков» найдены в западной части вымостки помещения 4 и в помещении 6 поселения Золотая Балка, а также в культурном слое Любимовского городища **(рис. 1/3,5,6)**.

Третью группу составляют «коньки» с бараньими головами, на которых рога не показаны. Целый «конёк» найден на полу в западной части глинобитного сооружения 8 на участке А Золотобалковского поселения. Его поверхность украшена двумя рядами круглых отпечатков штампа, которые образуют «кольцевидный» орнамент. На одной из головок прочерчен по сырой глине тамговидный знак, напоминающий знак на стенке курильницы, найденной в этом же сооружении, и знак на известном орнаментированном алтаре из Золотой Балки. Поверхность «конька» заглажена и подлощена **(рис. 2/1)**. Ближайшей аналогией этому изделию является находка из гетского некрополя Зимница из могилы 68 погребения 18, которая датируется IV-III вв. до н. э. (Alexandrescu, 1980, 20, fig. 70/1).

В третью группу включены также головка «конька» из культурного слоя на участке Б Золотобалковского поселения **(рис. 2/2)**, из скопления Б помещения 7 этого же городища **(рис. 2/4)** и из раскопа 1 1987 г. Анновского городища **(рис. 2/5)**. Половина «конька» с маленькой головкой из помещения с глинобитной основой на участке К в раскопе 1 1953 г. также относится к изделиям третьей группы. В отличие от других, этот «конёк» имеет закруглённое дно, а по его хребту по ещё сырой глине чётко прочерчена продольная полоска **(рис. 2/3)**.

В *декоре* некоторых брусков необходимо выделить некоторые ранее не замеченные особенности и детали. При работе с «коньками» в фондах было отмечено, что некоторые фигурки имеют процарапанные или штампованные по сырой глине тамговидные знаки. Процарапанные знаки на шее животных характерны для «коньков» из могильника Челешти (Babeş, 1993, taf. 25/3-5). Все они имеют аналогии среди сарматских знаков, встречающихся на культовых предметах первых веков нашей эры.

Некоторые элементы орнамента «коньков» трактуются по-разному. Так, М.И. Вязьмитина считает, что кружки в орнаменте одного из «коньков» **(рис. 2/1)** следует считать солярными знаками (Вязьмитина, 1962, 212). С.А. Яценко трактует изображение колец на шароварах в сюжетах скифской торевтики как знак того, что персонажи в такой одежде либо должны умереть, либо уже умерли (Яценко, 2000, 94). На эту же деталь обратила внимание А.В. Вертиенко при подробном и весьма убедительном анализе сцен на Сахновской пластине (Вертієнко, 2010, 66).

Уникален «конёк» с безрогой головкой с участка К Золотобалковского поселения **(рис. 3/1)**. На левом его боку в рельефной технике представлена ритуальная сцена; на противоположном – по сырой глине – прочерчен всадник. Продольные бороздки на спине «конька» свидетельствуют об изображении трёх или даже четырёх животных. «Конёк» из Золотой Балки близок к изображению «птицы» из поселения Пискул Грашани (Conovici, 1994, 73, fig. 6/9).

Рельеф отображает сакральную сцену передачи *круглодонного сосуда* из рук предстоящей фигуры («божества?») второй (восседающей?) фигуре. Первый персонаж ассоциируется с глиняной фигуркой с открытым сосудом-мисочкой в голове, найденной в 1954 г. в яме 1 этого же поселения **(рис. 3/4)**. Сама же композиция близка по сюжету центральной сцене на Сахновской пластине (сцена 5), весьма тщательно разобранной в работах А.В. Вертиенко (2010; 2011). Автор, как и В.А. Ильинская (1973, 13-15), круглодонный сосуд в сценах 3 и 5 на Сахновской пластине «наполняет» «напитком бессмертия» – сомой или хаомой (Вертиенко, 2010, 71).

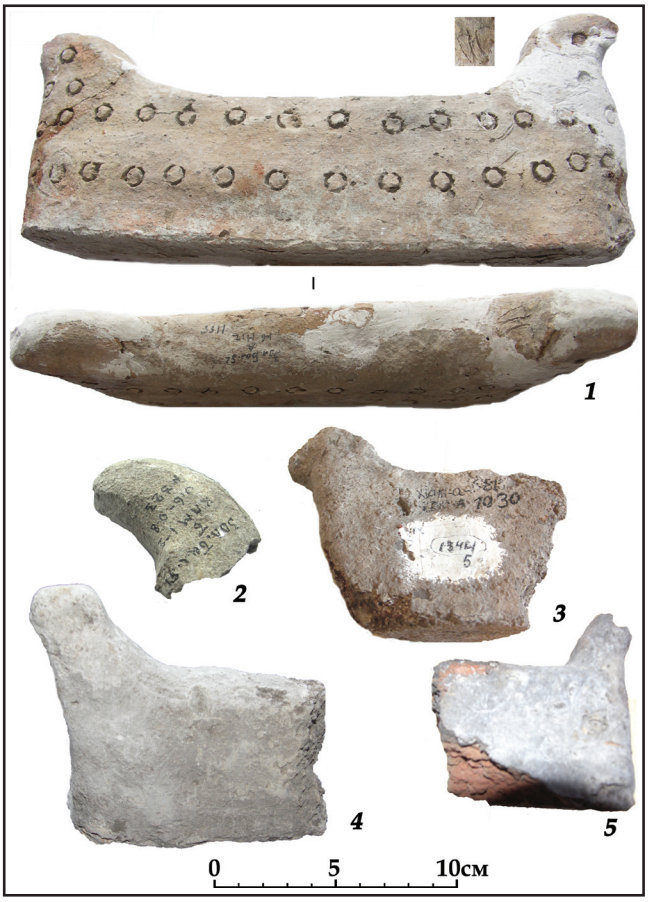

Рис. 2. Фрагменты «коньков» с головами овец:
1 – Золотая Балка, здание 8, западная часть; 2 – Золотая Балка, участок Б, № 323; 3 – Золотая Балка, № 1344; 4 – Золотая Балка, помещение 7, скопление Б; 5 – Анновское городище, раскоп 1, № 196 (раскопки 1987 г.)

Категорическое несогласие вызывают попытки однозначно связывать сюжет на правом боку «конька» из Золотой Балки только с мотивом «фракийского всадника». В ходе анализа торевтики ранних кочевников были установлены другие, не менее убедительные аналогии. В частности, рассматриваемое схематичное изображение всадника содержит множество деталей, сходных с изображением на известной Орлатской поясной пластине из Узбекистана (Кара-Тобе, Самаркандская обл.) **(рис. 4/1,2)**. Орлатская пластина большинством исследователей датируется I-II вв. н. э. (Яценко, 2000, 91, рис. 2б, нижний ярус). В частности, похожи и на «коньке», и на пластине изображения лошадей (удлинённые головы с вытянутыми шеями), наверший головных уборов всадников, штандартов. О последних С.А. Яценко пишет, что они впервые появляются у хунну Центральной Азии, а также встречаются у кангюйцев (носителей культуры Каунчи 2, датируемой I-II вв. н. э.). Утверждается, что орлатские поясные пластины принадлежали «кангюйцам, возможно, имеющим небольшую примесь хунну» (Яценко, 2000, 88). Парадокс появления «кангюйского всадника» на «фракийском» культовом изделии понять на сегодняшнем уровне

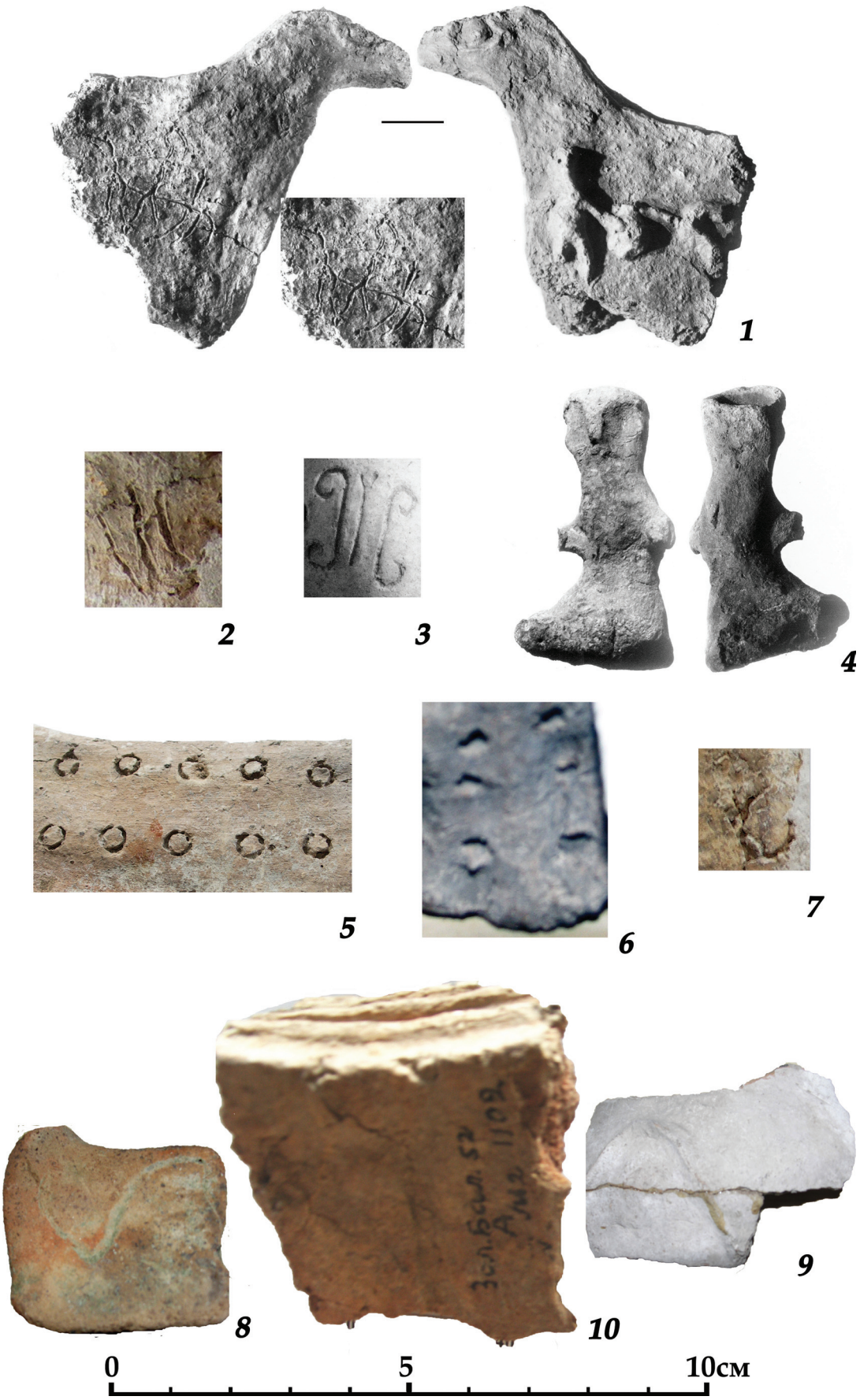

Рис. 3. Изображения, орнаменты и знаки на «коньках»: 1 – Золотая Балка, участок К; 2 – Золотая Балка, помещение 8 – знак на голове барана из группы 3; 3 – Золотая Балка, помещение 8 – знак на курильнице; 4 – фигурка божка с чашей на голове из ямы 1 (Золотая Балка – раскопки 1954 г.); 5 – Золотая Балка, помещение 8 – орнамент на бруске; 6 – Гавриловское городище, очаг в землянке, орнамент на бруске; 7 – Золотая Балка, помещение 4, знак на боку барана; 8 – Анновское городище, подъёмный материал 1986 г., № 346 – подковообразный орнамент на боку «барана»; 9 – Золотая Балка, участок Г, здание 7, подковообразный орнамент на боковой поверхности бруска; 10 – Золотая Балка, раскопки 1952 г., очаг, № 1005.

знаний трудно, особенно если принять во внимание, что «конёк» явно не импорт, а сюжет исполнен (прочерчен) в примитивной технике по сырой глине, скорее всего, вблизи от места культового «потребления».

2. Аналогии. О фракийских аналогиях «конькам» из материалов городищ Нижнего Днепра неоднократно писали и М.И. Вязьмитина, и Н.Н. Погребова (1958). Сейчас северо-фракийская группа аналогий дополнена коллекцией таких изделий из памятника Пояна–Дульчешты (Селиште) (Bechir, 1973) и других памятников, расположенных на западном побережье Чёрного моря (Grecs et Indigenes…, 2010, 448, fig. 305).

В Крыму «коньки» с головками баранов найдены в материалах Неаполя Скифского: материалах мегаронов З, К, Л и горизонте В зольника № 3 (Зайцев, 2003, 168, 183, рис. 98/5-8, 113/10,16,18). Здесь следует отметить, что из зооморфных фигур Неаполя Скифского точными аналогиями нижнеднепровским находкам являются лишь фигурки, найденные в мегаронах. Находки из зольника относятся, скорее, к группе «коньков», имеющих аналогии в центральноазиатских древностях.

М.И. Вязьмитина приводит большое количество аналогий «конькам» из памятников Центральной Азии (городища Каунчи-Тепе, Тали-Барзу – раскопки Г.В. Григорьева и А.И. Тереножкина в Ташкентском оазисе) (Вязмітіна, 1962, 211-212). За время, прошедшее после выхода книги М.И. Вязьмитиной, круг аналогий этим находкам расширился (Байпаков, 1980, 32-45, рис. 1/3). К.М. Байпаков утверждает, что изображение барана — устойчивое явление в культуре племён, населявших бассейн Сыр-Дарьи, которое прослеживается там на протяжении почти двух тысяч лет. Раннюю хронологическую группу изделий он датирует I–VII вв. н. э. Широкое распространение изображений барана автор связывает с сакрализацией животного мира и элементами зороастризма (Байпаков, 1980, 45). Обычай замены человеческих жертвоприношений принесением в жертву животных, в частности, барана возникает в среде кочевников достаточно рано. Со временем эта практика была сакрализовна в ряде мировых религий, в той или иной степени связанных с кочевой моделью жизнеобеспечения. Ранним примером может служить иудаизм [Берешит 22: 11-13]. Этот подход воспринят в христианстве [Быт. 22: 1-19] и спустя несколько веков – в мусульманстве [Сура 37: 99-109].

3. История образа и семантика. В образах звериного стиля кочевников, как правило, преобладают дикие животные. Наиболее ранними являются изображения барано-грифонов на роговых псалиях, которые имеют определённую территорию распространения – Кавказ и Среднее Поднепровье, и датируются VII – началом VI в. до н. э. Самые большие серии происходят с территории приднепровского лесостепного левобережья (Королькова, 2006, 65-69).

У степных северопричерноморских скифов на изделиях звериного стиля баран как домашнее животное появляется сравнительно поздно – на золотых предметах из богатых погребений, например, пластины из Гайдамановой Могилы (Полин, Бидзиля, 2012, 377, кат. 159), ручки сосудов из Солохи (Манцевич, 1987, 88-91, кат. 51) и Гайдамановой Могилы (Полин, Бидзиля, 2012, 419, кат. 217) и т.д. Следует подчеркнуть, что изображения, как правило, парные. На уже упомянутой Сахновской пластине в сцене 2 («принесение жертвы») парадоксальным дополнением к голове барана до пары является Колоксай (Вертиенко, 2010, 60). Традиция подобного «двойникования» изображения барана прослеживается в материалах постскифских памятников, в частности, в декоре рассматриваемых «коньков».

Рассмотрим семантику образа барана и попробуем найти объяснение парности изображений этого домашнего животного. Иранистам и религиоведам хорошо известно, что символика барана лежит в плоскости проблемы, связанной с древнеиранским хварном (фарном) (Литвинский, 1969; Вертиенко, 2010; 2011). Для нас важно, что в иранской, в том числе и скифской, ритуальной символике и иконографии фарн символизирован бараном. Баран как жертвенное животное является проводником души умершего в потусторонний мир (Кузьмина, 1986). В ведической мифологии баран считается воплощением бога Пушана – покровителя дорог и скота (Кузьмина, 1976, 123). При этом он изображается в двух ипостасях – как символ земной жизни, удачи (фарна) человека, и потусторонней. Соединяет их некий переход, мост, между миром живых и миром умерших, аналогичный понятию Чинвад в пехлевийских верованиях. Через эту границу душу умершего переводит жертвенное животное – баран (Кузьмина, 1986, 83, 89, 123; Вертиенко, 2011, 71).

В случае с «коньками» из нижнеднепровских городищ мы сталкиваемся, по всей видимости, с парциальной магией, *pars pro toto,* когда часть заменяет целое (Кузьмина, 1976, 56). В нашем случае – отбитые головки баранов символизируют головы живых животных, а перемычки между головами – переход между земной жизнью и потусторонним миром. При этом не случайно «коньки» находят на алтарях рядом с очагами – переход осуществляется через очистительный или жертвенный огонь.

Такое объяснение появления «коньков» частично может подтверждаться особенностями хозяйства обитателей постскифских памятников. Замечено, что в палеозоологических спек-

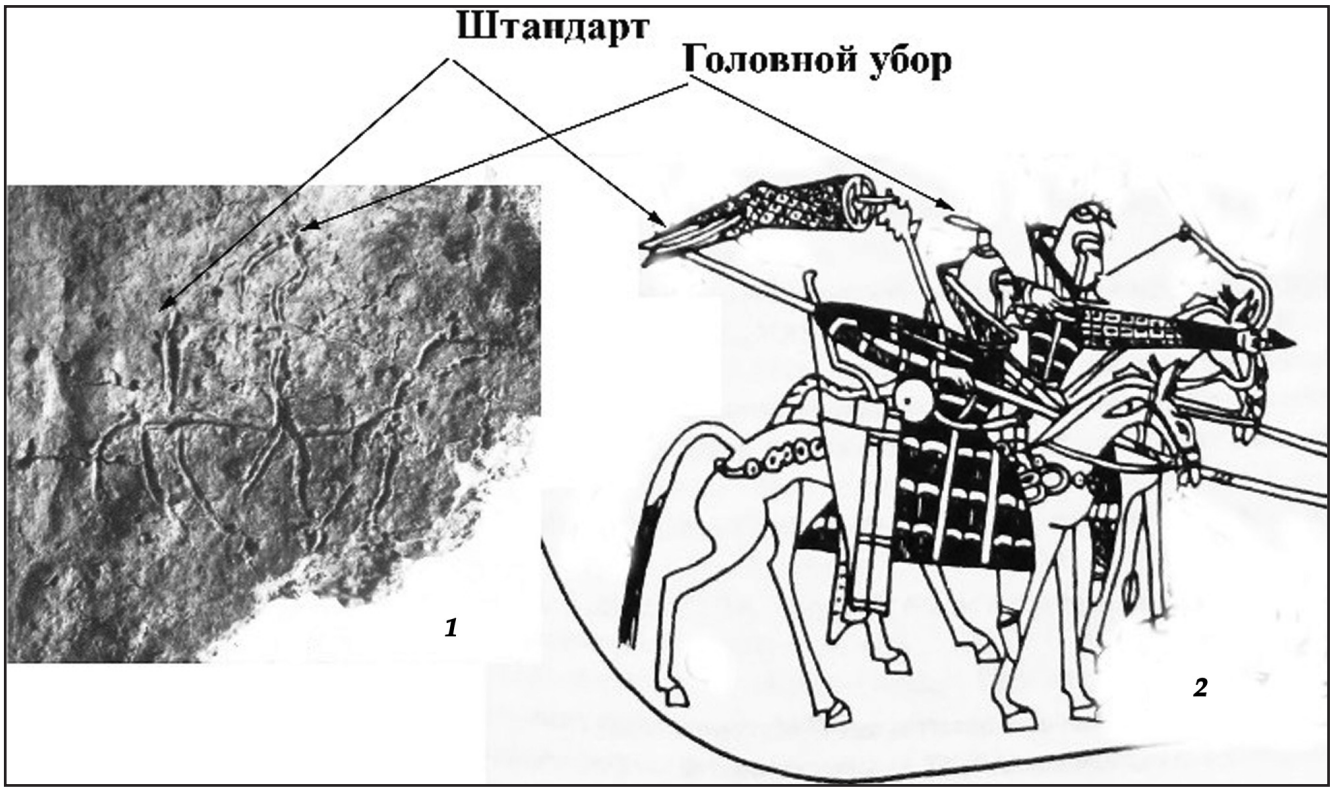

Рис. 4. Всадники: 1 – прочерченное изображение на бруске из Золотой Балки;
2 – изображение на Орлатской пластине (по *С.А. Яценко*)

трах городищ на Нижнем Днепре возрастает, по сравнению со скифским периодом, доля костей диких животных. Рецидив охоты может быть следствием попытки компенсировать недостаток мясной пищи, получаемой из животноводства (Гаврилюк, 1999). Поэтому, возможно, что одна из причин введения заменительной (глиняные фигурки) или парциальной (головы баранов) магии имеет экономическую природу.

Выводы

1. Коллекция «коньков» с головами баранов представлена 40 находками, состоящими из трёх групп: «коньки» с рогатыми головами; «коньки» с едва намеченными рогами; «коньки» с головами безрогих овец.

2. Широкий круг очерченных аналогий коллекции «коньков» с головами баранов позволяет говорить о:

– очевидной популярности образа барана в культах ранних кочевников Великого пояса степей;

– многоуровневом и развитом культовом содержании образа барана;

– разновекторности происхождения группы «коньков», имеющих прямые и синхронные аналогии, например, как в северо-фракийских древностях, так и в древностях Центральной Азии первых веков н. э.;

– факте освоения индоиранского, равно как и ближневосточного, культового образа во фракийской среде.

3. В целом, бараньи головки «коньков» из материалов нижнеднепровских городищ целесообразно истолковывать в культовом смысле как иконографию жертвенных животных, а не тотемов.

Литература

Байпаков, 1980 – Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племён //Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана (отв. ред. К.А. Акишев). Алма-Ата. Наука КазССР. С. 32-45.

Бидзиля, Полин, 2012. – Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова могила. Киев. Скиф. 750 с.

Буряков, Кошеленко, 1985 – Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А. Ташкентский оазис (Чач) // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (отв. ред. Г.А. Кошеленко). М. Наука. С. 297-304.

Вертиенко, 2010 – Вертиенко Г.В. Зображення скіфської танатологічної міфологеми на сахнівській пластині //Східний світ. №. 3. С. 59-73.

Вертиенко, 2010а – Вертиенко Г.В. Про одну форму царського Farnah у скіфів (до інтерпретації сцени на сахнівській пластині) // Східний світ. № 2. С. 68-75.

Вязьмітіна, 1962 – Вязьмітіна М.І. Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ. Наукова думка. 238 с.

Вязьмитина, 1969 – Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. №150. Древние фракийцы в Северном Причерноморье. С. 119-134.

Гаврилюк, 1999 – Гаврилюк Н.А. История экономики VII–III вв. до н. э. Степной Скифии. Киев. Изд-во ИА НАНУ. 432 с.

Гаврилюк, 2009 – Гаврилюк Н.А. Фракийцы в Нижнем Поднепровье (по материалам Золотобалковского поселе-

ния) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-сарматское и хазарское время (отв. ред. В.П. Копылов). Ростов-на-Дону. Медиа-Полис. С. 169-186.

Гаврилюк, 2009а – Фракийцы в Нижнем Поднепровье // Stratum plus. № 3. 2005-2009. С. 114-142.

Гаврилюк, 2009б – Гаврилюк Н.О. Про час появи фракійців у Нижньому Подніпров'ї // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. Збірка наукових праць на пошану Лариси Іванівни Крушельницької (відп. ред. В.В. Отрощенко). Київ – Львів. Вид-во ІА НАНУ. С. 148-166.

Гаврилюк, Абикулова, 1991 – Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. Киев. Препринт. 91 с.

Гаврилюк, Крапивина, 2005 – Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В. Нижнеднепровские городища (к проблеме возникновения и развития) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья (отв. ред. В.Н. Зинько). Керчь. С. 66-73.

Зайцев, 2003 – Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь. Универсум. 209 с.

Ильинская, 1973 – Ильинская В.А. О священной чаше у скифов //Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Тез. докл. Всесоюзн. конф. (отв. ред. Б.Б. Пиотровский). Л. С. 13-15.

Королькова, 2006 – Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. СПб. Петербургское Востоковедение. 272 с.

Кузьмина, 1976 – Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова). М. Наука. С. 52-65.

Кузьмина, 1986 – Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе. Илим. 132 с.

Литвинский, 1968 – Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе. Дониш. 118 с.

Манцевич, 1987 – Курган Солоха. Л. Искусство. 143 с.

Погребова, 1958 – Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА. № 64. 152 с.

Яценко, 2000 – Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников и древности степной Евразии //ВДИ. № 2. С. 88-101.

Alexandrescu, 1980 – Alexandrescu A.D. La necropole Gete de Zimnicea // Dacia. Nouvelle Seirie. XXIV. P. 19-126.

Babeş, 1993 – Babeş M. Die Poieneşti-Lukaševka-kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum Östlich der Karpaten in den Letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. Bonn. Dr. Rudolf Habelt. CMBH. 248 p.

Bechir, 1973 – Bechir Ch. Manifestations de Caractere Magoque et Culturel Cher Carpes // Dacia. Nouvelle Seirie. XVII. P. 243-256.

Beldiman, 1990 – Beldiman C. Semne de tip tamga din Dacia preromana // Thraco-Dacica. V. XI. N 1-2. Bucureşti. P. 140-150.

Conovici, 1994 – Conovici N. Obiecte pentru cult şi magie descoperite la Piscul Grăsani // Pontica. XXVII. P. 61-75.

Grecs et Indigenes…, 2010 – Grecs et Indigenes de la Catalogne A La Mer Noire. Paris. Ramses. 596 p.

В.П. Глебов

Кочевники Нижнего Подонья IV-II вв. до н. э. Некоторые проблемы изучения

Nomads of the Lower Don area IV-II centuries BC. Some problems of the study. *The article considers some questions of ethnocultural belonging of the various groups of Lower Don nomads of the Hellenistic time. Studies show that in the Lower Don region in the IV – beginning of the III century BC are presented monuments of the nomads both of Western (Scythian) as well as of Eastern (Sirmatian) origin, which are different in the funeral practice and which are separated geographically. The analysis of historical events of the Lower Don area of this period lets us suppose that the leading forces here were the Scythians and the Bosporus Kingdom, while the role of the Eastern nomads is slightly exaggerated.*

Кочевники Нижнего Подонья IV-II вв. до н. э. Некоторые проблемы изучения. *В статье рассматриваются вопросы этнокультурной принадлежности различных групп нижнедонских номадов эллинистического времени. Исследования показывают, что в Нижнем Подонье в IV – начале III в. до н. э. представлены памятники кочевников как западного (скифского), так и восточного (сирматского) происхождения, различающиеся по погребальному обряду и обособленные территориально. Анализ событий истории Нижнего Подонья этого периода позволяет предположить, что ведущими силами здесь являлись скифы и Боспорское царство, а роль восточных кочевников несколько преувеличена.*

Все исследователи, занимавшиеся проблемами номадов Нижнего Подонья, отмечали синкретизм кочевого населения этого региона в IV–III вв. до н. э. (Максименко, 1983, 127-128; Лукьяшко, 1999, 74-76; Глебов, 2007, 61-63; Коваленко, 2009, 17-19). Открытие новых комплексов и появление новых гипотез послужило поводом вновь обратиться к теме этнокультурной принадлежности различных групп нижнедонских номадов и их роли в различных событиях истории Нижнего Подонья рассматриваемого периода.

В нижнедонских кочевнических древностях IV – начала III в. до н. э. могут быть выделены комплексы, сходство погребального обряда которых и иногда территориальная компактность позволяют предположить этнокультурную близость и общность происхождения – западного или восточного.

В низовьях Дона выделяется группа комплексов, считающихся памятниками кочевых скифов. Они представляют собой катакомбно-подбойные захоронения (иногда с дромосами, часто со ступенчатыми колодцами), почти все под индивидуальными насыпями, обычно с ровиками и тризнами, насчитывающими иногда до десятка амфор. Большинство погребений ограблены, поэтому ориентировки погребённых прослежены лишь в нескольких случаях: запад – 2, юго-запад – 1, юг – 1. Основная часть скифских памятников сконцентрирована в низовьях Дона (левобережье – Высочино I 5/1, 5/2, Высочино V 4/1, 12/1, 12/2, 27/2, Красногоровка I 1/3, 30/1, Новоалександровка 1/1, 5/1, 16/1, 26/1, 27/1, Новониколаевка 6/2 и др., правобережье – Царский 41/1, 44/1, 68/1, 69/1, 71/1, Чалтырьский I 54/1), отдельные комплексы встречены и восточнее (Кировский 3/1, 3/2, Сагванский I 2/13, Красное Знамя 25/1, 25/2). Время существования этих памятников в Нижнем Подонье устанавливается в рамках середины IV – начала III в. до н. э., многие комплексы могут быть продатированы более узко (Глебов, 2007, 62).

К скифской группе памятников тяготеет курганно-грунтовый некрополь на Беглицкой косе Миусского полуострова, в котором к настоящему времени исследовано около 70 погребений. Для погребальной обрядности некрополя характерны катакомбно-подбойные могилы, ступенчатые колодцы, ровики, преобладание ориентировки в западный сектор. Следует отметить находки в двух погребениях курильниц скифских типов. Начало функционирования беглицкого некрополя относится к концу V или рубежу V–IV вв. до н. э., конечная дата – начало или первая треть III в. до н. э. (Прохорова, 1997, 18-32; Коваленко, 2009, 15-17). Таким образом, некрополь на Беглицкой косе возникает вроде бы несколько раньше, чем в низовьях Дона появляются катакомбные погребения, и обладает значительным своеобразием (возможнее, это могильник поселения, уничтоженного береговой эрозией), однако большое сходство в обряде свидетельствует о родственности населения, оставившего эти памятники.

Памятники номадов восточного облика на Нижнем Дону представляют собой пёстрый конгломерат различных в плане обрядности комплексов, связанных только общностью происхождения, видимо, из Южного Приуралья: дромосные могилы с деревянными перекрытиями, обычно с коллективными захоронениями под индивидуальными насыпями (Шолоховский, Сладковский 4/1, Кащеевский 1/1, нижнедонские Частые курганы), основные или впускные диагональные и недиагональные погребения в подквадратных могилах и ямах другой формы (Житков II 3/2, Высочино VII 17/3, Новочеркасск, Карнауховский 43/1, Ясырев I 1/2, Азов 2/3, Крепинский II 3/11 и 5/4, Мокрая Кугульта 2/3 и др.), подбои (Отрадный II 16/2,

Целинский III 2/1, Кастырский VIII 12/2(?)), ориентировка погребённых обычно южная, но бывает и западная. За исключением погребений в дромосных могилах, группирующихся в нижнем течении Северского Донца,[1] памятники восточных кочевников не образуют компактных территориальных групп и разбросаны по степным районам Нижнего Подонья, в низовьях Дона открыты только единичные комплексы. Широкая дата этой группы памятников – IV – начало III вв. до н. э., ряд погребений может быть продатирован более узко (Глебов, 2007, 62).

Совокупность памятников кочевников Нижнего Подонья рассматриваемого времени, разумеется, не исчерпывается описанными комплексами, но прочие погребения номадов менее выразительны в плане этнокультурной принадлежности.

Появление в IV в. до н. э. на Нижнем Дону памятников южноуральского облика сопоставляется исследователями с упоминаниями Эвдоксом [I, 1] и псевдо-Скилаком [68] в районе р. Танаис нового этнонима – «сирматы» (Максименко, 1983, 127; Смирнов, 1984, 37 и сл.). По мнению В.М. Клепикова, проследившего миграцию части кочевого населения Южного Приуралья на запад, продвижение мигрантов в Нижнем Подонье носило характер диффузии – относительно мирного проникновения отдельных групп номадов (Клепиков, 1999, 88-89; 2002, 133-134).

Недавно А.С. Скрипкин предложил свою реконструкцию исторических событий в Нижнем Подонье, в которой восточным кочевникам отводится решающая роль. По его версии, пришельцы с востока (сирматы) заняли в Нижнем Подонье ведущие позиции, частично инкорпорировав местное кочевое население. А.С. Скрипкин считает IV в. до н. э. в истории Нижнего Подонья «сирматским» периодом, оговариваясь впрочем, что речь идёт о глубинных районах степи. Для дельты Дона и районов, прилегающих к Азовскому морю, А.С. Скрипкин предполагал более сложную этническую ситуацию (Скрипкин, 2009, 178). В более поздней работе, развивая свою концепцию, А.С. Скрипкин поставил под сомнение военно-политическое преобладание скифов в Нижнем Подонье в IV в. до н. э. и скифскую принадлежность катакомбных погребений низовьев Дона. Он высказал осторожное предположение о восточном происхождении донских катакомб, мотивируя это наличием у кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья сходных погребальных сооружений и восточными аналогиями зеркалу из Высочино VII 27/2 (Скрипкин, 2011, 186). По мнению А.С. Скрипкина, в описываемое время гегемония в северо-восточном Приазовье уже перешла от скифов к восточным кочевникам, освоившим в IV в. до н. э. огромные степные территории – Среднее и Нижнее Поволжье, Нижнее Подонье, Кубань и Центральное Предкавказье. С появлением сарматов на Кубани А.С. Скрипкин связывает строительство и разрушение оборонительных сооружений на кубанских городищах в IV в. до н. э. (Скрипкин, 2011, 187-188).

Версия о том, что низовья Дона входили в ареал скифской культуры, являясь её восточной периферией, до последнего времени ни у кого не вызывала сомнений. Скифская принадлежность катакомбных погребений в донских низовьях была обоснована ещё в 80-х гг. прошлого столетия (Головкова, Лукьяшко, 1980, 32-33). Однако соображения, высказанные столь авторитетным сарматологом, как А.С. Скрипкин, заставляют вновь обратиться к вопросу этнокультурной идентификации катакомбных погребений низовий Дона.

Савромато-сарматские катакомбы V–IV вв. до н. э., о которых пишет А.С. Скрипкин, малочисленны, рассеяны по огромному Волго-Уральскому региону, никогда не составляют компактных территориальных групп. Из приведённых А.С. Скрипкиным примеров только погребение из Лебедевки VII (19/2) обладает некоторым сходством с нижнедонскими катакомбами (индивидуальная насыпь(?), ступенчатый колодец, западная ориентировка погребённого). Что же касается других погребений (Лятошинка 2/1, 5-10, Новый Кумак 26/1 и др.) – некоторые из них формально могут быть отнесены к тем же типам катакомб, что и нижнедонские, но в целом, несомненно, представляют иную этнокультурную традицию. Все они впускные, обычно входят в состав семейно-родовых могильников раннесарматской культуры, не сопровождаются ровиками, в колодцах отсутствуют ступеньки, погребённые ориентированы на юг. Таким образом, в Волго-Уральском регионе катакомбы ни разу не встречены в археологическом контексте, хоть сколько-нибудь близко напоминающем нижнедонской. Зато в Скифии подобные катакомбы насчитываются сотнями, обрядность их до деталей совпадает с обрядом памятников низовьев Дона – типы катакомб, индивидуальные насыпи, ровики, ступенчатые колодцы, ниши-тайники и пр. (Ольховский, 1991, 94 и сл.). Отдельные могильники из Поднепровья имеют очень близкое сходство с рассматриваемыми нижнедонскими памятниками (см., например, Бунятян и др., 1977, 59-124; Ковалёв, Полин, 1991, 33-52).

Анализ погребального инвентаря катакомб Нижнего Дона затруднён ограбленностью большинства из них. Тем не менее, показатель-

[1] Есть версия о скифской принадлежности этих комплексов (Гуляев, 2000, 147-148; 2001, 25), но большинство исследователей придерживаются мнения о восточном происхождении донецких дромосных погребений (Максименко, 1983, 127-128; Смирнов, 1984, 37-41; Медведев, 2002, 6-15; Березуцкий, 2005, 35-37; Скрипкин, 2009, 171 и сл.).

но отсутствие в нижнедонских катакомбах вещей, маркирующих раннесарматскую культуру (мечи сарматских типов, круглодонная лепная посуда и др.), за исключением упомянутого зеркала из погребения 27/2 могильника Высочино V. Преобладание в нижнедонских катакомбных погребениях стрел и копий при уменьшении количества мечей, частые находки панцирных пластин – это характерные черты скифского комплекса вооружения IV-III вв. до н. э. (Ольховский, 1991, 109-110). У восточных кочевников в это время, наоборот, мечи распространены достаточно широко, а вот находки панцирей очень немногочисленны (Смирнов, 1961, 9-31, 75; Васильев, 2001, 67-71, 83-84).

Итак, даже краткий сравнительный анализ показывает, что нижнедонские катакомбы, несомненно, тяготеют к скифской степной культуре. Для IV-III вв. до н. э. катакомбные погребения в низовьях Дона составляют наиболее восточную локальную группу скифских памятников.[2]

А.С. Скрипкин был совершенно прав, когда предполагал, что степная часть Нижнего Подонья была освоена восточными кочевниками, а в районе дельты Дона ситуация была иной. При районировании кочевнических памятников Нижнего Подонья отчётливо видно, что зоны расселения скифов и сирматов не совпадают: скифы занимают низовья реки, сирматы располагаются восточнее, в глубинных районах степи. В связи с этим постановка вопроса о доминировании в Нижнем Подонье скифов или сирматов выглядит излишне прямолинейной. Вероятно, скифов, занявших ключевой район в нижнем течении Дона – в непосредственной близости к Елизаветовскому городищу (в то время крупнейшего центра ремесла и транзитной торговли в нижнедонском регионе), мало интересовали дальние степные районы. Сирматы же, достигшие Нижнего Подонья на излёте миграционного импульса IV в. до н. э., видимо, не имели сил для вытеснения скифов. Судя по находкам амфор и импортной посуды в погребениях восточных номадов (хотя и в меньших масштабах, чем в скифских), у сирматов был доступ к елизаветовским рынкам. Косвенным свидетельством относительно мирных отношений между скифами и сирматами служит и наличие единичных погребений восточных кочевников (в т.ч. женских – Высочино VII 17/3) в самой гуще скифских памятников в низовьях Дона.

Как мы видим, вопрос доминирования в нижнедонском регионе той или иной группы кочевников трудно решить только на базе анализа погребальных комплексов номадов. Можно констатировать лишь определённую территориальную обособленность западных и восточных кочевников. Едва ли этот период в Нижнем Подонье может быть назван «сирматским» – этому противоречит преобладание скифов-кочевников в низовья Дона. Но и назвать этот период «скифским» вряд ли будет правильным, так как компактная группа скифов занимала только один из районов Нижнего Подонья, хотя и самый важный.

Рассмотрим события истории Нижнего Подонья IV – начала III в. до н. э., известные нам по археологическим и письменным источникам.

В середине IV в. до н. э. Елизаветовское городище в дельте Дона обносится укреплениями. Вскоре, в третьей четверти столетия, эти укрепления разрушаются, а затем вновь отстраиваются (Марченко и др., 2000, 78). Существует мнение, что это связано с активностью пришельцев с востока – савроматов или сарматов, однако аргументируется это лишь наличием на Нижнем Дону и в соседних регионах погребений кочевников восточного облика (Виноградов и др., 1997, 96 и сл.; Клепиков, 2002, 134-135; Скрипкин, 2011, 185-186). Ошибка этих исследователей заключается в том, что они рассматривают Елизаветовское городище в отрыве от Боспорского царства, в сферу политического и экономического влияния которого оно, безусловно, входило. Кризисные явления – массовые разрушения и перестройки на большинстве поселений Боспора приблизительно в конце третьей четверти IV в. до н. э. – освещены в литературе и связываются с войной боспорского царя Перисада I со скифами, упоминаемой Демосфеном [Речь против Формиона, XXXIV, 8] (Масленников, 1995, 89; Зинько, 2005, 77-79). Несомненно, разрушение укреплений Елизаветовского городища следует рассматривать в контексте синхронных событий на Боспоре. Вряд ли совпадение строительства укреплений с появлением в низовьях Дона скифских памятников, а разрушения и перестройки – с боспорско-скифской войной может быть случайным.

В самом конце IV в. до н. э. или на рубеже IV-III вв. до н. э. Елизаветовское городище и поселения его ближайшей округи оставляются жителями. Однако нижнедонские номады никуда не уходят (как одно время считалось) – датировки наиболее поздних погребальных памятников нижнедонских кочевников (и скифов, и сирматов) включают раннюю часть III в. до н. э. На смену Елизаветовскому городищу для торговли с ко-

[2] Нижнедонской вариант скифской культуры в своё время был выделен В.С. Ольховским, отметившим его значительное своеобразие: преобладание ям, почти полное отсутствие катакомб (Ольховский, 1991, 167-172). Это своеобразие объясняется тем, что нижнедонской вариант был выделен по материалам некрополя Елизаветовского городища, памятника урбанистического типа, весьма отличного в плане обрядности от погребальных комплексов кочевников. Скифские катакомбные погребения низовьев Дона остались неизвестны В.С. Ольховскому, вероятно, потому, что большая часть открытых к тому времени комплексов ещё не была опубликована.

чевниками в скором времени выводятся Большая греческая колония (Елизаветовский эмпорий) и Танаис. Похоже, что кризис рубежа IV-III вв. до н. э. коснулся только Елизаветовки, а кочевое население Нижнего Подонья эти события не затронули. Очевидно, правы те исследователи, которые связывают ликвидацию Елизаветовского городища не с нашествием восточных кочевников, а с активной внешней политикой Боспора (Коваленко, 2009, 25), возможно – с последствиями междуусобной войны Сатира и Евмела (Копылов, 2002, 232).

Итак, анализ событий истории Нижнего Подонья во второй половине IV – начале III в. до н. э. выявляет две реальные силы – Боспор и скифы. Гипотеза о широкой экспансии в Нижнее Подонье савроматов (сарматов, сирматов) в IV в. до н. э., приведшей к разрушению укреплений Елизаветовского городища, а несколько позже и к полной его ликвидации (Виноградов и др., 1997, 96-100), не подтверждается данными археологии. Военная активность савромато-сарматов на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье в IV-III вв. до н. э., вопреки сложившемуся мнению, не находит достоверных подтверждений и в письменных источниках, что уже отмечалось в литературе (Полин, 1992, 67-69, 81-98; Полин, Симоненко, 1997, 87-96).

Приблизительно в конце первой трети III в. до н. э. Большая греческая колония в дельте Дона погибает, наряду со многими греческими и варварскими поселениями Северного Причерноморья. Единственным памятником оседлого населения в Нижнем Подонье остаётся Танаис. Примерно в то же время меняется и ситуация в степи – происходит если не полное исчезновение, то резкое сокращение кочевого населения Нижнего Дона. Верхним хронологическим рубежом практически всех кочевнических погребальных комплексов, поддающихся сколько-нибудь узкой датировке, является начало III в. до н. э. (Глебов, 2007, 64). Для развитого III в. до н. э. можно предположить лишь эпизодические набеги сарматов на Танаис откуда-то с восточных территорий (вероятно, из Нижнего Поволжья) без занятия степной территории Нижнего Подонья (Глебов и др., 2005, 59-60). Однако поскольку Танаис на протяжении всего III в. до н. э. существует без серьёзных укреплений, вряд ли эти набеги представляли значительную и постоянную опасность. Строительство мощных оборонительных сооружений в Танаисе относится к рубежу III-II вв. до н. э. или, скорее, к началу II в. до н. э. и связано, видимо, с освоением нижнедонских степей кочевниками – носителями раннесарматской культуры позднепрохоровского облика. Номады II-I вв. до н. э. представляли собой новый миграционный импульс с востока, гораздо более мощный, чем в IV в. до н. э., в результате которого сарматы заняли весь нижнедонской регион и распространились далее на запад до Днепра. Раннесарматские памятники II-I вв. до н. э. имеют существенные отличия в области погребальной обрядности от рассмотренных выше нижнедонских комплексов IV – начала III в. до н. э. Как правило, они представляют собой семейно-родовые могильники – серии из нескольких погребений, впущенных в один курган или в несколько соседних курганов, обычно с рядным, реже с кольцевым или полукольцевым расположением могил, или же одиночные впускные захоронения. Наиболее распространёнными типами погребальных сооружений для раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н. э. являются узкие прямоугольные ямы, подбои (иногда двухкамерные), реже – ямы с заплечиками, известны единичные случаи захоронений в катакомбах.

Трудности с выделением погребальных памятников номадов развитого III в. до н. э. в Нижнем Подонье вполне вписываются в картину общего запустения степей в это время. К западу от Волги памятники номадов, бесспорно датирующиеся развитым III в. до н. э., сегодня выявлены только в Поднестровье (Яровой, Четвериков, 2000, 3-22). Более чем вероятно, что исчезновение погребальных памятников кочевников каким-то образом связано с катастрофой, поразившей в конце первой трети III в. до н. э. всё Северное Причерноморье и ряд соседних регионов. Везде в это время происходит почти единовременное прекращение жизни едва ли не на всех сельских и на некоторых городских поселениях, на многих памятниках зафиксированы следы боевых действий и пожаров. Из всех концепций кризиса конца первой трети III в. до н. э. в Северном Причерноморье наиболее популярна «сарматская», объясняющая внезапную и всеобщую дестабилизацию обстановки серией опустошительных нашествий сарматов (сирматов, савроматов) из районов Нижнего Подонья, Прикубанья, Нижнего Поволжья (Виноградов, 1997, 122-124; Виноградов и др., 1997, 101-103; Медведев, 1999, 149-152; Гречко, Карнаух, 2011, 247-259). Однако Нижнее Подонье вряд ли могло служить базой сарматских набегов. Как говорилось выше, погребения восточного облика здесь относительно немногочисленны, составляют лишь часть кочевого населения региона и сами не переживают рокового рубежа – конца первой трети III в. до н. э. Не исключено, что донские номады вместе с оседлым населением стали жертвами катаклизма, а не его виновниками.

Похожая ситуация наблюдается и в Прикубанье. Судя по последним исследованиям, концепция военно-политического преобладания в кубанских степях сарматов (сираков) уже в IV в. до н. э. и непрерывного развития сарматской культуры в кубанском регионе может быть

значительно откорректирована. Согласно разработкам Н.Ф. Шевченко, комплексы номадов восточного происхождения IV – начала III в. до н. э. в Прикубанье, как и на Дону, достаточно малочисленны и являются лишь частью разнородной массы кочевнических памятников (Шевченко, 2011, 47-55). Н.Ф. Шевченко не считает причиной создания оборонительных сооружений и прекращения захоронений на некрополях некоторых меотских городищ в IV в. до н. э. экспансию в Прикубанье восточных кочевников. По его мнению, гораздо больше оснований предполагать, что это следствие наступательной политики Боспорского царства, которая, в отличие от сарматского нашествия, надёжно засвидетельствована письменными и археологическими источниками. В развитом III в. до н. э. в кочевом мире степного Прикубанья также наблюдаются выраженные сократительные тенденции (Шевченко, 2011, 50-51; Берлизов, 2011, 159-160).

Итак, исследования донских и кубанских материалов показывают, что решающая роль сарматов этих регионов в известных катаклизмах IV и начала III в. до н. э. не может считаться доказанной. Сарматов, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов как силу, возможно, ставшую одной из причин кризиса в Северном Причерноморье и соседних регионах (вернее, потенциально способную ею быть). Но нельзя не признать, что «сарматская» концепция кризиса строится на весьма слабой доказательной базе – большом количестве оружия в сарматских погребениях IV в. до н. э., находках вещей савромато-сарматского облика в среднедонских комплексах, атрибуции нескольких погребений в среднедонской и северскодонецкой лесостепи как захоронений сарматов-агрессоров (весьма дискуссионная), спорных прочтениях и трактовках некоторых письменных и эпиграфических источников и т. п.

Литература

Березуцкий, 2004 – Березуцкий В.Д. Погребальный инвентарь из курганов скифского времени лесостепного Дона и вопрос об «этнокультурном сходстве и единстве» // Археологические памятники бассейна Дона (отв. ред. В.Я. Кияшко). Воронеж. Азовский полиграфист. С. 30-37.

Берлизов, 2011 – Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Часть I. Краснодар. КГУКИ – Парабеллум. 2011. 320 с.

Бунятян и др., 1977 – Бунятян Е.П., Чередниченко Н.Н., Мурзин В.Ю. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка // Курганы Днепропетровщины (отв. ред. Н.Н. Чередниченко). Киев. Наукова думка С. 59-124.

Васильев, 2001 – Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI-II вв. до н. э. Уфа. Гилем. 153 с.

Виноградов и др. 1997 – Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93-103.

Виноградов, 1997 – Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I2 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3. С. 104-124.

Глебов, 2007 – Глебов В.П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Мат-лы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II (отв. ред. И.В. Сергацков). Волгоград. Изд-во Волгоградского государственного университета. С. 59-82.

Глебов и др., 2005 – Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // Древности Боспора. Вып. 8 (отв. ред. А.А. Масленников). М. Изд-во Института археологии РАН. С. 52-97.

Головкова, Лукьяшко, 1980 – Головкова Н.Н., Лукьяшко С.И. Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона (отв. ред. К.Ф. Смирнов). Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского-на-Дону педагогического института. С. 15-34.

Гречко, Карнаух, 2011 – Гречко Д.С., Карнаух Е.Г. Некоторые вопросы истории юга Восточной Европы конца скифского периода // Stratum plus. № 3. С. 245-261.

Гуляев, 2000 – Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V-IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология (отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский). М. Изд-во ИА РАН. С. 145-152.

Гуляев, 2001 – Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. (отв. ред. В.И. Гуляев). М. Изд-во ИА РАН. С. 18-52

Зинько, 2005 – Зинько В.Н. Хоры городов западного побережья Боспора Киммерийского в IV – нач. III в. до н. э. (по письменным и археологическим источникам) // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников (отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 74-79.

Коваленко, 2009 – Коваленко А.Н. Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV – первой трети III вв. до н. э. Автореф. дисс. … к.и.н. СПб. 27 с.

Ковалёв, Полин, 1991 – Ковалёв Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян). Киев. Наукова думка. С. 33-52.

Копылов, 2002 – Копылов В.П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III в. до н. э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Часть 1 (отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 229-235

Клепиков, 1999 – Клепиков В.М. Погребения IV в. до н. э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья (отв. ред. А.С. Скрипкин). Волгоград. Изд-во Волгоградского госуниверситета. С. 62-101.

Клепиков, 2002 – Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н. э. Волгоград. Изд-во Волгоградского госуниверситета. 216 с.

Лукьяшко, 1999 – Лукьяшко С.И. К реконструкции событий конца IV в. до н. э. на левобережье Нижнего Дона // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н. э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии) (отв. ред. Л.Т. Яблонский). М. Изд-во ИА РАН. С. 74-76.

Максименко 1983 – Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского университета. 224 с.

Масленников, 1995 – Масленников А.А. Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. № 2. С. 78-93.

Марченко и др., 2000 – Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М. Paleograf. 281 с.

Медведев, 1999 – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М. Наука. 160 с.

Медведев, 2002 – Медведев А.П. Курганные могильники скифского времени в правобережье Среднего и Нижнего Дона (опыт сравнительного исследования) // Донская археология. № 3-4. С. 6-16.

Ольховский, 1991 – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М. Наука. 256 с.

Полин, 1992 – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев. Типография ФНПУ. 201 с.

Полин, Симоненко, 1997 – Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (отв. ред. В.Е. Максименко). Азов. Изд-во Азовского краеведческого музея. С. 87-98.

Прохорова, 1997 – Прохорова Т.А. Некрополь на Беглицкой косе // Таганрог (отв. ред. Е.П. Коноплёва, Е.А. Кожевникова). Таганрог. Образование. С. 18-32.

Скрипкин, 2009 – Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Вып. 10. С. 171-192.

Скрипкин, 2011 – Скрипкин А.С. К событиям IV в. до н. э. на восточных границах Причерноморской Скифии // Археология степей Восточной Европы и Кавказа в финале поздней бронзы и в эпоху ранних кочевников (отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова). М. Таус. С. 184-191.

Смирнов, 1961 – Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М. Изд-во Академии наук СССР. 161 с.

Смирнов, 1984 – Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. Наука. 184 с.

Шевченко, 2011 – Шевченко Н.Ф. Степи Прикубанья и сираки в IV-III вв. до н. э. // ИАА. Вып. 10. С. 44-57

Яровой, Четвериков, 2000 – Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 3-28.

А.В. Дедюлькин

Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии

The ritual complex from barrow 18 of Grushevskij cemetery. The problems of chronology.*The article is devoted to the problems of chronology of the ritual complex from barrow № 18 of the Grushevskij cemetery (near Novocherkassk). The complex includes the hellenistic helmet, the parts of scale armour, the arrowheads, the check-pieces, the harness decorations. Also in the barrow were found the fragments of amphorae and table pottery. The complex is probably to be dated to the middle – second half of the III*rd *century BC.*

Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии. *Статья посвящена проблемам датировки ритуального комплекса, обнаруженного в кургане № 18 Грушевского могильника (около г. Новочеркасск). Там был найден эллинистический шлем, фрагменты чешуйчатого панциря, наконечник копья и наконечники стрел, псалии, набор украшений конской сбруи. Также под насыпью находились фрагменты амфорной и столовой керамики. Наиболее вероятная датировка комплекса – середина-вторая половина III в. до н. э.*

В 1980 г. в ходе работ, производившихся отрядом Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории донского казачества под руководством М.И. Крайсветного, был исследован курган № 18 Грушевского могильника. Памятник расположен около г. Новочеркасск, на первой надпойменной террасе между р. Тузлов и р. Аксай, в 3,5 км южнее станицы Грушевской Ростовской области.

Насыпь кургана была вытянута по оси север – юг. К моменту начала работ она была сильно распахана, её высота составляла ок. 0,17 м, диаметр ок. 25 м. На поверхности было встречено большое количество фрагментов амфорной керамики. Погребений в кургане не было **(рис. 1)**.

В северо-западной и юго-восточной полах кургана выявлены две круглые ямы диаметром ок. 0,8 м, возможно, посадочные для плодовых деревьев. В 3 м к югу от центра кургана, в бровке была обнаружена траншея шириной около 0,4 м, не достигавшая материка, и, вероятно, не имеющая отношения к подкурганному комплексу. В нескольких местах под пахотным слоем были обнаружены небольшие скопления камней, но определённой системы в их расположении проследить не удалось.

На расстоянии около 7 м к юго-юго-западу от центра кургана на уровне древнего горизонта был обнаружен комплект воинского снаряжения и конской сбруи: шлем, пластины и скобы наборного панциря, псалии, ворворки, бляхи сбруи **(рис. 1, сит. 1; рис. 4/8,9)**. Предметы были компактно сложены в шлем, лежащий тульей вниз. Рядом с ним лежал фрагментированный железный наконечник копья. Примерно в 1 м к северо-северо-западу от центра кургана, на уровне погребённой почвы, был обнаружен участок, где концентрировались фрагменты гончарной амфорной и столовой керамики, а также толстостенного лепного горшка **(рис. 1, сит. 4, 5)**. Часть площадки с керамикой была нарушена поздним перекопом. Чуть выше, в заполнении перекопа, был обнаружен фрагмент лаковой мисочки и костяная проколка. К востоку и северо-востоку от площадки с битой керамикой также были обнаружены отдельные панцирные пластины.

Ритуальный комплекс из кургана № 18 неоднократно упоминался и частично воспроизводился в различных работах (Масленников, Трейстер, 1997, 146; Симоненко, 2001, 95; Зайцев, 2007, 264; Раев, 2007, 383; Симоненко, 2010, 108-109). Первая и единственная полная публикация этого яркого памятника была лаконична в текстовой части и представляла собой иллюстрированный перечень находок, без описаний (Каталог,[1] 1981, 35-36, табл. 10-14), затем дополненный тезисами доклада (Крайсветный, 1987).

До сих пор нет единства мнений в отношении датировки комплекса. Сам автор раскопок датировал его концом IV – началом III в. до н. э. (Крайсветный, 1987, 20). Основанием для этого было мнение И.Б. Брашинского относительно датировки фрагментов керамики из насыпи кургана. А.В. Симоненко относит его к концу II – первой половине I в. до н. э. (Симоненко, 2010, 109). По его мнению, «клады» появляются не ранее этого времени и связаны с эпохой Митридатовых войн (Симоненко, 2010, 191). Ю.П. Зайцев, датирует комплекс серединой III – началом II в. до н. э. (Зайцев, 2007, 263-264).

Таким образом, для комплекса из кургана 18 предлагаются следующие варианты датировки:

– конец IV – начало III в. до н. э. (М.И. Крайсветный);

– середина III – начало II в. до н. э. (Ю.П. Зайцев);

– конец II – первая половина I в. до н. э. (А.В. Симоненко, Б.А. Раев, М.Ю. Трейстер).

Подробной публикации комплекса будет посвящена специальная работа (Дедюлькин и др., 2012), а в данной статье приводится анализ

[1] Соответствующий раздел каталога был написан автором раскопок М.И. Крайсветным.

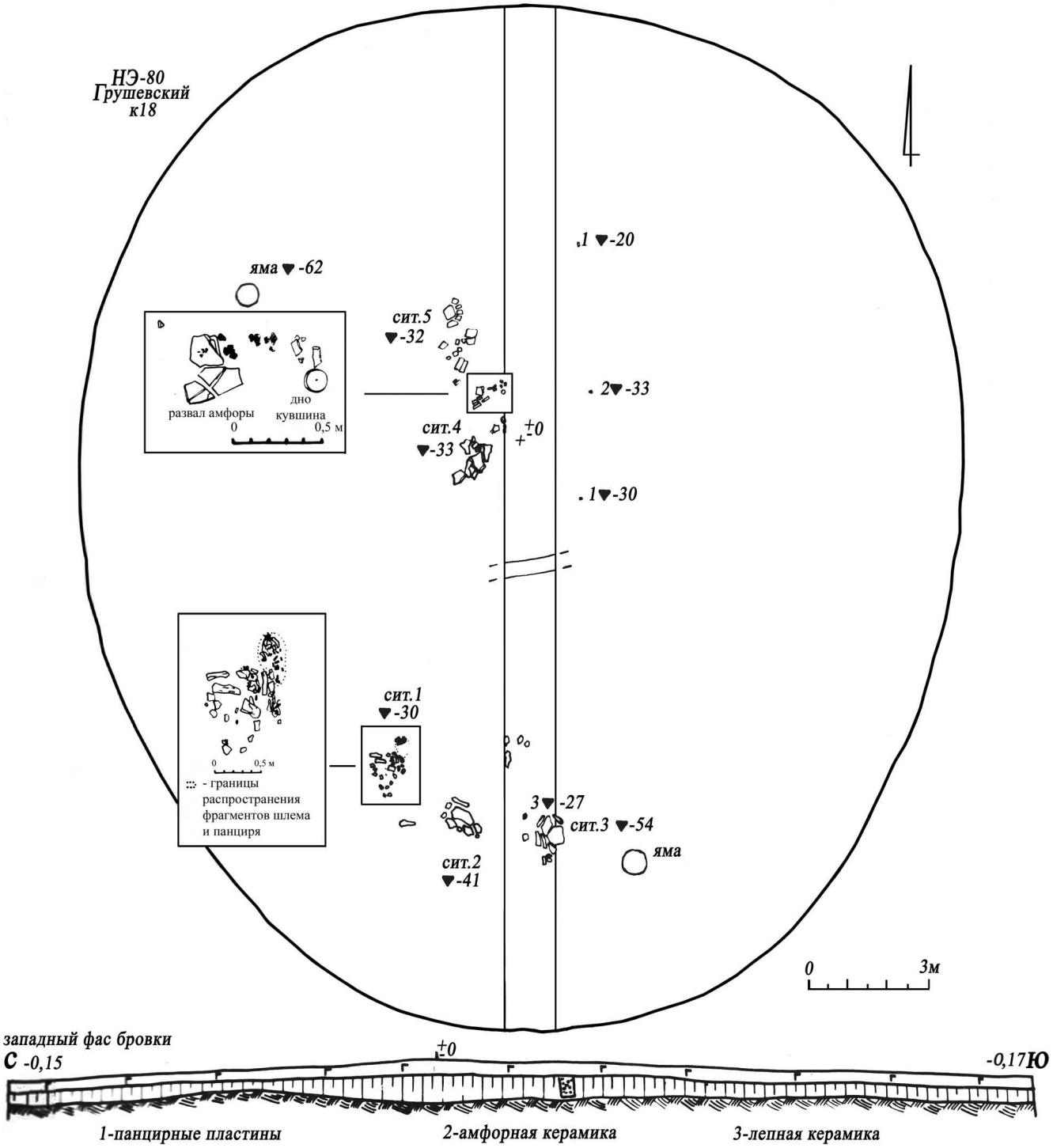

Рис. 1. Общий план кургана № 18 Грушевского могильника

хронологических позиций входящих в его состав предметов.

Керамика

1. Фрагмент чернолаковой чашечки (мисочки), украшенной по дну орнаментом из косых насечек **(рис. 2/2)**. Покрытие низкого качества, тусклое, имеет зеленовато-коричневый оттенок. Для эллинистической чернолаковой керамики качество и цвет лака не являются датирующим признаком, т.к. на протяжении всего эллинистического периода покрытия разного цвета и качества сосуществовали (Егорова, 2009, 15-17). Миска относится к первому варианту мелких мисок с загнутым внутрь краем по типологии Т.В. Егоровой (2009, 55, рис. 42А). Судя по составу теста, она принадлежит к какому-то из неаттических (скорее всего, островных) центров производства лаковой керамики и датируется первой половиной III в. до н. э.[2] Е.Е. Фиалко отмечает универсальное применение таких сосудов в скифском мире и предполагает, что некоторые из них могли использоваться в качестве чаш для питья (Фиалко, 2006, 357, 366). Грушев-

[2] Атрибуция Т.В. Егоровой, выполненная de visu.

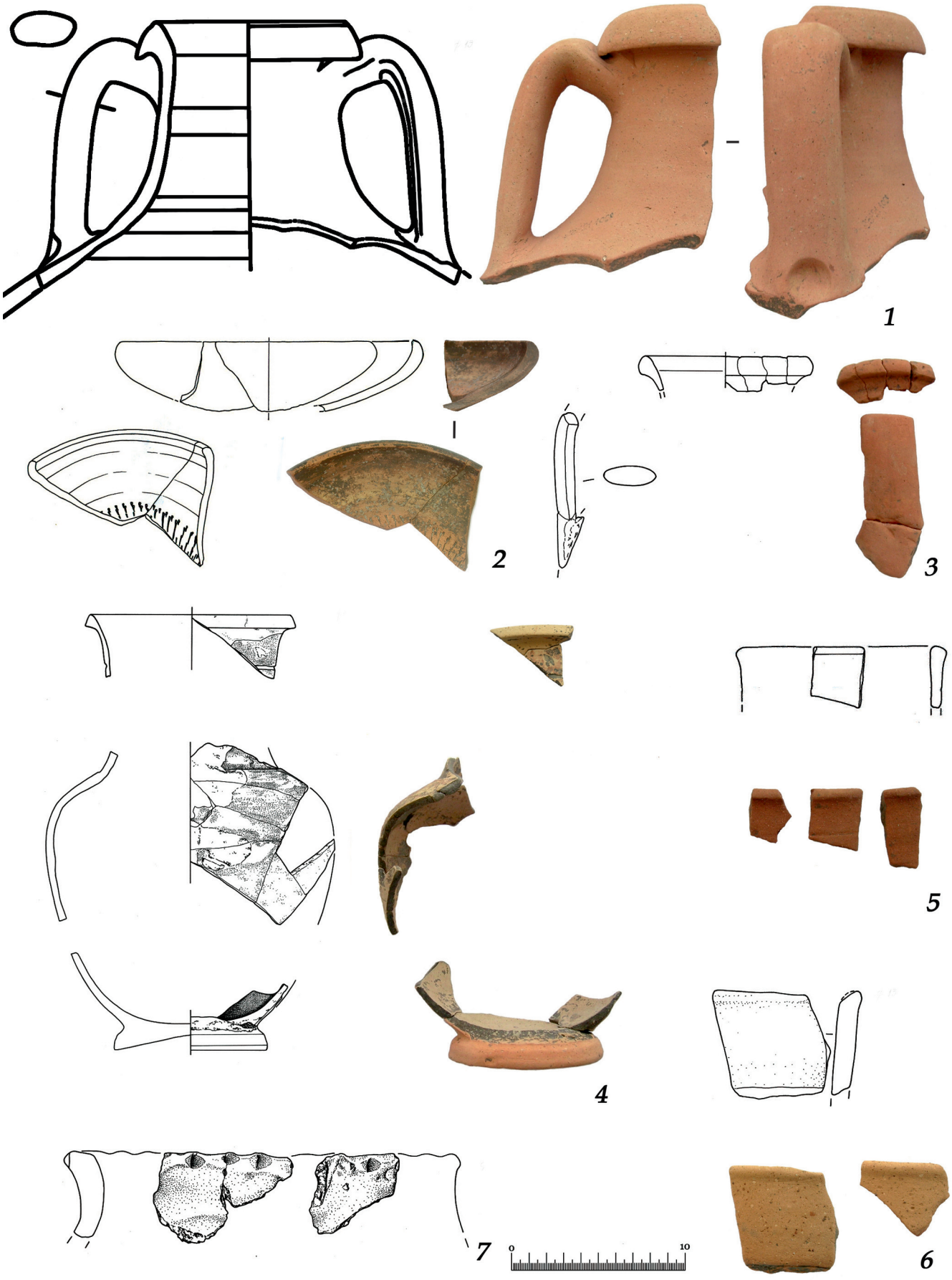

Рис. 2. Керамика из насыпи кургана № 18: 1 – фрагмент горла амфоры неустановленного средиземноморского центра; 2 – фрагмент лаковой мисочки; 3 – фрагменты красноглиняного кувшина; 4 – фрагменты светлоглиняного кувшина; 5 – фрагменты фасосской амфоры; 6 – фррагменты тарного сосуда (амфоры?); 7 – фрагменты лепного сосуда

ская мисочка по своим размерам вполне подходит для такого применения.

2. Фрагменты амфоры неустановленного средиземноморского центра. Сосуд с коротким горлом, массивными ручками и клювовидным венцом **(рис. 2/1)**. На нижних прилепах ручек есть пальцевые вдавления. Сохранился фрагмент горла с целой ручкой, нижний прилеп другой ручки, многочисленные фрагменты стенок. С.Ю. Монахов, осматривавший фрагмент de visu, не смог найти точных аналогий амфоре из кургана 18. По мнению исследователя, она датируется раннеэллинистическим временем, концом IV – началом III в. до н. э. Однако эта хронологическая атрибуция носит предварительный характер, т.к. не подкреплена точными аналогиями. Протородосские амфоры с клювовидными венцами выпускались на протяжении первой половины III в. до н. э. (Полин, Мозолевский, 2005, 326). Амфоры т.н. «группы Никандра», производство которых сейчас связывают с Эфесом и Метрополем, имеют похожие пропорции горла, и загнутый клювовидный венец. Клеймёные амфоры этой группы датируются второй четвертью – второй половиной II в. до н. э., но сама форма возникает раньше, вероятно, ещё во второй половине – последней четверти III в. до н. э. (Cankardeş Şenol, 2010, 127-128, footnote 13, fig. 1, 2). Грушевская амфора близка, но не тождественна им. О её датировке возможно будет судить уверенно лишь после появления надежно датированных аналогий.

3. Фрагменты красноглиняной амфоры с большим количеством слюды в тесте **(рис. 2/5)**. Из профильных частей сохранились только фрагменты венчика и фрагмент стенки нижней части тулова. По мнению С.Ю. Монахова, это фрагменты фасосской амфоры. Отсутствие других профильных частей не позволяет определить тип и датировку амфоры.

4. Фрагменты тарного сосуда (амфоры?). Стенки массивные и толстые. Глина желтоватая, с примесью дресвы. Из профильных частей сохранились только фрагменты венчика[3] **(рис. 2/7)**.

5. Фрагменты красноглиняного кувшина **(рис. 2/3)**. Сохранились фрагменты венчика и ленточной ручки с нижним прилепом.

6. Фрагменты изящного светлоглиняного кувшина, со следами красной краски под венчиком и на тулове **(рис. 2/4)**. Имеющиеся фрагменты образуют практически полный профиль сосуда, но форму ручки реконструировать не представляется возможным.

7. Фрагменты крупного лепного горшка **(рис. 2/6)**. Из профильных частей сохранились лишь фрагменты венчика, украшенного по краю ногтевыми вдавлениями.

Итак, на площадке с керамическим боем были обнаружены фрагменты двух или трёх амфор, двух кувшинов, лаковой чашечки и лепного горшка.

Несмотря на представительный набор тарной и столовой посуды, использовать для хронологических построений можно лишь два из них – мисочку и амфору с клювовидным венцом, фрагменты остальных слишком невыразительны.

Лаковая чашечка позволяет датировать ритуальную площадку первой половиной III в. до н. э. Если датировка амфоры, предложенная С.Ю. Монаховым, верна, то предпочтение можно отдать началу III в. до н. э. Но отсутствие точных аналогий и предварительный характер такой атрибуции не позволяют принять её безоговорочно.

Предметы конского снаряжения

1. Набор литых бронзовых украшений конской сбруи, состоящий из семи круглых одинаковых блях и налобника. Каждая бляха имеет полусферическую выпуклость в центре, и полукруглую петлю с обратной стороны **(рис. 3/1,2)**. Бляхи сбруи имеют определённое сходство со скифскими (Ильинская, 1973, 48, 50-51, рис. 2/12, 5/8,9; Алексеев и др., 1991, 153; Находки 1862–1863 гг., кат. 22 (б)). Но они цельнолитые, тогда как скифские бляхи такой формы составные, с коваными щитками, и их центральная выпуклость образована расклёпаным штифтом, крепящим литую петлю.[4]

Интересен налобник из комплекса **(рис. 3/1)**. Это небольшое украшение могло размещаться и на нахрапном ремне, тогда его следовало бы назвать наносником.[5] Его верхняя часть полностью аналогична круглым бляхам, от неё отходит вниз трапециевидная лопасть, которая плавно отогнута вперед относительно верхней части. Неизвестно, был ли изгиб изначально, или является результатом деформации. Мне неизвестны точные аналогии налобнику. Возможно, силуэт грушевского налобника подражает форме меотских пластинчатых налобников типа 1 по классификации И.И. Марченко (Марченко, Лимберис, 2009, 69, рис. 1). Но он гораздо меньше их по размеру, литой, и имеет другую систему крепления. Хронологические рамки бытования этих предметов конского убора являются дискуссионными. И.И. Марченко

[3] В каталоге 1981 г. к этому сосуду было ошибочно отнесено дно светлоглиняного кувшина (Каталог, 1981, 36, кат. 399, табл. 11/ 1,1а; см. рис. 2/4 к данной статье).

[4] Такая технология изготовления описана Р.С. Минасяном для серебряных фигурных нащёчников из кургана Чертомлык. Круглые бронзовые бляхи, судя по иллюстрациям и описаниям, имеют такую же конструкцию (Мозолевський, 1979, 114; Минасян, 1991, 387, рис. 9).

[5] Такие же варианты размещения предлагаются для налобников/наносников скифской эпохи (Канторович, 2007, 74).

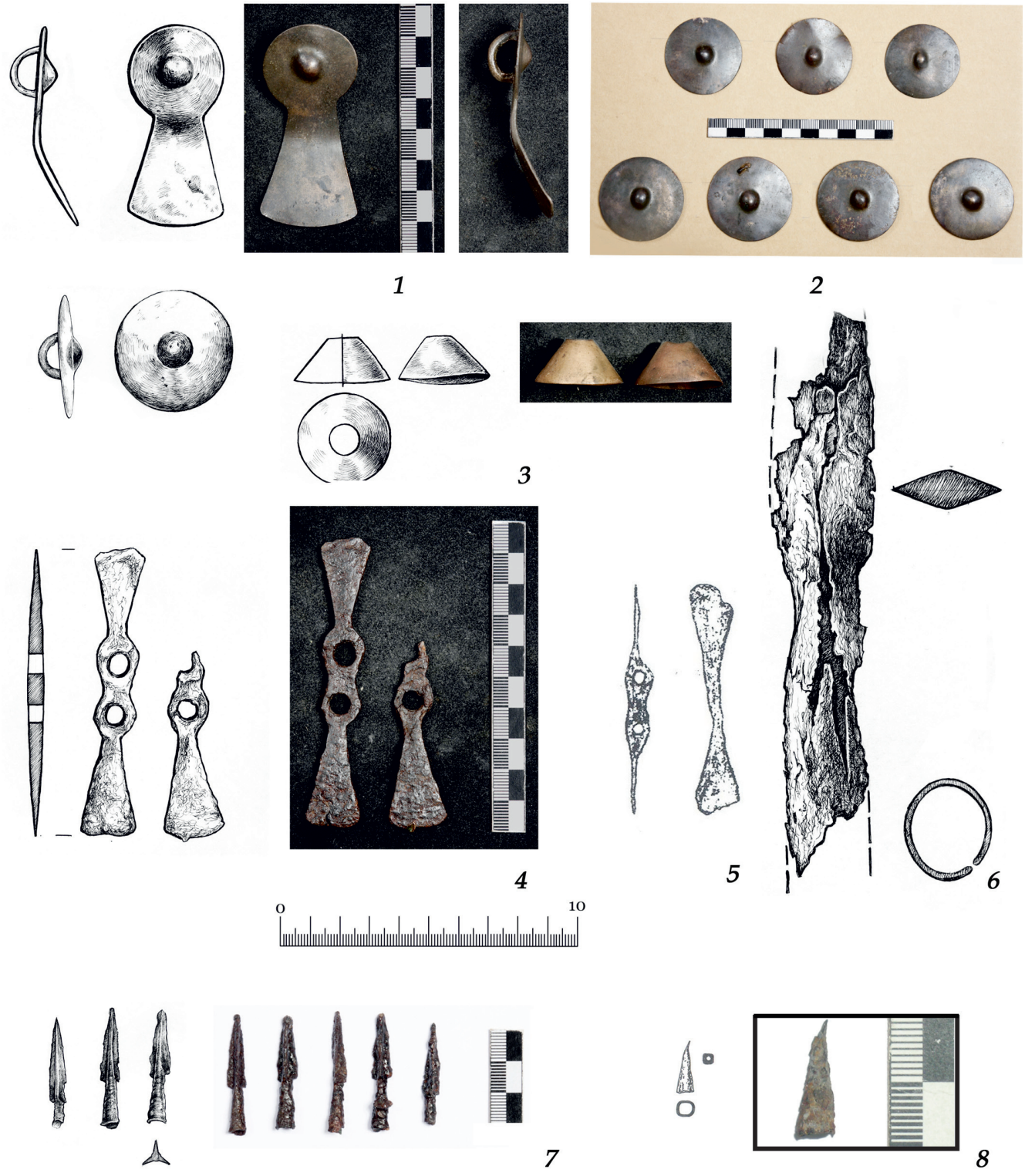

Рис. 3. Конская сбруя и вооружение из «клада» в кургане № 18: 1 – конский налобник (наносник); 2 – бляхи оголовья; 3 – ворворки; 4 – псалии; 5 – псалий из погребения № 99в могильника Старокорсунского городища № 2 (по *Лимберис, Марченко, 2005*); 6 – наконечник копья; 7 – трёхлопастные наконечники стрел; 8 – конический наконечник стрелы. Все изображения в одном масштабе, кроме фотографий 2 и 8

датирует их второй половиной IV – началом III в. до н. э. Представляется, что период бытования налобников такой формы не ограничивался началом III в. до н. э., что уже отмечалось А.В. Симоненко (2010, 198). Е.А. Беглова в своей статье, посвященной парадному конскому убору, указала основные этапы развития налобников, но не стала конкретизировать хронологические рамки, отметив, что налобники первого типа получают развитие в III в. до н. э. (Беглова, 2008, 42-43). Налобники первого типа из кургана могильника № 2 Татарского городища были датированы исследователями памятника IV – четвёртой четвертью III – первой четвертью II в. до н. э. (Кудрявцев и др., 2000, 44). Верхняя хронологическая граница была определена по клеймёной ручке родосской амфоры из насыпи кургана (Кудрявцев и др., 2000, 46). Такая

датировка вызвала негодование И.И. Марченко (Марченко, Лимберис, 2009, 70), но вполне возможно, что предпочтение следует отдать именно последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. Налобники и нагрудники были найдены не внутри склепа, а в южной поле насыпи кургана (Кудрявцев и др., 2000, 40), и их датировка по амфорным ручкам из насыпи вполне допустима.

Из-за отсутствия точных аналогий чётко датировать комплект украшений сбруи из кургана 18 Грушевского могильника не представляется возможным.

Налобник из кургана 18, имеющий силуэт, подобный пластинчатым налобникам первого типа, может быть предварительно датирован III – первой половиной II в. до н. э.

2. Пара железных двудырчатых псалиев с 8-образным расширением посередине **(рис. 3/4)**. Окончания раскованы в вытянутые трапециевидные лопасти. Один сохранился полностью, от другого остался фрагмент. Исходя из формы псалиев, М.Ю. Трейстер высказался за датировку грушевского комплекса II-I вв. до н. э. (Масленников, Трейстер, 1997, 147).[6] Свою позицию относительно хронологии псалиев с прямыми лопастями исследователь аргументирует в статье, посвящённой парадному сервизу из Косики. По его мнению, они были перенесены сарматами в Восточную Европу из Средней Азии, о чём свидетельствуют находки в комплексе у с. Антиповка и в нескольких комплексах из Прикубанья, датируемые концом II – началом I в. до н. э. (Трейстер, 1994, 189-190). Следует отметить, что прямых аналогий грушевским псалиям пока обнаружить не удалось, а все перечисленные М.Ю. Трейстером образцы являются в той или иной степени близкими формами. Среди них есть псалии с прямыми трапециевидными лопастями, подобные грушевским, но их лопасти расположены в перпендикулярной плоскости относительно 8-образного расширения. Псалий такой формы был обнаружен в погребении № 99в могильника Старокорсунского городища № 2 (Лимберис, Марченко, 2005, 225, 253, рис. 13/20) **(рис. 3/5)**. Это захоронение датируется двумя родосскими амфорами с клеймами эпонимов Аристида и Калликратида I концом 30 – 20-ми гг. III в. до н. э. Таким образом, форма псалиев не может служить доводом в пользу датировки комплекса II-I вв. до н. э. Псалии такой формы появляются не позднее 30-х гг. III в. до н. э.

3. Пара бронзовых ворворок, выколоченных из листового металла **(рис. 3/3).** Вероятно, они относились к конской сбруе и крепились на ремнях оголовья. Ворворки не могут уточнить датировку комплекса.

Вооружение

1. Бронзовый эллинистический шлем **(рис. 4/1)**. Он имеет полусферическую, эллипсовидную в основании тулью, с козырьком, отделённым от неё рельефным выступом-фронтоном, переходящим на боковых сторонах в волюты. Назатыльник отделен от тульи рельефным уступом. С внутренней стороны к козырьку приклёпаны двухпетельчатые шарниры для крепления нащёчников, которые были утрачены ещё в древности. На левом шарнире петли отломаны, вероятно, ещё во время использования, на правом – все петли сохранились полностью. Он свёрнут из пластины и приклёпан тремя заклёпками к козырьку. Шлем сильно пострадал от воздействия зубьев плугов при распашке, к тому же в момент обнаружения его задел скрепер **(рис. 4/8,9)**. По всей нижней части есть значительные утраты, купол был деформирован, а назатыльник оторван от тульи. При монтаже фрагментов деформация не была полностью устранена, поэтому геометрия шлема отличается от изначальной. Кроме того, при реставрации в 1981 г. было заделано отверстие в куполе шлема, о котором можно судить по фотографии в альбоме отчёта и упоминаниям в отчёте и первой публикации (Каталог, 1981, 7). Небольшое отверстие линзовидной формы с выгнутыми наружу краями, вероятно, являлось следом от удара копьем изнутри. Специфика этого повреждения позволяет считать его ритуальным **(рис. 4/1а)**. Одна из волют, замыкающих фронтон, сначала ошибочно принятая за бляху сбруи (Каталог, 1981, 7, примечание 2, 35, № 394, табл. 13/12), при реставрации не монтировалась на шлем. На момент написания статьи её не удалось обнаружить, поэтому приведена фотография из альбома иллюстраций к отчёту **(рис. 4/1б)**.

Наиболее близкими аналогиями шлему из Грушевской являются шлемы из Каменки Днепровской (Рабинович, 1941, 159, рис. XXII) и из Гэвани (Dintsis, 1986, 279, kat. 222, taf. 56, 6). Близкой формой является шлем из Мезмая (Шевченко и др., 2011, 122, рис. 6/1, 7/4). Но у него есть ряд морфологических отличий: полукруглые вырезы для ушей, пологий козырёк, продолжающий линию налобника, U-образные выступы по краям назатыльника, обобщённая трактовка волют в виде плоских дисков, а не спиралей.

После выхода в свет работ П. Динциса и Г. Ваурика, где была предложена подробная типология шлемов эллинистической эпохи, применительно к этой форме используются термины «псевдоаттический» (Dintsis, 1986, 113) и «аттический с козырьком» (Waurick, 1988, 169). Изображения подобных шлемов представле-

[6] Как следует из примечания, раздел статьи, где упоминается комплекс из Грушевской, написан М.Ю. Трейстером. В тексте речь идёт о «более поздней датировке» относительно IV-III вв. до н. э.

ны на многих репрезентативных памятниках – в вазописи, фресковой живописи, памятниках глиптики и нумизматики (Dintsis, 1986, 114-120, 274-287, taf. 51-62). П. Динцис по ряду морфологических особенностей выделяет две группы в рамках данного типа. Первая группа (к которой может быть отнесён и грушевский шлем) датируется им в пределах середины IV – конца II в. до н. э. Датировка шлемов второй группы на основании самых поздних изображений продлевается до эпохи Флавиев (Dintsis, 1986, 115-116). М.Ю. Трейстер на основании изображения на стеле архонта Газурия из Херсонеса предположил, что использование аттических шлемов с козырьком[7] в Северном Причерноморье продолжалось вплоть до первых десятилетий II в. н. э., в качестве «парадных регалий» (Масленников, Трейстер, 1997, 147, рис. 7). Эти хронологические построения основаны лишь на изображении, имеющем свою специфику и условности. Необходимо учитывать особенности иконографии римского времени, испытавшей сильное эллинистическое влияние. Есть масса примеров изображения предметов вооружения, давно вышедших из функционального употребления (можно вспомнить долгую жизнь в искусстве коринфского шлема, аргосского щита и т. д.). При этом Г. Ваурик считает, что нет надежных свидетельств бытования этой формы в римское время, Д.П. Алексинский разделяет эту точку зрения (Waurick, 1983, 274; Алексинский, 2008, 48). Г. Ваурик определяет время бытования аттического типа с козырьком в рамках конца IV – первой половины II в. до н. э. (Waurick, 1988, 173).

Шлемы из Грушевской, Каменки, Гэвани и Мезмая относятся ко второй группе аттического типа с козырьком по классификации Г. Ваурика (Waurick, 1988, 170). Туда входят шлемы, выкованные из одного листа металла, в отличие от шлемов первой группы, имеющих составную конструкцию.

А.В. Симоненко считает, что II в. до н. э. является наиболее вероятным временем производства шлемов второй группы (Симоненко, 2010, 137). П. Динцис датировал шлемы из Каменки и Гэвани первой половиной III в. до н. э. (Dintsis, 1986, 279-280, kat. № 222, 223), исходя из своих представлений об изменении морфологии этого типа. Сложность в датировке отдельных вариантов шлемов связана с малым количеством узко датируемых находок, имеющих нормальный контекст. Шлем из Каменки является случайной находкой, а относительно датировки комплекса из Гэвани идет дискуссия. Ю.П. Зайцев пришел к выводу, что наиболее вероятным временем появления этого «клада» является вторая половина III – первая половина II в. до н. э., причём III в. до н. э. предпочтительнее (Зайцев, 2007, 265). Учитывая очень близкую в деталях морфологию и геометрию этих двух шлемов и шлема из Грушевской, можно предположить их производство в одном ремесленном центре. Если выводы Ю.П. Зайцева верны, то время изготовления этого варианта шлемов – вторая половина III в. до н. э.

2. Фрагменты панциря.[8] Внутрь шлема были сложены панцирные пластины двух типов. Пятиугольные пластины, украшенные вертикальными чеканными рёбрами жёсткости, которых было найдено не менее 571 **(рис. 4/2)**. Также в состав набора входили удлинённые гладкие пластины, которых было не менее 94 **(рис. 4/3)**. Между собой и с основой они соединялись при помощи проволочных скоб, которых было найдено 465 **(рис. 4/4)**. Скобы заострены, что косвенно указывает на их крепление к кожаной основе **(рис. 4/5,6)**. Панцирь был ритуально уничтожен – разорван на отдельные пластины. Своеобразной форме пластин не удавалось найти точные аналогии в синхронном материале. Поэтому исследователь памятника, М.И. Крайсветный, сопоставил их с пластинами древневосточных панцирей (Крайсветный, 1987, 21-22). Эта атрибуция была воспринята без возражений и надолго вошла в научный обиход (Масленников, Трейстер, 1997, 146; Симоненко, 2010, 109, 250). Не так давно Б.А. Раев, усомнившись в том, что грушевский панцирь является древневосточным, высказал предположение о его происхождении из Парфиены (Раев, 2007, 383). В качестве единственного аргумента в поддержку такой атрибуции исследователь упомянул наличие фрагментов глиняных скульптур в панцирных доспехах в Старой Нисе (Раев, 2007, 383). В работах, на которые он ссылается (Пилипко, 1989, 175; Бонгард-Левин, Кошеленко, 2005, 146), односложно упоминаются такие фрагменты из Здания с квадратным залом. Из более подробной публикации материалов этого комплекса следует, что речь идёт о фрагментах торса в мускульной кирасе и птериг от подолов эллинистических панцирей (Пилипко, 1996, 57, 134-136, 141, табл. 35, 70).[9] Это доспехи совсем другого типа. Помимо скульптурных фрагментов в Здании с квадратным залом в Старой Нисе были найдены железные панцирные пластины, но они отличаются от грушевских пластин по

[7] В тексте статьи М.Ю. Трейстером везде употребляется неизвестный прежде термин «аттический тип с гребнем», но из контекста следует, что речь идет об аттическом типе с козырьком по классификации Г. Ваурика (Масленников, Трейстер, 1997, 145).

[8] Эта часть доклада является незначительно переработанной статьей автора, посвящённой панцирю из Грушевской и серии однотипных ему доспехов (Дедюлькин, 2010). Статья была опубликована в малодоступном издании и осталась неизвестной широкому кругу специалистов, кроме того, там отсутствовали иллюстрации. Поэтому воспроизведены здесь основные её положения.

[9] В другой своей работе В.Н. Пилипко недвусмысленно характеризует доспехи глиняных скульптур из Здания с квадратным залом как «облачение греко-македонских воинов» (Пилипко, 2001, 262)

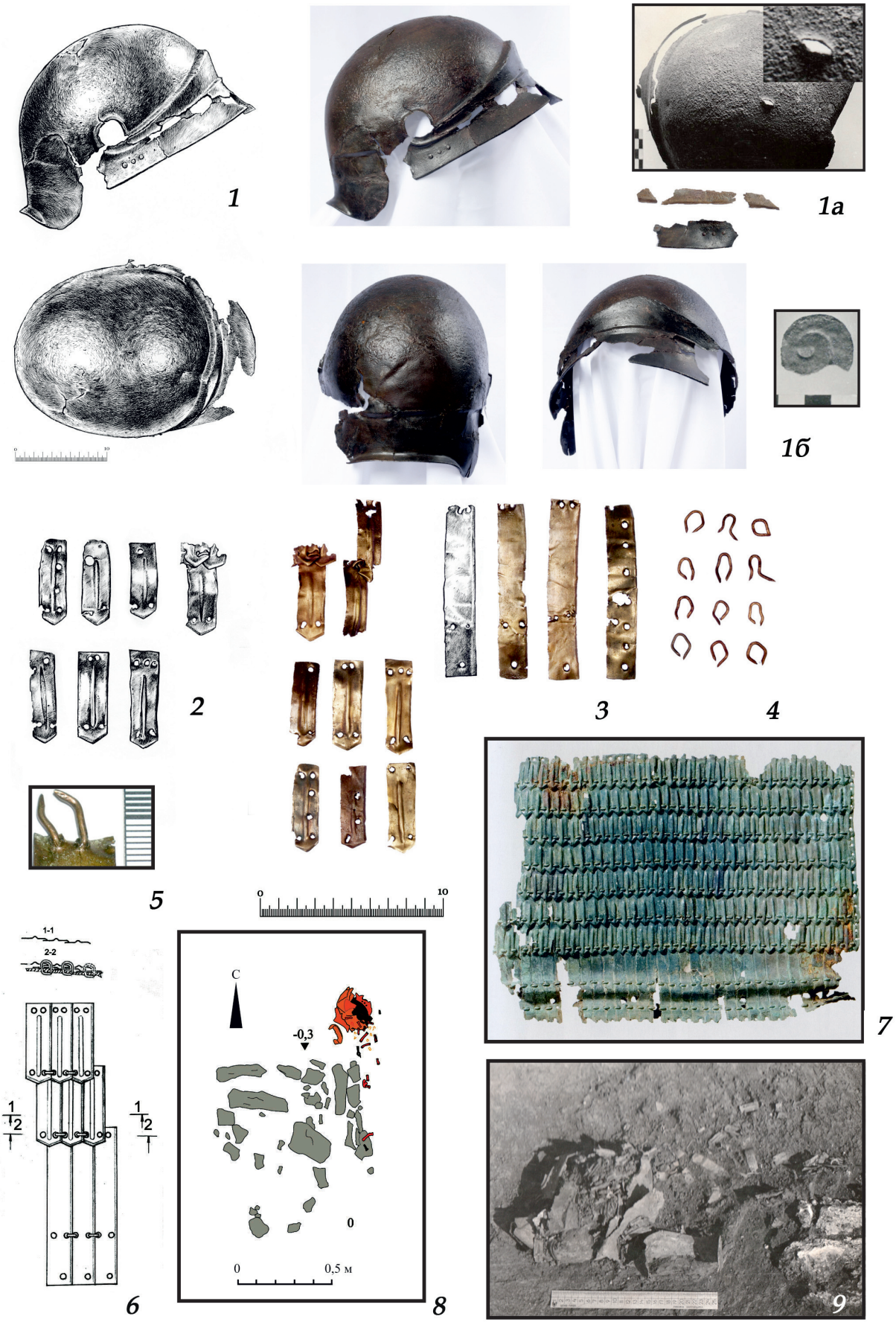

Рис. 4. Доспехи из «клада» в кургане № 18: 1 – шлем (современное состояние), 1а – отверстие в куполе шлема, 1б – фрагмент завитка волюты. Фотографии из альбома иллюстраций к отчёту, 1980 г.; 2 – пятиугольные пластины панциря; 3 – прямоугольные пластины панциря; 4 – соединительные скобы; 5 – внутренняя сторона панцирной пластины и соединительная скоба; 6 – схема панцирного набора; 7 – фрагмент панциря с аукциона Hermann Historica (по *Hermann Hisorica, 2007*); 8 – план «клада» из кургана № 18; 9 – «клад» из кургана № 18, вид с запада. Фотография из альбома иллюстраций к отчёту, 1980 г.

форме и размерам (Пугаченкова, 1966, 33, рис. 2; Литвинский, 2001, 343, табл. 98/10-28). Таким образом, предположение Б.А. Раева о происхождении этого доспеха из Парфиены не находит подтверждений.

Сопоставление грушевских чешуй с известными фрагментами древневосточных доспехов позволяет автору данной статьи усомниться в такой атрибуции и предположить синхронность панциря всему комплексу, а также его местное, северопричерноморское происхождение.[10] Принцип сборки при помощи проволочных скоб широко применялся в производстве защитного снаряжения в Северном Причерноморье в V-III вв. до н. э. Таким способом соединены пластины некоторых щитов с металлическим наборным покрытием (Черненко, 1968, 104-110, рис. 56-58), пластины поножей из Нимфея (Черненко, 1968, 118-120, рис. 62). Проволочными скобами соединены бронзовые пластины с фигурным зубчатым краем из ахтанизовского «клада»,[11] интерпретируемые как детали наборного пояса (Власова, 2009, 74-75, табл. V/1). По мнению Е.В. Черненко, щиты с полосчатым покрытием на проволочных скобах имеют местное, северопричерноморское происхождение (Черненко, 1973, 79). В.Н. Васильев и А.Х. Пшеничнюк, упоминая единственную находку фрагментов такого щита из кургана 10 могильника Переволочан, предполагают проникновение этой категории защитного снаряжения в Южное Приуралье с запада (Васильев, Пшеничнюк, 1994, 128-129). Размещение на подоле панциря удлинённых пластин было стандартным вариантом для панцирей скифской эпохи (Черненко, 1968, 32-33). Треугольный силуэт нижнего края пластин встречается в наборах панцирей Северного Причерноморья – это второй тип по классификации Е.В. Черненко (1968, 26-27, рис. 8/1-3). Таким же образом оформлены нижние края верхнего ряда вертикальных пластин одного из наборных щитов с металлическим покрытием из комплекса IV в. до н. э. в кургане № 30 у аула Нечерзий в Прикубанье (Ждановский, 2006, 90).[12] Загнутые нижние и боковые края пластин грушевского панциря обеспечивали дополнительную прочность, в то же время создавали декоративный эффект, этот приём часто использовался на пластинах панцирей скифской эпохи (Черненко, 1968, 31).

Несмотря на изложенные выше соображения, грушевский доспех продолжал оставаться в определённой степени уникальным и необычным. Но затем мое внимание привлек панцирь, по форме пластин и способу соединения практически полностью ему идентичный. Этот панцирь, вероятно, происходящий из грабительских раскопок, продавался на аукционе Hermann Hisorica в 2007 г. (Hermann Hisorica, 2007, 376-377, taf. 4/7). По информации М.В. Горелика, составившего описание предмета для аукционного каталога, он происходит с территории Краснодарского края.[13] К сожалению, доспех лишён контекста и может быть датирован лишь по косвенным признакам. В комплекте с чешуйчатым набором защиты торса были представлены крупные пластины прямоугольной формы со скруглёнными углами, с мелкими отверстиями по краям. Полные аналогии этим пластинам есть в материалах основного погребения кургана Курджипс (Галанина, 1980, 99-100), которое надёжно датируется второй половиной IV в. до н. э. (Галанина, 1980, 60).

Затем серия из известных двух панцирей получила неожиданное продолжение. В ходе недавней реставрации фрагментов железного доспеха из кургана Ак-Бурун (1875 г.)[14] были выявлены интересные особенности, которые прежде не были отмечены в публикациях комплекса (ОАК, 1878, 34; ОАК, 1879, 113; ОАК (атлас), 1879, табл. II/11-12; Виноградов, 1993, 39, рис. 1/8,9). На пластинах есть чеканные рёбра жёсткости, а их нижние края оформлены треугольными выступами, как и на панцирях выделенной серии.[15] Курган Ак-Бурун датируется концом IV – началом III в. до н. э. (Виноградов, 1993, 38).

В апреле 2010 г. появилась информация о ещё одном бронзовом панцире, аналогичном панцирю из Грушевской, добытом в ходе нелегальных раскопок и ныне находящемся в частной коллекции. По имеющейся у нынешнего владельца информации, он происходит с территории Краснодарского края.

Эта группа панцирей сочетает ряд общих признаков. Основной набор комплектуется чешуями пятиугольной формы с треугольным нижним краем с прочеканенным рельефным ребром, соединёнными между собой и с основой с помощью проволочных скоб. Подол набран из удлинённых пластин без ребра жёсткости. На

[10] Доклад А.В. Дедюлькина на XIX научно-практической конференции Новочеркасского музея истории Донского казачества 9 апреля 2009 г.

[11] Вполне возможно, что это не единый комплекс, а искусственно объединённый для сбыта инвентарь нескольких разграбленных гробниц.

[12] Выражаю признательность с.н.с. Отдела археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника Ю.В. Зеленскому за предоставленную возможность ознакомиться с материалом.

[13] М.В. Горелик готовит статью, посвященную этому интересному артефакту. Выражаю ему признательность за предоставленную информацию.

[14] Л. Стефани интерпретировал эти фрагменты как части панциря, эту версию принял и Ю.А. Виноградов (ОАК (атлас), 1879, табл. II/11-12; ОАК, 1879, 113; ОАК, 1878, 34; Виноградов, 1993, 39). Мне представляется, что прав был Е.В. Черненко, который считал, что это фрагменты щита (Черненко, 1968, 109).

[15] Выражаю благодарность Д.П. Алексинскому и А.М. Бутягину за предоставленную информацию.

грушевском панцире они ровные, на двух других профилированные, с небольшой выпуклостью посередине. Следует отметить определённую небрежность исполнения панцирей.

Судя по двум археологически целым экземплярам, металлическими пластинами покрывалась лишь часть панциря. Оба экземпляра относительно короткие, высотой около 30 см. Этого достаточно, чтобы прикрыть торс человека среднего роста от талии до подмышек. Верхний край совершенно ровный, без каких-либо выемок для рук (Hermann Historica, 2007, 376-377). Судя по мелким отверстиям для пришивания канта по краю набора, панцирь имел боковой разрез для удобства одевания. Набор корпуса обладал достаточной прочностью, но из-за специфики соединения был довольно жёстким. Остальные участки, видимо, были защищены толстой кожей основы, чтобы не сковывать подвижность воина в пояснице и плечевых суставах. Это не полностью покрытые металлической чешуей доспехи, а однотипные части набора торса для комбинированных панцирей. Схема размещения металлических пластин набора на участке от пояса и до груди была характерна для греческих льняных панцирей (Черненко, 1968, 43-44, рис. 25/2; Snodgrass, 1999, 91, pl. 42, 45).

Таким образом, можно говорить о серии предметов защитного снаряжения (трёх панцирях и одном щите), сочетающих устойчивый набор одинаковых конструктивных и морфологических признаков. Два из них происходят из надёжно документированных и чётко датированных комплексов, два вырваны из контекста, но дополняют эту серию. С большой долей вероятности можно предположить, что это продукция одного ремесленного центра, функционировавшего в Северном Причерноморье в конце IV – первой половине III в. до н. э. Открытым остаётся вопрос о его локализации. М.В. Горелик связал производство панциря, выставленного на аукционе Hermann Historica, с мастерскими Пантикапея или Фанагории (Hermann Historica, 2007, 377).

Но у меотов Прикубанья существовала и собственная традиция оружейного производства и металлообработки. К продукции местных мастерских исследователи относят конские налобники и нагрудники из бронзовых пластин (Марченко, Лимберис, 2009, 74), составные клёпаные шлемы (Эрлих, 1996, 179; Шевченко и др., 2011, 143). Шлемы эти, изготовленные из тонкой листовой бронзы, украшены орнаментом из прочеканенных выпуклых валиков. Вполне возможно, что панцири и щит с чеканными рёбрами на пластинах и креплением на проволочных скобах связаны с меотской оружейной традицией. Недавняя находка на грунтовом некрополе IV Новолабинского городища фрагмента панцирной пластины[16] аналогичной пятиугольным грушевским пластинам, возможно, подтверждает этот вывод. Грушевский панцирь может быть предварительно датирован в пределах первой половины III в. до н. э.

3. Железный наконечник копья **(рис. 3/6)**. Из-за плохой сохранности нельзя точно определить размеры и пропорции предмета. Перо листовидной формы, линзовидное в сечении, втулка коническая.

4. Железные трёхлопастные втульчатые наконечники стрел **(рис. 3/7).** 17 целых и фрагменты (втулки и острия) ещё примерно от 45 шт. Следов дерева во втулках наконечников обнаружено не было. Общая длина от 3,5 до 4,0 см, диаметр втулки 0,5–0,6 см. Наконечники вытянутые, стройных пропорций. Втулки конической формы, незначительно меньше по длине, чем головки. Лопасти в основном срезаны под прямым углом к втулке, у некоторых скошены под небольшим углом к втулке или к острию.

Интерес представляет единственный небольшой наконечник конической формы, с острием четырехгранного сечения (**рис. 3/8**). Один наконечник подобной формы входил в состав колчанного набора из кургана № 4 Сладковского могильника[17] (Максименко, 1983, 103, рис. 17/8а), два происходят из погребения 8 кургана 2 могильника Донской (Ильюков, Лукьяшко, 1994, 75, рис. 24/22, 24).

Наконечник копья и наконечники стрел не могут уточнить датировку комплекса.

Итак, складывается достаточно парадоксальная ситуация. Некоторые предметы из «клада» не имеют точных аналогий (набор украшений сбруи), другие датируются достаточно широко (псалии, ворворки, наконечник копья и наконечники стрел), либо же определение хронологических рамок их бытования ещё находится в стадии разработки (шлем, панцирь).

Керамические фрагменты из насыпи позволяют уточнить датировку комплекса. Но скопление керамики находится на определённом удалении от «клада», что позволяет сторонникам его поздней даты разделять эти объекты как два разных.

Таким образом, возможны два варианта интерпретации контекста и датировки грушевского «клада»:

– «клад» не связан с керамикой из насыпи. Тогда по составу входящих в него предметов он может быть широко датирован второй половиной III – началом I в. до н. э. Соответственно, если принять верхнюю границу этого периода, придётся признать существенное «запаздывание» панциря и шлема к моменту создания «клада».

[16] Раскопки 2011 г. экспедиции ЮНЦ РАН под руководством Л.С. Ильюкова и Б.А. Раева. К сожалению, пластина была найдена вне комплекса, в переотложенном слое.

[17] Острие наконечника имеет округлое сечение.

– керамика и «клад» синхронны и взаимосвязаны. Тогда наиболее вероятное время создания ритуального комплекса из кургана 18 – середина – вторая половина III в. до н. э.

Мне представляется, что керамика из насыпи и «клад» являются единым ритуальным комплексом, который датируется серединой – второй половиной III в. до н. э.

Литература

Алексеев и др., 1991 – Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев. Наукова думка. 416 с.

Алексинский, 2008 – Алексинский Д.П. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе // ТГЭ. Вып. XLI. С. 31-70.

Беглова, 2008 – Беглова Е.А. Парадный конский убор IV-II вв. до н. э. из памятников Предкавказья и Украины // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. (отв. ред. А.А. Туаллагов). Владикавказ. Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. С. 41-45.

Бонгард-Левин, Кошеленко, 2005 – Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А. Происхождение парфянского искусства (основные проблемы) // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия (гл. ред. Е.А. Молев). Казань – Нижний Новгород – Саратов. Изд-во Саратовского университета. С. 131–154.

Васильев, Пшеничнюк, 1994 – Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. К вопросу о защитном снаряжении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н. э. // Вооружение и военное дело древних племён Южного Урала. Уфа. Конкорд-Инвест. С. 116-136.

Виноградов, 1993 – Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор. Мат-лы конф. памяти академика М.И. Ростовцева (отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск. Изд-во Новочеркасского музея истории Донского казачества. С. 38-51.

Власова, 2009 – Власова Е.В. Ахтанизовский клад // ВДИ. № 3. С. 63-78.

Галанина, 1980 – Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племён IV в. до н. э. Л. Искусство. 128 с.

Дедюлькин, 2010 – Дедюлькин А.В. О новом типе панцирей из Северного Причерноморья // Рубикон. Сборник науч. работ молодых учёных. Вып. 55. (отв. ред. А.Л. Бойко). Ростов-на-Дону. Изд-во ЮФУ. С. 48-51.

Дедюлькин и др., 2012 – Дедюлькин А.В., Деркач С.В., Крайсветный М.И. Воинский ритуальный комплекс из к. 18 Грушевского могильника (в печати).

Егорова, 2009 – Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV – II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. Изд-во МГУ. 256 с.

Ждановский, 2006 – Ждановский А.М. Курган № 30 у аула Нечерзий //Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН. С. 87-100.

Зайцев, 2005 – Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологич. конф. Тез. и докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Символика. С. 88-94.

Зайцев, 2007 – Зайцев Ю.П. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен. 2007. Ч. 2. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы междунар. науч. конф. (гл. ред. В.Ю. Зуев). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 258-268.

Зайцев, 2008 – Зайцев Ю.П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III – I вв. до н. э. Хронология и культурная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII (отв. ред. И.В. Немченко). Одесса. «Фридман А.С.». С. 146-152.

Ильинская, 1973 – Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. //Скифские древности (отв. ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 42-63.

Канторович, 2007 – Канторович А.Р. Конские налобники/наносники с петлёй и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля // Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна. Мат-ли Міжнар. наук. конф. (16-19 травня 2007 р.) (відп. ред. С.А. Скорий). Київ – Чигирин. С. 74-77.

Каталог, 1981 – Каталог выставки новых поступлений отдела археологии (1970-1980 гг.). (ред. Б.А. Раев). Новочеркасск. Новочеркасский музей истории донского казачества. 120 с.

Крайсветный, 1987 – Крайсветный М.И. Защитный доспех из Грушевского могильника // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару) (отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск. Изд-во музея истории Донского казачества. С. 20-22.

Кудрявцев и др., 2000 – Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. № 2. С. 40-47.

Лимберис, Марченко, 2005 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. С. 219-323.

Литвинский, 2001 – Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М. Восточная литература. 528 с.

Максименко, 1983 – Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону. Изд-во РГУ. 224 с.

Марченко, Лимберис, 2009 – Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3. С. 69-74.

Масленников, Трейстер, 1997 – Масленников А.А., Трейстер М.Ю. Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу //Археологія. № 1. С. 144-149.

Минасян, 1991 – Минасян Р.С. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев. Наукова думка. С. 378-389.

Мозолевський, 1979 – Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ. Наукова думка. 260 с.

Мозолевский, Полин, 2005 – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. 2005. 600 с. + 24 табл.

ОАК (атлас), 1879 – ОАК за 1876 г. Атлас.

ОАК, 1878 – ОАК за 1875 г.

ОАК, 1879 – ОАК за 1876 г.

Пилипко, 1989 – Пилипко В.Н. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. № 3. С. 167-177.

Пилипко, 1996 – Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М. Восточная литература. 160 с.

Пилипко, 2001 – Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М. Наука. 432 с.

Пугаченкова, 1966 – Пугаченкова Г.А. О панцирном вооружении бактрийского и парфянского воинства // ВДИ. № 2. С. 27-43.

Рабинович, 1941 – Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // Труды ОИПК ГЭ. Т. I. Л. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 99-171.

Раев, 2007 – Раев Б.А. Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире (отв. ред. А. В. Махлаюк). Казань – Нижний Новгород – Саратов. Изд-во Саратовского университета. С. 375-389.

Редина, Симоненко, 2002 – Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II-I вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2. С. 78-96.

Симоненко, 2001 – Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. Вып. 4. С. 92-106.

Симоненко, 2010 – Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 328 с.

Трейстер, 1994 – Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики). К вопросу о «школе Ампсалака»// ВДИ. № 1. С. 172-204.

Фиалко, 2006 – Фиалко Е.Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи. Сборник статей (отв. ред. В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский). М. Изд-во ИА РАН. С. 351-387.

Черненко, 1968 – Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев. Наукова думка. 193 с.

Черненко, 1973 – Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов// Скифские древности (отв. ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 64 – 81.

Шевченко и др., 2011 – Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. № 1. С. 115-151.

Эрлих, 1996 – Эрлих В.Р. Об одной серии шлемов из Закубанья // РА. № 3. С. 176-179.

Cankardeş Şenol, 2010 – Cankardeş Şenol G. Nikandros Group: Matrix Studies on the Amphora Stamps of the Group // OLBA, XVIII (ed. S. Durugönül). Mersin. Mersin University. P. 125–139.

Dintsis, 1986 – Dintsis P. Hellenistische Helme. Archaeologica. 43. Roma. G. Bretschneider. Bd. 1. Text. 336 S. Bd. 2. tafeln.

Hermann Historica, 2007 – Hermann Historica. 52 Auktion. Alte Waffen, Antiken Jagdliches. Varia. Munchen. 604 s.

Snodgrass, 1999 – Snodgrass A. Arms and Armour of the Greeks. Baltimore and London. The Johns Hopkins University Press. 167 p.

Waurick, 1983 – Waurick G. Untersuchungen zur historisierenden Rüstung in der römischen Kunst // Jahrbuch Röm.-German. Zentralmuseum Mainz. Bd. 30. Mainz. S. 265-301.

Waurick, 1988 – Waurick G. Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Monographien Röm. – German. Zentralmuseum Mainz. Bd. 14. Mainz. S. 151-180.

Т.В. Егорова

Комплекс помещений позднего греческого периода (второй половины III – первой половины II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка»

Buildings complex of the Late Greek period (the second half of the III – first half of the II century BC) in the southeast part of the "Chaika" settlement. *The article deals with the constructions of the Late Greek period found in the southeast part of the Chaika settlement in the North-Western Crimea. It was a traditional Greek farm dated from the second half of the 3rd – first half of the 2nd cent. BC. It is one of the few such fully remained and well-dated objects referring to the time of decline of the Chersonesian state.*

Комплекс помещений позднего греческого периода (второй половины III – первой половины II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка». *В статье рассматриваются строительные остатки позднего греческого периода, найденные в юго-восточной части античного городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Это традиционная греческая усадьба, которая датируется второй половиной III – первой половиной II в. до н.э. Она является одним из немногих настолько полно сохранившихся и хорошо датированных объектов, относящихся ко времени упадка Херсонесского государства.*

Античное городище «Чайка» расположено в Северо-Западном Крыму в окрестностях современного города Евпатория. Оно возникло около середины IV в. до н.э. как колония Херсонеса. Жизнь греческого поселения делится на три основных периода. До конца IV в. до н.э. это была херсонесская крепость, контролировавшая небольшую сельскохозяйственную округу и служившая форпостом Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму в момент становления его дальней хоры. На рубеже IV–III вв. до н.э. крепость перестраивается и на её месте возводится комплекс греческих усадеб, которые, в свою очередь, погибают в огне в 70-е гг. III в. до н.э. После этого, как свидетельствуют материалы раскопок, не позднее конца 60-х гг. III в. до н.э. поселение частично возрождается и продолжает существовать, как минимум, до середины II в. до н.э., когда Херсонес окончательно теряет свою дальнюю хору (Попова, Коваленко, 2005, 99-100; Попова, 2007, 5-32).

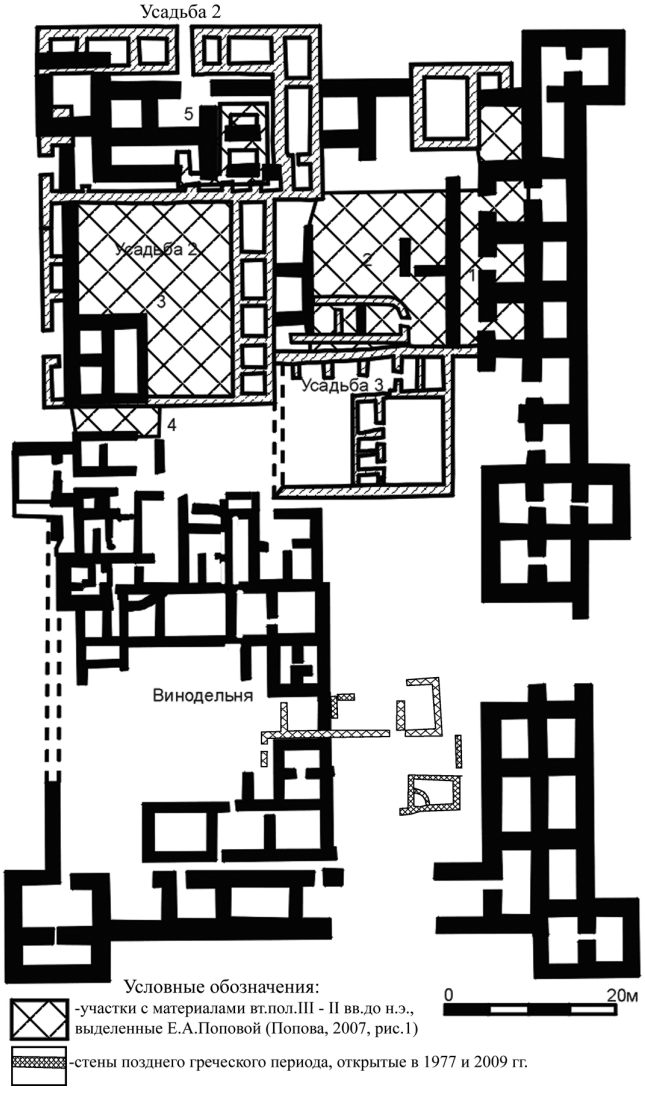

Рис. 1. Общий план греческого поселения «Чайка»

Первые два периода исследованы и опубликованы очень подробно (Попова, Коваленко, 2005). Что касается третьего, то фрагментарность архитектурных остатков и слоёв этого времени, обусловленная последующим активным позднескифским строительством, сильно затруднила их выявление и атрибуцию. Это отмечено в обобщающей работе Е.А. Поповой, посвящённой данной теме (Попова, 2007, 4-5). Ею были выявлены и опубликованы фрагменты поздних строений, вымосток, культурных напластований и сопутствующих им находок на пяти участках в северной части первоначальной греческой крепости (Попова, 2007, 39, рис. 1).

В целом, вторая половина III – первая половина II в. до н.э. – самый сложный временной отрезок для реконструкции планировки памятника и его хронологии. Последние исследования позволяют существенно дополнить имеющуюся информацию. Раскопками 2009 г. в его юго-восточной части были выявлены остатки комплекса зданий, построенного над слоями разрушений античных усадеб второго периода **(рис. 1)**. С ними соотносятся фрагменты стен, обнаруженные в 1977 г. и не получившие тогда точной атрибуции **(рис. 2)**. Соотнесение этих стен с вновь открытыми дало возможность более-менее точно реконструировать план жилищно-хозяйствен-

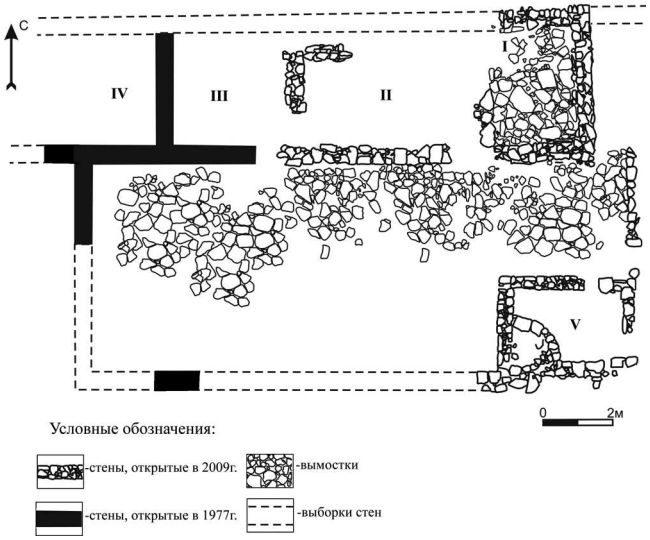

Рис. 2. План позднего комплекса в юго-восточной части городища

ного комплекса, а находки, сделанные в процессе раскопок, позволили определить его хронологию и подтвердить этническую принадлежность.

Исследованные строительные остатки являются одним из немногих настолько полно сохранившихся объектов позднего греческого периода, связанного с упадком жизни в регионе. Выявленные строения, по-видимому, представляли собой традиционную греческую усадьбу, ориентированную, так же как и все здания городища, по сторонам света **(рис. 1, 2)**. Планировка усадьбы отвечала всем принципам греческого домостроительства: просторный двор был окружен постройками с запада, севера, востока и юго-востока **(рис. 3)**. За время своего существования усадьба пережила два строительных периода, отмеченные незначительными внутрикомнатными перестройками и поднятием полов.

Техника возведения стен не отличалась своеобразием и соответствовала технике отдельных более ранних построек на городище. До нас дошли, главным образом, фундаментные и частично цокольные ряды. Система кладки – двухлицевая, с элементами регулярности из подтёсанных камней средних и небольших размеров, скреплённых глинистым раствором. Фундаментный ряд складывался из камней средних размеров, поставленных орфостатно, верхние ряды из мелких плоских камней, уложенных постельно. Основной строительный материал – известняк. Однако наличие мощных слоёв рушеного сырца, перекрывших полы второго периода бытования усадьбы, свидетельствует о том, что стены были не каменными на всю высоту, а каменно-сырцовыми (на каменные цоколи укладывались сырцовые кирпичи), что также характерно для данного памятника. Ширина всех зафиксированных стен не превышала 0,50 м. Высота сохранившейся части доходила до 0,80 м.

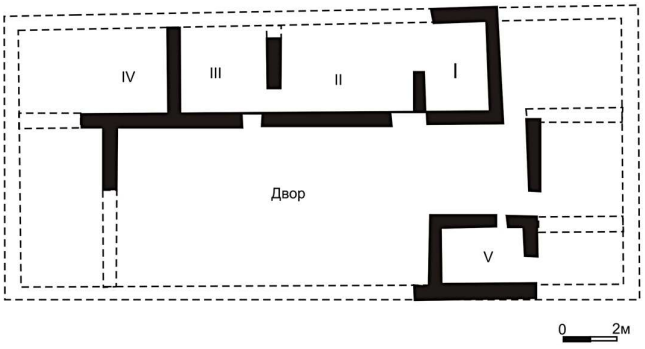

Рис. 3. Реконструкция планировки усадьбы

Полы помещений были глинобитными, состоявшими из нескольких глинисто-золистых намазок, толщиной около 0,05 м, либо выстилались плоскими камнями. Крыша домов была покрыта черепицей херсонесского и синопского производств.

Полностью исследованы три помещения северной линии, двор и одно помещение в юго-восточном углу. Остальная территория, к сожалению, до наших дней не сохранилась **(рис. 2)**.

Первое (I), восточное помещение северной линии, площадью 8,4 м², первоначально было вымощено плоскими камнями разных размеров. Его *северная стена* была поставлена непосредственно на стену разрушенного дома усадебного времени и сохранилась на 2,10 м в длину

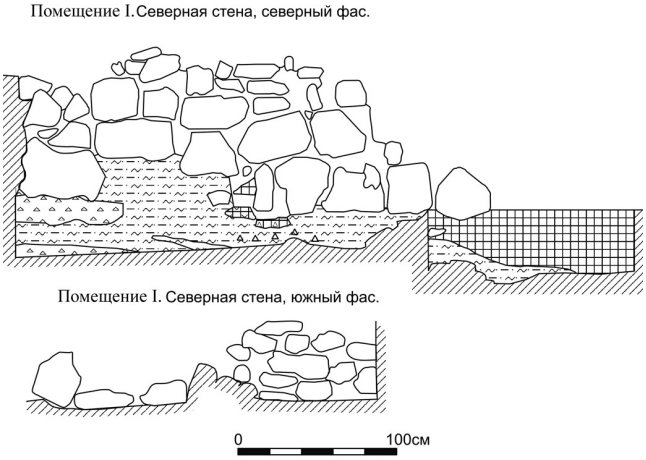

Рис. 4. Помещение I. Фасы северной стены. На фото – северный фас стены здания усадебного времени и северный фас помещения I

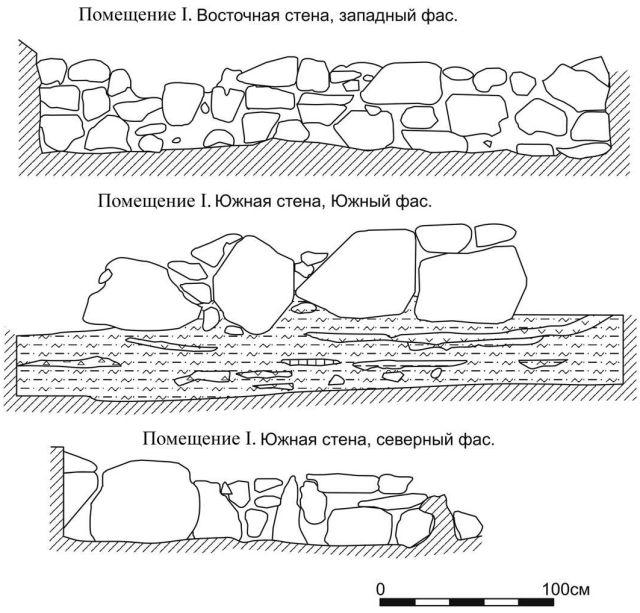

Рис. 5. Помещение I, фасы восточной и южной стен

(рис. 4). Протяженность внутреннего фаса *восточной стены* составляла 3,50 м **(рис. 5)**. От *южной стены* остался только нижний ряд, длиной 2,4 м, сложенный на два лица из средних подтёсанных камней, поставленных орфостатно и уплотнённых мелким щебнем **(рис. 5)**. *Западная стена* помещения не сохранилась, за исключением нескольких одиночных камней в южной части **(рис. 6)**. Вероятно, именно в ней и располагался дверной проём, который не выявлен в других стенах. В северо-восточном углу помещения была устроена каменная загородка – ясли для кормления животных (0,70 х 1,40 м) **(рис. 6)**. Таким образом, очевидно, что в первый период оно использовалось для содержания скота.

При перестройке помещения непосредственно на каменную вымостку был намазан новый уровень пола, от которого зафиксированы небольшие глинисто-золистые фрагменты. Западная стена практически полностью разбирается и на её месте возводится перегородка из сырцовых кирпичей **(рис. 7)**. По всей видимости, меняется функциональное назначение комнаты. Возможно, она становится частью большого хозяйственного помещения или выполняет роль жилого отсека при нём.

Второе помещение северной линии (II) площадью 17 м² в первый период было несколько заглублено (на 0,20-0,30 м) по отношению к описанному выше. Частично сохранились западная и южная стены этого периода **(рис. 7, 8)**. Причём *западная стена* разрушена сильнее. Остался фрагмент, длиной 1,80 м. *Южная стена*, прослеженная на 4,80 м в длину, имеет незначительные особенности кладки, которые заключаются в различии двух фасов. Северный фас отличается от южного полным отсутствием элементов регулярности, характерных для усадебных стен в целом. *Северная стена*, очевидно, шла по линии северной стены восточного помещения, но была полностью разобрана в более позднее время. Дверной проём не читается чётко ни в одной из выявленных стен, но, вероятнее всего, он мог располагаться в южной части западной стены, о чём свидетельствует характерный разрыв **(рис. 9)**. Однако оформление торца проёма в западной стене не сохранилось.

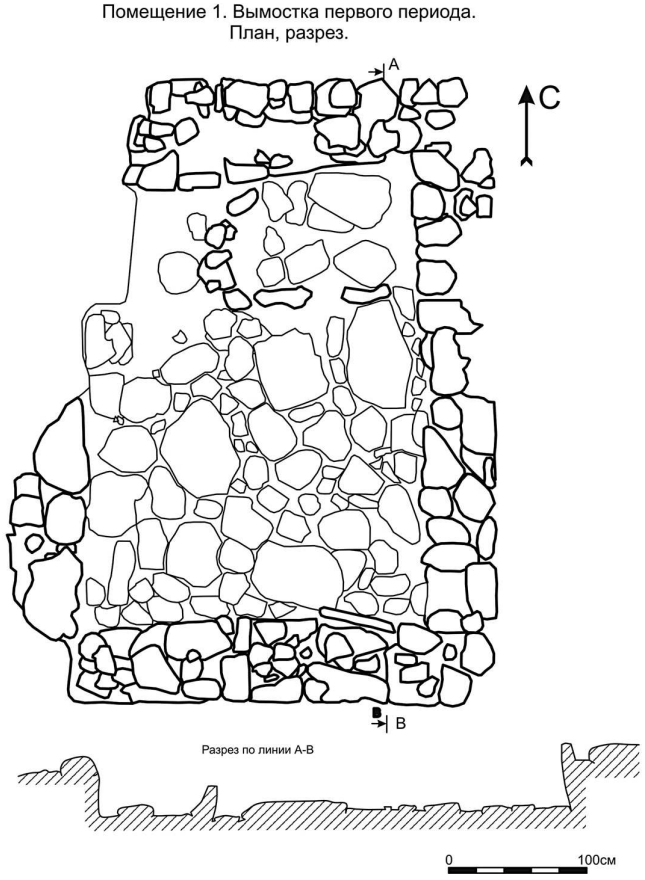

Рис. 6. Помещение I. Вымостка и каменная загородка в северо-восточном углу. План, разрез

В следующем периоде помещение претерпевает некоторые изменения. Как уже упоминалось выше, разбирается его северная стена. Вместо нее, чуть южнее, возводится новая, от которой выявлен фрагмент, длиной 1,40 м **(рис. 7)**. Её сохранность не позволяет определить структуру кладки, но, вероятнее всего, она не отличалась от прочих **(рис. 8)**.

Пол второго периода был поднят на 0,10 м и в процессе использования неоднократно подновлялся. В северо-западном углу отмечено небольшое прокаленное пятно от очага, форму которого восстановить не удалось. В юго-восточном углу стояла частично вкопанная каменная ступа **(рис. 7, 9)**. По-видимому, она использовалась на протяжении всего времени существования здания.

Помещение III сохранилось хуже **(рис. 2)**. С достаточной степенью точности можно реконструировать его площадь – ок. 11,5 м². *Северная стена* была выбрана ещё в древности. Пол-

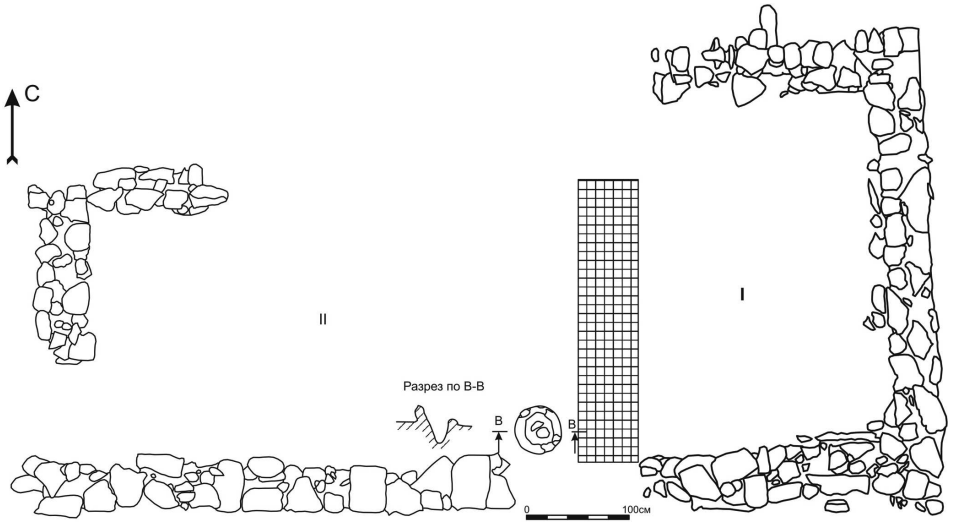

Рис. 7. Помещения I и II второго периода. План

ностью, на протяжении 4,40 м, выявлена *южная стена* **(рис. 10/а)**. В её восточной оконечности, видимо, располагался дверной проём, выходивший на мощёный двор. *Западная стена* прослежена на 2,20 м в длину **(рис. 10/б,в)**. Данный участок комплекса исследовался в 1977 г. И.В. Яценко выделяет два строительных периода (Яценко, 1978, 17), соответствующих бытованию этих стен, но не описывает подробно уровни полов. Поэтому мы можем лишь предположительно говорить о том, что их, так же как и в других помещениях, было два. Кроме того, нет никакой информации о его назначении.

Судя по тому, что южная стена продолжалась к западу за пределы помещения III и на этом отрезке с юга к ней вереплет стыковалась ещё одна стена, представляется возможным реконструировать существование линии помещений, ограничивавшей каменную вымостку двора с запада **(рис. 3, 10/б,в)**. От стены к западу от двора остался небольшой фрагмент, длиной 2,70 м. Этот фрагмент позволяет судить о системе первого ряда кладки аналогичной описанным выше **(рис. 11)**. В ней имелся дверной проём шириной 0,80 м, который вёл на мощёный двор.

Теперь о помещении V, размещавшемся в юго-восточном углу двора. Его площадь составляла около 7 м². Стены сохранились на высоту до 0,60 м, были сложены так же, как и все прочие стены комплекса, в технике двухлицевой кладки с элементами регулярности из подтёсанных камней, и впущены в слои разрушения усадебного периода **(рис. 12)**. *Восточная стена* открыта только с западного фаса. Длина кладки – 1,40 м, далее стена выбрана. *Западная стена* сохранилась целиком на всю длину, составлявшую 2,50 м. Протяжённость *южной и северной стен* совпадают – 3,20 м. В восточной части северной стены, вероятно, располагался дверной проём, выводивший во двор, который читается не отчётливо **(рис. 12, 13/а)**. В юго-восточном углу помещалась полукруглая загородка, выложенная из средних и мелких подтёсанных камней (расчищен её нижний ряд). Пол состоял из нескольких намазок. Нижняя из них относилась к первому строительному периоду и была заглублена относительно уровня вымостки двора на 0,20–0,30 м. От пола второго периода, поднятого до уровня двора, её отделял слой рушеного сырца. Наличие каменной загородки и характер находок позволяют предположить хозяйственно-бытовое назначение дома.

Судя по взаимному расположению кладок, к востоку от двора находился ещё один ряд помещений. Об этом свидетельствует смещение к востоку стены, обрамлявшей двор с востока **(рис. 2, 3)**. Оно составляло 0,70 м, что равнозначно величине стандартного дверного проёма, который, по всей вероятности, там и находился. Эта стена протяжённостью 2,20 м продолжала линию восточной стены южного строения. В её южной око-

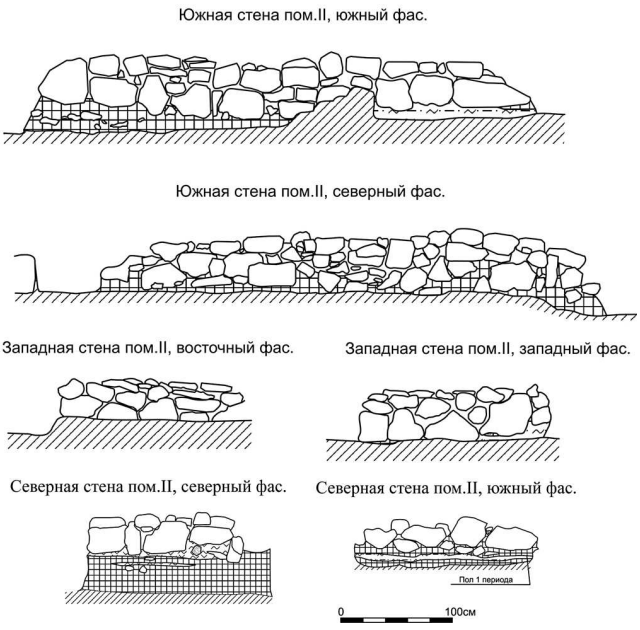

Рис. 8. Помещение II. Фасы стен

Рис. 9. Помещение II. Вид с востока

нечности выявлен ещё один дверной проём **(рис. 13/б)**.

Центральный двор общей площадью около 93 м² был частично вымощен крупными плоскими камнями различной конфигурации **(рис. 2)**.

Рис. 10. Помещение III: а) фасы южной стены; б) западная стена восточный фас, вид с востока; в) вид на помещения III и IV с запада

В его южной части вместо каменной вымостки зафиксирован плотный «натоп» из суглинка с каменной крошкой. Уровень вымостки имел небольшое повышение к западу.

С юга двор ограничивала стена, продолжавшая линию южной стены помещения V. От неё сохранились два небольших участка, позволяющие восстановить направление и характер кладки **(рис. 2)**. Судя по этим фрагментам, она была аналогична и стыковалась с описанной выше стеной, закрывавшей двор с запада. Вход в усадьбу располагался, по всей видимости, именно в этой стене.

Археологический материал, найденный в заполнении помещений усадьбы и на вымостке двора, относительно скуден, но абсолютно характерен для греческих памятников эллинистического времени. Это фрагменты черепиц херсонесского и синопского производства; многочисленные фрагменты красноглиняных, в том числе фасосских, херсонесских и синопских амфор **(рис. 14/1-3)**; фрагменты синопских пифосов **(рис. 14/4,5)**; херсонесских лутериев стандартных форм **(рис. 14/6,7)**; столовой красноглиняной посуды, в частности, херсонесских и средиземноморских кувшинов **(рис. 14/8-11)**, стамноса **(рис. 14/12)**; гончарной керамики для кухни (например, фрагменты кастрюль **(рис. 15/1-3)**; а также чернолаковой керамики **(рис. 15/4-8)**. Встречается, как и на всех античных поселениях, лепная керамика. Например: фрагмент верхней части лепного лощёного кувшина **(рис. 15/9)**, венчики и донце лепных горшков **(рис. 15/10-12)** и верхняя часть лепной чашки с ручкой **(рис. 15/13)**. Эти вещи не могут служить чёткими хронологическими реперами, но их статистический анализ позволяет утверждать, что усадьба принадлежала ещё греческому населению.

Некоторые из находок проливают свет на хозяйственную деятельность обитателей усадьбы. Очевидно, что её хозяева занимались земледелием. Это подтверждает находка ступки для перемалывания зерна и пестика, изготовленного из ножки херсонесской амфоры. Обнаружение в том же помещении каменного оселка и остатков очага свидетельствуют о том, что оно использовалось, в том числе, в качестве кухни. Кроме того, жители усадьбы разводили крупный и мелкий рогатый скот, для содержания которого отводилось отдельное помещение (пом. I). Здесь были обнаружены многочисленные находки костей.

Рацион местного населения дополнялся морепродуктами, которые добывались посредством рыболовства. Об этом промысле говорят находки клешней крабов и каменных грузил для рыболовных сетей.

О домашних культах свидетельствуют находки фрагментов двух херсонесских терра-

Рис. 11. Стена к западу от двора. Вид с запада

котовых статуэток III в. до н.э. **(рис. 16/3,4)**. Обе сделаны из глины коричнево-оранжевого цвета с включением пироксена. Первая (Ч/2009, № 535), склеенная из двух фрагментов, по определению Т.А. Ильиной[1] представляет изображение юноши (Иакха). Утрачена голова, правая рука и нога; ступня левой ноги и крылья. Статуэтка

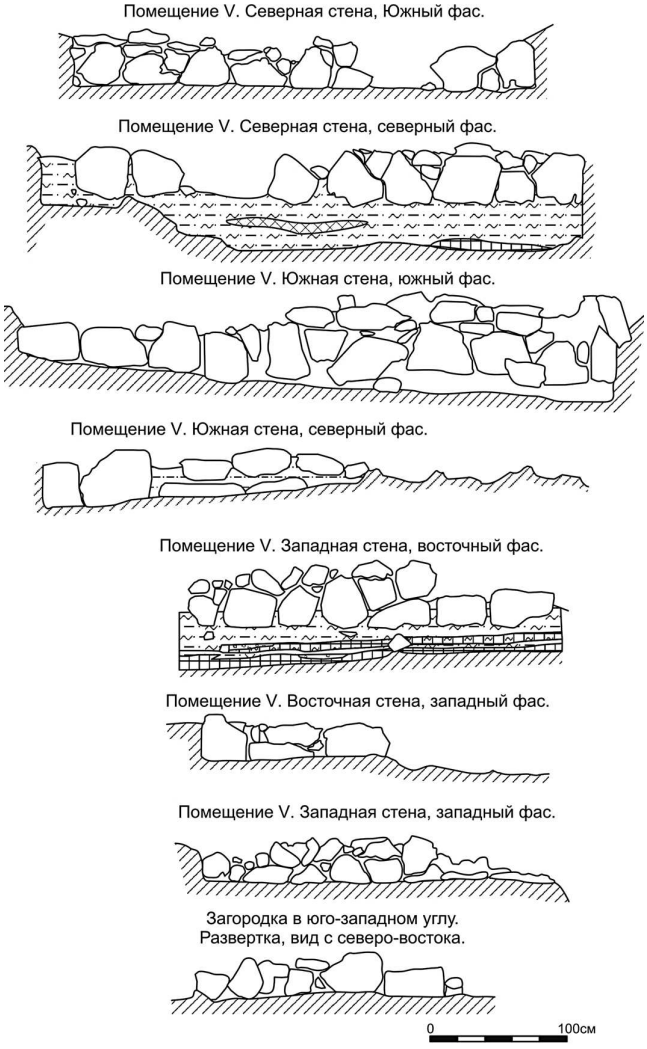
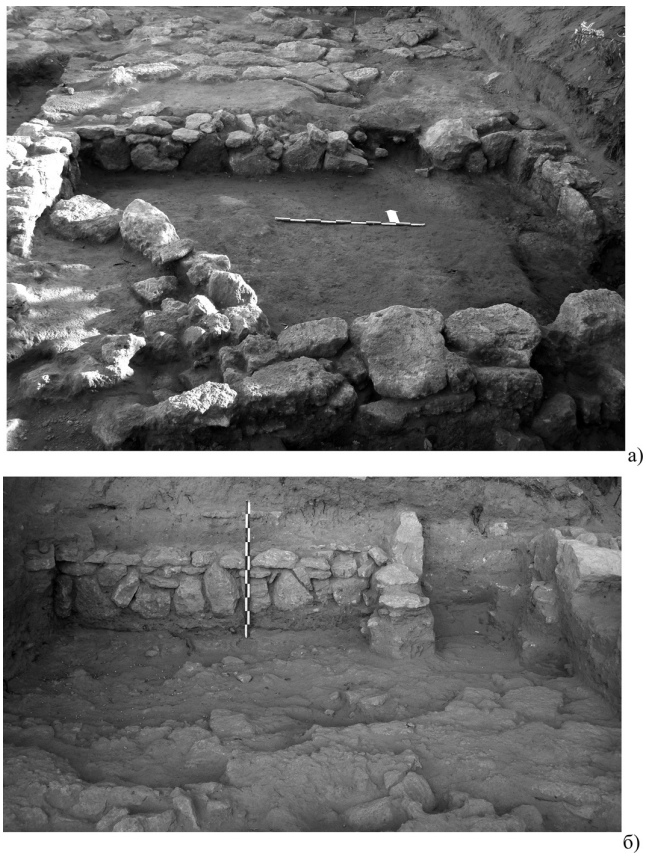

Рис. 12. Помещение V. Фасы стен

оттиснута в односторонней, хорошо моделированной форме; тело заглажено стекой. Обжиг неравномерный. Была покрыта белой грунтовкой, следы краски не прослежены. Терракоты, сохранившиеся лучше, изображают обнажённого юношу на фоне плаща, сливающегося с распростёртыми за спиной крыльями (Ильина, 2007, рис. 2/14, 15, 17, 18, кат. 37-40). Плащ переброшен через его левую руку, которой он придерживает край. Правой, опущенной вниз рукой, он держит складки плаща. Левая нога полусогнута и отставлена назад, правая выставлена вперед. На голове юноши – калаф в виде усечённого конуса (Ильина, 2007, 340). Вторая (Ч/2009, № 536) – фрагмент головы терракотовой протомы богини. Причёска утрачена, лицо сбито. Оттиснута в односторонней форме. Сзади имеет выступ для подвешивания с двумя сквозными отверстиями. Обжиг равномерный. Была покрыта белой грунтовкой, следы краски не прослежены. На целых протомах богиня представлена пухлощёкой женщиной с массивным, тяжёлым подбородком, большим ртом и широким носом, в ушах – большие круглые серьги, на голову надет калаф, руки сложены на груди в ритуальном жесте, характерном для божеств плодородия (Ильина, 2007, 338, рис. 1/1, 7, кат. 1-4).

Отметим практически полное отсутствие украшений, за исключением одной костяной бусины **(рис. 16/2)**, в заполнении помещений. В це-

а)

б)

Рис. 13. Помещение V. а) Вид с юга;
б) Стена к востоку от двора. Вид с запада

[1] Выражаю благодарность Т.А. Ильиной за предоставленную информацию.

лом, археологического материала значительно меньше, чем на усадьбах раннего времени.

О хронологических рамках существования усадьбы можно судить по находкам клейм (всего их три) и чернолаковой керамики. Самым ранним является клеймо на ручке фасосской амфоры **(рис. 16/1)** с изображением амфоры и именем эпонима Лисандра. Оно датируется 60-ми гг. III в. до н.э. (Garlan, 2004, 326), т.е. примерно временем разрушения усадеб второго периода на городище. Таким образом, можно сделать вывод, что наш комплекс был построен практически сразу после набегов скифов на греческие поселения Северо-Западного Крыма, что совпадает со стратиграфической ситуацией на всем памятнике (Попова, 2007, 28).

Ещё одно клеймо на ручке херсонесской амфоры имеет более широкий хронологический диапазон. Это клеймо с именем астинома Никия, которое относится к группам 2Б и 2В по классификации В.И. Каца и датируется 272-237 гг. до н.э. (Кац, 1994, 76, 106). Более поздним временем, 220-210 гг. до н.э., по Н.Ф. Федосееву, датируется клеймо на фрагменте синопского солена: Гефестий/Эстиай **(рис. 16/5)** (Fedoseev, 1999, 32).

Из чернолаковой керамики отметим край аттической тарелки **(рис. 15/6)**. По выделенным С. Ротрофф основным тенденциям в развитии форм этого типа (Rotroff, 1997, 144; Егорова, 2009, 40), в частности, явно выраженному желобку под венчиком и угловатости внешней поверхности стенки, фрагмент датируется второй половиной III в. до н.э. (типа: Rotroff, 1997, 311, fig. 47/658; Егорова, 2009, 138, рис. 28/460).

Самой поздней в данном комплексе можно назвать чернолаковую аттическую пиксиду типа В **(рис. 15/14)** без крышки, найденную непосредственно на полу первого периода в северо-восточном углу помещения V. Пиксиды подобной формы датируются первой четвертью II в. до н.э. (Rotroff, 362, fig. 75/1234), что дает более или менее чёткую дату разрушения помещения первого периода. Её находка маркирует время перестройки помещения.

Итак, весь строительный комплекс представлял собой греческую усадьбу прямоугольной формы, средних размеров, о чём свидетельству-

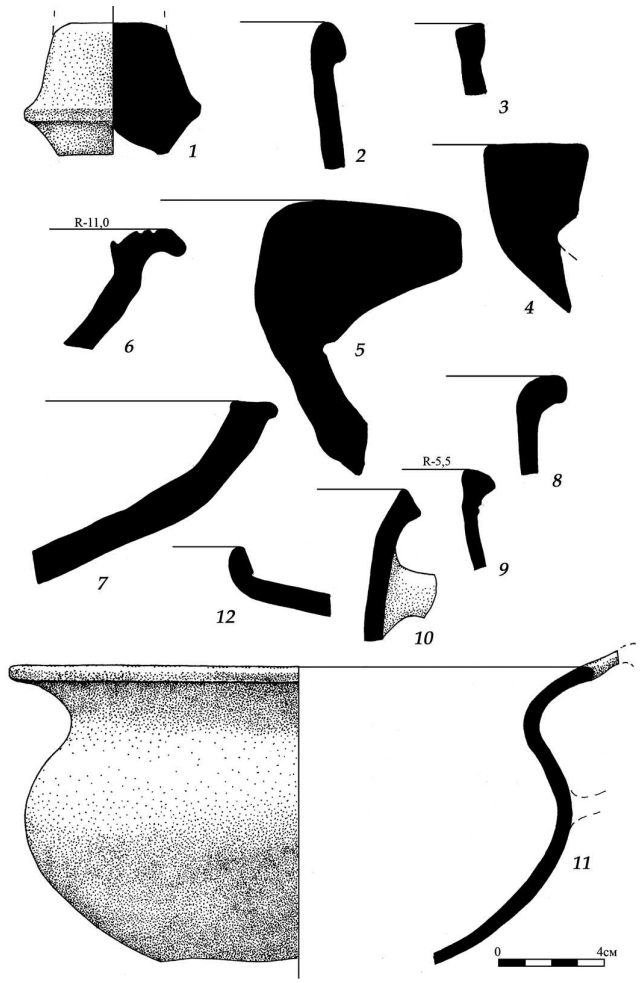

Рис. 14. Находки: 1 – ножка фасосской амфоры; 2 - венчик херсонесской амфоры; 3 – фрагментт венчика коричневоглиняной амфоры; 4, 5 – венчики синопских пифосов; 6, 7 - венчики херсонесских лутериев; 8 – венчик средиземноморского кувшина; 9, 10 – венчики красноглиняных кувшинов; 11 – верхняя часть херсонесского кувшина; 12 – венчик стамноса

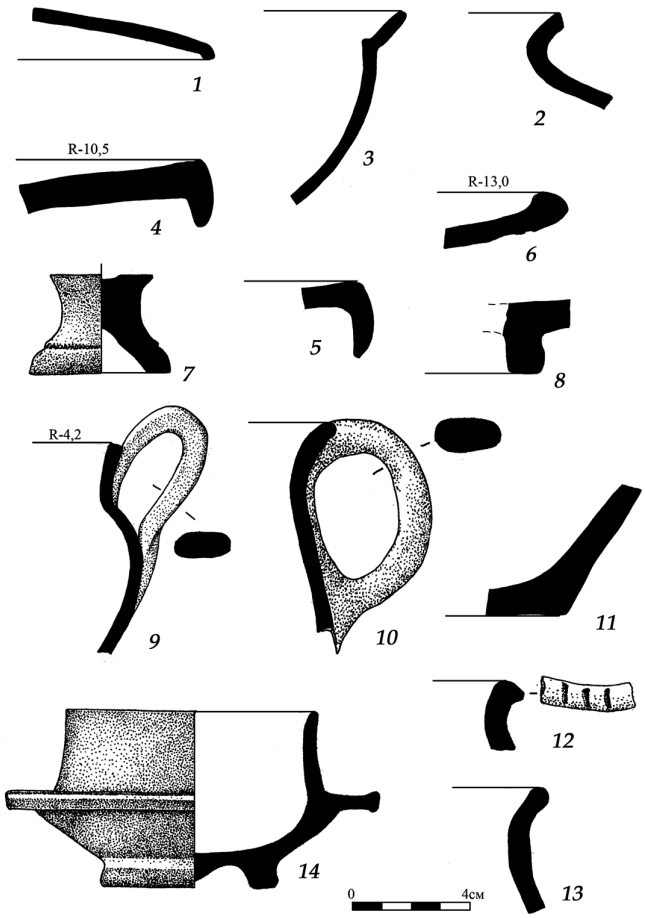

Рис. 15. Находки: 1-3 – фрагменты кастрюль; 4, 5 – фрагменты чернолаковых рыбных блюд; 6 – край чернолаковой тарелки; 7 – ножка канфара; 8 – дно чернолакового блюда; 9-13 – фрагменты лепных сосудов; 14 – чернолаковая пиксида

ет планировка и характер строительной техники исследованных участков. Реконструируемая площадь усадьбы – около 250 м², 37% которой занимал двор. Вход на территорию самой усадьбы располагался, вероятнее всего, в почти не сохранившейся южной стене. По всей видимости, здания были одноэтажными. Хотя толщина фундаментного ряда стен (0,50 м) и позволяла им удержать второй этаж (Буйских, 2008, 95-96), но отсутствие каких-либо конструкций, свидетельствующих о существовании лестниц, а также характер распределения находок по слоям, не дают возможности предполагать наличие второго этажа.

Такой тип усадеб был одним из наиболее распространённых на территории Херсонесского государства в эллинистическое время (Буйских, 2008, 147, рис. 60; Дашевская, Голенцов, 2004, 28, рис. 1; Попова, Коваленко, 2005, 135, рис. 1; Sceglov, 2002, pl. 7).

В отличие от поздних строительных остатков на севере городища, большинство из которых представляли собой перестроенные помещения более ранних периодов (Попова, 2007, 28), дом в его юго-восточной части был сооружен заново на развалинах предшествующей эпохи. Комплекс построен на слое разрушения зданий, существовавших в конце IV – первой трети III в. до н.э. Об этом свидетельствует тот факт, что его северная стена опиралась на верхние ряды кладки раннего строения, а подошвы остальных стен располагались на 0,30 м выше вымостки усадебного двора, которую они перекрывали (Егорова, Попова, 2010, 50-59). Кроме того, находки в слоях, подстилавших полы помещений и вымостку позднего двора, в частности, клейма на ручках херсонесских амфор хронологических групп 1Б, В и 2А по В.И. Кацу (1994, 76), дают дату не позднее 70-х гг. III в. до н.э., то есть времени окончания усадебного периода на городище (Попова, Коваленко, 2005, 100).

Опираясь на датирующие находки, можно с определенной долей уверенности утверждать, что открытая нами усадьба была возведена примерно в 60-е гг. III в. до н.э. и существовала, как минимум, до второй четверти II в. до н.э. Таким образом, начало её бытования совпадает с хронологией строительных остатков, выявленных ранее в северной части городища. Однако разрушается она чуть раньше (Попова, 2007, 30).

Выявленный комплекс позволяет сделать вывод, что площадь позднего греческого поселения была существенно больше, чем предполагалось ранее. Вероятно, в той или иной степени было застроено более 50% первоначальной территории памятника. Частично поселение было сформировано домами усадебного типа, в большинстве своём не сохранившимися, а частично – прямоугольными одноэтажными домами, выявленными на севере (Попова, 2007, 28). Сокращение размера самого поселения, незначительная площадь вновь построенной усадьбы, а также скудность находок, как в количественном, так и в качественном отношении, свидетельствуют об упадке на городище. Это как нельзя лучше соотносится с общей ситуацией в Северо-Западном Крыму (Кутайсов, Уженцев, 1994, 65-66; Кутайсов, 2004, 124-125; Попова, 2007, 32) и наглядно демонстрирует кризисные явления, отмеченные и на других памятниках.

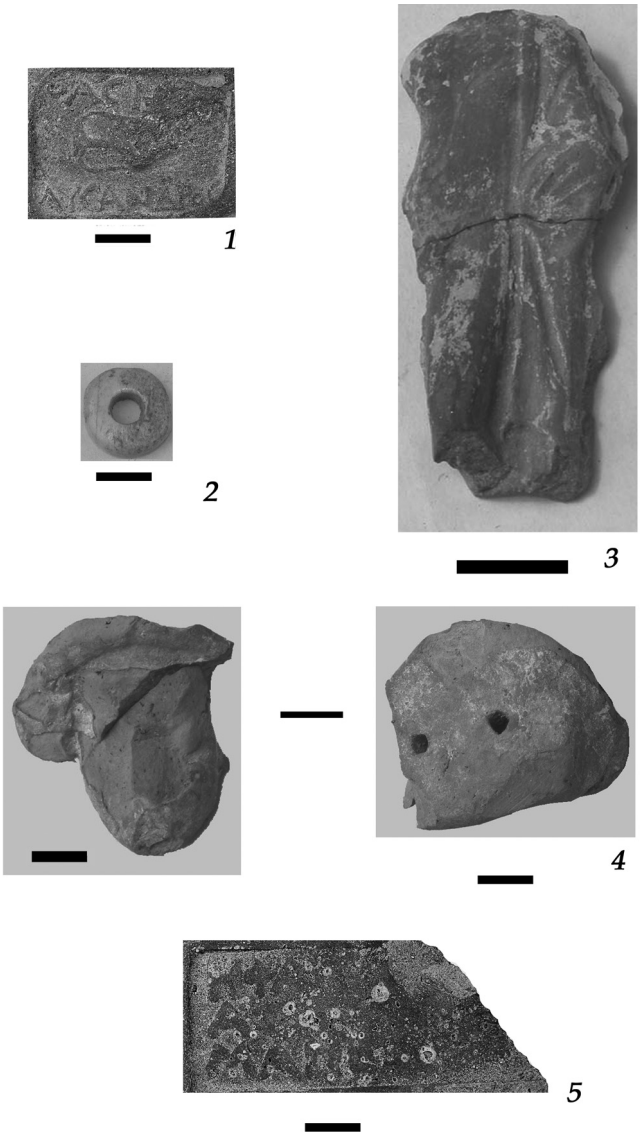

Рис. 16. Находки над полами первого периода:
1 – клеймо на ручке фасосской амфоры;
2 – костяная бусина; 3, 4 – фрагменты терракотовых статуэток, 5 – клеймо на фрагменте синопского солена

Литература

Буйских, 2008 – Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь. МАИЭТ. Вып. 5. Supplementum. 421 с.

Дашевская, Голенцов, 2004 – Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. Мат-лы конф., посвящ. 2500-летию Евпатории (отв. ред. Т.Е. Приднева). Сим-

ферополь. Изд-во Центра музейных технологий и этнокультурного туризма. С. 26-41.

Егорова, 2009 – Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. Изд-во МГУ. 253 с.

Егорова, Попова, 2010 – Егорова Т.В., Попова Е.А. Отчёт о работе крымской археологической экспедиции Исторического факультета МГУ в 2009 г. М. Архив кафедры археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 164 с. 316 ил.

Ильина, 2007 – Односторонние терракотовые изображения божеств с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму (отв. ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова). М. Изд-во МГУ. С. 337-353.

Кац, 1994 – Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 166 с.

Кутайсов, 2004 – Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев. Корвин пресс. 326 с.

Кутайсов, Уженцев, 1994 – Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточные ворота Калос-Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху (отв. ред. В.А. Кутайсов). Киев. Книга. С. 44-70.

Попова, 2007 – Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III – II в. до н.э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сборник научных трудов (отв. ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова). М. Изд-во МГУ. С. 4-130.

Попова, Коваленко, 2005 – Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М. Изд-во МГУ. 134 с.

Яценко, 1978 – Яценко И.В. Отчёт о работе крымской археологической экспедиции Исторического факультета МГУ в 1977 г. М. Архив МГУ им. М.В. Ломоносова. 78 с. 218 ил.

Fedoseev, 1999 – Fedoseev N.F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire (ed. Y. Garlan). Aix-en-Provence – Cedex. Universite de Provénce. P. 27-40.

Garlan, 2004 – Garlan Y. Les timbres ceramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés a Sinope. Presentation et catalogue. Varia Anatolica. XVI. Paris. De Boccard. 378 p.

Rotroff, 1997 – Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton – NJ. Princeton Academic Press. 575 p.

Sceglov, 2002 – Sceglov A.N. Monumental building U6 // Panskoye I. The Monumental Building U6 (eds. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Sceglov). Vol. 1 Aarhus. University press. P. 29-98.

Ю.П. Зайцев

Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья[1]

Antique ceramics in the ritual (votive) hoards of the Northern Black sea littoral. *The article considers the six ceramic complexes (amphorae, pottery and varnished vessels), found together with ritual (votive) hoards. These hoards consisted of horse harness, elements of military equipment and armaments, metal vessels and represented a special phenomenon in the Northern Black sea littoral in the Hellenistic epoch.*

The analysis showed that these hoards were accompanied by the vessels made in Sinopa, Rhodes, Kos, Knidos and some other Mediterranean centers. Of particular importance is the attribution of two stamps on the handles of the Rhodes amphora from the hoard found near Semionovka, Odessa region, on one of them there is the name of the manufacturer Epigonos and on the other – the name of eponymous Agesippos, which refer to the IIa chronological group (234-220 BC).

The review of the amphora material, mould made and tableware vessels, accompanying the ritual (votive) hoards of the Northern Black sea littoral, definitely shows their affiliation to the III – the first half of the II century BC. This fact once again demonstrates the complete failure of the version about the connection of these hoards with the events of the 3rd Mitridatus war of the 70-60-ies of the I century BC.

Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья. *В статье рассматриваются шесть керамических комплексов (амфоры, гончарная посуда и сосуды с лаковым покрытием), найденных вместе с ритуальными (вотивными) кладами. Эти клады состояли из предметов конской сбруи, элементов воинского снаряжения и вооружения, металлических сосудов, и представляли собой особое явление в Северном Причерноморье эллинистической эпохи.*

Анализ находок показал, что упомянутые клады сопровождались находками сосудов производства Синопы, Родоса, Коса, Книда и некоторых других средиземноморских центров. Особое значение имеет атрибуция двух клейм на ручках родосской амфоры из клада у с. Семёновка Одесской обл., на одном из которых – имя фабриканта Эпигона (Epigonos), на другом – эпонима Агесиппа (Agesippos), которые относятся к хронологической группе IIа (234-220 гг. до н. э.).

Обзор амфорного материала, гончарной и столовой посуды, сопровождающей ритуальные (вотивные) клады Северного Причерноморья, определённо показывает их принадлежность III – первой половине II в. до н. э. Это обстоятельство в очередной раз демонстрирует полную несостоятельность версии о связи этих кладов с событиями 3-й Митридатовой войны 70-60 гг. I в. до н. э.

Особая группа археологических памятников Северного Причерноморья эллинистического времени, известная под различными названиями,[2] с начала 90-х гг. XX вв. неизменно привлекает всё большее внимание специалистов. В этой работе нет необходимости приводить обширную историографию данной проблемы, уместно лишь напомнить читателю, что этнокультурная интерпретация этих кладов разделилась на два основных блока: «поздний скифский», «позднескифский», «скифоидный» (хронологический диапазон, в основном III–II вв. до н. э.) и «сарматский» или «сирако-меотский», с датировкой конец II – а в большей степени – вторая четверть I в. до н. э.

В силу специфичности состава упомянутых «кладов» и своеобразия большинства происходящих из них артефактов практически все их категории в той или иной степени становились объектом специального исследования (Симоненко, 1982; Раев и др., 1990, 237-245; Mordvintseva, 2001; Зайцев, 2005; 2009; Дзнеладзе, Сімоненко, 2010, 22-34; Савельев, 2010, 175-186; Симоненко, 2010, 70-233).

С другой стороны, связанные с этими комплексами импортные керамические сосуды (амфорная тара, керамика с лаковым покрытием, гончарная посуда) привлекали меньшее внимание исследователей,[3] хотя именно керамика (и прежде всего амфоры) должна определять датировку, особенно в спорных случаях.

Находки импортной керамики, сопровождающей ритуальные (вотивные) клады Северного Причерноморья, достоверно зафиксированы в шести случаях **(рис. 1)**.

[1] Данная статья представляет собой расширенный и переработанный текст доклада «Античная керамика в вотивных кладах Северо-Западного Причерноморья», прочитанный на Чтениях памяти П.О. Карышковского (г. Одесса) 13 марта 2011 г.

[2] Вотивные клады, «странные» комплексы, жертвенно-поминальные комплексы.

[3] В публикации клада из Великоплоского со ссылкой на отчёт дано краткое описание амфорного материала из Семёновки (Дзис-Райко, Суничук, 1984, рис. 3). При издании находок из Твардицы описаны амфоры и другие сосуды (Бейлекчи, 1998, рис. 3, фото 7), однако эта работа оказалась практически недоступна, т.к. вышла тиражом 9 (!) экземпляров. Характеристика амфорного материала представлена также в публикациях кладов из Грушевского (Каталог, 1981, 35-36, 61-69) и у пос. Острый (Зарайская и др., 2004, рис. 4). В обобщающих работах амфорный материал один раз становился объектом дискуссии (Полин, 1992, 56–57; Бруяко, 1995, 232; Полин, 1997, 210; Бруяко, 2009, 339) и один раз использовался для обоснования хронологии клинкового оружия (Симоненко, 2010, 16-17). В процессе написания данной статьи в моё распоряжение также был предоставлен текст новой публикации клада из Грушевского (Дедюлькин и др.) с подробным описанием керамического комплекса, за что я приношу авторам искреннюю благодарность.

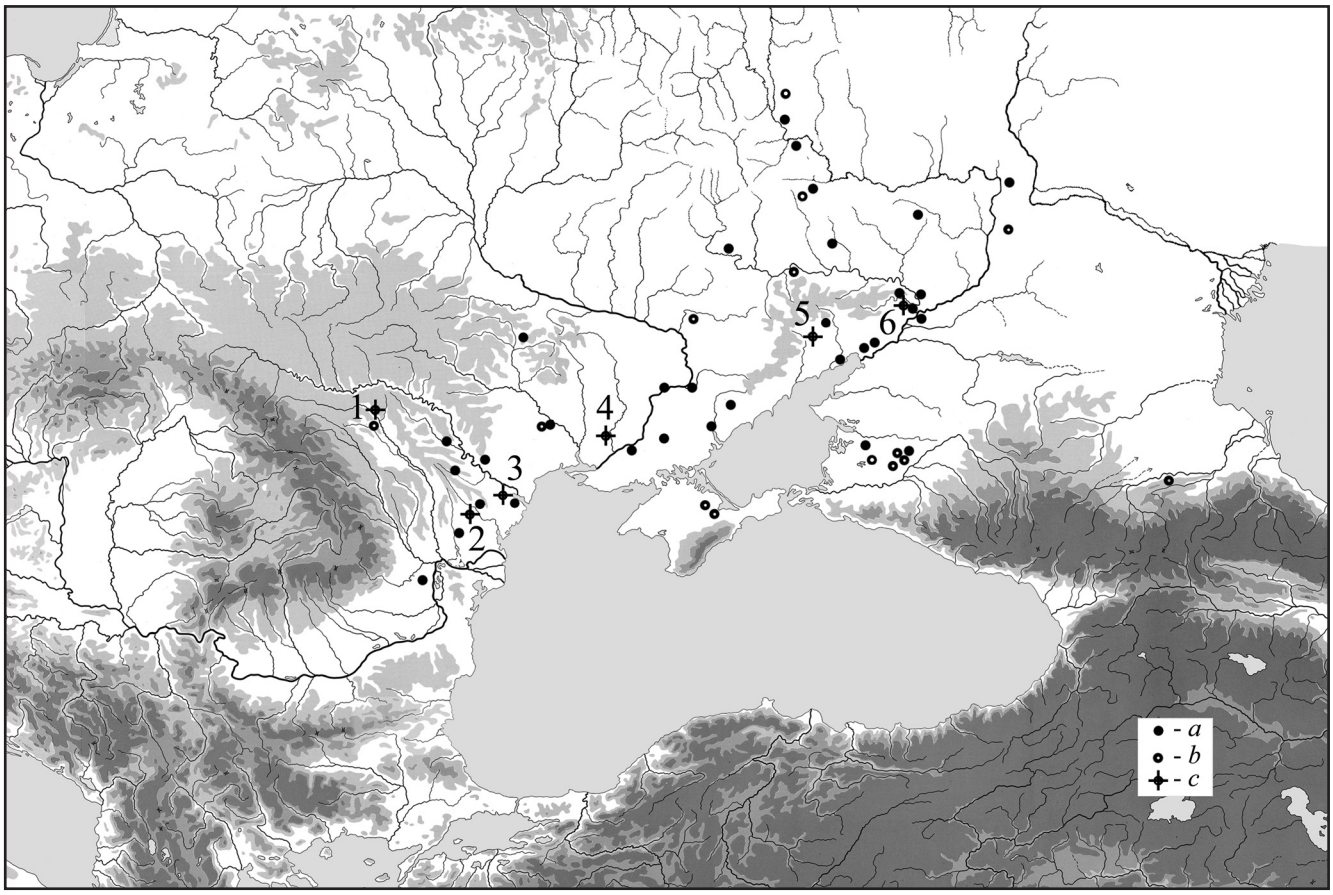

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья с обозначением мест находок ритуальных (вотивных) кладов:
1 – Новые Бедражи; 2 – Твардица; 3 – Семёновка; 4 – Снинирёвка; 5 – Острый; 6 – Грушевский.
a – клады, найденные при случайных обстоятельствах, b – клады, исследованные археологически,
c – клады, сопровождавшиеся находками античной керамики

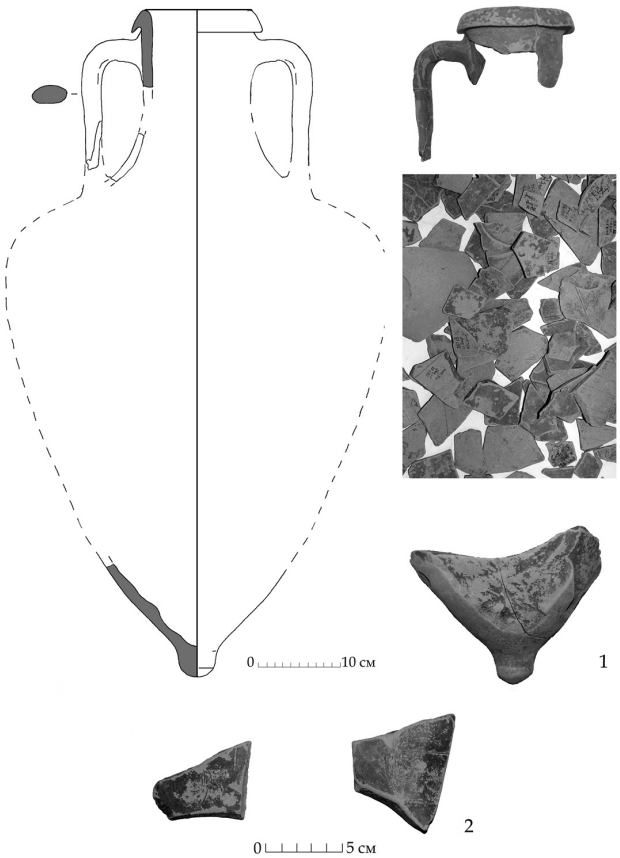

Рис. 2. Амфора из Новых Бедражей (1),
царапины или граффити на тулове (2)

1. Новые Бедражи (рис. 1/1) (Единецкий р-н, Молдова)[4]

Клад – бронзовая ситула с предметами конской упряжи внутри (Антипенко, Чирков, 1992; Редина, Симоненко, 2002, рис. 7/3). Примерно в 6 м к юго-западу от места её находки был обнаружен амфорный бой, сконцентрированный на площади 1,8 х 1,2 м (Яровой, Чирков, 1988, 18, рис. 11). Фрагменты принадлежали одной амфоре со следами ремонта.[5] При упоминаниях и публикациях клада амфора никогда не приводилась.

Амфора **(рис. 2/1)** с грибовидным венцом, цилиндрическим горлом и вертикальными, овальными в сечении ручками, ножка короткая цилиндрическая с конусовидным завершением. Глина плотная, однородная, светло-коричневая, с большим количеством мельчайших слюдяных включений. На некоторых фрагментах заметны множественные царапины **(рис. 2/2)** и ремонтные отверстия.

Сочетание грибовидного венца и очень характерной глины позволяет предполагать самосское происхождение амфоры. По морфологическим признакам может быть датирована в

[4] Другое название – Бедражий Векь (Симоненко, 2010).

[5] Приношу благодарность научным сотрудникам Национального исторического музея Молдовы В. Бубуличу и Н. Матеевич за помощь в работе с материалами.

диапазоне от начала III в. до н. э. (в более ранних комплексах самосские амфоры имеют другие параметры) до первой половины II в. до н. э., т.к. в хорошо известных керамических наборах второй половины II в. до н. э. такие сосуды неизвестны. Вероятно, форма ножки амфоры из Новых Бедражей является дальнейшим развитием варианта, представленного среди материалов усадьбы № 6 Панского, которая погибла в первой трети III в. до н. э. (Монахов, 1999, табл. 214/3).

2. Твардица (рис. 1/2) (Чадыр-Лунгский р-н, Молдова)

На месте случайной находки трёх серебряных фаларов и других металлических предметов был заложен раскоп, в котором открыты каменная плита и яма вытянутых очертаний, рядом с которой находилось компактное скопление керамического боя, включавшее в себя фрагменты двух амфор **(рис. 3/3,4)**,[6] двух лепных горшков **(рис. 3/5)** и чашки с лаковым покрытием **(рис. 3/2)** (Бейлекчи, 1998, 5-6) .

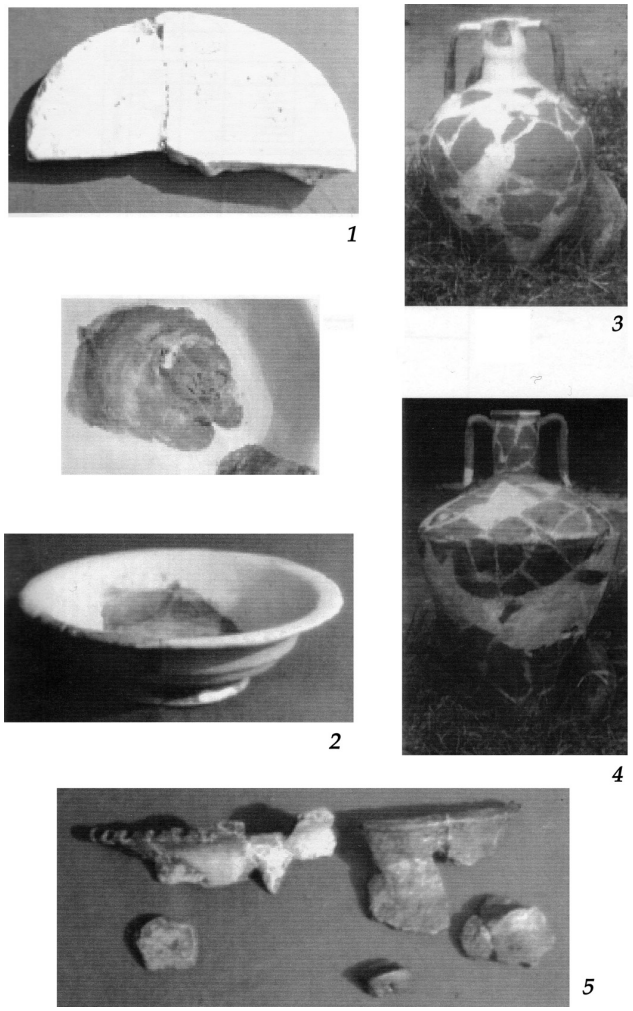

Рис. 3. Комплекс находок, сопровождавших клад из Твардицы (по *Бейлекчи, 1998*). Каменная плита (1), чашка с лаковым покрытием (2), амфоры (3, 4)

[6] Вся керамика из комплекса автором раскопок была сдана в Народный музей с. Твардица, где и хранится в настоящее время.

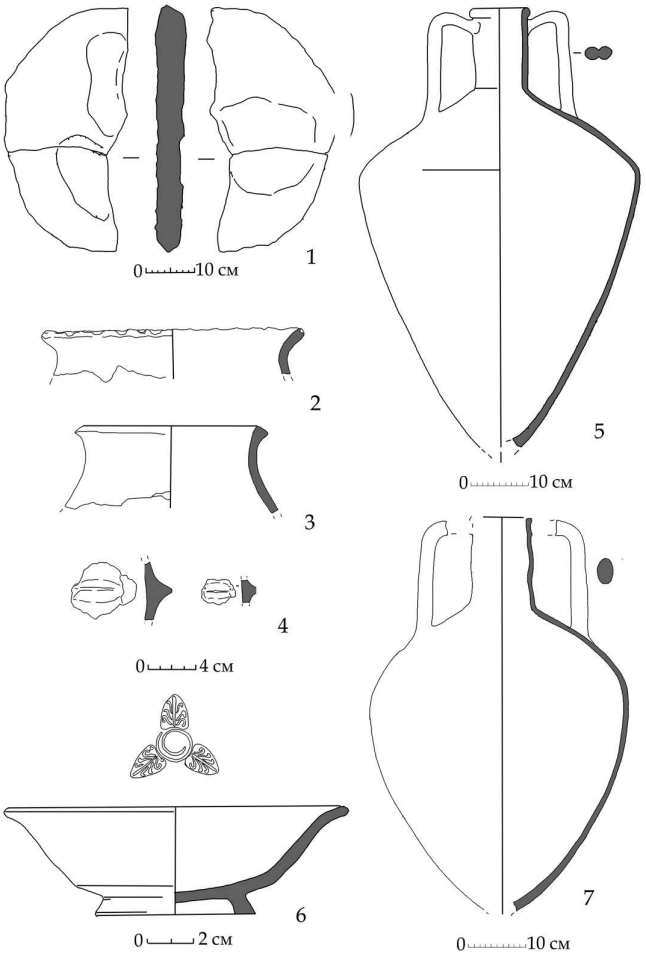

Рис. 4. Комплекс находок, сопровождавших клад из Твардицы (по *Бейлекчи, 1998*). Каменная плита (1), фрагменты лепных горшков (2, 3, 4), амфоры (5, 7), чашка с лаковым покрытием (6)

Первая амфора – косская, с широким туловом, относительно невысоким горлом с характерным «воротничком» в его нижней части, и двуствольными ручками **(рис. 3/4, 4/5)**. Подобные признаки характерны для косских сосудов середины III – первой половины II в. до н. э. (Монахов, 1999, 566).

Вторая амфора **(рис. 3/3, 4/7)** по морфологическим признакам (плавные обводы корпуса, уплощенный венец, тонкие ручки, припухлое горло, тонкие стенки) и составу глины может быть определена как синопская, относящаяся к типу III, вариантам IIIa-IIIc, с датировкой в рамках второй четверти III – первой половины II в. до н. э. (Монахов, 2003, 152-154).

Миска (чашка) **(рис. 3/2, 4/6)** с отогнутым наружу заострённым краем, прямым, скошенным наружу кольцевым поддоном. На внутренней поверхности поддона симметрично нанесены три оттиснутые пальметты вокруг кольцевой бороздки в полтора оборота. Глина плотная, «…светло-коричневая, с редкими частицами красного и тёмно-коричневого цвета». Лаковое покрытие красного цвета.

По материалам афинской агоры сосуды подобных пропорций и профилировки датированы в диапазоне 275–175 гг. до н. э. (Rotroff, 1997, fig. 59,60).

3. Семёновка (рис. 1/3) (Белгород-Днестровский р-н, Одесская обл., Украина)

Рядом с небольшим курганом эпохи бронзы был найден набор металлических предметов, стеклянная чаша и большое количество амфорных фрагментов (Субботин, 1975, 40-45; Дзис-Райко, Суничук, 1984, рис. 3).

Начиная с самой первой публикации, определение количества амфор из этого комплекса и центры их производства вызвали разночтения.

Первоначальный источник информации – текст из отчета: «В северо-западном секторе кургана …было выявлено два участка скопления амфорного боя, который залегал почти ровным слоем на площадях 4 х 4,5 м и 4,5 х 7 м. Всего здесь найдено 557 обломков амфор, в основном их стенок. По найденным аналогиям для форм сохранившихся верхних частей и ножек, а также по керамической массе удалось установить принадлежность 11 амфор. Одна амфора с двуствольными ручками, четыре гераклейские, две синопские, одна амфора типа Солоха 1. Среди амфор найдена придонная часть лепного сосуда» (Субботин, 1976, 41-42) **(рис. 5, 6)**.

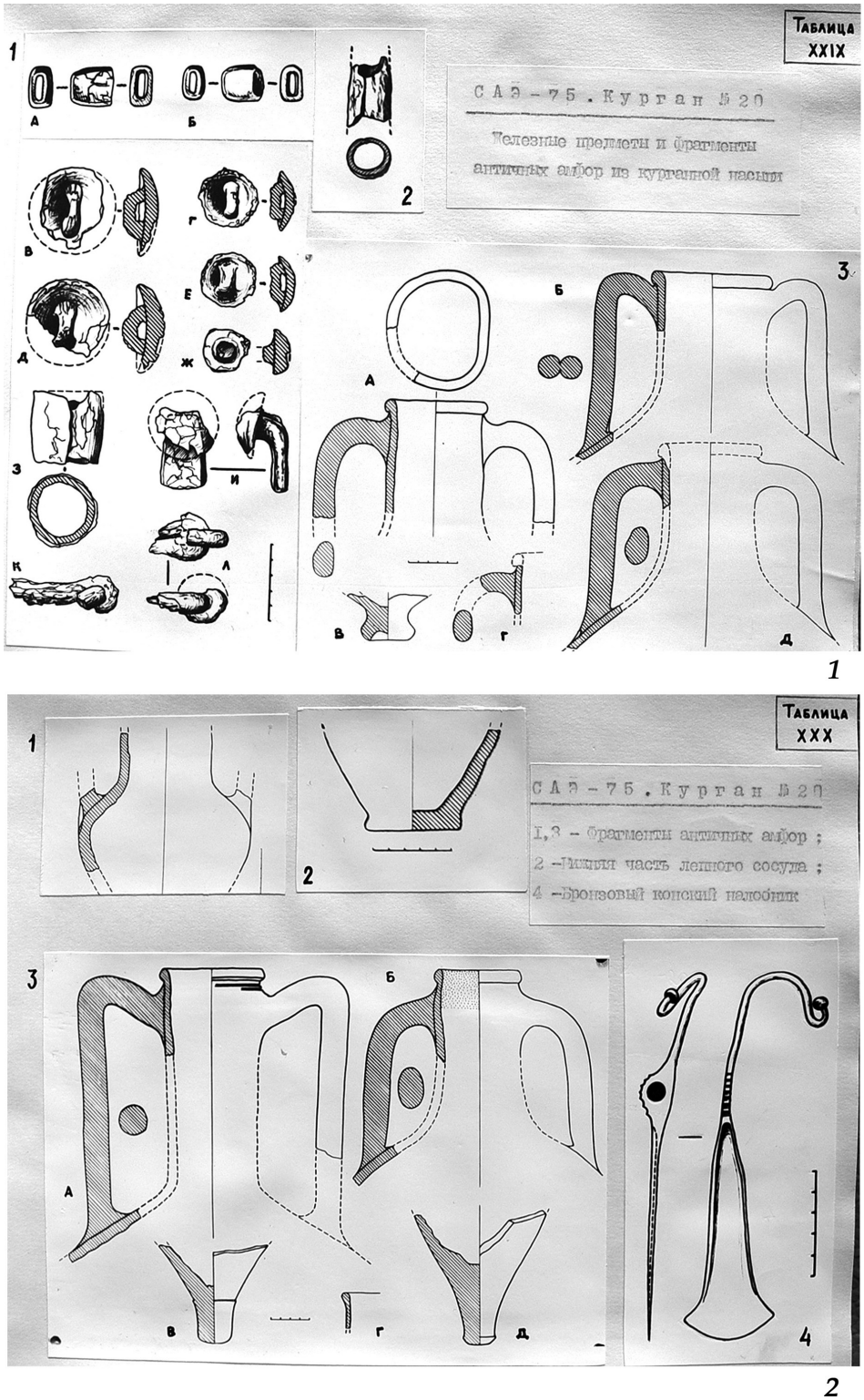

Рис. 5. Семёновка, курган 20. Фрагменты керамики и другие находки. Факсимильные таблицы из отчёта (по *Субботин, 1975*)

Практически дословно этот список амфор был повторен в первой публикации комплекса, с добавлением информации о том, что «… на трёх ручках имеются слабо выраженные следы клеймения» (Субботин, Охотников, 1981, 111). При этом сам комплекс (как и амфорный набор) в этой работе был датирован концом IV – началом III в. до н. э.

В публикации клада из Великоплоского – впервые была выборочно воспроизведена таблица профильных частей амфор из семёновского комплекса (Дзис-Райко, Суничук, 1984, рис. 3) **(рис. 6)**, снабжённая комментарием: «Следует обратить внимание на наличие обломков косских амфор с двуствольными ручками, которые датируются концом 3 – началом 2 вв. до н. э.» (Дзис-Райко, Суничук, 1984, 158).

С.В. Полин со ссылкой на первую публикацию кратко описал семёновский комплекс и снова воспроизвёл перечень амфор. Упомянутое их сочетание (Гераклея, Синопа, Родос, Кос, Солоха 1) привело исследователя к заключению о том, что «современные представления о хронологии амфор … не позволяют считать весь комплекс кургана хронологически единым. … Период бытования гераклейских амфор ограничен рубежом IV-III вв. до н. э., амфоры типа Солоха 1 – третьей четвертью IV в. до н. э. Родосские амфоры развитого типа и косские конца III – II вв. до н. э. не могут быть связаны с ним. Все это заставляет предполагать наличие двух разновременных комплексов. … Таким образом, в кургане у Семёновки присутствуют два комплекса находок: IV в. до н. э. (не позднее третьей четверти) и конца III-II вв. до н. э.» (Полин, 1992, 56–57). При этом анализ комплекса был проиллюстрирован таблицей находок, взятой из предыдущей статьи, в который были представлены профильные части синопской и родосской амфор, а также ножка амфоры, которая определялась как Солоха 1 (Полин, 1992, рис. 11/6-10) **(рис. 6)**.

В сводной работе, посвящённой римским импортам в сарматских и меотских погребениях, из всего семёновского амфорного набора кратко были описаны всего два сосуда – родосский и косский **(рис.6)**, определённые как «римские/провинциально-римские находки» (Simonenko u. a., 2008, 56) В аналитической части этой же работы обе амфоры «по морфологическим признакам»

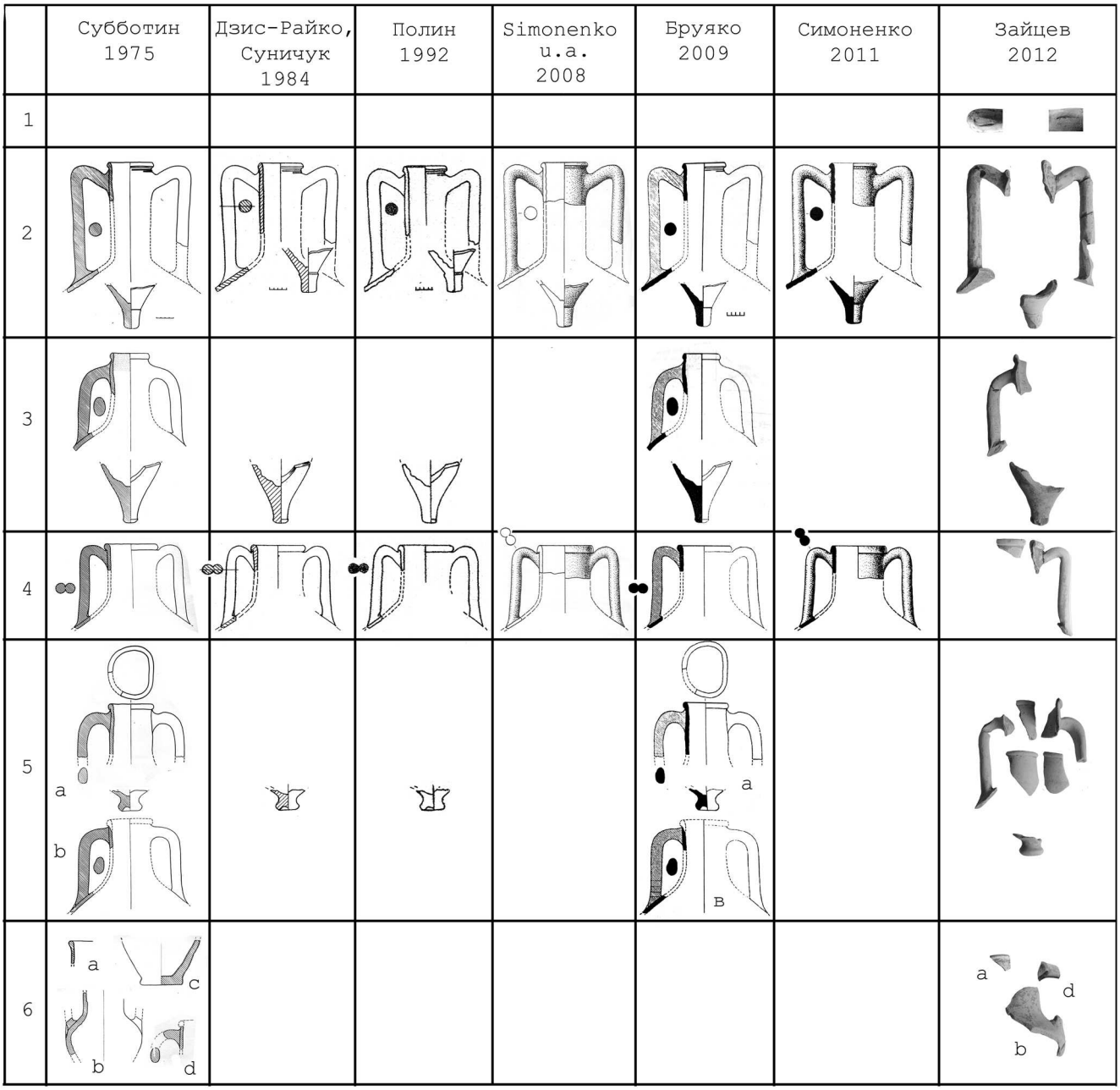

Рис. 6. Семёновка, курган 20. Сравнительная таблица амфор в различных публикациях.
1, 2 – родосская амфора, 3 – синопская амфора, 4 – косская амфора, 5 – амфора средиземноморского центра (предположительно, Книд), 6 – гончарные сосуды

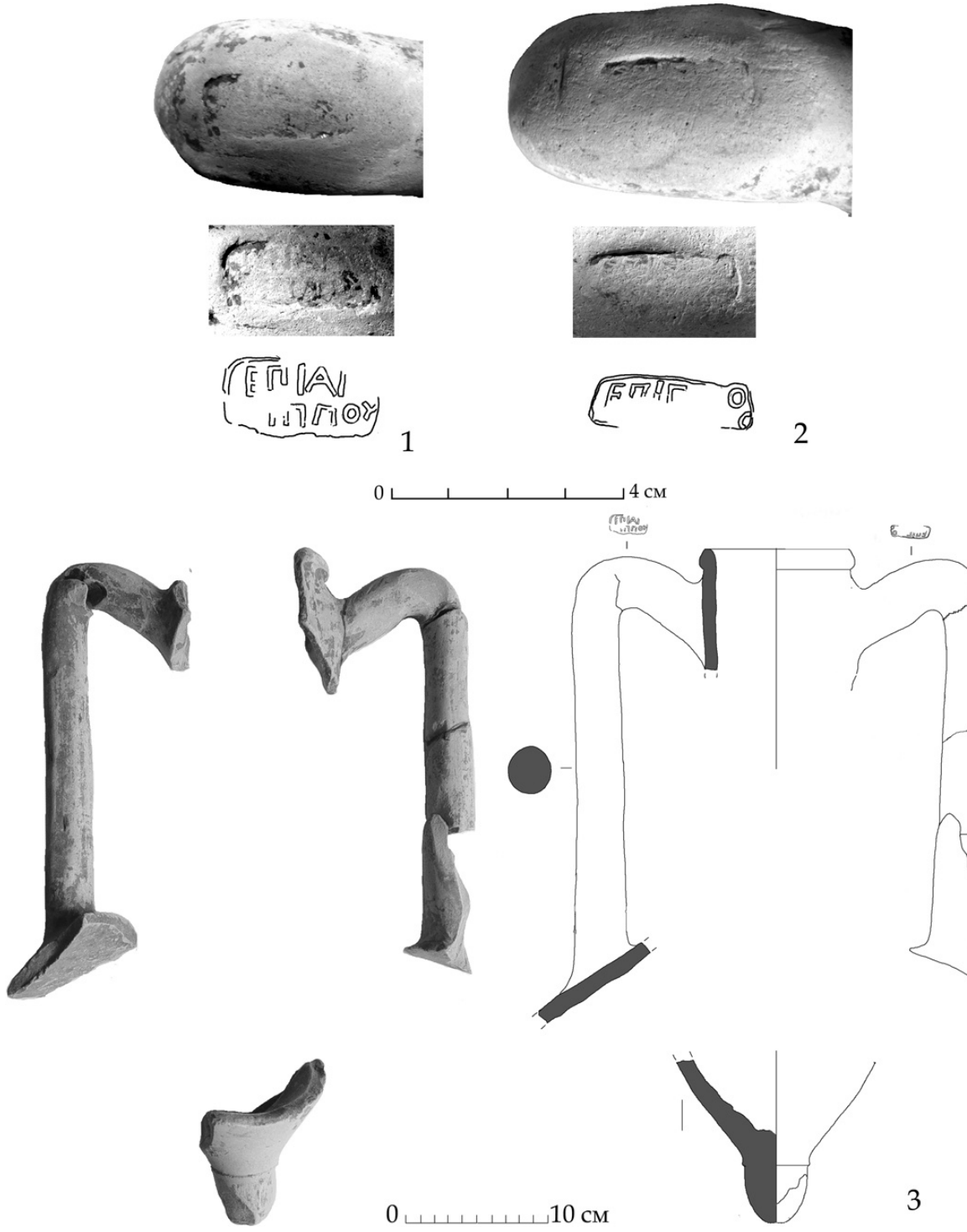

Рис. 7. Семёновка, курган 20. Фрагменты родосской амфоры. 1 – эпонимное клеймо (Агесипп), 2 – фабрикантское клеймо (Эпигон I), сохранившиеся профильные части (3). Фото и прорисовки автора

со ссылкой на С.Ю. Монахова отнесены к родосским, «поздней серии Вилланова» с датировкой «первая половина II в. до н. э.» (Simonenko u. a., 2008, 29; Симоненко, 2011, 142). При этом клейма на ручках амфор не упоминались. В более ранней немецкой версии местом хранения амфорных фрагментов был назван Одесский археологический музей НАН Украины (Simonenko u. a., 2008, 56), а спустя три года их местонахождение автору уже было неизвестно (Симоненко, 2011, 228).

Согласно недавнему выводу И.В. Бруяко: «По-прежнему неясен состав амфорной тары из этого комплекса. ... Вопрос о наличии или отсутствии амфор Гераклеи и типа Солоха 1 в Семёновке по-прежнему остается открытым. Однако, среди опубликованных фрагментов, всё же есть такие, которые могут указывать на дату более раннюю, чем последняя треть III в. до н. э.» Далее следует вывод о том, что «… в кургане 20 зафиксирован кратковременный интервал синхронного бытования двух, в целом разновременных, групп амфор», укладывающийся в рамки III в. до н. э. Кроме того, во второй раз были упомянуты клейма на ручках амфор, которые впервые (!) назывались

родосскими. В дополнение к тексту в статье снова воспроизведена таблица профильных частей семёновских амфор, дважды опубликованная ранее (Бруяко, 2009, 339, рис. 4) **(рис. 6)**.

Наконец, из новейшего исследования А.В. Симоненко можно узнать, что «…С.Ю. Внуков, к которому я обратился за консультацией, любезно предоставил своё мнение. На его взгляд, в тризне есть фрагменты амфор следующих центров: 1) Кос или Псевдокос (конец III – середина II в. до н. э.); 2) Родос (конец III – середина II в. до н. э.); 3) Синопа, Зеест 31 = Внуков, вариант Син Iб (первая половина II в. до н. э.); 4) Родос (с клеймом). Шрифт клейма довольно небрежный, характерен для первой половины 2 в. до н. э., возможно, эпоним Клеоним II (182 г. до н. э.).» (Симоненко, 2012, 79, прил. 19).

Таким образом, изложение богатой истории публикаций, перепубликаций и упоминаний семёновских амфор демонстрирует два показательных момента.

Во-первых, за исключением авторов раскопок все остальные исследователи работали с графическими таблицами из отчёта **(рис. 5)** и фотографиями.[7]

Во-вторых, вопросы о количестве,[8] центрах производства амфор, а также о хронологической цельности/раздельности комплекса так и остались до конца нерешёнными.

Между тем, в Одесском археологическом музее НАН Украины хранится коробка со всеми профильными частями амфор из кургана 20 у с. Семёновка, которые были воспроизведены в полевом отчёте.[9]

Раскладка этой коллекции дала следующие результаты:

1. Родосской амфоре **(рис. 3/3)** принадлежат 8 фрагментов, из которых 7 склеены в две полные ручки с фрагментами венчика и плечей, а один является ножкой. На обеих ручках сохранились оттиски двух прямоугольных клейм, которые, после определённых манипуляций с освещением и намачиванием, удалось прочесть и восстановить.

На одном из клейм чётко читается имя фабриканта Эпигона (Epigonos) **(рис. 7/2)**, на другом восстанавливается имя эпонима Агесиппа (Agesippos)[10] **(рис. 7/1)** без указания месяца.

Эпоним Агесипп на основании новейших разработок помещён в хронологическую группу IIa (234-220 гг. до н. э.), в которой он занимает предпоследнее место (Finkielsztejn, 2001, 191, tab. 18; Кац, 2007, 419).

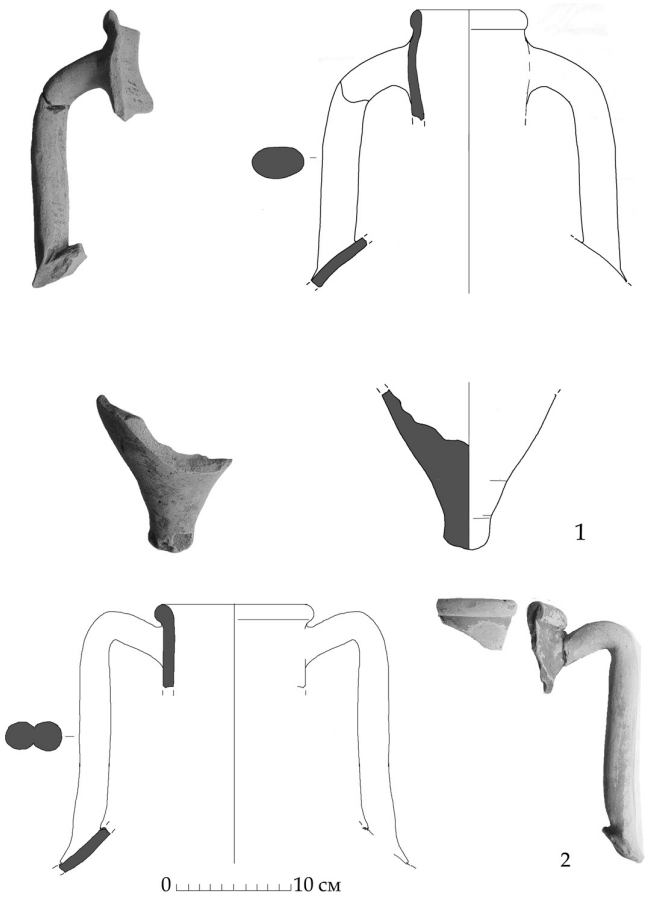

Рис. 8. Семёновка, курган 20. Фрагменты синопской (1) и косской (2) амфор. Фото и прорисовки автора

Фабрикантов с именем Эпигон известно два, однако предыдущему эпонимному клейму в данном случае хронологически соответствует Эпигон I, помещённый во вторую хронологическую группу, тогда как Эпигон II относится уже к четвёртой (Кац, 2007, 422); его оттиски сопровождались дополнительным квадратным клеймом с 16-лучевой звездой (Finkielsztejn, 2001, 125).

2. Синопской амфоре принадлежат три фрагмента **(рис. 8/1)**, два из которых склеены в полную ручку с фрагментом венчика, а третий является ножкой. Морфологические характеристики сохранившихся фрагментов позволяют отнести амфору к типам II ВСЕ или III ВС (Монахов, 2003, табл. 102-104; Бруяко, 2010, 339).

3. Косской амфоре[11] принадлежат три фрагмента **(рис. 8/2)** – из двух склеена полная двуствольная ручка с венчиком и ещё один венчик. Сохранившиеся фрагменты не позволяют реконструировать пропорции сосуда.

[7] По информации С.Ю. Внукова, для определения амфор и прочтения клейма А.В. Симоненко предоставил ему фотографии «далеко не лучшего качества».

[8] Которое колебалось от двух (Симоненко, 2011, 228) до одиннадцати (Субботин, Охотников, 1981, 111) экземпляров.

[9] Приношу благодарность Е.Ф. Рединой за предоставленную возможность ознакомления с коллекцией и помощь в работе.

[10] По любезному сообщению С.Ю. Внукова, на фотографии он смог разглядеть только окончание второй строки ...ΙΜΟΥ (в оригинале...ΙΠΠΟΥ) и его восстановление имени Клеонима 2 было очень предположительным.

[11] Определение этой амфоры как родосской, ранней серии Вилланова (Simonenko u. a., 2008, 29; Симоненко 2011, 142), является ошибочным и основано на некорректной ссылке: у амфор Родоса двуствольными ручками были снабжены исключительно небольшие фракционные сосуды (Монахов, 2003, табл. 81/3, 83/7-8).

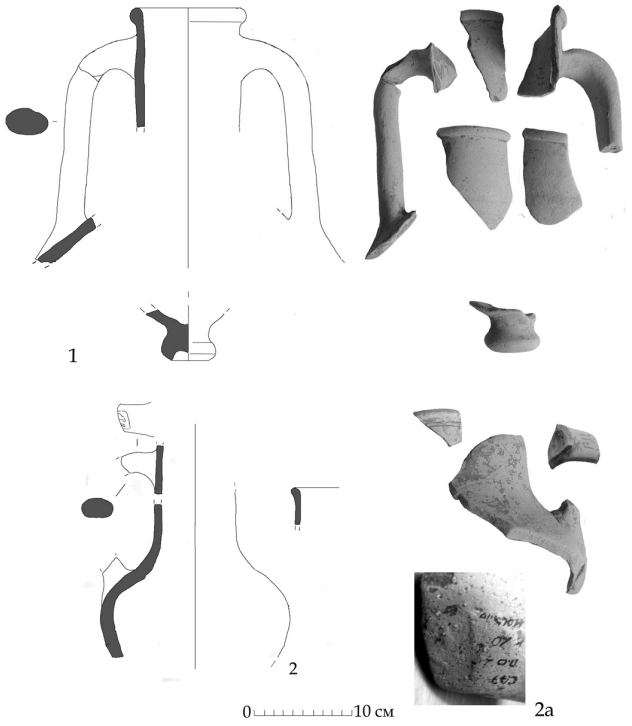

Рис. 9. Семёновка, курган 20. Фрагменты амфоры средиземноморского центра (предположительно Книд) (1), фрагменты гончарных кувшинов (2), клеймо на ручке кувшина (2а, фото Е.Ф. Рединой).
Фото и прорисовки автора

4. Амфоре неопределённого средиземноморского центра **(рис. 9/1)** принадлежат 7 фрагментов, из которых 6 склеиваются в полный венчик с двумя ручками, а ещё один принадлежит ножке. Глина этого сосуда плотная, светло-коричневая, с единичными включениями извести, шамота и песка. Горло слабо-коническое, с валикообразным венчиком, ручки плавно изогнуты, овальные в сечении. Ножка кубаревидной формы, с цилиндрическим углублением на подошве. Со значительной степенью вероятности данная амфора может быть определена как книдская, а детали её профилировки соответствуют типу II (с коническим горлом и кубаревидной ножкой). Согласно современным разработкам, этот тип в целом датирован от третьей четверти IV до II в. до н. э., а смена ножки с кубаревидной на коническую с налепным валиком произошла ок. середины III в. до н. э. (Монахов, 2003, 109). Однако среди материалов одного из кораблекрушений у берегов Марселя, надежно датированного второй половиной III в. до н. э., известны аналогичные ножки (Alfonsi, Gandolfo, 1997, 72).

5. Гончарному сосуду **(рис. 9/2)** неопределённого причерноморского центра принадлежат два фрагмента – верхний прилеп слабо изогнутой овальной в сечении ручки и фрагмент тулова с нижним прилепом ручки.

На верхней плоскости ручки сохранилась часть квадратного или прямоугольного клейма с крупной неопределимой эмблемой **(рис. 9/2а)**. Глина оранжевого цвета, рыхлая, с большим количеством песка и других включений, визуально напоминает синопскую или гераклейскую. Судя по сохранившимся частям, это был кувшин, возможно мерный, небольших размеров с толстыми стенками.

6. Гончарному кувшину принадлежит фрагмент венчика **(рис. 9/3)** с двумя горизонтальными параллельными бороздками.

Как видно, результаты визуального изучения амфорных фрагментов из Семёновки вступают в очевидное противоречие с информацией из полевого отчёта, что вызывает необходимость их тщательного сравнения.

В отчёте и первой публикации были названы 11 амфор (Родос – 3 экз., Кос – 1 экз., Гераклея – 4 экз., Синопа – 2 экз., Солоха 1 – 1 экз.) Сопоставление текста и соответствующих иллюстраций отчета показывает следующую картину:

– ***Три*** родосские амфоры, упоминаемые в тексте отчёта, соответствуют ***трём*** буквенным позициям на графических таблицах и были проиллюстрированы рисунками профильных частей ***одной*** родосской амфоры с клеймами Агесиппа и Эпигона **(рис. 5/2,3а,в)** (все нарисованные фрагменты соответствуют тому, что хранится в ОАМ), а также венчиком ***гончарного кувшина*** **(рис. 5/2,3г)**.

– ***Одна*** косская амфора, упоминаемая в тексте отчёта, соответствует ***одной*** буквенной позиции на графической таблице **(рис. 5/1,3б)** была проиллюстрирована рисунками профильных частей ***одной*** косской амфоры (все нарисованные фрагменты соответствуют тому, что хранится в ОАМ).

– ***Две*** синопские амфоры, упоминаемые в тексте отчёта, соответствуют ***двум*** буквенным позициям на графических таблицах (**рис. 5/2,3б,д)** и были проиллюстрированы рисунками профильных частей ***одной*** синопской амфоры (все нарисованные фрагменты соответствуют тому, что хранится в ОАМ).

– ***Четыре*** гераклейские амфоры, упоминаемые в тексте отчёта, соответствуют ***четырём*** буквенным позициям на графических таблицах и были проиллюстрированы рисунками горловины с ручкой и второй ручки ***одной*** книдской амфоры **(рис. 5,1,3а,д)**, верхним и нижним прилепами ***одного*** гончарного кувшина **(рис. 5,1,3г,2/1)** (все нарисованные фрагменты соответствуют тому, что хранится в ОАМ).

– ***Одна*** амфора типа Солоха 1, упоминаемая в тексте отчёта, соответствуют ***одной*** буквенной позиции на графических таблицах и была проиллюстрирована рисунком кубаревидной ножки **(рис. 5,1,3в)** ***уже упомянутой*** книдской амфоры (нарисованный фрагмент соответствует тому, что хранится в ОАМ).

Таким образом:

– все фрагменты, хранящиеся в ОАМ, были воспроизведены в рисунках отчёта.

– в рисунках отчёта нет таких фрагментов, которых бы не было в коллекции ОАМ.

– в коллекции ОАМ нет таких фрагментов, которые бы не были нарисованы в отчёте.

Из всего этого следует, что других профильных частей кроме тех, которые были сданы в фонды Одесского археологического музея, не существовало. Упомянутые в отчёте 557 фрагментов (за вычетом 24 профильных частей) очевидно, принадлежали туловам перечисленных выше ***четырёх*** амфор и ***двух*** гончарных кувшинов.

В тексте же отчёта, по труднообъяснимой причине, количество ссылок на рисунки при упоминании того или иного центра производства ошибочно трансформировалось в количество амфор.

Таким образом, в состав Семёновского керамического набора входило 4 амфоры (родосская, синопская, косская и книдская), два гончарных кувшина и лепной горшок. Дата комплекса – последняя треть или последняя четверть III в. до н. э. – определяется клеймами на ручках родосской амфоры, а остальные амфоры этой дате нисколько не противоречат, составляя хронологически компактный единый комплекс.

Таким образом, в результате проведённого исследования (или расследования) мы получаем первый (и пока единственный) ритуальный клад, надежно датированный амфорными клеймами.

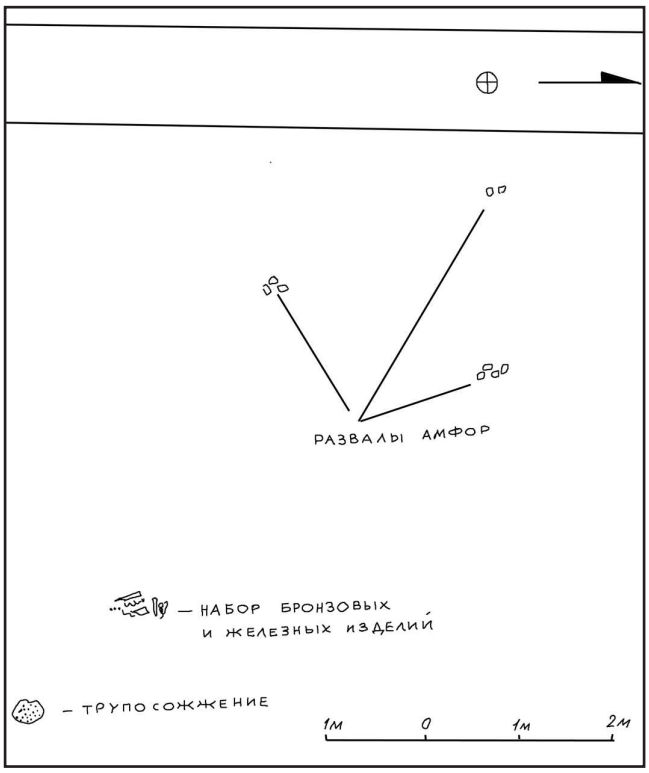

Рис. 10. Снигирёвка. Схема размещения клада и скоплений амфорных фрагментов. «Трупосожжение» – пятно золы и угольков (по *Никитин, Рубан, 1974*)

4. Снигирёвка (рис. 1/4) (Снигирёвский р-н, Николаевская обл., Украина)

Рядом с ритуальным кладом, в состав которого входили элементы конской узды, два железных ножа и наконечник копья, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности были обнаружены развалы амфор, залегавшие тремя скоплениями **(рис. 10)** (Никитин, Рубан, 1974, 3, рис. 2). К сожалению, амфорные фрагменты ни определены, ни взяты не были, и их общее количество (равно как наличие/отсутствие профильных частей) остается неизвестным. Тем не менее, в данном случае показателен сам факт встречаемости клада и разбитых амфор в составе единого комплекса, четвёртый в Северо-Западном Причерноморье.

5. Острый (рис. 1/5) (Марьинский р-н, Донецкая обл., Украина)

Недалеко от ямки с предметами конской узды, в северо-восточном секторе кургана № 2

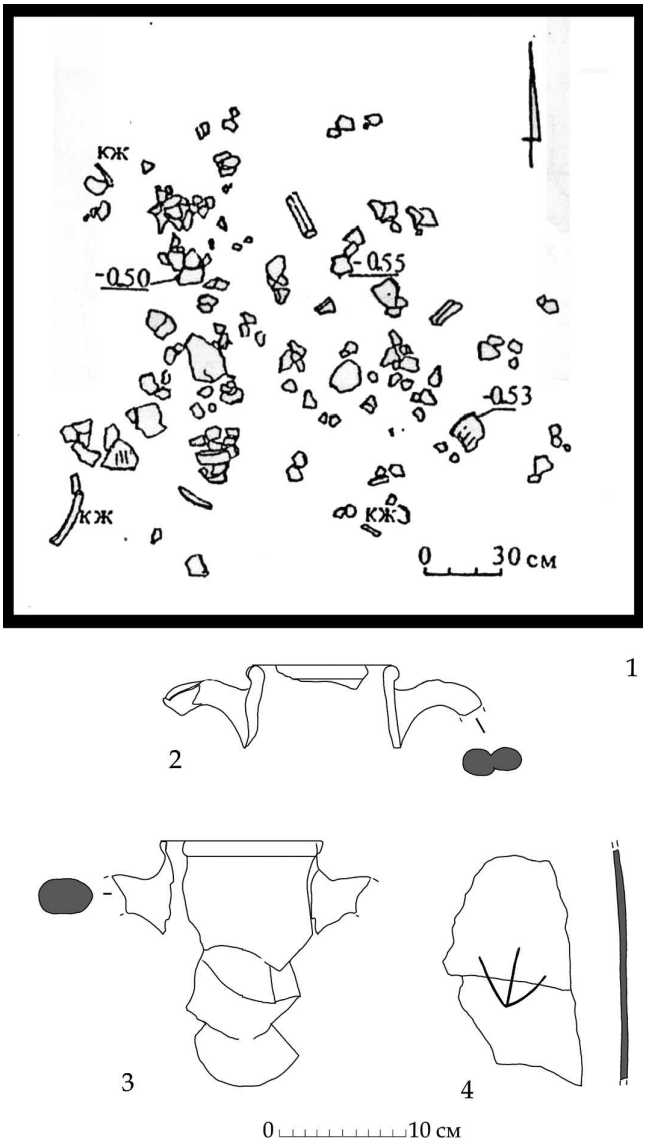

Рис. 11. Острый (по *Зарайская, Привалов, Шепко, 2004*). Ситуационный план размещения фрагментов амфор (1), фрагменты амфор: косской (2, 4) и синопской (?) (3)

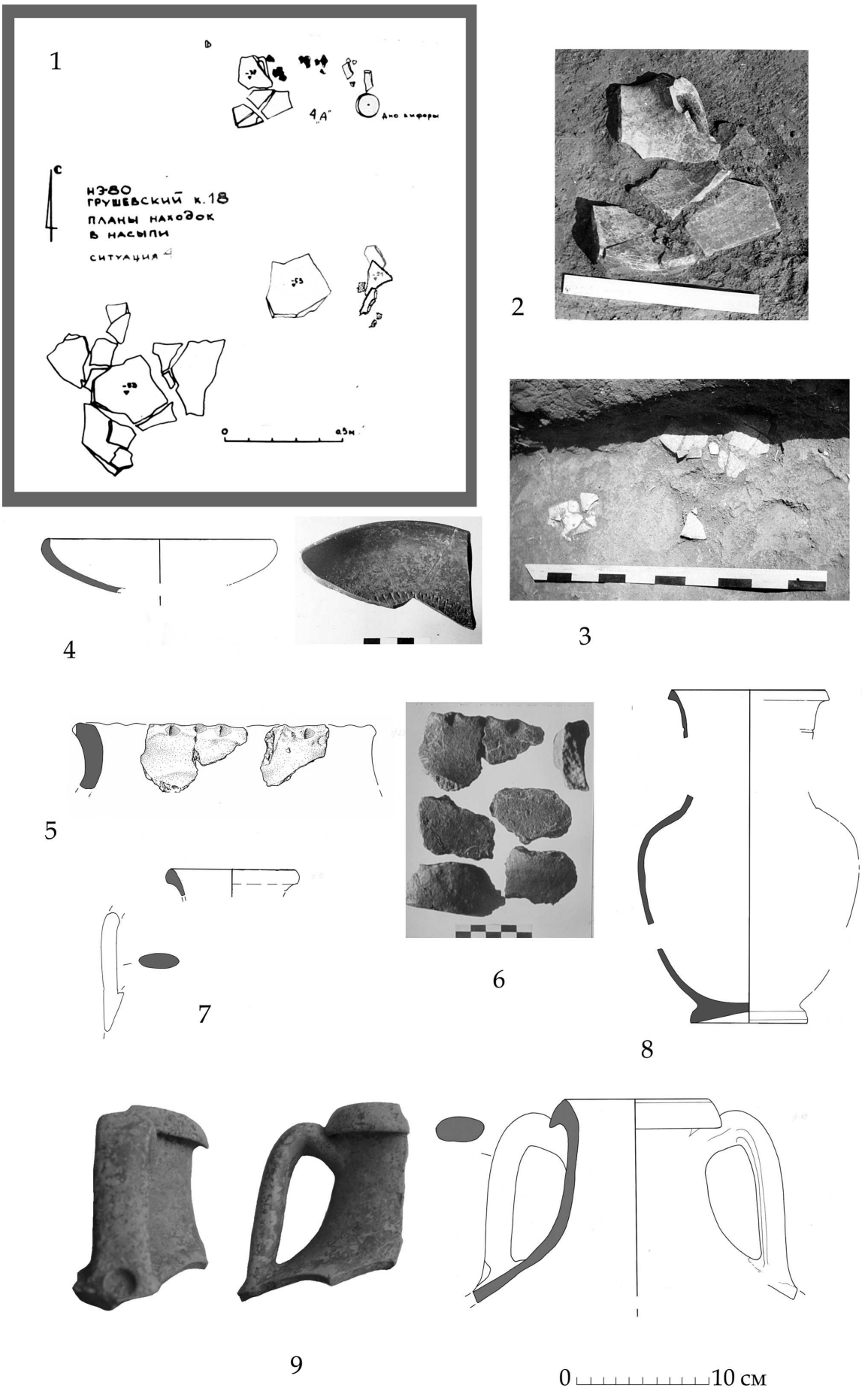

Рис. 12. Грушевский. План расположения фрагментов керамики (1), полевые фотографии (2, 3), фрагмент чашки с лаковым покрытием (4), фрагменты лепного горшка (5, 6), фрагменты гончарных кувшинов (7, 8), горловина средиземноморской амфоры (9). 1-4, 6 (по *Крайсветный, 1980*); 4, 5, 7, 8, 9 (по *Дедюлькин и др.*), 9 – фото автора

была обнаружена площадка амфорного боя, залегавшая на древней дневной поверхности под невысокой насыпью **(рис. 11/1)**.

По определению авторов публикации, «Обломки вероятно принадлежат двум амфорам: одна из них – с двуствольными ручками, тесто розовое без заметных включений, на поверхности – следы светлого ангоба. Длина ручки 16 см, диаметр венчика – 11,7 см, на стенке – графитти … Другая амфора с овальными в сечении ручками, тесто оранжевое мелко отмученное без включений, диаметр венчика – 12,8 см, сечение ручки – 4,2 х 2,9 см. … обнаруженные части амфор по глине и форме ручек напоминают косскую тару… 4-2 вв. до н. э. (Зарайская и др., 2004, 142) **(рис. 11/2,3)**.

А.В. Симоненко определил амфору с двуствольными ручками как родосскую ранней серии варианта Вилланова с датировкой конец третьей – последняя четверть III в. до н. э. (2010, 16-17), что, несомненно, является ошибкой.

Обнаружить фрагменты амфор в фондах археологического музея Донецкого национального университета пока не удалось,[12] поэтому (согласно определения авторов публикации) для амфоры с двуствольными ручками можно констатировать её косское производство. Вторую амфору – на основании формы ручек, профилировки венчика и цвета глины – можно предположительно определить как синопскую.

6. Грушевский (рис. 1/6) (г. Новочеркасск, Ростовская обл., Россия)

В кургане № 18 при раскопках был обнаружен клад предметов воинского вооружения и снаряжения, а также конской узды. В нескольких метрах на этом же горизонте была зафиксирована обожжённая площадка с развалами фрагментов керамики **(рис. 12/1-3)**, среди которых преобладали амфорные (Крайсветный, 1980; Дедюлькин и др.).

На основании новейшего исследования этого комплекса (Дедюлькин и др.) античная керамика из этого комплекса определена следующим образом:

1. Фрагменты стенок и профильных частей амфоры родосского круга производства конца IV – первой трети III в. до н. э.[13] Венчик клювовидный (грибовидный), на нижних прилепах ручек есть пальцевые вдавления. Диаметр венчика ок. 13 см **(рис. 12/9)**.

2. Фрагменты венчика фасосской амфоры (диаметр ок. 12 см), конец IV – первая треть III в. до н. э.

3. Фрагменты венчика и стенок коринфской амфоры (диаметр венчика ок. 13 см), конец IV – первая треть III в. до н. э.

5. Фрагменты венчика, ручки и стенок красноглиняного кувшина. Диаметр венчика ок. 10 см **(рис. 12/7)**.

4. Фрагменты тонкостенного светлоглиняного кувшина со следами красной краски под венчиком и на тулове. Диаметр венчика ок. 12 см **(рис. 12/8)**.

6. Фрагмент венчика розовоглиняной чашки с лаковым покрытием, украшенной по дну орнаментом из косых насечек **(рис. 12/4)**.

На основании такого керамического набора новейшая датировка Грушевского клада определена концом IV – первой третью III в. до н. э. (Дедюлькин и др.).

Вывод. Обзор амфорного материала, гончарной и столовой посуды, сопровождающей ритуальные (вотивные) клады Северного Причерноморья, определённо показывает её принадлежность хронологическому диапазону III – первой половины II в. до н. э. В свою очередь, это обстоятельство в очередной раз демонстрирует полную несостоятельность версии о связи горизонта кладов с событиями 3-й Митридатовой войны 70-60 гг. I в. до н. э.[14]

Литература

Антипенко, Чирков, 1992 – Антипенко Е. О., Чирков А. Ю. Клад позднескифского времени из Северной Молдовы // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Тереножкина (отв. ред. Г.Н. Тощев). Мелитополь. Препринт. С. 5-6.

Бейлекчи, 1988 – Бейлекчи В.С. Фалары села Твардица. Ростов Великий. Препринт. 339 с.

Бруяко, 1995 – Бруяко И.В. Рецензия на С.В. Полин От Скифии к Сарматии // РА. № 1. С. 230-237.

Бруяко, 2009 – Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. Скифские интерпретации // Stratum plus. № 3. 2005-2009. С. 329-369.

Дзис-Райко, Суничук, 1984 – Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов из с. Великоплоское // Ран-

[12] Благодарю Л.Г. Шепко за предоставленную возможность работы с комплексом.

[13] Авторы статьи ссылаются на определения С.Ю. Монахова.

[14] Для того чтобы не «отпускать» Семёновский комплекс из Митридатовой эпохи, в одной из новейших работ А.В Симоненко обозначил свои новые позиции. Позиция № 1 – комплекс с налобником вообще может быть не связан с амфорами. Позиция № 2 – «Сколько «жили» амфоры у кочевников, никто не знает…(Симоненко, 2012, 79). Удачная оценка первого методического приема – когда «неудобный» комплекс объявляется недостоверным – недавно дана В.К. Фёдоровым: «...У них (А.В. Симоненко и В.Ю. Зуев – ***Ю.З.***) то и дело ошибаются и попадают впросак, а то и занимаются подтасовками и другие исследователи, которым посчастливилось найти ранние комплексы с прохоровскими клинками, – Б.Н. Граков, В.Н. Васильев, В.К. Фёдоров …Можно даже усмотреть в этом некую тенденцию и вывести прямую зависимость: «ранний комплекс – клинок прохоровского типа в нём – ошибка (небрежность, непрофессионализм, недобросовестность) исследователя». Так, видимо, проще» (Фёдоров, 2010, 379). А предложенная датировка родосских клейм может увеличить время «запаздывания» амфор по отношению к металлическим предметам семёновского клада почти в полтора века…

ний железный век Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. И.Т. Черняков). Киев. Наукова думка. С. 148-161.

Дедюлькин и др. – Дедюлькин А.В., Деркач С.В., Крайсветный М.И. Воинский ритуальный комплекс из кургана № 18 Грушевского могильника (в печати).

Дзенеладзе, Сімоненко, 2010 – Дзенеладзе О.С., Сімоненко О.В. Намистини – воїнські амулети III – II ст. до н.е. // Археологія. № 3. С. 22-34.

Зайцев, 2005 – Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Символика. С. 88-94.

Зайцев, 2009 – Зайцев Ю.П. Предметы конской упряжи III – I вв. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (сравнительный анализ) // Пятая кубанская археологическая конференция. Мат-лы конф. (ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во государственного учреждения здравоохранения «Медицинский информационно-аналитический центр». С. 134-139.

Зарайская и др., 2004 – Зарайская Н.П., Привалов А.И., Шепко Л.Г. Курган раннего железного века у пос. Острый // Донецкий археологический сборник. Вып. 11. Донецк. С. 130-144.

Каталог, 1981 – Каталог выставки новых поступлений отдела археологии (1970-1980 гг.). Новочеркасский музей истории Донского казачества. Новочеркасск. 75 с.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Крайсветный, 1980 – Крайсветный М.И. Отчёт о работах Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории донского казачества, 1980 г. Новочеркасск. 1980 г. Архив ИА РАН, Ф. 1, № 8764.

Монахов, 1999 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II вв. до н. э. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 566 с.

Монахов, 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. М. – Саратов. Киммерида – Изд-во Саратовского университета. 352 с.

Никитин, Рубан, 1974 – Никитин В.И., Рубан В.В. Отчёт о работе Ингульской степной экспедиции Николаевского краеведческого музея в 1973 г. Научный архив ИА НАН Украины. № 1973/63а. 49 с. + 143 табл.

Полин, 1992 – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев. Типография ФНПУ. 201 с.

Полин, 1997 – Полин С.В. По поводу рецензии И.В. Бруяко // РА. № 4. С. 207-215.

Раев и др., 1990 – Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в восточной Европе // Древние памятники Кубани (мат-лы семинара) (ред. А.М. Ждановский, И.И. Марченко). Краснодар. Красное знамя. С. 117-135.

Редина, Симоненко, 2002 – Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца 2 – 1 вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2 (ред. И.И. Марченко). Краснодар. Препринт. С. 78-96.

Савельев, 2010 – Савельев О.К. Оружие дальнего боя из «странных» комплексов // Stratum plus. № 3. С. 175-186.

Симоненко, 1982 – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии (отв. ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 237-245.

Симоненко, 2007 – Симоненко А. В. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология (ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров). Челябинск. Изд-во ЮурГУ. С. 99–113.

Симоненко, 2010 – Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 328 с.

Симоненко, 2011 – Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 272 с.

Симоненко, 2012 – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко (отв. ред. А.В. Симоненко). Киев. КНТ. С. 73-88.

Субботин, 1975 – Субботин Л.В. Отчёт о работе Семёновской новостроечной археологической экспедиции ОАМ АН УССР в 1975 г. Научный архив ИА НАН Украины. № 1975/34. 54 с. + 34 табл.

Субботин, Охотников, 1981 – Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев. Наукова думка. С.102-116.

Яровой, 1988 – Яровой Е.В. Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1988 г. Научный архив Национального музея истории Молдовы.

Фёдоров, 2010 – Фёдоров В.К. Ранние комплексы с мечами и кинжалами прохоровского типа на Южном Урале // НАВ. Вып. 11. С. 375-391.

Finkielsztejn, 2001 – Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. BAR. Intern. Ser. Oxford. Oxford press. 260 s.

Mordvintseva, 2001 – Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden. Philipp von Zabern. 98 s.

Rotroff, 1997 – Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton – NJ. Princeton Academic Press. 575 p.

Simonenko u. a., 2009 – Simonenko A., Marcenko I.I., Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Bd 25. Mainz. Philipp von Zabern. 626 s.

Ю.П. Зайцев

Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы)

North Black sea littoral in the III-II centuries B.C.: ritual hoards and archaeological cultures (raising a problem). *Ritual/votive hoards are the items of horse harness, weapon, military equipment and metal vessels, found in the barrow mounds, natural hills and the slopes of the beams and not associated with burials.*

At the present time on the territory from the Danube to the Volga and the Northern Caucasus about 50 similar complexes were fixed, which are dated in the diapason of the III-I centuries BC.

The analysis of objects of a horse bridle from the hoards demonstrates their relationship with synchronous barbarian monuments of the Lower Dniester region, the Crimea, Taman and the Northern Caucasus. Each of these territories is distinguished by its own specifics of decoration of items of horse harness.

Mapping of the hoards shows that the vast majority of them mark a vast uninhabited territory of the III-II centuries BC, and synchronous funerary complexes frame this territory in the southern sector, being located in the foothill zone and the major rivers.

All the above-mentioned groups of funerary monuments with «hoard» things are characterized by developed horse breeding and the presence in the immediate vicinity of the settlements of considerable size, the specific of which is the expressive concentration of import amphora products.

Basing on the received information and the observations the hypothesis is formulated, according to which the ritual/votive hoards of the Northern Black sea coast could mark the main caravan routes through the uninhabited territory and became the result of the ritual acts, committed in the course of these caravans.

Северное Причерноморье в III-II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы). *Ритуальные/вотивные клады – предметы конской упряжи, оружие, воинское снаряжение и металлические сосуды, обнаруженные в курганных насыпях, естественных возвышенностях и на склонах балок, и не связанные с погребениями.*

В настоящее время на территории от Дуная до Волги и Северного Кавказа зафиксировано около 50 подобных комплексов, которые датируются в диапазоне III-I вв. до н. э.

Анализ предметов конской узды из кладов демонстрирует их связь с синхронными варварскими памятниками Нижнего Приднестровья, Крыма, Тамани и Северного Кавказа. Для каждой из этих территорий определена своя специфика оформления предметов конского снаряжения.

Картографирование кладов показывает, что подавляющее их большинство маркирует обширную незаселенную территорию III-II вв. до н. э., а синхронные погребальные комплексы обрамляют эту территорию в южном секторе, располагаясь в предгорной зоне и у крупных рек.

Для всех упомянутых групп погребальных памятников с «кладовыми» вещами очевидно развитое коневодство и наличие в непосредственной близости значительных по размерам населенных пунктов, особенностью которых является выраженная концентрация импортной амфорной продукции.

На основании полученной информации и сделанных наблюдений сформулирована гипотеза, согласно которой ритуальные/вотивные клады Северного Причерноморья могли маркировать основные караванные маршруты через незаселённую территорию и стали результатом обрядовых действий, совершённых во время следования этих караванов.

Ритуальные/вотивные клады или «странные комплексы» – своеобразное явление в археологии Северного Причерноморья эллинистического времени. В большинстве случаев это предметы конской упряжи, оружие, воинское снаряжение и металлические сосуды, обнаруженные в курганных насыпях, естественных возвышенностях и на склонах балок.

В разное время такие находки считались инвентарём разрушенных погребений (Яценко, 1962; Гущина, 1961; 1969; Трейстер, 1992, 44-45), жертвенно-поминальными комплексами (Щукин, 1994, 97-98), связанными с воинским культом (Симоненко 1993, 85-86; 2001, 95; Раев, Симоненко, 2007), специальными ритуальными «маркёрами» завоеванной территории (Дзиговский, Островерхов, 2010, 168), «отчуждёнными» предметами погребального инвентаря (Зайцев, 2007, 258-259).

К настоящему моменту на обширной лесостепной, степной и предгорной территории от Дуная до Волги и Северного Кавказа может быть зафиксировано около 50 подобных комплексов[1] **(рис. 1)**, и их количество постоянно увеличивается.

Долгое время почти все они связывались с сарматами (Яценко, 1962; Гущина, 1969; Смирнов, 1984, 58-60). Затем значительная часть кладов, найденных в Северо-Западном Причерноморье, была отнесена к поздним скифам (Симоненко, 1982, 243-244; Дзис-Райко, Суничук, 1984, 160), а в одном случае – к кельтам (Трейстер, 1992, 44-45).

Активная разработка проблемы сарматского завоевания Причерноморской Скифии вновь повлекла за собой определение этих находок как сарматских, но с разделением версий на два хронологических «лагеря». Так, одни исследователи определили их в качестве свидетельства сарматского (сиракского) присутствия в Северном При-

[1] Назвать точную цифру затруднительно по причине не всегда ясного контекста находки.

черноморье в III – начале II в. до н. э. (Щукин, 1994, 97; Виноградов, 1999, 77; Яровой, Четвериков, 2000, 16-17; Дзиговский, 2003, 49-64; Лимберис, Марченко, 2005, 166-167; Limberis, Marcenko, 2011, 187). Другие связали феномен таких кладов с событиями Митридатовых войн с соответствующим хронологическим их диапазоном конца II – первой трети I в. до н. э. (Полин, 1992, 64-65; Симоненко, 1993, 90; Симоненко, 2001, 96; Редина, Симоненко, 2003, 85-86; Симоненко 2004, 135-136; 2011, 33; 2012, 81).

В последнее десятилетие возродилась версия о принадлежности этого явления скифскому (позднескифскому, «скифоидному») населению Северного Причерноморья с датировками в пределах III–I вв. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003, 97-98; Зайцев, 2005, 94; 2007, 266-267; 2008, 148-150; Бруяко, 2009, 340).

Как видно, хронологические позиции ритуальных/вотивных кладов, во многих случаях привязанные к этнополитической истории, до сих пор неоднозначны и демонстрируют значительные расхождения.

Между тем, представляются очевидными два наблюдения, которые, кажется, не противоречат ни одной из гипотез.

Так, в степной и лесостепной зоне Северного Причерноморья нет бесспорных ритуальных кладов с однозначной датировкой IV в. до н. э. Заселенность территории в этот период очевидна – здесь совершается множество подкурганных захоронений. Вероятные случаи «кладовых» находок этого времени редки и неоднозначны (Болтрик, Савовский, 1991, 98-108).

С другой стороны, в Северном Причерноморье отсутствуют ритуальные клады моложе I в. до н. э., когда на этой территории появляются первые курганные могильники носителей среднесарматской археологической культуры (Симоненко, 2004, 158).

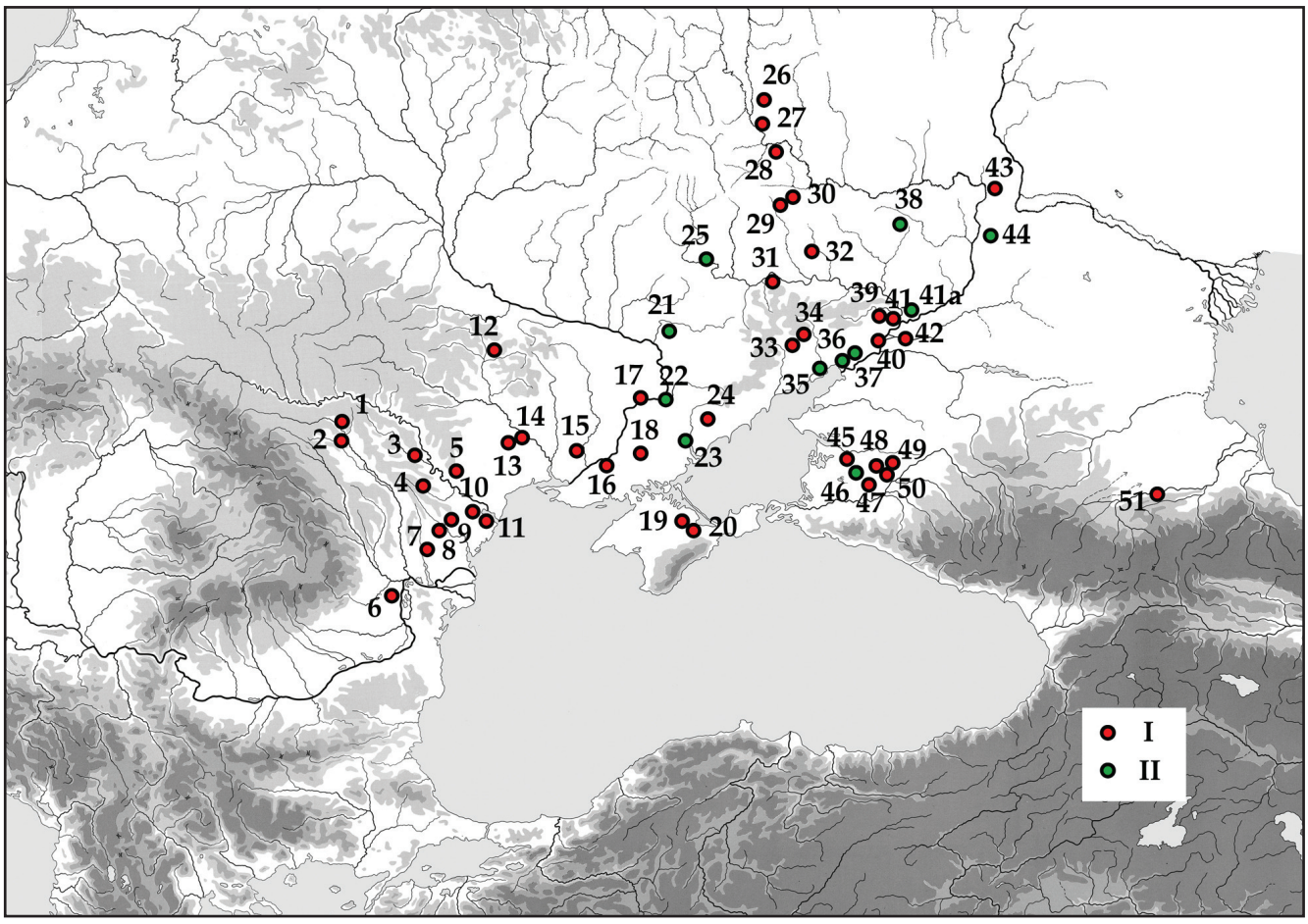

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья с обозначением ритуальных/вотивных кладов. I – ритуальные/вотивные клады III-II вв. до н.э.; II – ритуальные/вотивные клады II-I вв. до н.э. 1 – Новые Бедражи, 2 – Трушешть, 3 – Бравичены, 4 – Бубуечь, 5 – Великоплоское, 6 – Гэвани, 7 – Тараклия, 8 – Твардица, 9 – Весёлая Долина, 10 – Семеновка, 11 – Беленькое, 12 – Гордашевка, 13 – Нововасильевка, 14 – Марьевка, 15 – Снигиревка, 16 – Каменка, 17 – Никополь, 18 – Нижние Серогозы, 19 – Ногайчинский курган, 20 – Новоивановка, 21 – Булаховка, 22 – Приморский, 23 – Янчокрак, 24 – Токмак Могила, 25 – Балаклея, 26 – Усманский курган, 27 – Левая россошь, 28 – Антиповка, 29 – Ездочное, 30 – Клименков, 31 – Приволье, 32 – Старобельск, 33 – Острый, 34 – Квашино, 35 – Таганрог, 36 – Царский, 37 – Недвиговка, 38 – Рестумов, 39 – Новопрохоровка, 40 – Красный, 41 – Грушевский, 41а – Веселый, 42 – Федулов, 43 – Качалинская, 44 – Жутово, 45 – Роговская, 46 – Бойко Понура, 47 – Пластуновская, 48 – Верхний (3 клада), 49 – Сергиевская, 50 – Кореновск, 51 – II-е Ханкальское городище

При этом большинство кладов относится к III – первой половине II в. до н. э.[2] **(рис. 1/I)**; в этот период на основной «кладовой» территории практически отсутствуют захоронения.

Меньшая часть кладов относится ко второй половине II – I в. до н. э. **(рис. 1/II)** , когда на «кладовой» территории известны немногочисленные одиночные впускные подкурганные захоронения «раннесарматского» облика (Симоненко, 2004, 158).

Отсюда очевиден первый вывод: ритуальные/вотивные клады характерны в основном для незаселенной территории.

Анализ самих кладовых комплексов показывает, что их главный, диагностирующий компонент – предметы конской узды[3] (Зайцев, 2007, 147-148), а состав кладов позволяет разделить их на две основные группы. Первая группа в различных комбинациях демонстрирует только элементы конского снаряжения. Во второй группе они скомбинированы с предметами вооружения (наконечники стрел, копий и дротиков) и воинского снаряжения (шлемы, панцирь, поясная гарнитура), а также с металлическими и предположительно деревянными сосудами.

Такая ситуация дает основание сформулировать второй вывод: в кладах ведущее место занимает символическое транспортное средство – верховой, вьючный или упряжной конь. На втором месте – легковооруженный воин-всадник плюс «трофейные» вещи западного происхождения (шлемы и ситулы).[4]

Расположение мест находок ритуальных кладов на карте показывает ещё несколько примечательных моментов.

– места находок значительной части ритуальных/вотивных кладов образуют две отчётливые зоны их концентрации – в Северо-Западном Причерноморье **(рис. 1/1-11,13)** и в низовьях Дона, на его правом берегу **(рис. 1/34-42)**.[5]

– ещё несколько кладов соединяют две упомянутые территории условной «цепочкой», ориентированной по линии запад – восток и в целом повторяющей изгибы береговой линии Чёрного и Азовского морей **(рис. 1/14, 15,18,24)**.

– другая очевидная «цепочка» ориентирована по направлению север – юг и расположена в восточной части «кладового» ареала (Приазовье – Среднее Подонье) **(рис. 1/26-31).**

– Несколько выразительных кладов составляют выразительную локальную группу в Прикубанье **(рис. 1/45-50)** .

– Крайние восточные и западные места находок кладов зафиксированы на противоположных берегах крупных рек (Прут и Дунай на западе, Волга – на востоке) **(рис. 1/2,6,43,44)**.

Сопоставление основных «кладовых» составляющих – деталей конской узды – с синхронными погребальными комплексами демонстрирует очевидное совпадение западной группы кладов с захоронениями Тираспольской группы (Яровой, Четвериков, 2000, 16-19; Дзиговский, 2003, 49-64; Зайцев, 2007) **(рис. 2/1)**, а восточной – с находящимися к югу и востоку памятниками типа некрополей Тенгинского, IV Новолабинского (Беглова, 2002; 2008; 2009; Раев, Беспалый, 2006) **(рис. 2/13)** и Татарского (Кудрявцев и др., 2000) **(рис. 2/14)** городищ.

Для каждой из упомянутых территорий определена своя специфика оформления предметов конского снаряжения (Зайцев, 2009, 138).

Северо-Западное Причерноморье представлено налобниками с петлей, крючком и секировидной лопастью, С-видными псалиями нескольких вариантов, полусферическими («перстневидными») бляхами, специфическими разновидностями крестовидных насадок/псалиев, гладкими плоскими фаларами и нащёчниками с геометрическими, антропоморфными и зооморфными изображениями, а также обоймами-колечками.

Северный Кавказ и клады юго-восточного ареала маркированы крупными налобными пластинами, нащёчниками и нагрудными украшениями с пуансонным и циркульным орнаментом, стержневидными псалиями и крестовидными насадками/псалиями.

Элементы «кладовой» узды из Приазовья и Среднего Подонья обладают своими особенностями, но при этом не составляют устойчивых серий. Вместе с тем многие находки отсюда сопоставимы с экземплярами, характерными для двух предыдущих регионов (Северо-Западного Причерноморья и Северного Кавказа).

Два основных упомянутых ареала встречаемости «кладовой» узды в захоронениях дополняются ещё несколькими погребальными комплексами, расположенными за их пределами **(рис. 2/I)**.

Один из них – захоронение воина с конём в кургане у с. Чистенькое в центральном Крыму (Зайцев, Колтухов, 2004) **(рис. 2/8)**, которое демонстрирует сочетание «западных» и «восточных» признаков.

Другой комплекс – погребение в кургане Хамуш-Оба (Донецкая область) **(рис. 2/2)**, в котором обнаружены характерные наконечники ко-

[2] Согласно хронологическим разработкам автора.

[3] Мне известны всего два исключения, надежно зафиксированные во время раскопок: Приволье (шлем в скоплении обгоревших камней) и Новоивановка (спёкшийся комок железных втульчатых и одного бронзового наконечников стрел в ямке на вершине кургана).

[4] Данный тезис требует специальной разработки.

[5] В определённой степени это согласуется с «западной» и «1-й восточной» группами по А.В. Симоненко (2004, 156).

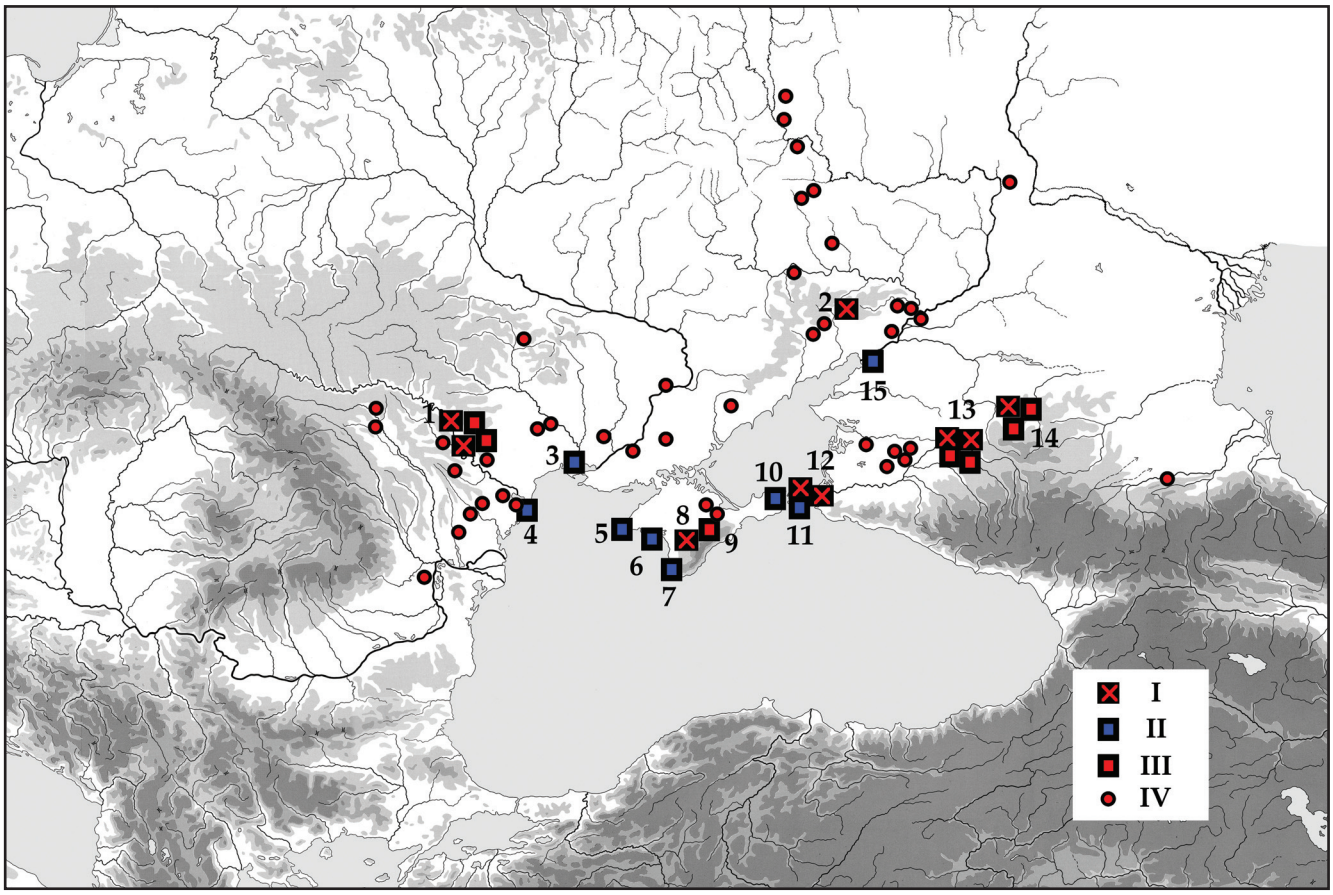

Рис. 2. Карта Северного Причерноморья с обозначением ритуальных/вотивных кладов, погребальных комплексов, основных варварских городищ и поселений, греческих городов. III – первая половина II вв. до н.э. I – погребальные комплексы с «кладовыми» предметами III – первой половины II в. до н.э.; II – варварские городища и поселения III – первой половины II в. до н.э.; III – крупнейшие греческие города III – первой половины II в. до н.э.; IV – ритуальные/вотивные клады III-II вв. до н.э. 1 – Тираспольские курганы, поселения Чобручи, Красное; 2 – Хамуш Оба, 3 – Ольвия, 4 – Тира, 5 – Калос-Лимен, 6 – Керкенитида, 7 – Херсонес, 8 – Чистенькое, 9 – Ак-Кая, 10 – Пантикапей, 11 – Фанагория, 12 – Васюрина гора, Зеленский курган, Буерова могила, 13 – IV Новолабинское городище и некрополь, Тенгинское городище и некрополь, 14 – Грушевское городище, Татарское городище и некрополь

пий, пластинчатый крюк, железные и бронзовые наконечники стрел (Кравец, 1992).

Третий пример – захоронения типа Васюриной Горы, Буеровой могилы, Зеленского кургана **(рис. 2/12)**, принадлежавшие, как считается, элитной варварской знати Азиатского Боспора.[6]

Таким образом, для значительной части Северного Причерноморья III-II вв. до н. э. может быть реконструирована обширная незаселённая территория, маркированная ритуальными/вотивными кладами. Синхронные и сопоставимые с ними погребальные комплексы «точечно» обрамляют эту территорию в южном секторе, располагаясь в предгорной зоне и у крупных рек **(рис. 2/I)**.

Для всех упомянутых территориальных групп погребальных памятников с «кладовыми» вещами (Тираспольские курганы; Северный Кавказ, Крым) очевидно развитое коневодство и наличие значительных по размерам населённых пунктов, особенностью которых является выраженная концентрация импортной амфорной продукции – поселения Чобручи и Красное (Никулицэ, Фидельский, 2004; Синика и др., 2012) **(рис. 2/1)**, городище Ак-Кая/Вишенное **(рис. 2/9)** , Грушевское и Татарское (Кац, 2002, 249-253; Прокопенко, 2005, 349-355) **(рис. 2/14)**.

Для двух базовых территорий, на которых наиболее выразительно проявилась подобная ситуация (Приднестровье и Северный Кавказ) характерны свои «шлейфы» кладов, идущие как навстречу один другому, так и уходящие во «внешний» мир – соответственно на север, запад и восток.

Вместе с тем, во многих пунктах «кладовой» территории присутствуют однотипные или даже одинаковые предметы (зооморфные и С-видные псалии, крестовидные насадки, удила с витыми и квадратными в сечении звеньями), во многих случаях разделённые расстояниями в сотни километров.

Подобные наблюдения могут свидетельствовать о том, что каждая из территориальных групп контролировала и «эксплуатировала» свою часть «пустынных», незаселённых земель Северного

[6] К сожалению, до сих пор опубликованные только частично (Ростовцев, 1925, 290-295, 550; Полин, 1992, 58-59, 63-65, Шаров, 2008; Симоненко, 2011а).

Причерноморья и при этом непосредственно контактировала с другими.

Здесь кажется уместным привести одну выразительную этнографическую параллель. Аналогичная организация территории известна в другой точке земного шара – в Северной Африке. Расположенная здесь обширная пустыня Сахара издавна заселена мобильными группами туарегов, образующими зону обитания по её краям.

Туарегов обычно характеризуют как воинственных кочевников, однако их общество сформировалось и существовало как система различных хозяйственно-культурных типов: скотоводов-номадов, земледельцев оазисов, а также групп потомственных ремесленников и добытчиков соли.

Основные традиционные занятия туарегов: разведение верблюдов, овец и коз, торговля солью, охрана одних караванов и набеги на другие, отказывавшиеся от их защиты. Всю необходимую сельскохозяйственную продукцию туареги получали от оазисных земледельцев, находившихся под их покровительством.

Для туарегов были характерны циклические передвижения, во время которых они снабжали земледельческие народы Западного Судана солью, добываемой зависимыми от них людьми.

Туарегское общество развивалось на ближней периферии городской цивилизации, а туарегская знать владела городами – важными перевалочными торговыми пунктами (Тадмекка, Аира, Томбукту, Шингит и др.), контролировала транссахарские караванные пути (Лот, 1989, 240-250, Норрис, 1990, 371-374, Bernus, 1993; Art of Being Tuareg, 2006).

В такой реконструкции ритуальные/вотивные клады Северного Причерноморья могли маркировать[7] основные пути сообщения через незаселённую территорию, и могут быть интерпретированы как результат обрядовых действий, совершенных во время следования караванов.[8] Специфика же их состава отражает основных «действующих лиц», «поставщиков» предметов для таких обрядов – коня и воина – «караванщика».

Литература

Беглова, 2002 – Беглова Е.А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. (отв. ред. Носкова Л.М.). М. Изд-во Государственного музей Востока. С. 157-168.

Беглова, 2008 – Беглова Е.А. Парадный конский набор IV-II вв. до н. э. из Предкавказья и Украины // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа) (отв. ред. А.В. Мастыкова). Владикавказ. ИПЦ СОИГСИ. С. 41-45.

Беглова, 2009 – Беглова Е.А. Новые исследования могильника 4-го новолабинского городища // Пятая кубанская археологическая конференция. Мат-лы конф. (ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 11-14

Болтрик, Савовский, 1991 – Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы степной Скифии. (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян). Киев. Наукова думка. С. 98 -108,

Бруяко, 2009 – Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3. 2005-2009. С. 329-369.

Виноградов, 1999 – Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н. э.) // Hyperboreus: studia classica. Vol. 5. Fasc. 1. S. 56-82.

Гущина, 1961 – Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области // СА. № 2. С. 241–246.

Гущина, 1969 – Гущина И. И. Янчокракский клад // МИА. № 169. Древности Восточной Европы. С. 43-52.

Дзиговский, 2003 – Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. Одесса. Гермес. 239 с.

Дзиговский, Островерхов, 2010 – Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. № 3. С. 145-174.

Дзис-Райко, Суничук, 1984 – Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. И.Т. Черняков). Киев. Наукова думка. С. 148-161.

Зайцев, 2005 – Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологич. конф. Тез. и докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 88-94.

Зайцев, 2007 – Зайцев Ю.П. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2 (ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю.Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В. А. Хршановский). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 258-268.

Зайцев, 2008 – Зайцев Ю.П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III – I вв. до н. э. Хронология и культургная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII (отв. ред. И.В. Немченко). Одесса. «Фридман А.С.». С. 146-151.

Зайцев, 2009 – Зайцев Ю.П. Предметы конской упряжи III – I вв. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (сравнительный анализ) // Мат-лы Пятой кубанской археологич. конф. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 134-139.

Зайцев, Колтухов, 2004 – Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в Предгорном Крыму // БИ. Вып. VII.

Зайцев, Мордвинцева, 2003 – Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61-99.

Кац, 2002 – Кац В.И. Комплекс родосской клеймёной керамической тары с Грушевского городища // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Мат-лы междунар. науч. конф. Часть 1 (ред. М.Ю. Вахтина,

[7] Разумеется не в прямом смысле, а в качестве «археологического» индикатора.

[8] Такая постановка вопроса ставит под сомнение поминальный и заупокойный характер кладов, а также их интерпретацию в качестве «отчужденного» погребального инвентаря (Зайцев, 2007, 267-268).

В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 249-253.

Кравец, 1992 – Кравец Д.П. Раскопки кургана в урочище Хамуш-Оба (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. Вып. 2. (отв. ред. В.А. Посредников). Донецк. Изд-во Донецкого государственного университета. С 160-180.

Кудрявцев и др., 2000 – Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. № 2. С. 40-47.

Лимберис, Марченко, 2005 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвёртая Кубанская археологич. конф. Тез. и докл. Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 162-167.

Лот, 1989 – Лот А. Туареги Ахаггара. М. Наука. 265 с.

Никулицэ, Фидельский, 2004б – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău – Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004. (ed. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ). Chişinău. Cartdidact. P. 190-216.

Норрис, 1990 – Норрис Г.Т. Коренное население Сахары // Сахара (ред. В.М. Неронов, В.Е. Соколов). М. Прогресс. С. 371-374.

Полин, 1992 – Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев. Типография ФНПУ. 201 с.

Прокопенко, 2005 – Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь. Изд-во Ставропольского государственного университета. 819 с.

Раев, Беспалый, 2006 – Раев Б.А., Беспалый г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Краснодар. Изд-во ЮНЦ РАН. 109 с.

Редина, Симоненко, 2002 – Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца 2 – 1 вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2 С. 78-96.

Ростовцев, 1925 – Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Петроград. Типография 1-й Ленинградской Трудовой Артели Печатников. 621 с.

Симоненко, 1982 – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии (ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 237-245.

Симоненко, 1993 – Симоненко А.В. Клады снаряжения всадника 2-1 вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологич. конф. Тез. докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 89-90.

Симоненко, 2001 – Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. Вып. 4. С. 92-106.

Симоненко, 2004 – Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии (ред. И.И. Марченко, М.Г. Мошкова, Б.А. Раев). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. С. 134-173.

Симоненко, 2009 – Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 328 с.

Симоненко, 2011 – Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 272 с.

Симоненко, 2011а – Симоненко А.В. Конский убор из большого кургана Васюриной горы // Боспорский феномен. Население, языки, контакты (ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Иванов, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В. А. Хршановский). СПб. Нестор-История. С. 598-602.

Симоненко, 2012 – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко (отв. ред. А.В. Симоненко). Киев. К.Н.Т. С. 73-88.

Симоненко, Раев, 2007 – Симоненко А.В., Раев Б.А. «Странные комплексы»: от эпохи латена до могилы Неизвестного солдата // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Часть 2 (ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 268–272.

Смирнов, 1984 – Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. Наука. 184 с.

Синика и др., 2012 – Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. 2012. № 3. С. 187-215.

Трейстер, 1992 – Трейстер М. Ю. Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. № 2. С. 37-50.

Шаров, 2008 – Шаров О.В. О конских погребениях большого кургана Васюриной горы // БИ. Вып. XXII. С. 283-323.

Щукин, 1994 – Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в.н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. Фарн. 323 с.

Яровой, Четвериков, 2000 – Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 3-28.

Яценко, 1962 – Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. Вып. 89. С. 42-52.

Art of Being Tuareg, 2006 – Art of Being Tuareg: Sahara Nomads in a Modern World (ed. Th. Seligman, K. Loughran). Los Angeles. 291 p.

Bernus, 1993 – Bernus E. Les Touareg //Vallées du Niger. Paris. Éditions de la Réunion des Musées Nationaux. P. 162-171.

Limberis, Marcenko, 2011 – Limberis N.Ju., Marcenko I.I. Bronzener Blessenschmuck frühskytischer Zeitstellung aus dem Kubangebiet // Eurasia Antiqua. Band. 17. S. 177-187.

А. Заноч

Фрако-гетские поселения Среднего Поднестровья в контексте восточно-карпатских земель

Thracian-Getae settlements of the Middle Dniester area in the context of East-Carpathian lands. *In the VIth – IIIrd centuries BC the population of the Eastern Carpathian area was mostly presented by Thracian Getae communities. Their traces are presented by numerous archaeological sites, in particular, settlements (over 400) and hill forts (about 115). On the topographic point of view, it is noted that they were located not in isolation, but were concentrated in the so-called «agglomerations» consisting of several hill forts and many settlements. At present in this area there were found about 10 «agglomerations» of this kind. Among them there is an «agglomerations» located in the Middle Dniester, which consists of 28 hill forts and about 54 settlements.*

A group of the eight sites located compactly between the town of Rezina and the village of Buchushka is of a special interest among the settlements of the Middle Dniester area. The seven settlements (Rezina/Stohnaia I, Saharna «La Revechin», Malaja Saharna Mică, Saharna Mare, Saharna «La Shants», Saharna «Hulboaka», Buciushka) are on the right bank, and the one (Vyhvatintsy) – on the left. By the location of these fortifications it can be assumed that they, in addition to defensive purposes, also were destinated to control the water and land trade routes along the Dniester.

Saharna Mare stands out against the other settlements for the power of its defensive structures and archeological inventory, so it probably could serve as a «capital» for the Thracian-Getae communities of the Middle Dniester area.

Фрако-гетские поселения Среднего Поднестровья в контексте восточно-карпатских земель. *В VI-III вв. до н. э. население восточно-карпатских территорий являлось большей частью фрако-гетских общностей. Следы их присутствия засвидетельствованы многочисленными археологическими памятниками, в частности селищами (более 400) и городищами (около 115). С топографической точки зрения отмечено, что они были сконцентрированы в так называемых «агломерациях», состоящих из нескольких городищ и множества селищ. В настоящее время на указанной территории обнаружено около 10 «агломераций» такого рода. Среди них известна «агломерация» в Среднем Поднестровье, состоящая из 28 городищ и 54 селищ.*

Группа поселений, расположенных между г. Резина и с. Бучушка, представляет особый интерес среди поселений Среднего Поднестровья. Семь из них (Резина/Стохная I, Сахарна «Ла Ревекин», Сахарна Микэ, Сахарна Маре, Сахарна «Ла Шанц», Сахарна «Хулбоака», Бучушка) находятся на правом берегу, и только одно (Выхватинцы) – на левом. Их расположение свидетельствует в пользу того, что они, помимо оборонительных целей, также предназначались для контроля водных и сухопутных торговых путей вдоль Днестра.

Большая Сахарна выделяется среди других поселений мощью своих оборонительных сооружений и археологическими находками, что позволяет считать его «столицей» фрако-гетских общностей Среднего Поднестровья.

В VI–III вв. до н. э. население восточно-карпатских территорий являлось большей частью фрако-гетских общностей. Следы их присутствия засвидетельствованы многочисленными археологическими памятниками, в частности селищами (более 400) (Arnăut, 2003, 183-279) и городищами (около 115) (Zanoci, 1998, 117-161; Arnăut, 2003, 183-279; Haheu, 2008, 66-82; Zanoci, 2011, 117-152, harta 2). С топографической точки зрения отмечено, что они располагались не разрозненно, а были сконцентрированы в так называемых «агломерациях», состоящих из нескольких городищ и множества селищ. В настоящее время на указанной территории обнаружено около 10 «агломераций» такого рода (Zanoci, 1998, 237, harta 1). Обычно они сосредоточены в бассейнах рек Днестр, Прут, Реут и др. или на границе лесостепи и степи.

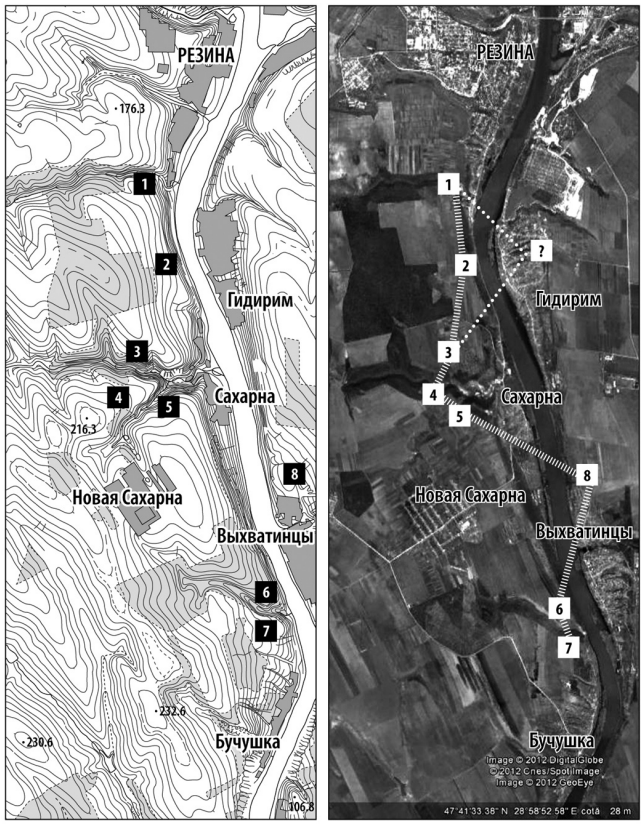
К западу от Прута такие «гнёзда» были выявлены на Сучавском плато, как, например, два городища у Стынчешть и укрепления у Виктории и Коту-Копэлэу. Более многочисленной является группа поселений, состоящая из городищ Котнарь «Кэтэлина», Хородиште, Тодирешть, Скобинць «Басараба», Скобинць «Дялул луй Водэ», Бухалница и Вынэторь, вокруг которых расположены селища Бэйчень-Млада (Teodor, 1999, 134), Бэлцаць (Chirica, Tanasachi, 1984, 45), Чепелница (Chirica, Tanasachi, 1984, 72), Хэлэучешть (Chirica, Tanasachi, 1984, 164) и др.

Другая группа фрако-гетских поселений расположена на правом берегу среднего течения Прута. Здесь, в сфере влияния городищ Бунешть, Мошны, Арсуры, Федешть, Тырзий, Рэдукэнень, находятся селища Куртень, Корнь, Курсешть, Бохотина, Бозии и др. (Teodor, 1999, 133-184).

В нижнем течении Реута, в Оргеевских Кодрах, было обнаружено другое скопление поселений, состоящее из восьми городищ и около 15 селищ. Ядро общности составляли городища Бутучень, Фурчень «Кот», Требужень «Скок», Требужень «Селитра», Требужень «Потырка», Мэшкэуць «Дялул чел Маре», Мэшкэуць «Пояна Чукулуй» и Требужень «Пискул Чобанулуй», вокруг которых находились поселения Фурчень I, Брэнешть, Требужень II, Мэшкэуць I (Лапушнян и др., 1974, 53-57) и др.

«Агломерация» такого рода известна и в южной части лесостепи. Она состоит из шести городищ (Ханска, Пожарень, Столничень, Суручень, Городка Маре, Городка Микэ) и около 17 селищ: Ульма V, Суручень IV, Данчень III, Ханска «Пидашка», Ханска «Лимбарь» (Лапушнян и др., 1974, 57-62) и др.

Сходная ситуация наблюдается также в бассейне Днестра, где было выявлено три «скопле-

1 2

Рис. 1. Распространение городищ в Сахарнянском регионе. 1 – топографическая карта; 2 – ортофотоплан (на плане указаны возможные варианты визуальной связи между городищами). Цифрами на картах обозначены: 1 – Резина/Стохная I; 2 – Сахарна «Ла Ревекин»; 3 – Сахарна Микэ; 4 – Сахарна Маре; 5 – Сахарна «Ла Шанц»; 6 – Сахарна «Хулбоака»; 7 – Бучушка; 8 – Выхватинцы

ния» поселений. Первое расположено в нижнем течении реки и состоит из четырёх городищ (Тудора I, Тудора II, Удобное и Пивденное) и нескольких селищ: Паланка, Рэскэець, Семёновка и др. (Arnăut, 2003, 317, fig. 1). Вторую «агломерацию» можно обозначить на севере Республики Молдова, на территории современного Сорокского района. Она состоит из семи городищ (Рудь «Ла Шанцурь», Рудь «Ла Трей Кручь», Рудь X, Рудь XI, Рудь XII, Татарэука Ноуэ VIII, Толоконешть) и около 15 селищ – Арионешть VII, Арионешть VIII, Покровка VIII, Рудь VI, Толоконешть (Sava şi alţ., 1995, 283-287) и др. Третья «агломерация» расположена в среднем течении Днестра и состоит из 28 городищ и около 54 селищ. На сегодняшний день она является самым крупным скоплением поселений не только в бассейне Днестра, но и на всей территории расселения фрако-гетских общностей.

Памятники расположены по Днестру, как на правом, так и на левом берегах, на территории между населенными пунктами Вертюжень Флорештского р-на и Ципово Резинского р-на. Если на левом берегу поселения сосредоточены в непосредственной близости от реки, то на правом они располагаются на удалении до 18 км к западу от Днестра.

В этой «агломерации» привлекает внимание способ расположения городищ. Они делятся на три «линии обороны». Первая, состоящая из пяти городищ (Грушка, Рашков, Катериновка, Строешть и Выхватинцы), расположена на левом берегу Днестра, в непосредственной близости от реки. Вторая находится на правом берегу, также недалеко от воды, и состоит из десяти городищ: Вертюжень, Жабка, Куратура, Резина/Стохная I, Сахарна «Ла Ревекин», Сахарна Микэ, Сахарна Маре, Сахарна «Ла Шанц», Сахарна «Хулбоака» и Бучушка. Третья линия обороны, состоящая из 13 городищ (Куничи, Алчедар, Глинжень «Ла Шанц», Цахнауцы, Матеуцы и др.), большинство которых находилось в бассейнах рек Чорна и Когыльник или других маленьких рек, правых притоков Днестра, располагалась на расстоянии нескольких километров от Днестра.

Среди городищ Среднего Поднестровья особый интерес представляет группа из восьми памятников, расположенных компактно между городом Резина и селом Бучушка **(рис. 1)**. Семь городищ (Резина/Стохная I, Сахарна «Ла Ревекин», Сахарна Микэ, Сахарна Маре, Сахарна «Ла Шанц», Сахарна «Хулбоака», Бучушка) были сооружены на правом берегу Днестра, а одно (Выхватинцы) – на левом. Городища, расположенные на правом берегу, образовывают три группы:

1) Резина/Стохная I и Сахарна «Ла Ревекин» находились на левом/северном фланге;

2) Сахарна «Хулбоака» и Бучушка находились на правом/южном фланге;

3) В центре, на примерно равном расстоянии от флангов (3,8-4,5 км) были расположены городища Сахарна Микэ, Сахарна Маре и Сахарна «Ла Шанц».

Все городища, за исключением Сахарна «Ла Ревекин», были сооружены на краю каньонов, ведущих от бассейна реки Днестр в глубь территории. Городище Выхватинцы было построено на левом берегу Днестра, между центром и правым флангом.

Как известно, немаловажным фактором в расположении крепостей является визуальная связь между ними. Таким образом, связь центральной группы городищ с городищами, находящимися на флангах, могла осуществляться посредством промежуточных пунктов. Например, связь между городищами правого фланга (Сахарна «Хулбоака», Бучушка) и укреплениями из центра (Сахарна Микэ, Сахарна Маре, Сахарна «Ла Шанц») была возможна через городище Выхватинцы, расположенное на противоположном берегу Днестра **(рис. 1/2)**. Связь между левым флангом (Резина/Стохная I) и центром могла осуществляться либо по прямой линии, через городище Сахарна «Ла Ревекин», либо посредством городища, расположенного на левом берегу Днестра, где-то в периметре с.

1

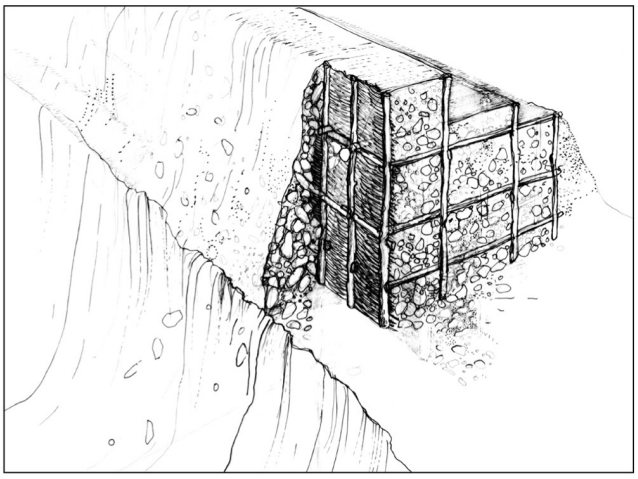
2

3

4

5

Рис. 2. Городище Сахарна Маре. 1 – ортофотоплан поселения; 2 – руины крепостной «стены»; 3 – «центральный» бастион; 4 – обгоревшие плахи из конструкции «стены»; 5 – вариант реконструкции крепостной «стены»

Гидирим, к сожалению, пока не обнаруженного.

Степень изученности перечисленных городищ разная. На некоторых из них, как например, на городище Сахарнее Маре, осуществлялись или осуществляются систематические археологические исследования (Смирнов, 1949, 93-96; Kašuba şi alţ., 2000, 76-84; Niculiţă şi alţ., 2007a, 27-62; 2008, 69-150; 2009, 41-43; 2010, 360-371), Сахарна Микэ (Смирнов, 1949a, 195; Kašuba şi alţ., 2000, 84-87; Niculiţă şi alţ., 2007, 83-124; 2008, 13-50; 2010, 371-374), Сахарна «Ла Ревекин» (Смирнов, 1949a, 194; Levinschi şi alţ., 2000, 87-100; Levinschi, 2001, 87-100; Levinschi şi alţ., 2002, 41-48; Матеевич, 2002, 258-260; Levinschi, 2004, 64-80). На городищах Сахарна «Ла Шанц» (Никулицэ и др., 2004, 92-99; Zanoci, Moldovan, 2004, 130-138; Zanoci, Băţ, 2008, 253-266; Niculiţă şi alţ., 2008, 151-169) и Выхватинцы (Мелюкова, 1954, 59-68; 1955, 64-67; Лапушнян и др., 1974, 44-45; Kašuba şi alţ., 2000, 41-48) были проведены раскопки ограниченного масштаба, а на других (Резина/Стохная I, Сахарна «Хулбоака» и Бучушка) – только археологические разведки. Но, судя по имеющимся данным, по месту расположения и по мощности оборонительных сооружений, главную роль в этом «скоплении» памятников играло городище Сахарна Маре.

Городище Сахарна Маре **(рис. 2/1)** расположено на высоком каменистом мысу трапециевидной формы, окружённом с трёх сторон глубокими каньонами с неприступными берегами. Только с южной стороны мыс соединяется с внешним миром. Поселение площадью около 10 га было укреплено со всех сторон сложными оборонительными сооружениями. Они состояли из перекрывающей мыс с юго-востока на северо-запад крепостной «стены» длиной 385 м **(рис. 2/2)**, рва и трёх полукруглых бастионов **(рис. 2/3)**, расположенных в центре и по флангам. Крепостная «стена» **(рис. 2/5)** представляет собой конструкцию шириной 5,6 м из бревенчатого дренажа, расположенного на предварительно выровненной площадке на древнем горизонте, и каркаса с заполнением. Чтобы деревянный настил не намокал, под ним на древний горизонт укладывали слой песка. От деревянного дренажа, который представлял подошву оборонительного сооружения, на определённом расстоянии друг от друга возвышались вкопанные столбы, укреплявшиеся для прочности продольными и поперечными брёвнами, расположенными на разных уровнях **(рис. 2/4)**. Созданный таким образом деревянный каркас заполнялся различными строительными материалами: землёй, камнем, песчаником, глиной. Чтобы конструкция функционировала как можно дольше, строительные материалы забутовывали в определённой последовательности, согласно инженерной методике. Перед построенной «стеной» с внешней стороны, примерно в 2 м от неё, был вырыт ров, ширина устья которого варьирует от 16,5 м до 18 м. Раскопками установлено, что ширина рва в верхней части была в пределах 15,6 м, в нижней – 6,1 м, при глубине 3,2 м, из которых 2,1 м были вырыты в каменном основании мыса. Так же были сооружены и подковообразные бастионы, концы которых упирались в ров городища (Niculiţă şi alţ., 2008, 88-89, foto 13-26).

По краю каньонов, с севера, северо-востока и юго-востока городище было дополнительно укреплено деревянным каменно-земляным оборонительным сооружением, построенным по той же технике, что и крепостная «стена», но более скромных размеров (его ширина не превышает 2 м).

Такими же оборонительными «стенами», построенными из дерева, камня и земли, были укреплены и остальные городища этого региона – Сахарна Микэ (Niculiţă şi alţ., 2008, 21-28, foto 3), Сахарна «Ла Шанц» (Niculiţă şi alţ., 2008, 151-153, фото 28-30), Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi şi alţ., 2002, 41-48, fig. 1) и Выхватинцы (Мелюкова, 1954, 65).

Большое значение для определения роли городищ Среднего Поднестровья представляют сооружения и инвентарь этих памятников. На всех археологически изученных городищах были выявлены остатки жилых комплексов, очагов и хозяйственных ям. Например, на городище Сахарна Маре были исследованы остатки трёх жилищ, десяти очагов и более 100 хозяйственных ям (Niculiţă şi alţ., 2008, 102-124, fig. 92-118). На поселении Сахарна Микэ были выявлены четыре жилища и около 20 хозяйственных ям, которые можно отнести к VI-III вв. до н. э. (Niculiţă şi alţ., 2008, 28-44, fig. 12-28). Жилища и хозяйственные ямы были исследованы и на городищах Сахарна «Ла Ревекин» (Levinschi şi alţ., 2000, 87-100, fig. 1), Выхватинцы (Мелюкова, 1954, 65; Kašuba şi alţ., 2000, 45-46) и др., что свидетельствует о постоянном проживании населения на этих городищах.

Находки разных орудий труда, предназначенных для производства, например, пряслиц (Niculiţă şi alţ., 2008, fig. 30, 152-156), тигельков, льячек (Niculiţă şi alţ., 2008, fig. 157/2, 3) и т.д. указывают на существовании на поселениях Среднего Поднестровья производственных центров.

Особый интерес представляет присутствие на укреплённых поселениях Среднего Поднестровья материалов импортного происхождения. Наиболее многочисленны греческие амфоры. Пока самое большое количество фрагментов (около 3% от общего количества керамики) греческой тары было обнаружено на городище Сахарна Маре **(рис. 3)**. Здесь были найдены фрагменты хиосских, фасосских, гераклейских, херсонесских, косских и др. амфор, которые да-

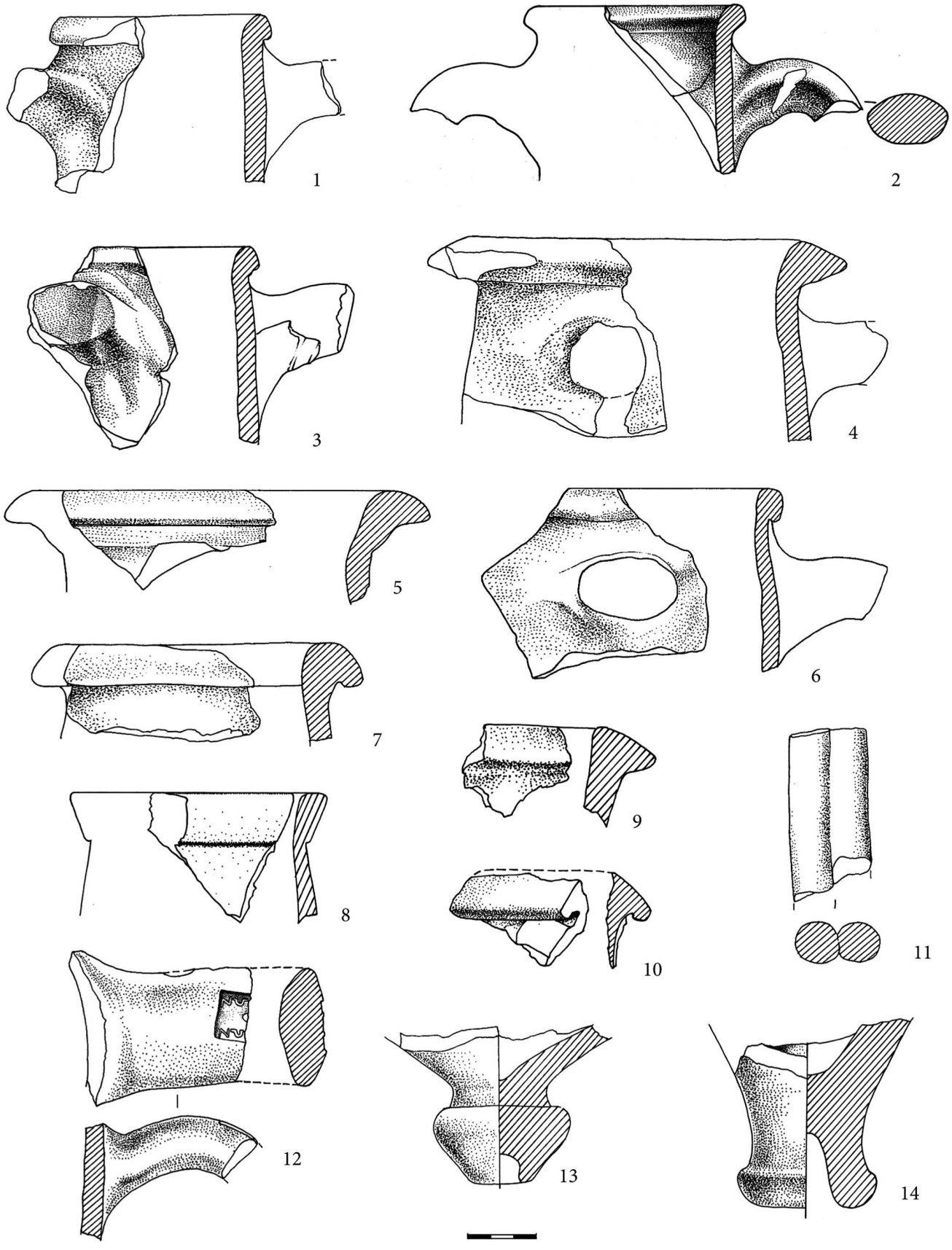

Рис. 3. Фрагменты греческих амфор с городища Сахарна Маре (по *Niculiță şi alț., 2008, fig. 143, 144*)

тируются V-III вв. до н. э. (Niculiță şi alț., 2008, 137-140, fig. 143, 144; Mateevici, Zanoci, 2009, 197-203). В меньшем количестве фрагменты греческих амфор были выявлены и на других городищах этого региона – Сахарна «Ла Ревекин» (Матеевич, 2002, 258-260), Сахарна Микэ (Niculiță şi alț., 2008, 46), Сахарна «Ла Шанц» (Niculiță şi alț., 2008, 161-162), Выхватинцы (Мелюкова, 1954, 67).

Греческая керамика также представлена фрагментами столовых сосудов, обнаруженных

Рис. 4. Предметы «роскоши» с городища Сахарна Маре (по *Niculiță și alț., 2011, fig. 2-6*).
1, 2 – браслеты; 3-5 – височные кольца; 6 – бусы; 7 – зеркало; 8 – «аристократка» (вариант реконструкции).
1 – медь-серебро; 2-5 – серебро; 6 – янтарь; 7 – бронза

на городище Сахарна Маре (Niculiță şi alț., 2008, 136-137, fig. 142/8-16).

Греческим импортом является и бронзовое зеркало **(рис. 4/7)**, найденное на поселении Сахарна Маре (Levinschi, 2007, 275-278; Niculiță şi alț., 2011, 202) и имеющее аналогии в греческих городах-колониях (Скуднова, 1988, 123).

Предметы импорта на поселении Сахарна Маре представлены также янтарными бусами (15 шт.) **(рис. 4/6)** (Niculiță şi alț., 2011, 201), встречающимися довольно редко на фракo-гетских памятниках.

Импортный материал, обнаруженный на городищах Среднего Поднестровья, свидетельствует о торговых связях этих центров с греческими городами-колониями Северо-Западного Причерноморья, а также с более отдалёнными территориями (Балтийским побережьем).

Таким образом, можно констатировать, что эти городища, помимо оборонительных целей, были предназначены для контроля водных и сухопутных торговых путей, проходящих по Днестру, о чём свидетельствует, в частности, и расположение городищ по обоим берегам реки.

Находки серебряных предметов – браслетов **(рис. 4/1,2)**, височных колец **(рис. 4/3-5)** (Niculiță şi alț., 2011, 201), а также янтарных бус и бронзового зеркала на городище Сахарна Маре указывают на присутствие на этом поселении «аристократии» **(рис. 4/8)**, что позволяет предположить ведущую роль этого центра в социально-политической жизни региона.

Сходная картина наблюдается и в других регионах проживания фракo-гетских племён, например, в нижнем течении Реута. Восемь городищ в этом регионе также выгодно расположены по обоим берегам реки. Среди них выделяется городище Бутучены, которое имело наиболее мощные укрепления. В ходе археологических раскопок были выявлены жилища на каменных фундаментах и богатый инвентарь. Особый интерес представляет импортная керамика, которая составляет около 21% от общего количества. Эти факты позволяют предположить существование здесь другого социально-политического формирования с центром в Бутученах (Никулицэ, Заноч, 2001, 107-115; Niculiță şi alț., 2002).

Всё изложенное, по нашему мнению, относится и к остальным «агломерациям» фракo-гетских памятников, расположенным к востоку от Карпат.

Литература

Кашуба и др., 2001-2002 – Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. Фракo-гетские древности в Южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века) // Stratumplus. № 3. С. 118-223.

Лапушнян и др., 1974 – Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А. Памятники раннего железного века. АКМ. Вып. 4 (отв. ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару). Кишинёв. Штиинца. 102 с.

Матеевич, 2002 – Матеевич Н. Греческая керамика из раскопок гетского городища «Сахарна-Ла Ревекин» // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. Тирасполь. РИО ПГУ. С. 258-260.

Мелюкова, 1954 – Мелюкова А.И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии в 1952 г. // КСИИМК. Вып. 56. С. 59-68.

Мелюкова, 1955 – Мелюкова А.И. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952-1953 гг. // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 5(25). Кишинёв. Госиздат Молдавии. С. 51-71.

Никулицэ, Заноч, 2001 – Никулицэ И., Заноч А. Фракo-гетские поселения I тыс. до н. э. в центральных Кодрах Молдовы // Карпатика. № 13. Ужгород. С. 107-115.

Никулицэ и др., 2004 – Никулицэ И., Заноч А., Молдован В. Фракo-гетское городище Сахарна – «Ла Шанц» // Карпатика. № 31. Ужгород. С. 92-99.

Скуднова, 1988 – Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л. Искусство. 180 с.

Смирнов, 1949 – Смирнов Г.Д. Скифское городище и селище «Большая Сахарна» // КСИИМК. Вып. 26. С. 93-96.

Смирнов, 1949а – Смирнов Г.Д. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Учёные записки Института истории, языка и литературы. Вып. II. Кишинёв. Госиздат Молдавии. С. 189-202.

Arnăut, 2000 – Arnăut T. Aşezarea fortificată «Saharna Mare» – raion Rezina // Istro-Pontica. Muzeul Tulcean la 50-a aniversare (red. M. Iacob, E. Oberländer-Târnoveanu, Fl. Topoleanu. Tulcea. P. 93-104.

Arnăut, 2003 – Arnăut T. Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi. Chişinău. Centrul Editorial al USM. 408 p.

Chirica, Tanasachi, 1984 – Chirica V., Tanasachi M. Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi. Vol. I. Iaşi. 290 p.

Haheu, 2008 – Haheu V. Sisteme de fortificaţii traco-getice la est de Carpaţi. Chişinău. 170 p.

Kaşuba şi alț., 2000 – Kaşuba M., Haheu V., Levițki O. Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu. Bucureşti. Vavila Edinf SRL. 222 p.

Levinschi, 2001 – Levinschi A. Date preliminare privind datarea complexelor fortificaţiei getice «Saharna-La Revichin» // Tyragetia. Nr. X. P. 103-116.

Levinschi, 2004 – Levinschi A. Fortificaţia getică Saharna – «La Revichin» (cercetările din anii 2000-2002) // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003). Vol. I. (red. şef N. Chetraru). Chişinău. Tyragetia. P. 64-80.

Levinschi, 2007 – Levinschi A. Date preliminare privind începutul de locuire a geţilor pe locul aşezării fortificate Saharna Mare // Tyragetia. S.n. Nr. 1. Vol. I (XVI). P. 275-278.

Levinschi şi alț., 2000 – Levinschi A., Şcipachin O., Negură M. Complexele locative din fortificaţia getică «Saharna-La Revechin» // Tyragetia. Nr. IX. P. 87-100.

Levinschi şi alț., 2002 – Levinschi A., Covalenco S., Abâzov E. Fortificaţia getică «Saharna-La Revichin» – sistemul defensiv // Tyragetia. Nr. XI. P. 41-48.

Mateevici, Zanoci, 2009 – Mateevici N., Zanoci A. Informaţii preliminare privind importurile amforistice greceşti la cetatea getică Saharna Mare // Studia Archeologiae et Historiae Antiquae. Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur (red. A. Zanoci, T. Arnăut, M. Băţ). Chişinău. Bons Offices. P. 197-203.

Niculiță şi alț., 2002 – Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. Butuceni. Monografie arheologică. Bucureşti. Vavila Edinf SRL. 250 p.

Niculiță şi alț., 2004 – Niculiță I., Arnăut T., Zanoci A. Cetățile traco-getice din zona Nistrului Mijlociu // Daco-Geții. 80 de ani de cercetări arheologice sistematice la cetățile dacice din Munții Orăştiei (red. A. Pescaru, I.V. Ferencz). Deva. P. 193-218.

Niculiță şi alț., 2007 – Niculiță I., Arnăut T., Zanoci A. Cercetări arheologice la Saharna Mică // Studia in honorem Florea Costea (red. R. Ştefănescu, I. Bauman, L. Savu). Braşov. C 2 Design. P. 83-124.

Niculiță şi alț., 2007a – Niculiță I., Zanoci A., Arnăut T. Sistemul defensiv al cetății din epoca fierului – Saharna Mare // Tyragetia. S.n. Nr. 1. Vol. I [XVI]. P. 27-62.

Niculiță şi alț., 2008 – Niculiță I., Zanoci A., Arnăut T. Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). Chişinău. Bons Offices. 408 p.

Niculiță şi alț., 2010 – Niculiță I., Zanoci A., Arnăut T., Băț M. Evoluția sistemului defensiv al siturilor din zona Saharna în mileniul I a. Chr. // Tracii şi vecinii lor în antichitate. Studia in honorem Valerii Sîrbu (red. I. Cândea). Brăila. Editura Muzeul Brăilei. P. 359-393.

Niculiță şi alț., 2011 – Niculiță I., Zanoci A., Matveev S., Băț M. Piese de port, podoabă şi de toaletă din aşezarea traco-getică Saharna Mare // Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeş at his 70th anniversary (eds. Măgureanu D., Mărndescu D., Matei S.). Piteşti. Ordessos. P. 193-204.

Niculiță, Zanoci, 2004 – Niculiță I., Zanoci A. Sistemul defensiv la traco-geții din regiunea Nistrului Mijlociu // Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău – Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004. (ed. I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț). Chişinău. Cartdidact. P. 104-129.

Sava şi alț., 1995 – Sava E., Manzura I., Tcaciuc M., Kurceatov S., Bubulici V., Rabinovici R., Ghuchin V., Alaiba R., Bădău-Wittenberger M. Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărăuca Nouă-Arioneşti (Raionul Donduşeni, Republica Moldova) // Cercetări arheologice în aria nord-tracă. I (red. M. Gumă). Bucureşti. S.C. Cargo Trading SRL. P. 281-357.

Teodor, 1999 – Teodor S. Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. Hr. Considerații generale şu repertoriu arheologic. Bucureşti. Vavila Edinf SRL. 258 p.

Zanoci, 1998 – Zanoci A. Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. Bucureşti. Vavila Edinf SRL. 328 p.

Zanoci, Băț, 2007 – Zanoci A., Băț M. Cercetările arheologice la situl traco-getic Saharna «La Şanț» (campania 2006) // Tyragetia. S.n. Nr. 1. Vol. I [XVI]. P. 287-298.

Zanoci, Băț, 2008 – Zanoci A., Băț M. Investigațiile arheologice la aşezarea traco-getică Saharna «La Şanț» (campania 2007) // Tyragetia. S.n. Nr. 1. Vol. II [XVII]. P. 253-266.

Zanoci, Băț, 2011 – Zanoci A., Băț M. Spreading of sites of XIIth/XIth – IIIrd centuries B.C. in the Middle Dniestr basin // Carpatica. № 40. Ужгород. P. 15-39.

Zanoci, Moldovan, 2004 – Zanoci A., Moldovan V. Getic citadel Saharna – «La Şanț» // Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău – Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004. (ed. I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț). Chişinău. Cartdidact. P. 130-138.

М.В. Иващенко

Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра

Amphora stamps from the settlement Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester. *One of the mass categories of archaeological material found during the excavations of the settlement Chobruchi is presented by amphora stamps. Most of them were read and dated. The analysis of brands allows distinguishing five phases of receiving of the imported product in stamped ceramic tare in the settlement Chobruchi: 1) 320-270 BC; 2) 269-240 BC; 3) 239-190 BC; 4) 189-160 BC; 5) 159-90 BC. Considering the coefficients of amphorae stamping we managed to calculate indicators of absolute density of distribution of products in the ceramic tare arriving at the settlement Chobruchi throughout each of the stages.*

Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра*. Одной из массовых категорий археологического материала, обнаруженного в ходе раскопок поселения Чобручи, являются амфорные клейма. Большинство из них были прочитаны и датированы. Анализ клейм позволяет выделить пять этапов поступления импортной продукции в клеймёной керамической таре на поселение Чобручи: 1) 320-270 гг. до н. э.; 2) 269-240 гг. до н. э.; 3) 239-190 гг. до н. э.; 4) 189-160 гг. до н. э.; 5) 159-90 гг. до н. э. С учётом коэффициентов клеймения амфор удалось рассчитать показатели абсолютной плотности распределения продукции в керамической таре, поступившей на поселение Чобручи на протяжении этих этапов.*

Археологические исследования поселения Чобручи были начаты в 1993-1996 гг. Чобручской археологической экспедицией под руководством Т.А. Щербаковой (1994; 1997; Кайдаш, Тащи, 1997; Щербакова, Тащи, 2004а; 2004б; 2004в; 2006а; 2006б). С 2000 г. раскопки были продолжены Чобручским отрядом Днестровской археологической экспедиции (2000-2002, 2004-2006, 2010, 2012 гг.) (Никулицэ, Фидельский, 2001; 2002; 2004а; 2004б; Фидельский, 2004; Фидельский, Матеевич, 2004; Niculiță, Fidelski, 2004; Фидельский, Синика, 2005; Fidelschi, Mateevici, 2005; Фидельский, 2006; Fidelschi, 2006; Fidelschi, Mateevici, 2007; Фидельский, 2010; 2012). За это время на памятнике было обнаружено значительное количество материала, среди которого особое место занимают амфоры и их фрагменты. Для археологов и историков они служат не только отличным датирующим материалом, но и являются важнейшим источником по изучению античной торговли (Брашинский, 1984, 148-169). В этой связи особый интерес представляют амфорные клейма, узкая хронология которых к настоящему времени разработана в достаточной степени.

Большая часть обнаруженных оттисков упомянута в вышеотмеченных статьях, посвящённых исследованию поселения. Наиболее полная их сводка приведена в каталоге клейм, приложенных к работе Н. Матеевич, посвящённой амфорному материалу с варварской территории Северо-Западного Причерноморья (Mateevici, 2007). Однако по разным причинам несколько десятков клейм остались вне поля внимания исследователей. Они были обнаружены в ходе археологических работ, проведённых после выхода в свет работы Н. Матеевич.[1] Наконец, при сверке материала, представленного в каталоге Н. Матеевич, выяснилось, что в нём имеются погрешности в локализации и восстановлении надписей. Также, ею были ошибочно локализованы как родосские два фабрикантских клейма № 286 и № 331, которые на самом деле относятся к Синопе. Кроме того, Н. Матеевич использовала оттиски исключительно для выяснения времени жизни поселения, при этом анализ распределения клейм во времени не проводился. Всё это заставляет вновь обратиться к рассмотрению данного материала.

В ходе работы по составлению каталога амфорных клейм поселения нами были зафиксировано 128 оттисков. Все клейма коллекции удалось локализовать, в её составе присутствуют оттиски трёх средиземноморских центров (Родоса, Книда и Пароса) и трёх причерноморских (Гераклеи Понтийской, Синопы и Херсонеса Таврического) **(табл. 1)**.

Таблица. 1. Амфорные клейма из поселения Чобручи

Центр производства	Кол-во	%
Родос	44	34,7
Книд	3	2,3
Парос	1	0,7
Гераклея	1	0,7
Синопа	67	52,3
Херсонес	12	9,3
Итого	128	100

Для выяснения динамики амфорного импорта в клеймёной керамической таре, обнаруженной на поселении Чобручи, нами в ходе первичной обработки проводились расчёты абсолютной плотности распределения клейм для каждого из этапов с использованием формулы $F_a=n/h$, где f_a – абсолютная плотность рас-

[1] Благодарю научных сотрудников научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко Т.А. Щербакову и С.А. Фидельского за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

пределения, *n* – частота, *h* – величина соответствующего временного интервала.[2]

I. Средиземноморские центры

I.1. Клейма Родоса (табл. 2). Всего зафиксировано 44 родосских клейма. Легенды в 11 оттисках (трёх магистратских и шести фабрикантских) не восстановлены. Из магистратских оттисков достоверно прочитаны 15: IIc МГ – Aristōnidas, Euphranōr 1; IIIa МГ – Thestōr; IIIb МГ – Archokratēs 2, Xenophanēs (два оттиска), Kratidas, Timasagoras (два оттиска); IIIc МГ – Ainēsidamos 2, Ainētōr 2; IIId МГ – Nikasagoras 1, Symmachos; IIIe МГ – Xenophōn; VI МГ – Hērakleitos. Ещё в двух клеймах, где сохранились только отдельные буквы имён магистратов, возможно несколько вариантов восстановления их имён: Kle(- – -) [Klearchos – IIc МГ; Kleitomachos – IIIa МГ; Kleōnumos – IIIb МГ]; (- – -)atofan(- – -) [Aratophanēs IIIe МГ; Pratophanēs – IIIb МГ].

Также достоверно прочитаны легенды 18 фабрикантских клейм: IIa ХГ – Iōn (новый штамп); II ХГ – Dios, Epigonos 1, Mikuthos, Onasimos; III ХГ – Agnēsippos, Antigonos, Aristokratēs (два оттиска), Damokratēs 1 (три оттиска), Dōroteos, Nikasiōn, Rodippos, Philanios (два оттиска); V ХГ – Dōros, Отметим, что соотношение магистратских и фабрикантских клейм в нашей коллекции примерно одинаково **(табл. 2)**.

Первые партии родосского вина появились на поселении, видимо, в 30-е гг. III в. до н. э., о чём свидетельствует круглое клеймо, в котором имя фабриканта Iōn сопровождается названием месяца (Θεσμοφορίου). Легенда не была полностью прочитана ни Т.А. Щербаковой, впервые издавшей клеймо (Щербакова, Тащи, 2004б, 290), ни Н. Матеевич (Mateevici, 2007, № 171), переиздавшей оттиск. Вместе с тем, Т.А. Щербакова вполне правомерно предположила, что клеймо, судя по морфологии ручки, относится к концу 40-х – началу 30-х гг. III в. до н. э. Действительно, клеймо принадлежит фабриканту Iōn, известному с магистратами I ХГ. Но поскольку в нашем клейме его имя сочетается с названием месяца, можно предположить, что фабрикант продолжал работать и в начале II МХГ (Кац, 2007, 214).

На протяжении следующих 40-50 лет, до конца 90-х гг. II в. до н. э., ввоз продукции Родоса носил спорадический характер. Объёмы поставок резко возрастают в следующем десятилетии при магистратах III b ХГ (плотность распределения в три раза выше средней по всему периоду); в 70-е гг. ввоз понизился вдвое, а в 60-е гг. практически сошёл на нет. Правда, отдельные незначительные партии вина поступали и на протяжении второй половины II в. до н. э., о чём свидетельствуют одно фабрикантское и одно магистратское клейма этого времени, встреченные на поселении.

I.2. Клейма Книда. Найдено три клейма этого центра, из которых удалось прочитать и восстановить только один оттиск, на котором сохранилась легенда с этниконом: Θευφά(ντος) / Τάχισ(τος) / Κνι(δίον). Аналогичное клеймо, выполненное тем же штампом, происходит из Ольвии и хранится в Одесском археологическом музее (Кац, 2007, 226). Однако в связи со слабой разработанностью проблемы книдского магистратского клеймения оттиск датируется в широких пределах IV МХГ – 215-166 гг. (Кац, 2007, 426). Надписи на остальных двух клеймах восстановить не удалось, хотя весьма вероятно, что они относятся к этому же времени.

I.3. Клеймо Пароса. Обнаружен один оттиск на ручке, содержащий этникон Parion. В связи со спорадичностью клеймения на Паросе оттиск датируется в широких пределах концом III – первой половиной II в. до н. э. (Кац, 2007, 176-177).

II. Причерноморские центры

II.1. Клеймо Гераклеи Понтийской. Гераклейской таре принадлежит одна ручка с энглифическим клеймом, на котором сохранились только четыре первые буквы имени фабриканта (ПФГ) Apsogos, время деятельности которого относится к концу IV – первой четверти III в. до н. э. (Кас, 2003, 261-278).

II.2. Клейма Синопы (табл. 3). Впервые синопские клейма из поселения были введены в научный оборот Т.А. Щербаковой. Ей были известны всего 52 оттиска, причём магистратские

Таблица 2. Родосские керамические клейма

Группы	Хронология	*h*	*n*	f_a
Магистратские				
IIc МГ	209-199 гг. до н. э.	11	2	0,2
IIIa МГ	198-190 гг. до н. э.	9	1	0,1
IIIb МГ	189-182 гг. до н. э.	8	6	0,75
IIc – IIIb МГ	200-182 гг. до н. э.	19	1	0,05
IIIc МГ	181-176 гг. до н. э.	6	2	0,33
IIId МГ	175-169 гг. до н. э.	7	2	0,28
IIIb-IIIe МГ	188-161 гг. до н. э.	28	1	0,03
IIIe МГ	168-161 гг. до н. э.	8	1	0,12
VI МГ	107- 86 гг. до н. э.	22	1	0,04
Нечитаемые		-	3	-
Всего		124	20	0,16
Фабрикантские				
II ХГ	234-199 гг. до н. э.	35	5	0,14
III ХГ	198-161 гг. до н. э.	38	12	0,31
IV ХГ	160-146 гг. до н. э.	15	-	-
V ХГ	145-108 гг. до н. э.	38	1	0,03
Нечитаемые	-	-	6	-
Итого		126	24	0,19

[2] Впервые этот метод в применении к клеймам был использован Д.Б. Шеловым при выяснении интенсивности родосского импорта в Танаис (Шелов, 1975, 26) и в дальнейшем неоднократно использовался специалистами в области керамической эпиграфики (Кац, 2007, 351 сл.).

клейма она разделила на три группы, охватывающие временной промежуток от 257 г. до н. э. до 189 г. до н. э. (Щербакова, Тащи, 2006а, 5-10).

К настоящему времени число синопских клейм возросло и составляет 67 экземпляров: 60 астиномных и 7 фабрикантских. Среди магистратских оттисков удалось прочитать имена чиновников в 44 экземплярах. Для их группировки использована хронологическая система, предложенная В.И. Кацем (2007, 434-436): IIIC МГ – Poseidōnios 4; VC МГ – Hikesios 2 Hestiaiou; VI B МГ – Iobakchos Molpagorou; VIC МГ – Athēnippos Mētrodōrou, Borys 2 Zeuxios, Dionysios 5 Apēmantou, Hestiaios 4 Artemidōrou (четыре оттиска), Hērakleidēs 3 Mikriou, Hēronymos 2 Poseidōniou, Thēriklēs Apollōniou (два оттиска), Hikesios 3 Simiou, Hippōn Dionysiou (три оттиска), Kallichoros Protagorou (два оттиска), Pasicharēs 2 Dēmētriou, Phēmios 3 Theopeithou; VI D МГ – Hikesios 4 Etheonikou, Hikesios 5 Antipatrou (два оттиска), Mikrias Aristagorou, Mnēsis 2 Phormiōnos; VII A МГ – Aischriōn Artemidōrou (два оттиска), Antipatros 2 Apollodōrou (два оттиска), Apollōnidēs Poseidōniou (два оттиска), Deios Mēnios, Kleinios Hekataiou, Prolochos Meikou (два оттиска), Teisimachos Theopompou *(новый штамп)*, Hyallos Philiskou; VII B МГ – Posis Stratonikou (пять оттисков).

Все семь фабрикантских клейм прочитаны: Apatourios, Asklēpiadēs, Dionysios (два оттиска), Menōn, Phlēmōn, Charēs. Оттиски, содержащие отдельные имена фабрикантов, стояли на вторых ручках амфор, выпущенных при некоторых магистратах VI МГ. Показательно, что в нашей коллекции присутствуют клейма двух таких астиномов: Thēriklēs Apollōniou и Phēmios 3 Theopeithou, в штампах которых отсутствуют имена владельцев мастерских.

Группа синопских клейм очень компактна и практически вся укладывается во временной промежуток в полвека, начиная с середины 40-х гг. III по 90-е гг. II в. до н. э. (VIB-D и VII A-B МХГ). При этом представлены оттиски почти половины астиномов, выполнявших свои обязанности в этот период **(табл. 3)**.

Как следует из таблицы, синопский импорт начинает поступать на поселение Чобручи с конца IV в. до н. э., о чём свидетельствует оттиск астинома IIIC МГ – Poseidōnios 4. В дальнейшем, на протяжении последующих шестидесяти лет, этот ввоз осуществлялся в крайне ограниченном масштабе: клейма астиномов IV МГ вообще отсутствуют, всего одним оттиском представлены магистраты V МГ. Ситуация коренным образом меняется на рубеже 40-30-х гг. III в. до н. э. с появлением продукции астинома самого конца VIB МГ (Iobakchos Molpagorou). В последующие два десятилетия ввоз синопского вина осуществлялся практически ежегодно – на поселении обнаружены клейма 12 магистратов VIC МГ из 18 известных. При некоторых астиномах (Hestiaios 4 Artemidōrou, Hippōn Dionysiou) поступали крупные партии продукции. Именно в 30-20-х гг. III в. до н. э. фиксируется пик ввоза. С конца 20-х гг. III в. до н. э. и до конца столетия объём синопского импорта, хотя и сокращается на четверть, но продолжает оставаться высоким (вдвое выше среднего уровня по всему периоду). В конце магистратского клеймения (в 90-е гг. II в. до н. э.) он ещё сокращается на треть.

II.3. Клейма Херсонеса Таврического. На поселении зафиксировано всего двенадцать клейм этого центра: семь магистратских **(табл. 4)** и пять фабрикантских, причём легенды во всех из них прочитаны. Магистратские клейма: I A МГ– Kratōn *(новый штамп)*; II A МГ – Apollas Choreiou; II B МГ – Apollōnios Apollōniou; II Г МГ – Dioskouridas Theodōrou, Kallistratos Kallistratou *(новый штамп)*, Sōkritos Artemidōrou; III A МГ – Agasiklēs (– – -)os *(новый астином)*. Фабрикантские клейма: ΔΙ , ΣΑ(два оттиска), ΣΩ, CΩ. В них надписи выполнены в виде сокращений, что характерно для клеймения I B-Г – II A МГ в конце IV – первой трети III в. до н. э. (Кац, 1994, 77).

Таблица 3. Синопские магистратские клейма

Группы	Хронология	*h*	*n*	f_a
III C МГ	кон. 10-х гг. IV – нач. III в. до н. э.	7	1	0,14
IV A-C МГ	90-80-е гг. III в. до н. э.	–	–	–
V A-B МГ	кон. 80-х – нач. 60-х гг. III в. до н. э.	–	–	–
V C МГ	нач. 60-х – нач. 50-х гг. III в. до н. э.	9	1	0,11
VI A МГ	50-е – нач. 40-х гг. III в. до н. э.	–	–	–
VI B МГ	40-е гг. III в. до н. э.	6	1	0,16
VI C МГ	30-20-е гг. III в. до н. э.	18	19	1,05
VI D МГ	кон. 20-х – сер.10-х гг. III в. до н. э.	7	5	0,71
VII A МГ	сер. 10-х гг. – кон. III в. до н. э.	16	12	0,75
VII B МГ	90-е гг. II в. до н. э.	9	5	0,55
III C-VII B МГ	кон. 10-х гг. IV – 90-е гг. II в. до н. э.	120	44	0,37
Нечитаемые	–	–	16	–
Итого		120	67	0,45

Таблица 4. Херсонесские астиномные клейма

Группы	Хронология	*h*	*n*	f_a
I A МГ	325-319 гг. до н. э.	7	1	0,14
I Б-Г МГ	318-287 гг. до н. э.	22	–	–
II A МГ	286-273 гг. до н. э.	13	1	0,07
II Б МГ	272-266 гг. до н. э.	7	–	–
II B МГ	265-240 гг. до н. э.	26	1	0,04
II Г МГ	239-228 гг. до н. э.	12	3	0,25
IIIA МГ	227-210 гг. до н. э.	18	1	0,05
Итого		116	7	0,06

Таблица 5. Сравнительная характеристика по этапам объёмов продукции в клеймёной керамической таре, поступившей в Чобручи на протяжении конца IV – I в. до н. э.

Центр	Этапы					Итого по периоду
	I 320–270 гг. (h 50)	II 269–240 гг. (h 30)	III 239–190 гг. (h 50)	IV 189–160 гг. (h 30)	V 159–90 гг. (h 70)	
Гераклея						
n	1					1
f_a	0,02					
%	33,3					
Синопа						
n	1	1	42			44
f_a	0,02	0,03	0,84			
%	33,3	50,0	80,8			
Херсонес						
n	1	1	5			7
f_a	0,02	0,03	0,10			
%	33,3	50,0	9,6			
Родос						
n			5	12	2	19
f_a			0,10	0,40	0,03	
%			9,6	87	100	
Книд, Парос						
n				2		2
f_a				0,06		
%				13,0		
Итого						
n	3	2	52	14	2	73
f_a	0,06	0,06	1,04	0,46	0,03	0,32
%	100	100	100	100	100	

Самое раннее магистратское херсонесское клеймо принадлежит астиному I A МГ Kratōn (конец 20-х – начало 10-х гг. IV в. до н. э.). На протяжении последующих десятилетий вплоть до конца 40-х гг. II в. ввоз херсонесского вина осуществлялся спорадически в ограниченном объёме (всего два оттиска относятся к этому 60-летнему этапу). Несомненный рост наблюдается на протяжении 30-х гг. II в., когда был достигнут пик в поступлении херсонесской продукции. Небольшие партии поступали и в следующее десятилетие, о чём свидетельствует одно клеймо IIIA ХГ, видимо, принадлежащее ранее неизвестному астиному.

Таким образом, удалось хронологически определить более трёх четвертей обнаруженных на поселении Чобручи оттисков. Данная выборка вполне представительна не только для уточнения временных границ отдельных этапов жизни поселения, но и для определения динамики и состав продукции в клеймёной керамической таре, поступившей на поселение на протяжении каждого из этапов. Правда, в связи с тем, что на Родосе систематически, а в Синопе и Херсонесе спорадически, клейма оттискивались на обеих ручках амфор, большинство фабрикантских клейм этих центров при решении последней задачи к анализу не привлекаются.

Сравнительная характеристика поступления продукции на поселение Чобручи в клеймёной керамической таре в настоящее время позволяет выделить пять этапов функционирования поселения **(табл. 5)**.

Первый этап (конец 20-х гг. IV в. до н. э. – 270 г. до н. э.) в настоящее время фиксируется всего тремя амфорными клеймами из Синопы, Гераклеи Понтийской, Херсонеса Таврического (1 экз.), продукция которых спорадически поступала на рынок поселения Чобручи (плотность распределения клейм в это время в три раза ниже, чем средняя по всему периоду). Интересно преобладание в этой небольшой серии херсонесских оттисков.

Второй этап (269-240 гг. до н. э.) – сокращение на треть и так относительно низкого уровня импорта в клеймёной керамической таре. К этому этапу относятся всего два клейма – синопское и херсонесское.

Третий этап (239-190 гг. до н. э.) – наивысший расцвет жизни на поселении. Плотность распределения амфорных клейм в четыре раза больше средней по всему периоду. Доминирует продукциия Синопы (84%), появляется родосское вино, которое превосходит по объёму херсонесский напиток.

Четвёртый этап (189-160 гг. до н. э.). Прекращается поступление синопской и херсонесской продукции в клеймёной керамической таре. Эту потерю в какой то степени замещает Родос, объ-

ём импорта которого достигает пика, на рынке появляется вино других островных центров (Книд, Парос), хотя и в крайне ограниченных масштабах. В то же время общий объём импорта сокращается почти в три раза.

Пятый этап (159-90 гг. до н. э.) характеризуется резким сокращением импорта в клеймёной керамической таре. Ввоз носил спорадический характер. Всего найдено два родосских клейма этого времени.

Значительные колебания в динамике поступления продукции в клейменой керамической таре на поселение Чобручи с конца IV по начало I в. до н. э. позволяет определить два подпериода активной его жизни. На протяжении первых двух этапов (320-240 гг. до н. э.) ввоз носил, видимо, спорадический и ограниченный характер. Плотность распределения клейм в 4-5 раз ниже среднего для всего периода уровня. Не исключено, что к середине III в. до н. э. жизнь на поселении на какой-то период времени вообще затухает.

Совершенно иную картину мы наблюдаем для второго подпериода истории поселения (240-160 гг. до н. э.). Это было время наивысшего его расцвета, о чём свидетельствует тот факт, что на первом этапе этого подпериода плотность распределения клейм была в три раза выше среднего уровня, да и на протяжении следующего этапа превышала его в 1,5 раза. Видимо, к середине II в. до н. э. жизнь на поселении Чобручи практически прекращается.

Безусловно, создание более точной картины поступления керамической клеймёной тары на памятники левобережья Нижнего Поднестровья, станет возможным только при дальнейших исследованиях поселения Чобручи.

Литература

Брашинский, 1984 – Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л. Наука. 247 с.

Кайдаш, Тащи, 1997 – Кайдаш А.Е., Тащи Е.Ф. Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н. э. поселения Чобручи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей Междунар. археологич. конф. (отв. ред. С.Б. Охотников). Одесса. Ветаком. С. 241-244.

Кац, 1994 – Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 176 с.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Никулицэ, Фидельский, 2001 – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (отв. ред. Н.А. Кетрару). Тирасполь. Типар. С. 206-216.

Никулицэ, Фидельский, 2002 – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Исследования на многослойном поселении у с. Чобручи (по материалам раскопок 2001 года) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. Тирасполь. РИО ПГУ. С. 248-250.

Никулицэ, Фидельский, 2004а – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000-2003). Vol. I. (red. şef N. Chetraru). Chişinău. Tyragetia. P. 50-63.

Никулицэ, Фидельский, 2004б – Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chişinău – Vadul lui Vodă. 6-11 September 2004. (ed. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ). Chişinău. Cartdidact. P. 190-216.

Синика и др., 2012 – Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. № 3. С. 187-215.

Фидельский, 2004 – Фидельский С.А. Зооморфное изображение на гальштатской керамике из поселения Чобручи // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат-лы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 1-4 декабря 2004 г. (отв. ред. Д.Г. Савинов). СПб. Изд-во СПбГУ. С. 125-129.

Фидельский, 2006 – Фидельский С.А. Ритуальные захоронения второй половины I тыс. до н. э. на многослойном поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье // Археологическое изучение Центральной России. Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 г.) (отв. ред. А.Н. Бессуднов). Липецк. РИЦ ЛГПИ. С. 213-216.

Фидельский, 2010 – Фидельский С.А. О развитии ремесла в VI-III вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье (По материалам раскопок поселения у с. Чобручи) // Исторический альманах Приднестровья (глав. ред. Н.В. Бабилунга). № 11. Тирасполь. Полиграфист. С. 130-140.

Фидельский, 2012 – Фидельский С.А. Поселение Чобручи – многослойный памятник на Днестре (предварительные итоги и перспективы исследования) // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко (отв. ред. А.А. Пригарин). Одесса. СМИЛ. С. 273-281.

Фидельский, Матеевич, 2004 – Фидельский С., Матеевич Н. Античный импорт в амфорной таре на поселении Чобручи из раскопок 2001-2002 гг. (по данным эпиграфики). // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. (12-16 октября 2004 г.) Часть I (отв. ред. Н.М. Куковальская). Киев – Судак. 2004. Академпериодика. С.118-123.

Фидельский, Синика, 2005 – Фидельский С.А., Синика В.С. Новые находки терракотовых статуэток Кибелы в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок на многослойном поселении Чобручи) // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Символика. С. 281-286.

Шелов, 1975 – Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н. э. М. Наука. 168 с.

Щербакова, 1994 – Щербакова Т.А. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Мат-лы Междунар. археологич. конф. Тирасполь. 10-14 октября 1994 г. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 231-232.

Щербакова, 1997 – Щербакова Т.А. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой половине II вв. до н. э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Мат-лы полевого семинара. Тирасполь – Глиное. 28-30 августа 1997 г. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 19-22.

Щербакова, Тащи, 2004а – Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. Керамические клейма Херсонеса в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок поселения Чобручи) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. (12-16 сентября 2004 г.). Часть I (отв. ред. Н.М. Куковальская). Киев – Судак. Академпериодика. С. 128-129.

Щербакова, Тащи, 2004б – Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. Родосские клейма сер. III – п.п. II вв. до н. э. на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье // ССПіК. XI. Запоріжжя. С. 288-290.

Щербакова, Тащи, 2004в – Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. Связи Нижнего Поднестровья с островом Родос в эллинистическую эпоху (по материалам поселения у с. Чобручи) // Исторический альманах Приднестровья (глав. ред. Н.В. Бабилунга). № 8. Тирасполь. РИО ПГУ. С. 139-142.

Щербакова, Тащи, 2006а – Щербакова Т.А. Тащи Е.Ф. Связи Нижнего Поднестровья с Синопой в эллинистическую эпоху (по материалам поселения у с. Чобручи) // Исторический альманах Приднестровья (глав. ред. Н.В. Бабилунга). № 10. Тирасполь. Изд-во Приднестровского университета. С. 5-10.

Щербакова, Тащи, 2006б – Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. Связи Нижнего Поднестровья с Синопой в эллинистическую эпоху (по материалам поселения у с. Чобручи) // Археологическое изучение Центральной России. Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 г.) (отв. ред. А.Н. Бессуднов). Липецк. РИЦ ЛГПИ. С. 216-219.

Fidelschi, 2006 – Fidelschi S. Dezvoltarea meşteşugului la populaţie sedentară din rejiunea Nistrului Inferior (după rezultatele săpăturilor la aşezarea pluristratigrafică Ciobruci) //Tirajetia. XV (red. resp. N. Răileanu). Chişinău. Reclama. P. 24-33.

Fidelschi, Mateevici, 2005 – Fidelschi S.A., Mateevici N. Date noi de epigrafie amforistică din regiunea Nistrului Inferior: descoperiri de la Ciobruciu // Simpozion de numismatică: organizat cu ocazia împlinirii a 80 de ani de la ridicarea scaunului archiepiscopal şi mitropolitan al Ungrovlahiei la rangul de scaun patriahal. Programul şi rezumatele comunicărilor. Chişinău. 20-22 octombrie 2005. Chişinău. P. 5-6.

Fidelschi, Mateevici, 2007 – Fidelschi S.A., Mateevici N. Ştampile amforistice descoperite în aşezarea de la Ciobruciu (campanile 2004-2005) // Simpozion de numismatică: organizat cu ocazia comemorării Sfântului Ştefan cel Mare domn al Moldovei (1504-2004). Chişinău, 29 septembrie – 2 octombrie 2004: comunicări, studii şi note (red. resp. E. Nicolae). Bucureşti. Monitorul oficial. P. 29-34.

Kac, 2003 – Kac V.I. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // Black Sea Studies. 1. The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday (eds. P.G. Bilde, J.M. Hojte, V.F. Stolba). Aarhus. Aarhus University Press P. 261-278.

Mateevici, 2007 – Mateevici N. Amforele greceşti on mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin on sec. VI – onceputul sec. II a. Chr. Biblioteca Tyragetia. XIV. Chişinău. Bons Oficces. 284 p.

Niculiţă, Fidelski, 2004 – Niculiţă I., Fidelski S. The researches of the multilayered settlement of Ciobruci // Tracii şi lumea circumpontica. Congresul al IX-lea Internaţional de Tracologie. Chişinău –Vadul lui Vodă. 6-11 sept. 2004. Rezumate (red. I. Niculiţă, A. Zanoci, Iu. Postică). Chişinău. Reclama. P. 75-77.

В.И. Кац

Амфорные клейма из Поднестровья

Amphora stamps from Transdniesteria. *To the moment they have recorded 405 amphora stamps from 32 ancient monuments in Transdniesteria. All stamps are localized. About 80% of stamps from the collection were relatively well to date.*

The analysis of the stamps distribution in time and space lets us distinguish two phases of the active life of the region during the end of the V – the beginning of I century BC.

During the first phase (the end of the V – 270 BC), the import of products in ceramic tare was relatively constant and relatively high (the density of distribution of the stamps was 1,5-2 times higher than the average density over the period). Up to the 30-ies of the IV century BC the dominant position in the market was taken by Heraclea products, but later until the end of the phase – the Thasos wine. The stamps of this period of life in Transdniesteria are recorded at 26 monuments of the region. In this case the majority of products was imported on the settlements along the banks of the Dniester estuary and the mouth of the Dniester. The import of ceramic products in stamped packaging dramatically interrupted by the end of the 70ies of the III century BC, probably in connection with the end of life on the most of the settlements in the region.

Quite a different picture is presented by imported stamped products in ceramic tare that arrived in the Transdniesteria during the second phase (240-160 BC) of the active life of the region. On the one hand, the number of points where stamps of this phase were fixed was reduced by half compared with the preceding one and the centre of economic life moved from the area of the Dniester estuary upstream of the Dniester (settlements Krasnoe and Chobruchi). On the other hand, the absolute density of stamps during this phase was 2-3 times higher than the average over the period. The componence of imports was also changed. Up to 190 BC undivided domination of Sinopa products on the market, and after until 160 BC – of Rhodes products.

In the second half of the II century BC life on the majority of settlements in the region either completely stops or hardly goes on.

Амфорные клейма из Поднестровья. *К настоящему времени на 32 античных памятниках Поднестровья зафиксированы находки 405 амфорных клейм. Все оттиски локализованы. Около 80% клейм коллекции удалось относительно точно датировать.*

Анализ распределения клейм во времени и пространстве позволил выделить две фазы активной жизни этого региона на протяжении конца V – начала I в. до н. э.

В ходе первой фазы (конец V в. – 270 гг. до н. э.) ввоз продукции в керамической таре был постоянен и относительно высок (плотность распределения клейм в 1,5-2 раза превышала среднюю по периоду). До 30-х гг. IV в. до н. э. преобладающее место на рынке занимала продукция Гераклеи, в дальнейшем до конца фазы – вино Фасоса. Клейма этого периода жизни Поднестровья зафиксированы на 26 памятниках региона. При этом основная масса поступившей продукции оседала в поселениях по берегам Днестровского лимана и устья Днестра. Поступление продукции в клейменой керамической таре резко прерывается к концу 70-х гг. III в. до н. э., видимо, в связи с прекращением жизни на большинстве поселений региона.

Совершенно иную картину представляет импорт продукции в клеймёной керамической таре, поступившей в Поднестровье на протяжении второй фазы (240-160 гг. до н. э.) активной жизни региона. С одной стороны, количество пунктов, где зафиксированы клейма этой фазы, сократилось вдвое по сравнению с предшествующей, и центр экономической жизни переместился из района Днестровского лимана выше по течению Днестра (поселения Красное и Чобручи). С другой – абсолютная плотность распределения клейм на протяжении этой фазы была в 2-3 раза выше средней по периоду. Изменился и состав импортируемой продукции. До 190 г. до н. э. безраздельное господство на рынке синопской продукции, в дальнейшем до 160 г. до н. э. – родосской.

Во второй половине II в. до н. э. жизнь на большинстве поселений региона либо полностью прекращается, либо еле теплится.

В последнее время в связи с разработкой проблемы так называемого «кризиса» III в. до н. э.» в северопричерноморских степях внимание исследователей привлекли могильники и поселения Степного Поднестровья, тем более, что в научный оборот уже сейчас введены (полностью или частично) материалы, полученные при исследовании этих памятников. Особый интерес вызвали амфорные клейма, которые для большинства из них являются наиболее надёжным датирующим материалом. Пожалуй, наиболее полная их сводка приведена в относительно недавно появившейся монографии Н. Матеевич, посвящённой анализу амфорного материала с варварской территории Северо-Западного Причерноморья (Mateevici, 2007). К работе приложен каталог клейм, основную часть которого составляют оттиски как раз и зафиксированные на памятниках Поднестровья. В каталог включено около 250 клейм, обнаруженных на 14 поселениях и 11 могильниках.[1]

Таким образом, база для анализа клеймёного амфорного материала создана. Правда, эффективная работа с ним затруднена в связи с тем, что Н. Матеевич применён далеко не самый рациональный метод подачи исходных данных. Логично, что клейма разделены по местам производства амфор, на которых они оттиснуты. Но далее, явно находясь под влиянием тенденций, характерных для каталогов клейм, появившихся в последнее время на западе, Н. Матеевич попыталась расположить клейма отдельных центров не в алфавитном, а в хронологическом порядке. Алогичность подобной методики мне уже приходилось отмечать (Кац, 2007, 45). Представленный каталог лишний раз подтверждает это наблюдение. Кроме того, в каталоге не приведена полная информация о каждом публикуемом клейме. Указывается только место находки, отсутствует год находки, номера описей, место хранения, лишь выборочно представлены аналогии.

Ещё больше возражений вызывает проведённая Н. Матеевич попытка использования клеймёного амфорного материала в качестве

[1] Если быть точным, то к этому списку следует добавить ещё один могильник – Чобручи (Источник), целая родосская клеймёная амфора из которого ошибочно отнесена Н. Матеевич к могильнику у с. Глиное (№ 282-283).

исторического источника. Главный недостаток – описательность и отсутствие полноценного статистического анализа: нет таблиц, диаграмм и полигонов распределения клейм, которые в последнее время стали обязательными составляющими работы с оттисками. Естественно, что полученные выводы далеко не полны и нуждаются в существенных коррективах.

Для полноценного решения этой задачи был расширен более чем на 60% банк данных. Он был пополнен находками, сделанными в последние годы сотрудниками археологической лаборатории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко на поселениях Красное и Чобручи и при раскопках могильника Глиное (Слободзейский р-н). Также в каталог было включено 25 уже ранее опубликованных клейм с 8 поселений этого региона – Беленькое II, Беляевка II, Молога IV, Шабо (Бруяко, 2005, 304-310), Затока I (Малюкович, Бруяко, 1994, 235), Надлиманское VI (Охотников, 1994, 172), Пуркары (Романовская, 1963, 31)].

Таким образом, к настоящему времени на 33 античных памятниках Поднестровья **(рис. 1)** зафиксированы находки 403 клейм **(табл. I)**. Все оттиски локализованы. Около трети из них принадлежит семи средиземноморским центрам (Фасосу, Аканфу, Родосу, Книду, Косу, Икосу и Паросу); остальные – трём понтийским (Гераклее, Синопе и Херсонесу). Около 80% клейм коллекции удалось относительно точно датировать.[2]

В результате получена вполне репрезентативная выборка, позволяющая применить статистический анализ для выяснения двух вопросов, связанных с виноторговлей Поднестровья: 1) определить динамику поступления сюда продукции в клеймёной керамической таре из отдельных производственных центров; 2) выяснить колебания по отдельным этапам общего объёма винодельческой продукции, поступившей в этот регион.

Для решения этих задач в ходе первичной обработки материала проводился расчёт абсолютной плотности распределения оттисков по отдельным хронологическим группам и этапам клеймения.[3] Абсолютная плотность распределения определяется по следующей формуле:

$$f^a_i = n_i / h_i ,$$

где f^a_i – абсолютная плотность распределения, n_i – частота, h_i – величина соответствующего временного интервала (Кац, 2007, 352-353).

[2] Датировки даны с учётом современного состояния хронологии клейм центров, осуществлявших массовое клеймение керамической тары (Кац, 2007, главы 7-9).

[3] Впервые этот метод был использован Д.Б. Шеловым при выяснении интенсивности родосского импорта в Танаис (Шелов, 1975, 26) и в дальнейшем неоднократно применялся специалистами в области керамической эпиграфики (Кац, 2007, 351 сл.)

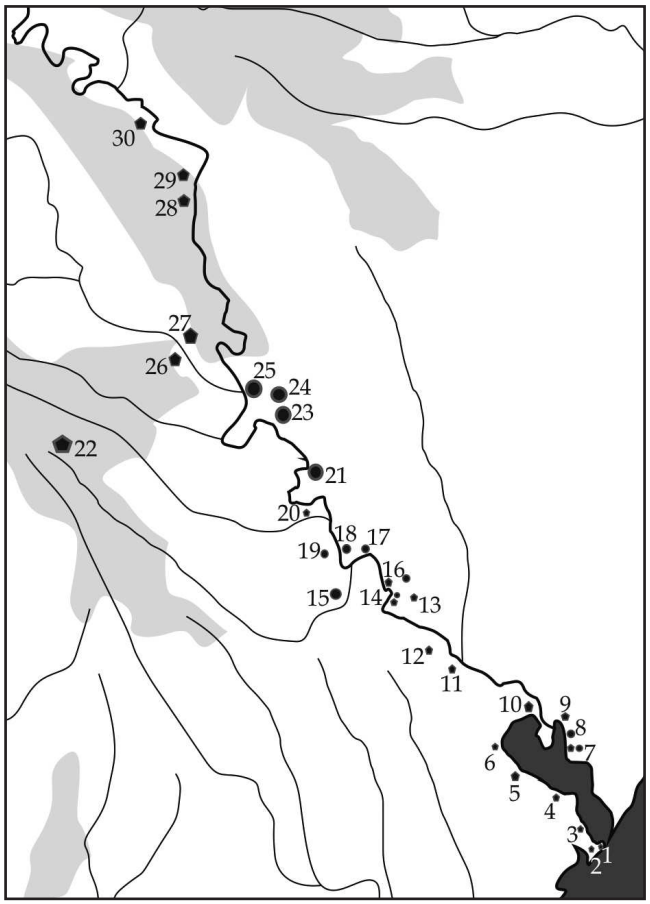

Рис. 1. Античные памятники Поднестровья: 1 – Затока I (п), 2 – Беленькое II (п), 3 – Шабо II (п), 4 – Молога IV (п), 5 – Пивденное (п), 6 – Весёлое (п), 7 – Николаевка (к+п), 8 – Ефимовка (к), 9 – Надлиманское VI (п), 10 – Беляевка II (п), 11 – Оланешты (п), 12 – Пуркары (п), 13 – Красное (п) (Слободзейский р-н), 14 – Глиное (п+к) (Слободзейский р-н), 15 – Хаджимус, 16 – Чобручи (п+к), 17 – Тирасполь (к), 18 – Парканы (к), 19 – Бендеры (к), 20 – Калфа (п), 21 – Буторы (к), 22 – Городка Маре (п), 23 – Красное (к) (Григориопольский р-н), 24 – Глиное (к) (Григориопольский р-н), 25 – Дубоссары (к), 26 – Потырка (п), 27 – Бутучены (п), 28 – Сахарна Маре (п), 29 – Сахарна Ла Ревекин (п), 30 – Глинжены II (п)

1. Средиземноморские центры

1.1. Клейма Фасоса. Всего в регионе на 11 памятниках (один из которых является курганом, остальные поселениями) зафиксировано 47 фасосских клейм. При этом более половины оттисков обнаружено в ходе раскопок поселения у с. Пивденное. Видимо, именно через этот пункт поступало фасосское вино в данный регион.

Разделить по хронологическим этапам удалось 38 клейм. Ещё 7 оттисков, в которых имена магистратов надёжно не восстанавливаются, несомненно, относятся к «позднему» периоду клеймения. Оставшиеся два клейма, легенды в которых практически не сохранились, не удалось даже приблизительно хронологически определить.

Анализ распределения клейм по периодам и этапам **(табл. II; рис. 2)** показывает, что по-

Таблица I. Амфорные клейма в Поднестровье

№	Название памятника	Ф	А	Р	Кн	К	П	И	Г	С	Х	Всего
1	Беленькое II п.	1						1		1	2	5
2	Беляевка II п.								3			3
3	Бендеры п.	1										1
4	Буторы м.								1			1
5	Бутучены п.	6			1	1			1	4	6	19
6	Весёлое III м.	1							1			2
7	Глинжены II п.		1									1
8	Глиное (Григориопольский р-н) м.								1			1
9	Глиное (Слободзейский р-н) м.			5					2	9		16
10	Глиное (р. Турунчук) п.			1								1
11	Городка Маре п.	1										1
12	Дубосары								1			1
13	Ефимовка м.								1			1
14	Затока I п.	1		3					1	3	1	9
15	Калфа п.									1		1
16	Красное (Григориопольский р-н) м.								10	2		12
17	Красное (Слободзейский р-н) п.	1		9		1			2	61	6	80
18	Молога IV п.									2		2
19	Надлиманское VI п.			3						1		4
20	Николаевка п.	6							10	8		24
21	Николаевка м.								8			8
22	Олонешты п.									1		1
23	Парканы м.								7			7
24	Пивденное п.	25	4		2				14	12	3	60
25	Потырка п.	2							1			3
26	Пуркары п.			1								1
27	Большая Сахарна п.	2							1	2		5
28	Сахарна Ла Ревекин п.	1							1			2
29	Тирасполь м.	1										1
30	Хаджимус м.								1			1
31	Шабо п.			1								1
32	Чобручи п.			44	3		1		1	67	12	128
33	Чобручи Источник м.			2								2
	Всего	49	5	69	6	2	1	1	68	174	30	403
	%	12,1	1, 2	17,0	1,5	0,5	0,2	0,2	16,8	42,8	7,2	100

Ф – Фасос, А – Аканф, Р – Родос, Кн – Книд, К – Кос, П – Парос, И – Икос, Г – Гераклея, С – Синопа, Х – Херсонес.

ступления фасосского вина в данный регион испытывало значительные колебания на протяжении IV–III вв. до н. э. К 60-ти летнему «раннему» периоду (90-е – начало 30-х гг. IV в. до н. э.) относится всего 5 клейм: четыре из которых обнаружены на трёх поселениях, расположенных по берегам Днестровского лимана (Николаевка – 2 экз., Весёлое и Пивденное); одно в кургане выше по течению Днестра (Бендеры). Несомненно, поступление фасосского вина в этот промежуток времени носило спорадический характер.

С середины 30-х гг. IV в. до н. э. на протяжении последующих двух десятилетий ввоз фасосского вина принимает систематический характер, и его интенсивность увеличивается почти в четыре раза. Правда, продукция, как и прежде, в первую очередь потреблялась населением поселений по берегам Днестровского лимана (Пивденное, Николаевка).

Пик импорта в регион приходится на 10-е гг. IV в. до н. э., когда наблюдаемая абсолютная плотность распределения фасосских клейм почти в три с половиной раза превышала среднюю для оттисков «позднего» периода. Расширяется и рынок сбыта. Хотя основная масса вина оседала на поселении у с. Пивденное, часть продукции была переправлена по Днестру на север (поселения Бутучены и Большая Сахарна, курган на территории Тирасполя).

Таблица II. Распределение фасосских клейм по этапам

Этапы	n	Хронологические границы	h	Fa
Магистраты «раннего» периода				
1-6	5	90-е – начало 30-х гг. IV в. до н. э.	62	0,08
Магистраты «позднего» периода				
7-9	6	середина 30-х – середина 10-х гг. IV в. до н. э.	20	0,30
10	12	вторая половина 10-х гг. IV в. до н. э.	7	1,71
11	9	конец IV в. до н. э.	10	0,90
12-15	6	90-е – 70-е гг. III в. до н. э.	28	0,21
Всего	33	середина 30-х гг. IV в – 70-е гг. III в. до н. э.	65	0,51
Итого	38	400 – 70-е гг. III в. до н. э.	130	0,29

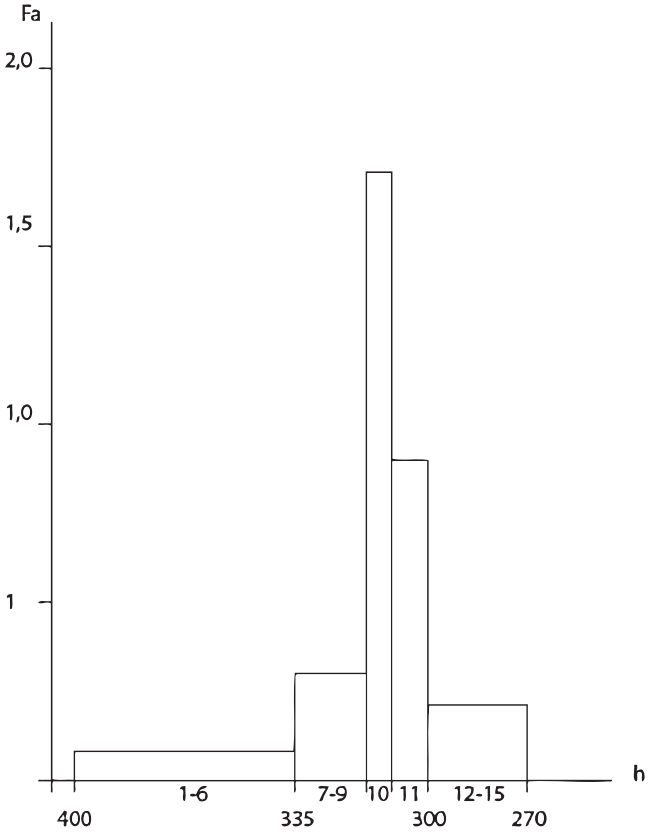

Рис. 2. Диаграмма распределения фасосских клейм

На протяжении следующего десятилетия (конец IV – начало III в. до н. э.) интенсивность ввоза сокращается почти вдвое. Основными потребителями фасосского вина продолжали оставаться жители поселений Нижнего Поднестровья (Затока, Беленькое II, Пивденное). Выше по Днестру встречено единственное фасосское клеймо на поселении Потырка.

Сокращение ввоза продолжалось на протяжении следующих трёх десятилетий (90-е – 70-е гг. III в. до н. э.). Правда, к уже известным пунктам потребления фасосского вина добавилось поселение Городка Маре.

Поступление фасосской продукции, изготовлявшейся с конца 70-х гг. III в. до н. э. на протяжении последних 16-22 этапов клеймения, в данный регион на сегодняшний день не зафиксировано.

Таблица III. Распределение родосских клейм по хронологическим группам

Группы	n	Хронологические границы	h	Fa
Магистратские				
II МХГ	7	239–199 гг. до н. э.	40	0,18
III МХГ	22	198–161 гг. до н. э.	38	0,58
IV МХГ	–	160–146 гг. до н. э.	15	
V МХГ	–	145–108 гг. до н. э.	38	
VI МХГ	1	107–86 гг. до н. э.	22	0,05
итого	30	239–86 гг. до н. э.	153	0,20
Фабрикантские				
II ХГ	10	239–199 гг. до н. э.	40	0,25
III ХГ	17	198–161 гг. до н. э.	38	0,45
IV ХГ	–	160–146 гг. до н. э.	15	
V ХГ	1	145-108 гг. до н.э	38	0,03
VI ХГ	–	107- 86 гг. до н. э.	22	
Итого	28	239- 86 гг. до н. э.	153	0,18

1.2. Клейма Аканфа. В Поднестровье отмечено всего 5 «колесовидных» клейм, принадлежность которых Аканфу не вызывает в настоящее время сомнения. Эти оттиски появляются ещё во второй четверти IV в. до н. э. и вряд ли заходят далеко во вторую половину этого столетия (Кац, 2007, 201). Все отмеченные клейма происходят с поселений: 4 оттиска из Пивденного, 1 – с самого северного поселения региона – Глинжены II.

1.3. Клейма Родоса. К настоящему времени в Поднестровье зафиксированы находки трёх целых родосских амфор (с оттисками на обеих ручках) и 63 отдельных клейма. Целые амфоры встречены в погребениях двух могильников (Глиное и Чобручи–Источник), отдельные клейма на семи поселениях по побережью Днестровского лимана и выше по течению Днестра. Более половины оттисков получено в ходе раскопок поселения Чобручи.

Хронологически определить удалось 58 клейм: 30 магистратских и 28 фабрикантских (табл. III). Все они относятся к 150-летнему периоду родосского клеймения (начало 30-х гг. III – начало I в. до н. э.).

Однако плотность распределения оттисков на протяжении отдельных этапов этого периода существенно различается. На первом этапе до конца III в. до н. э. она была относительно низка (в пределах средней по всему периоду). На протяжении следующих четырёх десятилетий интенсивность поступления родосского вина возрастает в три раза – это был наивысший пик родосского импорта. С конца 60-х гг. II в. до н. э. и до начала следующего столетия ввоз, если и не прекратился полностью, то носил спорадический характер. Пока известно в Поднестровье всего два клейма этого времени (одно фабрикантское и одно магистратское).

1.4. Клейма Книда. Зафиксировано на трёх поселениях всего 6 книдских клейм, из которых 4 удалось хронологически определить. Наиболее ранними являются 3 экземпляра I ХГ. Два из них с Пивденного принадлежат к группе квадратных оттисков, в центре которых изображена городская эмблема Книда «нос корабля», а вдоль двух рамок клейма стоит одно (видимо, фабрикантское) имя. Клейма этой серии датируются концом третьей четверти IV в. до н. э. (Кац, 2007, 222). Третий двустрочный оттиск с легендой ΠΑ/CΙ (- – -) в своё время Р.Б. Ахмеровым был отнесён к херсонесским (Ахмеров, 1951, №34). Херсонесскими посчитал их и Б.Н. Граков, включив в соответствующий раздел IOSPE III («Херсонесские клейма», № 2961-2962)

В период составления мною Каталога-определителя клейм Херсонеса большинство

известных оттисков этой серии было обнаружено как раз при исследовании этого центра, что заставило меня согласиться с предложенной моими предшественниками локализацией и поместить оттиски в раздел фабрикантских херсонесских клейм (Кац, 1994, табл. CVI/2A-33,5-8). Однако в настоящее время от такой локализации приходится отказаться. Несомненно, глина, из которой сформованы амфоры с этими клеймами визуально похожа на херсонесскую, но имеется и существенное отличие – примесь золотистой слюды. Вместе с тем, как показывает фрагмент горла амфоры с клеймёной ручкой из Горгиппии, сосуды этой серии имели массивные валикообразные венцы не характерные для херсонесской тары, но имеющие аналогии среди амфор Книда. Судя по присутствию лунарной сигмы в некоторых штампах, эти клейма относятся к концу подгруппы IA и предварительно могут быть датированы последней четвертью IV в. до н. э.

Книдские клейма следующих полутора столетий в данном регионе представлены всего одним экземпляром IV ХГ (конец III – первая треть II в. до н. э.), зафиксированным на поселении Чобручи.

Таким образом, ввоз книдской продукции в Поднестровье явно носил спорадический характер на протяжении полутора столетий с последней четверти IV в. до н. э.

1.5-7. Клейма Коса, Икоса и Пароса. Клейма этих трёх островных центров Эгейского бассейна представлены в Поднестровье единичными экземплярами: два оттиска Коса и по одному Икоса и Пароса. Хронология клейм этих центров к настоящему времени разработана слабо, они датируются в широких хронологических границах III-II вв. до н. э.

2. Причерноморские центры

2.1. Гераклея Понтийская. К настоящему времени в Поднестровье зафиксированы находки 68 гераклейских клейм: 46 магистратских, 18 фабрикантских и 4 анэпиграфных оттиска. Надёжно удалось определить время бытования 56 клейм, которые охватывают весь 135-летний период клеймения в Гераклее **(табл. IV)**.

Интенсивность импорта в Приднестровье не была постоянной. До конца 30-х гг. IV в. до н. э. поставки гераклейской продукции, видимо, осуществлялись спорадически. Показательно, что до настоящего времени на этой территории не отмечено ни одного клейма I МХГ, в то время как в остальных северопричерноморских районах они хорошо известны. Всего одним клеймом представлены магистраты IIA ХГ. Правда зафиксировано относительно много (11 экз.) оттисков следующей подгруппы IIБ. Но кроме одного, встреченного на поселении Пивденное, остальные принадлежат к одной партии амфор из тризны кургана у с. Красное (Григориопольский р-н).

Таблица IV. Распределение гераклейских клейм по хронологическим группам

Группы	n	Хронологические границы	h	Fa
РФГ	3	конец V в. до н. э.	10	0,30
I Б МХГ	-	90-е гг. IV в. до н. э.	10	-
II МХГ	12	80–70-е гг. IV в. до н. э.	20	0,60
III МХГ	7	60-е – 50-е гг. IV в. до н. э.	17	0,41
IV МХГ	7	конец 50-х – 30-е гг. IV в. до н. э.	21	0,32
V МХГ	17	20-е гг. – последнее десятилетие IV в. до н. э.	22	0,77
ПФГ	15	конец IV – первая четверть III в. до н. э.	30	0,50
Итого	56	конец V – первая четверть III в. до н. э.	135	0,42

Это самая северная точка поступления гераклейской продукции до середины IV в. до н. э. Основная её часть оседала на поселениях по берегам лимана и Нижнего Днестра. Аналогичная картина наблюдается и для 40-30-х гг. этого столетия.

Перелом наступает с начала 20-х гг. IV в. до н. э. На протяжении следующих двух десятилетий при магистратах последней V МХГ был достигнут пик в поступлении гераклейского вина в данный регион. Достаточно высоким (на четверть выше среднего по всему периоду) был импорт и при фабрикантах ПФГ (конец IV – первая четверть III в. до н. э.). Значительно расширился и ареал распространения гераклейских клейм. Они теперь встречены на 14 памятниках Поднестровья.

Ни на одном памятнике Северного Причерноморья подобное своеобразие в распределении гераклейских клейм не наблюдается. Напротив, везде с 20-х гг. IV в. до н. э. фиксируется резкое сокращение гераклейского импорта. Таким образом, Поднестровье в поздний период клеймения в Гераклее стало, видимо, одним из главных потребителей вина этого центра.

2.2. Синопа. К настоящему времени в Поднестровье зафиксированы находки 174 синопских клейм: 159 магистратских и 15 фабрикантских.

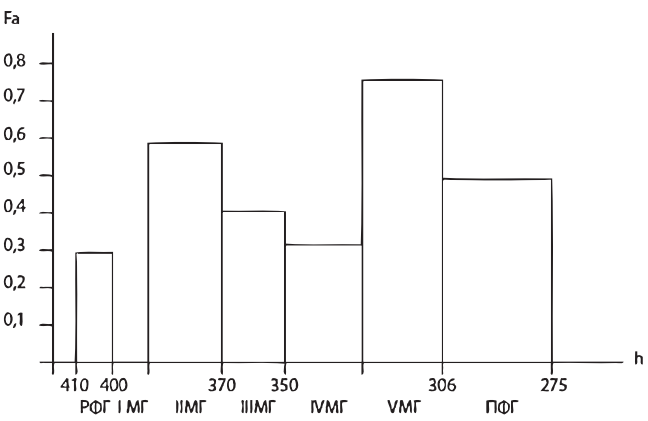

Рис. 3. Диаграмма распределения гераклейских клейм

Таблица V. Синопские керамические клейма

Группы	n	Хронологические границы	h	Fa
РФГ	1	конец 60-х гг. IV в. до н. э.	5	0,20
I МХГ	9	конец 60-х – 40-е гг. IV в. до н. э.	25	0,36
II МХГ	7	30–20-е гг. IV в. до н. э.	17	0,41
III МХГ	6	кон. 20-х гг. IV – нач. III в. до н. э.	25	0,24
IV МХГ	–	90 – 80-е гг. III в. до н. э.	16	–
V МХГ	2	кон. 80 – нач. 50-х гг. III в. до н. э.	24	0,08
VI МХГ				
A	–		11	–
B	7	50-е – сер. 10-х гг. III в. до н. э.	6	1,16
C	56		18	3,11
D	10		7	1,43
VII МХГ				
A	29	сер. 10-х гг. III в. – 90-е гг.	16	1,81
B	5	II в. до н. э.	9	0,55
Итого	132		165	0,80

Более 80% магистратских оттисков удалось надёжно датировать и распределить по хронологическим группам **(табл. V, рис. 4)**.

Ввоз продукции в керамической таре из Синопы в Поднестровье, хотя и продолжался на протяжении всего периода клеймения, но испытывал существенные колебания. В первые 70 лет, до начала III в. до н. э. поступление синопской продукции не было систематичным, отдельные

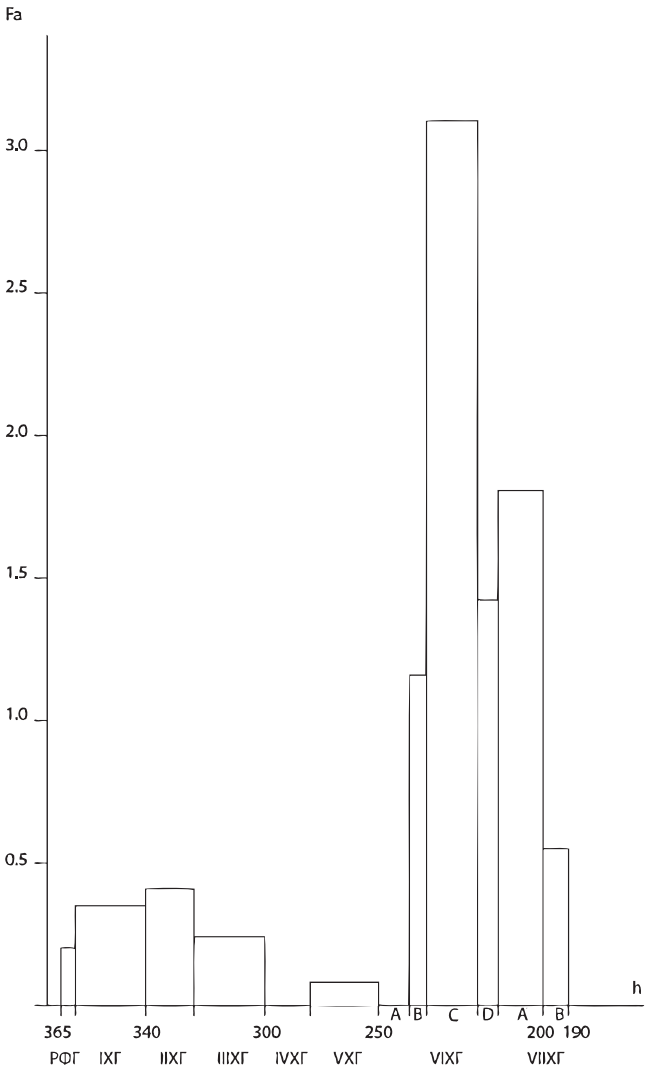

Рис. 4. Диаграмма распределения синопских клейм

её партии оседали главным образом на поселениях Днестровского лимана (Николаевка, Пивденное, Затока I), и отсюда небольшое её количество переправлялось выше по течению Днестра (Бутучены, Красное (Григориопольский р-н)).

На протяжении следующего 50-летнего этапа (первая половина III в. до н. э.) импорт фактически прекращается. К этим десятилетиям относится всего два клейма.

Коренным образом обстановка меняется с середины 40-х гг. III в. до н. э. Ввоз синопской продукции становится не только постоянным, но резко увеличивается его объём. Пик импорта приходится на 30-20-гг. III в. до н. э., когда абсолютная плотность распределения клейм в четыре раза превышала среднюю по всему периоду. Расширяется и география находок. Синопские клейма этого этапа представлены на 9 памятниках региона. При этом основное их число получено в ходе разведочных и раскопочных работ, проводившихся на двух поселениях: Красное и Чобручи. В дальнейшем до конца III в. до н. э. спрос на синопскую продукцию оставался стабильным и был в два раза выше средних показателей по всему периоду. Однако в конце магистратского клеймения (90-е гг. II в. до н. э.) он снизился втрое. Между тем, общий спад был, видимо, куда более серьёзным. Дело в том, что все известные на сегодняшний день пять клейм финальной VIIB ХГ обнаружены на поселении Чобручи и принадлежат к одной партии амфор, изготовленных при астиноме Posis Stratonikou в мастерской фабриканта Apollōnios.

2.3. Херсонес Таврический. Всего на шести поселениях региона зафиксированы находки 30 херсонесских клейм: 19 магистратских и 5 фабрикантских. Надёжно распределить по хронологическим группам удалось 17 магистратских оттисков **(табл. VI)**.

Первые относительно небольшие партии херсонесского вина появились в этом регионе в последней четверти IV в. до н. э., сразу после начала клеймения керамической тары в Херсонесе. В начале следующего столетия (90-е – начало 80-х гг. III в. до н. э.) был достигнут пик в поступлении херсонесской продукции. В конце 80-х гг. наблюдается резкий спад, а с конца 70-х до начала

Таблица VI. Херсонесские керамические клейма

Группы	n	Хронологические границы	h	Fa
I А –Б МХГ	2	325–306 гг. до н. э.	20	0,10
I В МХГ	1	305–297 гг. до н. э.	9	0,11
I Г МХГ	6	296–287 гг. IV в. до н. э.	10	0,60
II А МХГ	4	286–273 гг. до н. э.	14	0,29
II Б МХГ	–	272–266 гг. III в. до н. э.	7	–
II В МХГ	1	265–241 гг. III в. до н. э.	15	0,07
II Г МХГ	1	240–228 гг. III в. до н. э.	13	0,07
III А М ХГ	2	227–210 гг. до н. э.	18	0,11
Итого	17	325–210 гг. до н.э	115	0,15

30-х гг. III в. до н. э. херсонесское вино в этот регион практически не поступало. Поставка одиночных партий возобновилась в начале 20-х гг. III в. до н. э. и продолжалась ещё два десятилетия.

Хотя объём поставок херсонесского вина на протяжении всего периода был невысок, видимо, импорт осуществлялся напрямую. Не случайно на двух поселениях (Красное и Чобручи) зафиксированы клейма ранее неизвестных херсонесских астиномов IIA и IIIA МГ.

Результаты анализа динамики распределения клейм отдельных центров в Поднестровье позволяют перейти к выяснению состава и закономерностей колебания общего объёма поступившей сюда продукции в клеймёной керамической таре по отдельным этапам жизни этого региона. Для этой цели в таблице VII сгруппированы данные по каждому из этапов.

На протяжении *первого этапа* (конец V – 60-е гг. IV в. до н. э.) в Поднестровье поступала продукция в клеймёной керамической таре всего из трёх центров: Фасоса (1, 2 и 3 этапы клеймения); Аканфа и Гераклеи (клейма РФГ, I, II и IIIA МХГ). Общий объём поступившей продукции был относительно невысок, абсолютная плотность распределения клейм этого этапа в два раза ниже средней по всему периоду. Как показывают наши расчёты, гераклейский ввоз доминировал (более 80% от общего продукции в керамической таре), на порядок ниже по объёму был импорт из Фасоса и Аканфа.

На протяжении *второго этапа* (50-е – середина 30-х гг. IV в. до н. э.) наблюдается резкое увеличение (в три раза) интенсивности импорта. При этом, хотя ввоз из Фасоса (4, 5 и 6 этапы клеймения) и Аканфа возрос по сравнению с предше-

Таблица VII. Сравнительная характеристика по этапам объёмов продукции в клеймёной керамической таре, поступившей в Поднестровье на протяжении конца V – II вв. до н. э.

Центр	Этапы									Итого по периоду
	I 410 -361 (h 50)	II 360 -336 (h 25)	III 335 -306 (h 30)	IV 305 -271 (h 35)	V 270-246 (h 25)	VI 245-216 (h 30)	VII 215-190 (h25)	VIII 189-161 (h 30)	IX 160-88 (h 73)	
Фасос										
n	2	3	23	19						47
f_a	0,04	0,12	0,76	0,54						
%	8,7	8,5	42,2	39,4						
Гераклея										
n	19	17	17	15						68
f_a	0,38	0,68	0,58	0.43						
%	82,6	48,7	32,2	31,4						
Аканф										
n	2	3								5
f_a	0,04	0,12								
%	8,7	8,5								
Синопа										
n		10	11	3	1	73	34	-		132
f_a		0,40	0,37	0,09	0,04	2,43	1,36			
%		28,6	20,6	6,6	50,0	94,4	72,3			
Книд										
n		2	1				2			5
f_a		0,08	0,03				0,08			
%		5,7	1,7				4,3			
Херсонес										
n			2	11	1	3				17
f_a			0,06	0,31	0,04	0,10				
%			3,3	22,6	50,0	3,8				
Родос										
n						3	10	15	2	30
f_a						0,10	0,40	0,50	0,03	
%						3,8	21,3	85,0	100,0	
Икос, Кос, Парос										
n							1	3		4
f_a							0,04	0,10		
%							2,1	15,0		
Итого										
n	23	35	54	48	2	79	47	20	2	308
f_a	0,46	1,40	1,80	1,37	0,08	2,63	1,88	0,67	0,03	0,95
%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	

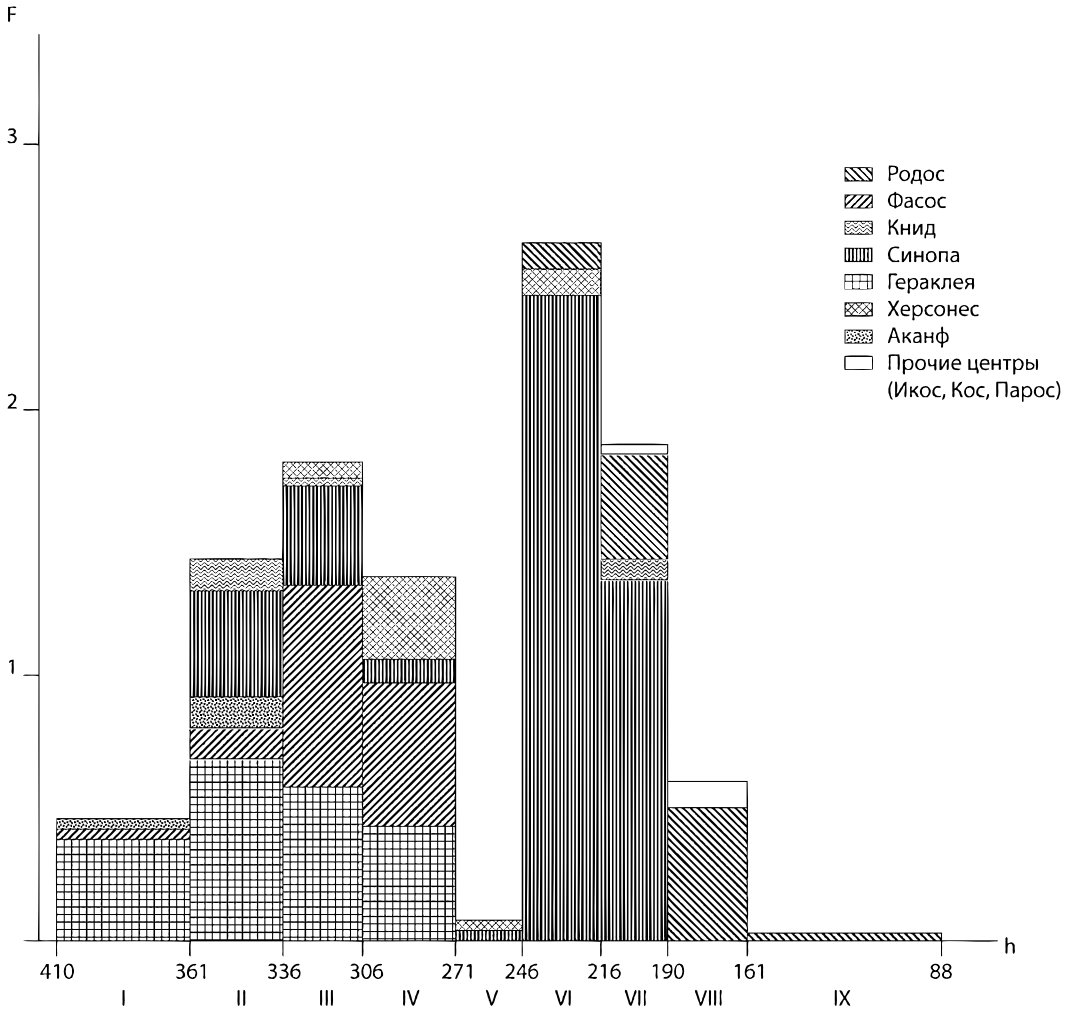

Рис. 5. Диаграмма объёмов продукции в клеймёной керамической таре по этапам

ствующим этапом, доля их продукции в общем объёме импорта осталась практически неизменной. Иную картину мы наблюдаем с гераклейским импортом. Здесь также фиксируется рост абсолютной плотности распределения клейм, но всего в полтора раза. В связи с этим гераклейское вино, хотя и продолжает доминировать на рынке, но теперь составляет менее 50% от общего объёма. В значительной степени общий его рост связан с появлением новых импортёров: Книда и Синопы. Но если книдское вино на рынке занимает скромное место, то синопская продукция составила более четверти всего импорта.

На протяжении *третьего этапа* (335-306 гг. до н. э.) наблюдается относительно небольшое (на 20%) повышение общего объёма импорта. При этом поступление продукции в клеймёной керамической таре из Гераклеи и Синопы даже несколько сократилось. Рост же импорта в первую очередь был связан с мощными поставками фасосского вина. На протяжении этого этапа был достигнут пик в поступлении этой продукции, которая теперь в общем объёме составляла более 40%. Появились первые партии вина из Херсонеса.

Картина импорта продукции в клеймёной керамической таре на протяжении *четвёртого этапа* (305-271 гг. до н. э.) противоречива. С одной стороны высокий уровень поставки фасосского и гераклейского вина сохраняется. С другой – наблюдается резкое (в четыре раза) сокращение ввоза синопской продукции. В какой-то степени этот дисбаланс погашают возросшие в пять раз поставки вина из Херсонеса, но в общей массе импорт сокращается на 20% по сравнению с предыдущим этапом.

Пятый этап (270-246 гг. до н. э.) характеризуется практически полным прекращением поступления в регион продукции в клеймёной керамической таре. К этому времени относятся всего два клейма (синопское и херсонесское), обнаруженных на поселении Чобручи. Не исключено, что эти оттиски датируются самым концом этого этапа.

Шестой этап (245-216 гг. до н. э.) – наивысший пик поступления продукции (плотность распределения клейм почти в три раза выше средней по периоду). Оттиски встречены на 6 поселениях, основная их масса зафиксирована на поселениях Красное и Чобручи. На рынке безраздельно господствует синопская продукция (более 90% от общего ввоза). В равных долях представлено херсонесское и впервые появившееся родосское вино.

На протяжении *седьмого этапа* (215-190 гг. до н. э.) наблюдается сокращение на 40% общего импорта. В той же пропорции понизился ввоз из Синопы, хотя её продукция продолжает господствовать (более 70% от общего ввоза). С другой стороны в четыре раза выросло поступление родосского вина.

Восьмой этап (189-161 гг. до н. э.). Прекращается поступление синопской и херсонесской продукции в клеймёной керамической таре. Эту потерю, в какой-то степени, замещает Родос, объём импорта которого достигает пика, на рынке появляется вино других островных центров (Кос, Икос, Парос), хотя и в крайне ограниченных масштабах. В то же время общий объём импорта сокращается почти в три раза.

Девятый этап (160-88 гг. до н. э.). К этому времени относится всего два родосских клейма (фабрикантское и магистратское), обнаруженные на поселении Чобручи.

Закономерности колебания общего объёма поступившей в Поднестровье продукции в клеймёной керамической таре позволяют уверенно говорить о наличии двух фаз жизни этого региона на протяжении конца V – начала I в. до н. э.

В ходе первой фазы, включающей первые четыре этапа (конец V в. – 270 гг. до н. э.) импорт был постоянен и относительно высок (плотность распределения клейм в полтора–два раза превышала среднюю по периоду). До 30-х гг. IV в. до н. э. преобладающее место на рынке занимала продукция Гераклеи, в дальнейшем, до конца фазы вино Фасоса. Появившиеся с середины IV в. до н. э. импорты из Синопы, а с последней четверти столетия из Херсонеса, занимали более скромные позиции. Клейма этой стадии жизни Поднестровья зафиксированы на 26 памятниках региона. При этом, основная масса поступившей продукции оседала в поселениях по берегам Днестровского лимана и устья Днестра. Меньшая часть транзитом попадала в поселения и могильники, расположенные выше по течению. Поступление продукции в клеймёной керамической таре резко прерывается к концу 70-х гг. III в. до н. э., видимо, в связи с прекращением жизни на большинстве поселений региона.

Совершенно иную картину представляет импорт продукции в клеймёной керамической таре, поступивший в Поднестровье на протяжении второй фазы (VI-VIII этап – 240-160 гг. до н. э.) активной жизни региона. С одной стороны, количество пунктов, где зафиксированы клейма этой фазы, сократилось вдвое по сравнению с предшествующей, и центр экономической жизни переместился из района Днестровского лимана выше по течению Днестра (поселения Красное и Чобручи). С другой – абсолютная плотность распределения клейм на протяжении VI-VII этапов была в два–три раза выше средней по периоду. Изменился и состав импортируемой продукции. На протяжении первых двух этапов до 190 г. до н. э. отмечено безраздельное господство на рынке синопской продукции, в дальнейшем до 160 г. до н. э. – родосской.

Во второй половине II в. до н. э. жизнь на большинстве поселений региона либо полностью прекращается, либо едва теплится.

Выводы, полученные в результате анализа закономерностей распределения во времени и пространстве клеймёной керамической тары в Поднестровье, несомненно, будут корректироваться в связи с появлением нового материала. Однако с учётом того, что выборка, на базе которой они получены, вполне репрезентативна, можно надеяться, что коррективы не будут носить принципиальный характер.

Литература

Ахмеров, 1951 – Ахмеров Р.Б. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса // ВДИ. № 3. С. 77-84.

Бруяко, 2005 – Бруяко И.В. Материалы к археологической карте Нижнего Поднестровья (античный, доримский период) // ССПiК. XII. С. 304-313.

Кац, 1994 – Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 176 с.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Малюкевич, Бруяко, 1994 – Малюкевич А.Е., Бруяко И.В. Предварительные итоги раскопок поселения Затока I // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. Типар. С. 234-236.

Охотников, 1983 – Охотников С.В. Поселение Надлиманское VI в Нижнем Поднестровье // СА. № 1. С. 167-177.

Романовская, 1963 – Романовская М.А. Позднегетские поселения Молдавии (по разведкам 1961 г.) // Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея 1961 года (отв. ред. А.Г. Сальников). Одесса. Одесское книжное изд-во. С. 26-32.

Mateevici, 2007 – Mateevici N. Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a. Chr. Biblioteca Tyragetia. VIX. Chişinău. Bons Offices. 284 p.

В.П. Копылов, А.Н. Коваленко

Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение)

The temple complex of the Elizavetovskoe settlement on the Don (preliminary communication). *The article deals with a new Hellenistic temple complex, open on the territory of the Elizavetovskoe settlement in the delta of the Don. The complex consisted of three rooms, one of which is a closed complex. During the examination of this room was found a considerable number of items, among which there are five terracotta figurines, a fragmented silver plate with the image of the goddess Demetra, bowls – incense-burners, a bronze casket, various tableware, jewellery, etc. It is very important that in this room for the first time during the study of a Large Greek colony, in situ was discovered the skeleton of a person who died in the time of the building destruction. The set of materials discovered during the examination of the temple complex, shows that his death occurred no later than the first half of the 70-ies of the III century BC.*

Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение). *В статье публикуется новый эллинский храмовый комплекс, открытый на территории Елизаветовского городища в дельте Дона. Комплекс состоял из трёх помещений, одно из которых представляло собой закрытый комплекс. В ходе изучения этого помещения было обнаружено значительное количество предметов, среди которых присутствуют пять терракотовых статуэток, фрагментированная серебряная пластина с изображением богини Деметры, чаши-курильницы, бронзовая шкатулка, разнообразная посуда, украшения и т.д. Обращает на себя внимание, что в этом же помещении, впервые за время исследования Большой греческой колонии, in situ был обнаружен костяк человека, погибшего при разрушении здания. Совокупность материалов, обнаруженных в ходе изучения храмового комплекса, свидетельствует, что его гибель произошла не позднее первой половины 70-х гг. III в. до н. э.*

Елизаветовское городище на Дону, являясь узловым памятником скифо-античного времени Северного Причерноморья, служит своего рода индикатором изменений, которые происходили в Северо-Восточном Приазовье в V – первой трети III в. до н. э. Городище включает в себя крупнейшее на территории России скифское поселение (V-IV вв. до н. э.) и две греческие колонии, первая из которых возникла в структуре скифского городища во второй половине IV в. до н. э. и просуществовала до конца IV в. до н. э., а вторая была выведена Боспором на рубеже IV-III вв. до н. э. и функционировала до конца первой трети III в. до н. э. С 1954 г. планомерное и систематическое изучение Елизаветовского городища осуществляется силами специально созданной для этого Южно-Донской археологической экспедиции. Со времени открытия в 1982 г. Большой греческой колонии в течение более чем 20 лет основной акцент исследований Южно-Донской экспедиции был перенесён на исследование именно этого памятника античной культуры, расположенного в верхней части напластований Елизаветовского городища. Однако накопленный за время исследования колонии археологический материал поставил ряд новых вопросов и заставил вновь обратиться к изучению культурных напластований предшествующего её основанию периода, в связи с чем в 2004 г. в план работы Южно-Донской экспедиции были внесены соответствующие коррективы. В последние годы при изучении Елизаветовского городища основные усилия Южно-Донской экспедиции Научно-методического центра археологии Педагогического института Южного Федерального университета были направлены на изучение характера культурных напластований в северной, самой высокой и наименее исследованной части «акрополя» Елизаветовского городища. В результате этих исследований городища (Раскоп XXXIV) удалось открыть остатки архитектурного комплекса, условно обозначенного как храмовый комплекс, который прекра-

Рис. 1 . Терракотовые статуэтки, обнаруженные в помещении 116 дома 36 (храмовом комплексе) Елизаветовского городища

тил свое существование в первой трети III в. до н. э. То, что гибель этого комплекса относится ко времени функционирования Большой греческой колонии не вызывает сомнений, поскольку основанием для этого служат стратиграфические наблюдения и результаты анализа керамического материала, обнаруженного на уровне пола одного из помещений этого дома (помещения 114).

Изучение храмового комплекса осуществлялось в течение нескольких полевых сезонов, начиная с 2007 г., и к настоящему времени исследована большая его часть. Поскольку на некоторых участках комплекса исследования ещё будут продолжены, а полученный материал ещё нуждается в комплексном и детальном изучении, представленная информация носит характер предварительного сообщения. Остатки исследованного комплекса дошли до настоящего времени в очень фрагментарном состоянии, однако, реконструировать основные параметры здания на имеющемся материале вполне возможно. Общая площадь дома № 36, условно обозначенного как храмовый комплекс, составляла около 100 м^2. Судя по сохранившимся остаткам, строение было возведено из сырцового кирпича на каменном основании. Перекрытие здания было сооружено из деревянных балок и перекрыто, очевидно, черепицей. При исследовании комплекса встречались фрагменты черепиц, часть из которых была окрашена. Нижняя часть здания была заглублена в грунт. Наибольшая высота наиболее хорошо сохранившихся участков кладки цоколя западной и северной стен дома 36 составляет 0,73-0,74 м. Ширина кладки цоколя западной стены комплекса – 0,63-0,68 м. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что цоколь был заглублён в материковый лёссовидный суглинок (лицевая часть кладки обращена во внутрь комплекса), а часть стен, судя по стратиграфическим наблюдениям, была заглублена в золистый слой, дата формирования которого определяется IV в. до н. э. На момент гибели комплекса его общее заглубление в грунт составляло 1,66 м. Сохранившиеся участки строения позволяют говорить, что в функционировании комплекса выделяется два строительных периода. Первоначально комплекс возводился хорошим каменщиком. От строения сохранилась бóльшая часть цокольной кладки западной стены и частично, участок кладки северной стены. Южная и восточная стены сохранились фрагментарно и, судя по хорошо читаемой выборке, все крупные камни были извлечены казаками или самими греками.

Есть основания полагать, что возведение храмового комплекса в этой части Елизаветовского городища произошло достаточно рано, возможно, ещё в первой половине IV в. до н. э. с уровня погребённой почвы (Копылов, Коваленко, 2011, 211), а окончательное разрушение относится уже ко времени существования Большой греческой колонии и произошло не позднее середины 70-х гг. III в. до н. э. Первый строительный период комплекса, очевидно, относится ко времени функционирования скифского городища и, судя по характеру сохранившихся

Рис. 2. Останки сгоревшего человека, обнаруженного на уровне пола в южной части помещения 116 дома 36 (храмовом комплексе) Елизаветовского городища

участков кладки, строительный комплекс возводился греками. Примечательно, что в заполнении колодца, исследованного Южно-Донской экспедицией в 2006-2009 гг., который расположен рядом с северо-западным углом храмового комплекса, наряду с другими находками находились обломки окрашенных черепиц и фрагменты обожжённого дерева, остатков балок перекрытия. Комплексный анализ всех надёжно датированных находок, в том числе и амфорных клейм, происходящих из заполнения колодца, убедительно свидетельствует, что колодец прекратил функционирование и был засыпан не позднее середины IV в. до н. э. Напрашивается вывод, что первое разрушение храма и засыпка колодца произошли одновременно. Чем были вызваны столь радикальные изменения в жизни жителей скифского городища, сказать трудно. Однако именно в середине IV в. до н. э. происходят какие-то события, повлекшие серьёзные изменения в планировке поселения, а также появление новых строительных комплексов с иной, чем прежде, ориентировкой (Марченко и др., 2000, рис. 19; Копылов, Коваленко, 2011, 212). Отметим особо, что с третьей четверти IV в. до н. э. серьёзные изменения фиксируются также в погребальных комплексах Елизаветовского курганного могильника (Копылов и др., 2009, 60). Можно предположить, что в это время жители Елизаветовского городища пережили какое-то потрясение, что отразилось на количестве и качестве погребений Елизаветовского могильника. В это же время происходят изменения и в динамике торговых отношений Елизаветовского городища, на что указывают данные, полученные В.И. Кацем на основании детального анализа амфорных клейм, обнаруженных на территории Елизаветовского городища, которые были представлены им в 2007 г. на международной конференции в Ростове-на-Дону и опубликованы в вышедшей в том же году монографии (Кац, 2007а, 378-383). На основании проведённого анализа В.И. Кац отмечает, что «на протяжении последней трети IV в. наблюдается резкое (почти в 2 раза) сокращение общего объёма импорта» (Кац, 2007б, 54).

Возвращаясь к рассмотрению храмового комплекса, следует указать, что данный строительный комплекс имел прямоугольную в плане форму, длинной осью был ориентирован по линии запад–восток и состоял из трёх помещений (помещение 114, 115 и 116[1]). Обращает на себя внимание, что все три помещения комплекса различались своими размерами. Самым значительным по площади является помещение 114, которое занимает всю западную половину строения (его длина по линии запад–восток составляет 9 м, в то время как общая длина дома 36 в этом направлении составляла 18 м). Это помещение было засыпано мусором времени Большой греческой колонии, и именно в нижней части его заполнения на уровне пола, в сбросах битой амфорной керамики, были обнаружены материалы III в. до н. э., в том числе и амфорные клейма. К востоку от помещения 114 располагалось помещение 115. Его размер по линии запад–восток составляет 3,80 м. Верхняя часть этого помещения была завалена мощным слоем сырца, который, очевидно, связан с остатками рухнувших стен дома 36. На уровне пола помещений 115 и 114 были зафиксированы ямки от столбовых конструкций, поддерживавших перекрытие. Самым восточным в комплексе являлось помещение 116, которое, благодаря рухнувшим внутрь стенам дома, оказалось закрытым комплексом. Следует обратить внимание, что в ходе исследования заполнения восточной части дома 36 в разные годы были обнаружены фрагменты от более чем десяти протом богини Деметры. Размеры здания, характер кладки и находки в заполнении значительного количества фрагментов протом богини Деметры, позволили уже на первых этапах исследования комплекса предположить его культовое назначение. Находки, обнаруженные в помещении 116, в закрытом комплексе, а также дальнейшее изучение конструктивных особенностей всего строительного комплекса, лишь укрепили наше представление о данном здании как о культовом или храмовом комплексе.

В восточной части храмового комплекса, в помещении 116, под завалом рухнувших стен, на относительно небольшой площади помещения (12 м^2) были обнаружены следующие находки:

1. В северо-западной части помещения была обнаружена терракотовая статуэтка сидящей мужской фигуры **(рис. 1/1)**. Вещь привозная и, безусловно, «авторская». Мастер явно совместил несколько традиционных сюжетов: голова соответствует маскам бородатого Диониса IV-III вв. до н. э., нижняя часть – типу сидящего силена, а общая композиция (фигура на корточках) и венчающая часть – образу египетского бога Беса в его эллинистическом варианте.[2] Аналогичные статуэтки в Северном Причерноморье нам не известны. Статуэтка лежала лицевой частью вниз и носит следы пребывания в сильном пожаре. В правой руке фигура держит канфар, в левой, судя по сохранившимся следам, мог находиться тирс, который был утрачен в древности.

2. Примечательно, что рядом с терракотовой фигурой был обнаружен чернолаковый канфар, аналогичный канфару, изображённому в правой руке фигуры. Подобные канфары датируются

[1] Для помещений, относящимся ко времени Большой греческой колонии, принята сплошная нумерация со времени открытия колонии. Номера помещениям присваиваются по мере их обнаружения и фиксации.

[2] Благодарим в.н.с. ИИМК РАН, д.и.н. В.А. Горончаровскому за консультацию.

серединой 70-х гг. III в. до н. э. (Rotroff, 1997, 244, fig. 4/21, 5/24).

3. К югу находилась культовая чашечка на высокой ножке (рюмкообразная курильница). По мнению исследователей, подобные сосудики являлись маленькими переносными чашечками-алтарями, если они находились в жилых домах и использовались для воскуриваний (Зайцева, 1994, 51). В тех случаях, когда чашечки находились в храмах или святилищах, они являлись вотивными приношениями жителей, просящих помощи и защиты у своих богов (Зайцева, 1997, 52). В ольвийском доме Е-10, так называемом доме жреца Агрота, наряду с чашечками был обнаружен мраморный рельеф Кибелы, статуэтки Артемиды и фрагменты терракот с изображением богинь, на основании чего был сделан вывод, что в доме жреца Агрота почитались Деметра, Кора Персефона и Кибела (Русяева, 1979, 56-58; Леви, 1985, 31-32). Надо сказать, что и в закрытых комплексах Большой греческой колонии, в жилых помещениях, где были обнаружены протомы богини Деметры, как правило, также находились чашечки на высоких ножках.

4. Южнее культовой чашечки находилась серебряная бляшка округлой формы.

5. К западу от чашечки лежал точильный камень прямоугольной формы.

6. В юго-восточной части помещения 116 в сырцовом завале были обнаружены ещё три вотивных чашечки-курильницы на высоких ножках.

7. Здесь же находились небольшой красноглиняный кувшин и светлоглиняный лощёный сосуд с высоким раструбным горлом и туловом, украшенным каннелюрами. Кувшин при этом лежал на боку, а лощёный сосуд находился в вертикальном положении.

8. Ближе к северной стене лежали два красноглиняных кувшинчика с петельчатыми ручками.

9. Под сырцовым развалом у западной стены помещения 116 была обнаружена миниатюрная бронзовая шкатулочка на невысоких ножках.

10. После снятия камней свалившихся с северной стены, в сырцовом развале, были открыты две небольшие терракотовые статуэтки женских фигур **(рис. 1/3,5)**.

11. Рядом находилась статуэтка обнажённого мальчика с плащом, перекинутым через правое плечо, опирающегося левой рукой на подставку **(рис. 1/4)**.

12. При расчистке пола, в северо-западном углу помещения 116, была обнаружена фрагментированная серебряная пластина с изображением богини Деметры. Сохранилась только нижняя часть пластины.

13. В северо-западной части помещения на уровне пола также была обнаружена терракотовая статуэтка сидящей на троне богини Кибелы **(рис. 1/2)**. Близкие по типу изображения этой богини встречаются в материалах III в. до н. э. из Ольвии (Леви, 1985, 83, рис. 74).

14. В этой же части помещения находились два небольших красноглиняных сосудика с отбитыми в древности ручками.

15. Ближе к южной стене, в горелом слое, в котором встречалось значительное количество остатков обугленных деревянных плах (остатки рухнувшего перекрытия), был открыт костяк взрослого человека, судя по расположению костей, внезапно погибшего после обрушения горевших балок перекрытия **(рис. 2)**. Его кости сильно обгорели. Судя по сохранившимся остаткам костяка, человек лежал на спине, головой на восток, ноги его были согнуты в коленях, а руки в локтевых суставах. Судя по положению костей рук, можно предположить, что в момент гибели, они находились у головы, которую человек, очевидно, пытался ими закрыть. Голова погибшего находилась в лутерии, стоявшем возле восточной стены помещения. На дне лутерия имеются следы ремонта.

16. К югу от костяка в юго-восточном углу помещения, на уровне пола находилось чернолаковое блюдо, внутренняя часть которого украшена поясом косых насечек.

17. К юго-западу от костей ног погибшего лежало ожерелье из 6 бус биконической формы, изготовленных из жёлтого металла, аналогичных тем, которые были открыты здесь в 2011 г. Всё ожерелье состояло из 10 бус.

18. К северу от погибшего, рядом с его коленным сочленением, находилась красноглиняная миска.

19. К северу от лутерия на боку лежала гераклейская фракционная амфора без верхнего края.

20. К северу от амфоры, ближе к восточной стене находился красноглиняный кувшин.

21. В южной части помещения 116 выше уровня пола в завале сырца были обнаружены два сильно обгоревших красноглиняных сосуда.

22. К юго-востоку от места находки статуэтки богини Кибелы была найдена ещё одна красноглиняная чашечка-курильница на высокой ножке.

В северо-восточном углу помещения 116, обнаружено пятно сильно обожжённой глины, которое могло быть остатками жертвенного алтаря. Примечательно, что все терракотовые статуэтки и большая часть остальных предметов располагались рядом с этим пятном. Следует особо отметить, что в этой части храмового комплекса на всей площади помещения 116, в нижней части его заполнения фиксировались следы сильного пожара. Отдельные обгоревшие балки перекрытия с железными гвоздями были обнаружены при расчистке этого участка. Благодаря

тому, что при пожаре часть северной и восточной стены храма рухнули внутрь и перекрыли все вещи, находившиеся в этой части храма, мы имеем дело с закрытым комплексом (помещение 116), который образовался в момент гибели храмового комплекса. Все находки свидетельствуют, что гибель произошла не позднее первой половины 70-х гг. III в. до н. э.

Литература

Зайцева, 1997 – Зайцева К.И. Культовые чаши V-I веков до н. э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XXVIII. С. 38-53.

Кац, 2007а – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Кац, 2007б – Кац В.И. Методика анализа выборок клейм, зафиксированных на одном памятнике (по материалам Елизаветовского городища) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Мат-лы XII Междунар. науч. конф. (26 мая-31 мая 2007 г.) (отв. ред. В.П. Копылов). Ростов-на-Дону. Медиа-Полис. С. 51-55.

Копылов и др., 2009 – Копылов В.П., Коваленко А.Н., Янгулов С.Ю. Изменения военно-политической ситуации на Нижнем Дону в середине – конце IV в. до н. э. (в контексте дискуссии о причинах гибели Великой Скифии) // «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Мат-лы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23-24 октября 2009 г.) (глав. ред. А.А. Кудрявцев). Ставрополь. Изд-во Ставропольского государственного университета. С. 56-64.

Копылов, Коваленко, 2011 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // Древнее Причерноморье. Вып. IX (глав. ред. И.В. Немченко). Одесса. «Фридман А.С.». С. 207-214.

Леви, 1985 – Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л. Наука. 152 с.

Марченко и др., 2000 – Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М. Paleograph. 356 с.

Русяева, 1979 – Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев. Наукова думка. 172 с.

Rotroff, 1997 – Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton – NJ. Princeton Academic Press. 575 p.

Н. Матеевич, Т.Л. Самойлова

Знаменитая династия родосских фабрикантов (на основе коллекции тирских клейм)

The famous dynasty of Rhodes manufacturers (based on a collection of stamps from Tyra). *The article analyzes the Rhodes amphora stamps from the excavations of Tyra in 1998-2008, which belong to the famous dynasty of the manufacturers, the founder of which was Δαμοκράτης 1, who inherited the production of his father Ἀριστοκλῆς 1.*

If the legend Ἀριστοκλῆς 1 along with his name, and also the name of one of Rhodesian months, located around the emblem «rose», was used for marking of the amphorae, produced in his workshop in the second chronological period, when during the Δαμοκράτης 1 and his heirs Ἀριστοκλῆς 2, Ἱπποκράτης and their heir Τιμόξενος the name of the month disappears from the stamp legend.

The representatives of this famous dynasty of Rhodes manufacturers were among the first, who along with magistrate and manufacturer stamps widely used the third small additional stamp, belonging to the potter.

Знаменитая династия родосских фабрикантов (на основе коллекции тирских клейм). *В статье рассматриваются родосские амфорные клейма из раскопок Тиры в 1998-2008 гг., которые принадлежат знаменитой династии фабрикантов, основанной Δαμοκράτης 1, унаследовавшему производство от своего отца Ἀριστοκλῆς 1.*

Если легенда Ἀριστοκλῆς 1 наряду с его именем, а также именем одного из родосских месяцев, расположенными вокруг эмблемы «роза», использовалась для клеймения амфор, производимых в его мастерской во второй хронологический период, то при Δαμοκράτης 1 и его наследниках Ἀριστοκλῆς 2, Ἱπποκράτης и их наследнике Τιμόξενος из легенды клейма исчезает название месяца.

Представители этой известной династии родосских фабрикантов были одними из первых, кто наряду с магистратским и фабрикантским клеймами широко использовали третье клеймо – небольшой дополнительных штамп, принадлежавший гончару.

Амфоры Родоса являются одной из основных групп греческой керамики III-II вв. до Р.Х., обнаруженных в процессе раскопок Тиры.

Как известно, в Родосе клеймились обе ручки амфор: одно из этих клейм традиционно содержало имя эпонима, второе – имя фабриканта, как правило, являвшегося хозяином мастерской, в которой производились данные сосуды. И если магистратские клейма Родоса изучены более полно, то фабрикантские оттиски – намного слабее. В отличие от эпонимных клейм, которые могут давать более узкую дату, иногда и до одного–двух лет, фабрикантские оттиски имеют более широкую датировку, поскольку мастерская данного фабриканта да и сам фабрикант могли работать не один десяток лет. И тем не менее, изучение фабрикантских амфорных клейм Родоса позволяет получать очень интересную информацию относительно не только производства амфор, но и некоторых общественных проблем того времени.

В истории амфорного производства на Родосе, а также амфорного клеймения этого греческого центра насчитывается около 300 фабрикантов, имена которых присутствуют на многочисленных клеймах родосских амфор. Известны и династии родосских фабрикантов, многие из которых сыграли значительную роль в истории своего города. Одной из них является условно названная династия фабриканта Δαμοκράτης 1.

Впервые эта династия была выделена американской исследовательницей В. Грэйс, которая обратила внимание на серию круглых клейм, надпись в которых, обрамлённая двойным кругом, шла вокруг эмблемы «роза» (Grace, 1985, 9-10). Мастерская, в которой выпускались амфоры с этими клеймами, вероятнее всего, начинает свою деятельность ещё при магистратах II хронологической группы. Её основателем считается Ἀριστοκλῆς 1 (Finkielsztejn, 2001, 113), но значительно большую известность династия получила со времени деятельности его сына Δαμοκράτης 1, которому, в свою очередь, наследовали два сына Ἀριστοκλῆς 2 и Ἱπποκράτης, а затем мастерской владел Τιμόξενος, который, по мнению некоторых исследователей, приходился сыном Ἀριστοκλῆς 2.

Всех их объединяет расположение и форма передачи эмблемы. Необходимо подчеркнуть, что только Ἀριστοκλῆς 1 вместе со своим именем и символом города «розой» вставлял в клеймо и название одного из родосских месяцев. Однако уже при его сыне, а затем и при всех его последователях название месяца исчезает из клейм этих фабрикантов; при этом сохраняется та же форма клейма с расположенным по кругу именем фабриканта.

При фабриканте Τιμόξενος начинают отмечаться некоторые особенности в транскрипции букв легенды, в частности появляется направленность букв внутрь эмблемы (Nilsson, 1909, 368, nr. 48/1, 413, nr. 169, 491, nr. 416/5-7). Однако, по мнению некоторых исследователей, ещё Ἱπποκράτης делал первые попытки (единичные) в изменении направления транскрипции букв в клеймах (Finkielsztejn, 2001, 114).

Деятельность фабрикантов Ἀριστοκλῆς 1 и Δαμοκράτης 1 приходится на период II и III хронологических групп. В настоящее время известно наибольшее число целых амфор, на ручках которых клейма именно этих двух фабрикантов известны в сочетании с большим числом эпонимных клейм. На протяжении III группы отмечена деятельность сыновей Δαμοκράτης

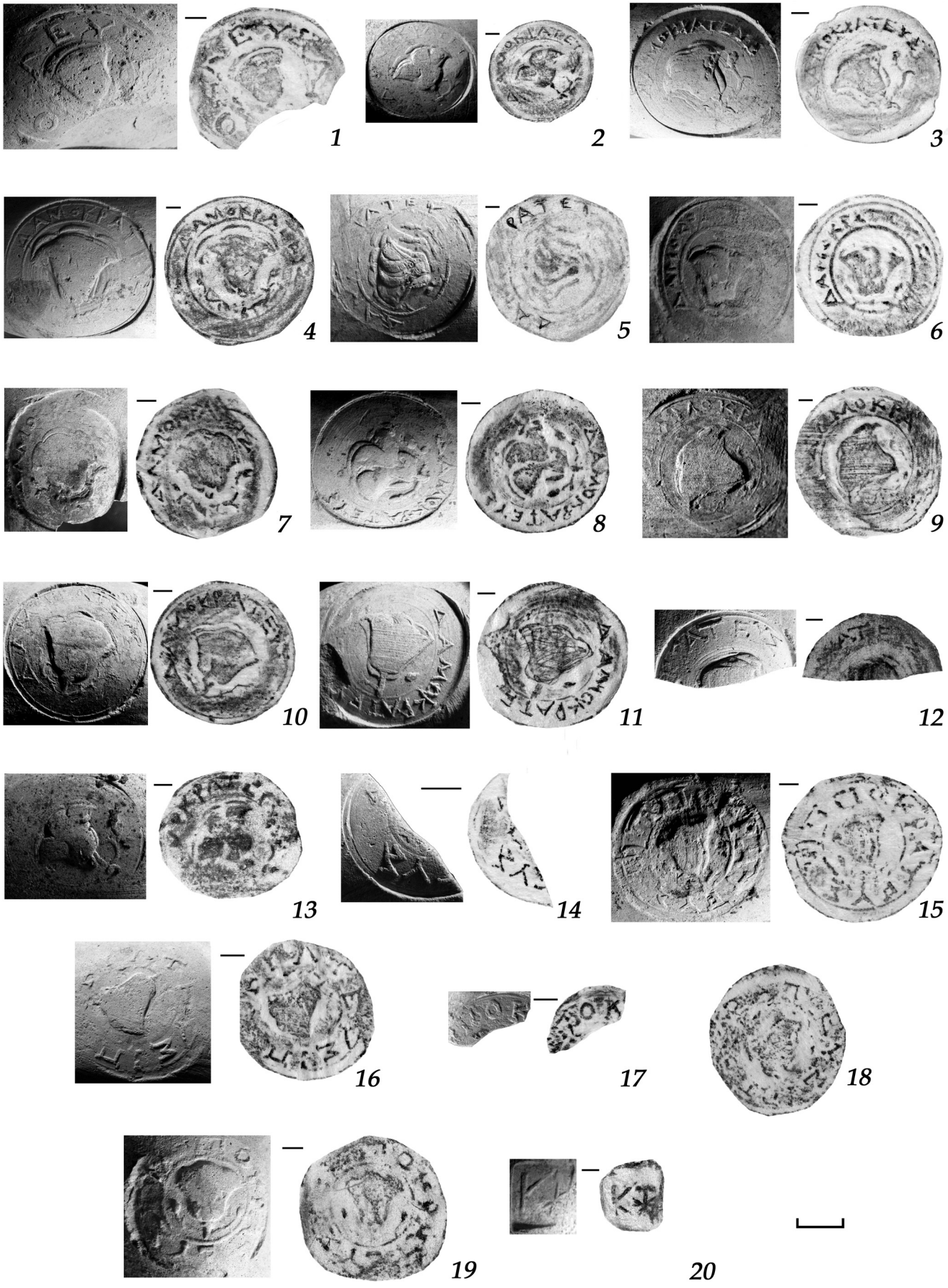

Рис. 1. Клейма родосской династии фабрикантов Δαμοκράτης 1 из раскопок Тиры 1998–2008 гг.

1 – Ἀριστοκλῆς 2 и Ἱπποκράτης, а, по мнению В. Грэйс, возможно, что братья продолжали работать и на протяжении какого-то времени в период IV хронологической группы (Grace, 1985, 10). В то же время установлено, что сын Ἀριστοκλῆς 2 – Δαμοκράτης 2 занимался производством амфор на Книде в то время, когда Родос захватил этот полис (Finkielsztejn, 2001, 113). То, что имена фабрикантов Ἀριστοκλῆς 2 и Ἱπποκράτης известны в сочетании с некоторыми эпонимами V хронологической группы (Τιμόδικος, Ἀνάξανδρος, Τεισαγόρας, Ἀναξίβουλος, Ἀρίστρατος, Λαφείδης, Ἀριστόγειτος), позволяет продлить время их деятельности до начала этой группы, по крайней мере, до середины 40-х гг. II в. до Р.Х.

Начиная с фабриканта Δαμοκράτης 1, в родосском амфорном клеймении начинает широко использоваться, наряду с фабрикантскими и эпонимными клеймами, ещё одно дополнительное клеймо (обычно в виде буквы, монограммы или маленького знака в квадратной рамке), которое является оттиском гончара (Бадальянц, 1973, 48-64). Первые дополнительные клейма появляются уже в период I и II групп, но в это время их использование является довольно редким и несистематичным. Исследователи давно заметили, что дополнительные клейма гончаров выполнены лишь на ручках амфор, на которых стоят круглые клейма с эмблемой «роза», а последние изыскания касательно династии, основанной Δαμοκράτης 1, ещё раз подтвердили эти наблюдения.

Дополнительным клеймам на ручках родосских амфор долгое время давались различные определения. В настоящее время их принадлежность гончарам не вызывает никаких сомнений.

В тирской амфорной коллекции известны клейма трёх фабрикантов – представителей этой прославленной династии – Ἀριστοκλῆς 2, Δαμοκράτης 1 и Ἱπποκράτης.

Анализ и изучение клейм данных фабрикантов позволяет проследить деятельность целой династии родосских производителей винных амфор на протяжении более 70-ти лет. К сожалению, в нашей коллекции до сих пор не было найдено ни одного клейма отца основателя династии (Δαμοκράτης 1) – Ἀριστοκλῆς 1, работавшего во II группе, а также клейма последнего представителя этой династии – Τιμόξενος, который трудился уже на протяжении V хронологической группы, по крайней мере, в промежутке между 30-ми и началом 20-х гг. II в. до Р.Х. (Кац, 2007, 421, Приложение).

К династия Δαμοκράτης 1 в тирской коллекции принадлежит 19 фабрикантских клейм: 1 – Ἀριστοκλῆς 2; 13 – Δαμοκράτης 1 (столь большое количество оттисков этого эргастериарха не является чем-то необычным, поскольку на многих памятниках, где найдены родосские клейма, штемпеля этого фабриканта также многочисленны); ещё 5 клейм содержат имя Ἱπποκράτης. При этом на тыльной стороне одной амфорной ручке, содержащей основное клеймо последнего фабриканта, оттиснут дополнительный квадратный оттиск содержащий букву «К» и астериск **(рис. 1)**.

Приложение

Клейма родосской династии фабрикантов Δαμοκράτης 1 из раскопок Тиры 1998–2008 гг.

Ἀριστοκλῆς

Известны два фабриканта Ἀριστοκλῆς, один из которых работал в III, а другой – в IV хронологической группе. Данное клеймо относится всё-таки к периоду деятельности фабриканта Ἀριστοκλῆς 2 (Pridik, 1896, 134; Breccia, 1921, 26, nr. 44/1-5; Шелов, 1975, 88, № 288; Börker, Burow, 1998, 45, nr. 417-418; Jöhrens, 1999, 67-68, nr. 176-178; n. 50; Lawall and oth., 2010, 401, L-342). Скорее всего, данный фабрикант наследует дело и «семейную» эмблему от своего отца Δαμοκράτης 1. Фабрикант Ἀριστοκλῆς 1, отец основателя династии, ставил на своих клеймах с эмблемой «роза» и название месяца. После него все его наследники, пользовавшиеся этой эмблемой, уже не ставят название месяца в свои клейма, и оно переходит уже в эпонимные клейма (Finkielsztejn, 2001, 113).

1. Ἀ[ριστ]ο[κ]λέυς
↻ Роза в центре.
Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-03, СП. 70, № 511).

Δαμοκράτης

Известны два фабриканта с таким именем. Первый относится к III, второй – к V/VI группам. Клеймо с эмблемой «роза» относится к первому из фабрикантов. Данный фабрикант является продолжателем дела своего отца Ἀριστοκλῆς 1, а также становится основателем династии «Δαμοκράτης 1». Именно в период его деятельности начинается широкое использование дополнительных клейм гончаров наряду с двумя основными клеймами (Pridik, 1896, 131, n. 16-18; Pridik, 1897, 148, n. 3; Придик, 1917, 24, 558-571; Canarache, 1957, nr. 515-517; Мирчев, 1958, 33, табл. XVII/3,5; Шелов, 1975, 94, № 307-318; Kałka-Tobołowa, 1976, 246, nr. 531-532; Buzoianu, 1980, 135-135, nr. 16-19; Grace, 1985, 45, n. 2c; Börker, Burow, 1998, 46, nr. 432; Jöhrens, 1999, 40, nr. 92-95; Mateevici, 2007, 168, nr. 287-289; Lawall and oth., 2010, 391, L-213, 214).

2. Δαμοκράτευς
↻ Роза в центре.
Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-06, СП. 46, № 379).

3. Δαμοκρά[τευς]
↻ Роза в центре.
Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-06, ЦР., СП. 18, № 145).

4.Δαμοκράτευς
↻ Роза в центре.
Круглое фабрикантское клеймо на ручке. (БТЭ-06, ЦР., СП. 70, № 584).

5. Δαμ[ок]рáτευ[ς]
↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-98, СП. 5, № 38).

6. Δαμοκρά[τε]υς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-98, СП. 7, № 111).

7. Δαμοκρά[τευς]

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-00, СП. 1, № 2).

8. Δαμοκράτευς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-01, СП. 55, № 312).

9. Δ[α]μοκρά[τευς]

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-01, СП. 55, № 314).

10. Δαμοκράτευς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-05, ЦР. СП. 68, № 973).

11. Δαμοκράτευ[ς]

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-99, СП. 29, № 145).

12. Δαμοκράτευς/[…]

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-98, СП. 50, № 282).

13. [Δαμ]οκράτευ[ς]

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ- 06, СП. 46, № 356).

14. Δ[…]ευς

↻ Роза в центре.

Круглое фрагментированное клеймо на ручке (БТЭ-99, СП. 119, № 317). Исходя из написания букв и двойной рамки, можно предполагать, что данный фрагмент также принадлежит фабриканту Δαμοκράτευς.

Ἱπποκράτης

Фабрикант III-IV групп и начала подгруппы Va Ἱπποκράτης является одним из самых активных производителей времени Пергамского комплекса (Breccia, 1921, 36 nr. 113/1-3; Grace, 1934, 239, nr. 93a (одна и та же матрица); Grace, 1985, 46, n. 3c; Nicolaou, Empereur, 1986, 520, nr. 6a; Tezi, 1995, 71, nr. 12; Börker, Burow, 1998, 91, nr. 221-223; Lawall and oth., 2010, 391, L-225, 402, L-346). Будучи одним из сыновей Δαμοκράτης 1, Ἱπποκράτης со своим братом Ἀριστοκλῆς 2 наследуют дело отца и работают до конца IV группы, а возможно, даже до начала V группы, когда дело переходит к их наследнику Τιμόξενος. Наиболее интенсивно фабрикант Ἱπποκράτης сотрудничал с магистратами Αὐτοκράτες 1, Ἀριστόγειτος и Τιμόδικος.

15. Ἱπποκράτευς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-03, СП. 100, № 749).

16. Ἱππο[κ]ράτευς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-99, СП. 1, № 9).

17. [Ἱπ]ποκ[ράτευς]

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-99, СП. 112, № 373).

18. Ἱπ[ποκ]ράτευς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-02, СП. 69, № 535).

19. [Ἱπ]ποκράτευς

↻ Роза в центре.

Круглое фабрикантское клеймо на ручке (БТЭ-06, ПМ, № 442).

20. К

На тыльной стороне ручки с клеймом фабриканта Ἱπποκράτης (№ 19) – маленькое дополнительное клеймо гончара в виде квадратной рамки, в которую заключены буква «К» и звёздочка. Многие экземпляры ручек с клеймом данного эргастериарха имеют дополнительные клейма гончаров.

Литература

Бадальянц, 1973 – Бадальянц Ю.С. Дополнительные и курсивные клейма на амфорах эллинистического Родоса // ВДИ. № 4. С. 48-64.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Мирчев, 1958 – Мирчев М. Амфорните печати от Музея във Варна. София. Издателска къща на Българската академия на науките. 79 с.

Придик, 1917 – Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Петроград. Типография Российской Академии наук. 121 с.

Шелов, 1975 – Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н. э. М. Наука. 166 с.

Börker, Burow, 1998 – Börker Chr., Burow J. Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon-Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon. Pergamenische Forschungen. 11. Berlin. Walter de Gruyter. 160 s.

Breccia, 1921 – Breccia E. Rapport sur la marche du service du musée pendant l'exercice 1919-1920 // Musée Greco-Romain d'Alexandrie. Bergamo. Istituto italiano d'arti grafiche. P. 1-74.

Buzoianu, 1980 – Buzoianu L. Ştampile rhodiene de le Edificiul Roman cu mozaic // PONTICA. XIII. P. 119-139.

Canarache, 1957 – Canarache V. Importul amforelor greceşti la Istria. Biblioteca istorică. 1. Bucureşti. Editura Academiei Republicii Populare Romîne. 446 p.

Finkielsztejn, 2001 – Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. BAR. Intern. Ser. Oxford. Archaeopress. 260 s.

Jöhrens, 1999 – Jöhrens G. Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Zu den von H.G. Lolling aufgenommenen «unedierten Henkelinschriften». Mit einem

Anhang. Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des Deutschen Archäologischen Instituts. Mainz am Rhein. Philipp von Zabern. 334 s.

Grace, 1934 – Grace V. Stamped Amphora Handles Found in 1931-1932 // Hesperia. Vol. 3. P. 197-310.

Grace, 1985 – Grace V. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // Hesperia. Vol. 54. P. 1-55.

Kałka-Tobołowa, 1976 – Kałka-Tobołowa G**.** Stemple na imadłach amfor // Zabytki Archeologiczne. Zakładu Archeologii Śródziemnomorskiej Universytetu Jagiellońskiego. Katalog (red. M.L. Bernhard). Warszava – Kraków. Państwowe Wydawnictwo Naukowe Oddzial w Krakowie. S. 245-252.

Lawall and oth., 2010 – Lawall M.L., Lejpunskaja N.A., Diatroptov P.D., Samojlova T.L. Transpots Amphoras // Black Sea Studies. 13. The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Aarhus. Aarhus University Press. P. 355-406.

Mateevici, 2007 – Mateevici N. Amforele greceşti în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI – începutul sec. II a. Chr. Biblioteca Tyragetia. VIX. Chişinău. Bons Offices. 284 p.

Nicolaou, Empereur, 1986 – Nicolaou I., Empereur J.-Y. Amphores rhodiennes du Musée de Nicosie // BCH. Recherches sur les amphores grecques. Supplement 13. P. 515-533.

Pridik, 1896 – Pridik E. Amphorenstempel aus Athen // Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abtheilung. Vol. 21. S. 127-187.

Pridik, 1897 – Pridik E. Neue Amphorenstempel aus Athen // Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abtheilung. Vol. 22. S. 148-158.

Tezi, 1995 – Tezi Yüksek Lisans Istanbul Arkeoloji Müzesi'nde Bulunan Rhodos amphora Mühürleri. Izmir. T.C. Ege Üniversitesi. 97 p.

В.А. Меньшикова

Лепные курильницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья

Handmade incense-burners decorated with flutes from North-Eastern Azov Sea area. *The paper deals with a series of handmade incense-burners decorated with flutes excavated in the North-Eastern Azov Sea area, namely at the Elizavetovka settlement and Tanais, in burials of the Beglitrza cemetery and the Nizhnegnilovskaia settlement. The author elaborates a typology of fluted incense-burners from the Elizavetovka settlement and carries out a comparative analysis of incense-burners from the North-Eastern Azov Sea area and those from the Kuban, Middle Don and Dniester regions. It appears that in spite of the morphological closeness of all fluted incense-burners they were used by various ethnocultural groups.*

Лепные курильницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья*. В статье рассматривается группа лепных курильниц с каннелюрами, обнаруженных на территории Северо-Восточного Приазовья: Елизаветовском городище, Танаисе, погребениях Беглицкого некрополя и захоронении Нижнегниловского городища. Разрабатывается типология курильниц с каннелюрами Елизаветовского городища. Проводится сравнительный анализ курильниц Северо-Восточного Приазовья с курильницами Прикубанья, Среденего Дона, Приднестровья. В заключении отмечается, что, несмотря на морфологическую близость всех курильниц с каннелюрами, они принадлежат представителям различных народов.*

Лепные курильницы, украшенные каннелюрами, имеют широкое географическое распространение и встречаются в материалах памятников от Северного Кавказа до Подунавья (Смирнов, 1951, 153; Мелюкова, 1962, 159; Либеров, 1965, табл. II/13; Арсеньева, 1969, 201; Яковенко, 1971, 91; Марченко, 1973, 66; Прохорова, 1994, 21; Пряхин, Разуваев, 1995, 58; Лесков и др., 2005, 21, рис. 40/10; Лимберис, Марченко, 2006). Однако комплексного анализа этой своеобразной группы культовых сосудов до настоящего времени не проведено.

Целью данной работы является введение в научный оборот серии курильниц, происходящих с территории Северо-Восточного Приазовья. На данный момент сосуды с каннелюрами представлены в материалах Елизаветовского городища, Танаиса, некрополя Беглицкой косы и погребения Нижнегниловского городища.

С территории Елизаветовского городища происходит двадцать одна курильница, украшенная вертикальными каннелюрами. По характеру исполнения каннелюры делятся на три группы. В первую (девять экземпляров) включены сосуды с рельефными валиками **(рис. 1/1-6)**. Вторую (десять экземпляров) составляют курильницы с прочерченными каннелюрами **(рис. 1/8-11)**. К третьей группе относятся два фрагмента с каннелюрами, продавленными палочкой **(рис. 1/7)**. Большинство курильниц Елизаветовского городища морфологически тяготеют к I типу лепных сосудов по классификации К.К. Марченко (1972, 126-127). Венчик ярко выражен, выгнут наружу, тулово округлое, диаметр дна уступает диаметру края венчика. Сосуды средних размеров. Высота колеблется в пределах 11-15 см. Диаметр края венчика 6,5-10 см, дна – 5,5-9 см. Максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть сосуда и составляет 13-16 см. Толщина стенок 1-2 см. В тесте заметна примесь мелкотолчёного шамота и мелких стеблей травы; в трёх случаях для отощения глины использовалась ракушка. Внутренняя поверхность сосудов подвергалась воздействию огня, стенки закопчены. Отметим, что сохранность курильниц, при формовке которых использовался шамот, значительно лучше, нежели у сосудов с примесью ракушки в тесте.

Характерной особенностью курильниц с объёмными каннелюрами является их технология изготовления. Валики оттянуты из стенки и составляют единое целое с сосудом. Расстояние между каннелюрами составляет не более 1-1,5 см, что придаёт курильницам особую «ребристость». Лишь в одном случае небольшие валики расположены в 3 см друг от друга. Закономерностей в количестве каннелюр не наблюдается. Две курильницы дополнительно украшены. Одна имеет насечки по краю венчика и орнамент, нанесённый полой палочкой по горлу **(рис. 1/6)**. Каннелюры второй смоделированы защипами **(рис. 1/5)**.

Среди второй группы курильниц, с прочерченными каннелюрами, отметим экземпляр сосуда с туловом шаровидной формы и практически вертикальным венчиком **(рис. 1/11)**. Венчик вылеплен отдельно, а затем прикреплён к слегка подсушенному тулову. Тулово украшено каннелюрами, сгруппированными по пять (два пучка) и шесть (четыре пучка) лучей. Два пятилучевых «полотенца» расположены друг напротив друга и визуально делят сосуд на равные части. Остальные четыре группы из шести лучей расположены по сторонам от них. Каждое «полотенце» отделено от последующего пустым пространством. Толщина стенок 0,8-0,9 см. По пропорциям сосуд близок II типу по классификации К.К. Марченко (1972, 129-130), однако отличается более узким, выделенным горлом и раздутым, шаровидным туловом. Диаметр венчика 7 см, дна – 9 см. В тесте большое количество примеси ракушки. Фрагмент другой курильницы с прочерченны-

ми каннелюрами у дна ограничен горизонтальной линией, а каннелюры сгруппированы по два луча **(рис. 1/9)**. Ещё один сосуд по горлу украшен двумя рядами наколов, выполненных полой палочкой или срезанным пером **(рис. 1, 8)**.

Третью группу составляют курильницы с продавленными каннелюрами **(рис. 1/7)**. Каннелюры получались от вдавливания небольшой палочки в стенку сосуда. Желобки в этом случае не глубокие и узкие, располагаются близко друг от друга.

Две курильницы носят следы вторичного использования. После разрушения одного сосуда, стенки придонной части были затёрты, в результате чего получилась своеобразная мисочка **(рис. 1/10)**. Вторая курильница с отломанным венчиком. Место слома затёрто **(рис. 1/4)**.

Основная масса курильниц имеет чёткую хронологическую привязку, основанную на разработках датировок импортной керамики, и относится ко времени существования Большой греческой колонии Елизаветовского городища – конец IV – 70 гг. III в. до н. э. Отдельные экземпляры курильниц имеют более раннюю датировку. Одна археологически целая курильница происходит из заполнения хозяйственной ямы первой греческой колонии, так называемого «квартала», входившего в структуру варварского скифского поселения. Датируется курильница серединой – второй половиной IV в. до н. э. (Марченко, 1988, 15-16).

Вероятно, появление курильниц с каннелюрами в материалах Елизаветовского городища непосредственным образом связано с греческой колонизацией памятника. Отметим, что шесть лепных сосудов, украшенных каннелюрами, найдены в строительных комплексах, принадлежащих к типу наземных сырцово-каменных конструкций, выполненных в греческой строительной традиции (Марченко и др., 2000, 256). А в трёх случаях совместно с курильницами в тех же или смежных помещениях домов найдены фрагменты протом богини Деметры. Совместно с курильницей из заполнения хозяйственной ямы на территории первой греческой колонии – «квартала», также обнаружен фрагмент протомы богини Деметры.

Помимо Елизаветовского городища на территории Северо-Восточного Приазовья лепные курильницы с каннелюрами были найдены в ранних слоях Танаиса, некрополе на Беглицкой косе и в разрушенном захоронении на Нижнегниловском городище.

Наиболее морфологически близкой формой елизаветовским курильницам из первой группы является курильница из кургана № 7 Беглицкого некрополя (Прохорова, 1994, 20). Курильница происходит из центрального погребения № 5. Могила катакомбного типа. Входной колодец и погребальная камера расположены по одной оси и ориентированы по линии юго-запад-запад – северо-восток-восток. Погребение ограблено. Курильница происходит из грабительского лаза. Венчик сосуда отогнут, край венчика плоско срезан, тулово яйцевидное. Диаметр венчика 8,6 см, тулова 13 см, дна 7,2 см, высота сосуда 17 см. В тесте примесь шамота и песка. Каннелюры рельефные, оттянутые из стенки сосуда (Прохорова, 1994, 21). Из Беглицкого некрополя также происходит находка, сделанная в 1928 г. М.А. Миллером и Б.В. Луниным во время археологических работ на территории могильника. Во время исследования разрушающегося кургана ими были обнаружены «фрагменты примечательного по оригинальности грубого сосуда, сделанного от руки. Насколько можно судить по фрагментам, сосуд имел форму круглодонной чаши и разделан сильно выпуклыми рёбрами и углублениями между ними, расходящимися правильными радиусами, от центра дна к венцу» (Миллер, Лунин, 1928, 51). Основная масса захоронений, исследованных на Беглицком некрополе, датируется греческим керамическим импортом второй половиной IV – первой третью III в. до н. э. (Коваленко, 2006, 53).

В ранних материалах Танаиса спорадически встречаются обломки лепных сосудов, украшенных вертикальными каннелюрами. Один из фрагментов, имеющий прямое горло и округлое тулово с залощенными стенками, был обнаружен в заполнении ямы III-II вв. до н. э. (Арсеньева, 1969, 201, табл. I/11). Насколько можно судить по приведённой иллюстрации, каннелюры оттянуты из стенки сосуда.

Существенные отличия имеет курильница с каннелюрами из разрушенного погребения № 5 Нижнегниловского городища (Копылов, Коваленко, 2004, 36-37). Особенность этого сосуда в характере исполнения каннелюр **(рис. 1/12)**. В отличие от вышеперечисленных сосудов каннелюры нижнегниловской курильницы рельефные, но формовались они отдельно от сосуда. Уже готовые валики-каннелюры крепились к стенке курильницы. Каннелюров всего четыре и расположены они на противоположных сторонах друг от друга. Внешняя поверхность сосуда совместно с валиками дополнительно покрыта тонким слоем глины. Из-за того, что каннелюры крепились к уже готовому изделию, полностью сохранился лишь один валик, остальные – частично. Нижнегниловская курильница выполнена грубо. Сосуд довольно хрупкий. Внутренняя и внешняя поверхности сильно обожжены. Тесто плохо промешано. В качестве отощителя использовался крупнотолчёный шамот и ракушка. Диаметр по краю венчика 8,4 см, дна 7,8 см, максимальный диаметр тулова 11,5 см. Высота сосуда

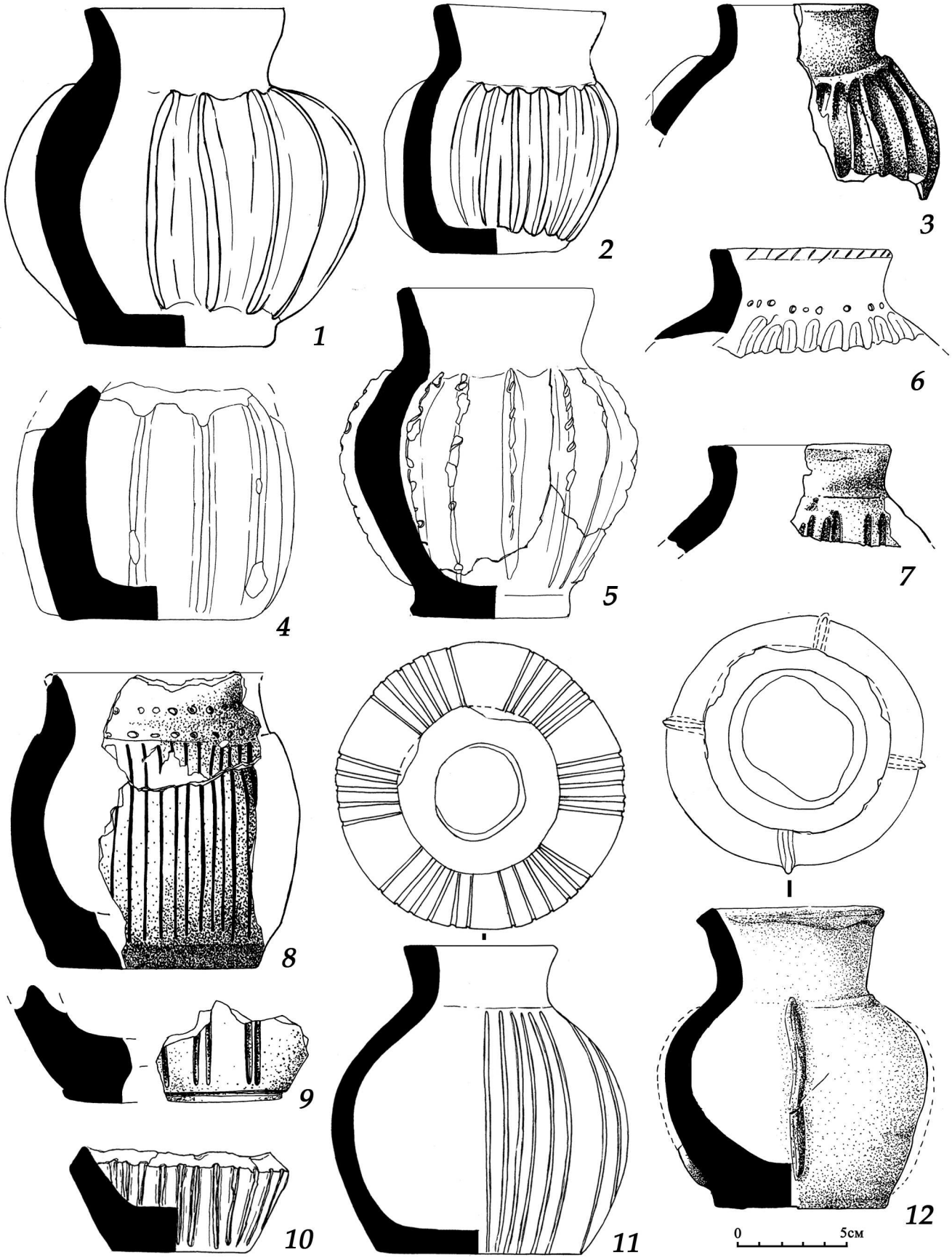

Рис. 1. Лепные курильницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья: 1-11 – из материалов Елизаветовского городища; 12 – из погребения Нижнегниловского городища

12,6 см. Курильница находилась вверх дном. Из-за сильного разрушения чётко датировать комплекс представляется затруднительным. Предположительное время совершения захоронения II-I вв. до н. э. (Копылов, Коваленко, 2004, 37).

В настоящее время большинство исследователей придерживаются теории северокавказского происхождения курильниц с каннелюрами (Яковенко, 1971, 91; Яровой, Четвериков, 2000, 20; Четвериков, Синика, 2002, 303-304; Глебов, 2004, 74; Симоненко, 2005, 257). Лепные сосуды с каннелюрами появляются в прикубанских погребениях со второй четверти IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2006, 135, рис. 2/3). Морфологически прикубанские курильницы имеют существенные отличия от елизаветовских сосудов с каннелюрами. Курильницы из меотских могильников баночной формы с загнутыми внутрь краями. Венчик отсутствует. В большинстве случаев сосуды снабжены ручками. Внутри курильниц довольно часто находят обожжённую гальку или фрагменты керамики (Лимберис, Марченко, 2006, 134). В сосудах Елизаветовского городища камешки отсутствуют, возможно, это связано с тем, что курильницы находят либо фрагментированными, либо в перевёрнутом виде. Курильница из погребения Беглицкого некрополя также была без гальки, однако в грабительском лазе обнаружены обломки камней песчаника с заглаженными поверхностями, идентичный камешек найден на дне погребальной камеры. Исследователь предположила, что камешки могли использоваться грабителями для заточки инструментов, которыми был вырыт лаз (Прохорова, 1994, 13-14). Однако, возможно, что камешки могли происходить и из курильницы. Возвращаясь к типологическим особенностям и отличиям прикубанских культовых сосудов с каннелюрами и курильниц Северо-Восточного Приазовья, отметим отсутствие переходных форм. Так в материалах меотских погребений Прикубанья представлены сосуды без венчика. В материалах же Елизаветовского городища курильницы представлены вполне сформированным самостоятельным типом с выраженным горлом и отогнутым наружу венчиком. Несмотря на различия в типах профилировки курильниц, объединяющей для них является специфическая орнаментация, которая позволяет генетически связать население, оставившее погребальные памятники Прикубанья с греческой волной переселенцев, осевших в дельте Дона.

Существенный хронологический отрыв и различия в способе оформления каннелюр имеет курильница, происходящая из разрушенного погребения Нижнегниловского городища. Курильницы близкие нижнегниловскому сосуду находят аналогии на городищах Среднего Дона – Семилукском (Пряхин, Разуваев, 1995, 58, рис. 7/9) и Круглом (Либеров, 1965, табл. II/13). Из погребения II в. до н. э. некрополя Ольвии происходит лепной сосуд с каннелюрами схожий по технологии изготовления с сосудом из Нижнегниловского городища (Яковенко, 1971, 90, рис. 3). Именно особенности оформления каннелюров («налепные», а не оттянутые валики) сближают эти курильницы. К сожалению, в большинстве работ детальному описанию этой группы очень интересных культовых сосудов не уделено должного внимания. Возможно, оформление каннелюров носит хронологический характер. Хотелось бы осторожно предположить, что курильницы с «налепными» валиками, вероятно, появляются позже, нежели курильницы с каннелюрами, оттянутыми из стенки сосудов.

Отдельного внимания заслуживает предположение о генезисе лепных курильниц с каннелюрами из могильников Приднестровья. Проведение параллелей, а тем более попытки связать появление нового населения, оставившего Тираспольскую группу памятников, с беженцами Большой греческой колонии Елизаветовского городища (Редина, 2000, 29-30; Яровой, Четвериков, 2000, 19; Четвериков, Синика, 2002, 303-304), по моему мнению, преждевременны. Вероятно, прав В.П. Глебов, указавший, что возникновение катакомбных могильников в Подунавье и Приднестровье не следует связывать с уходом населения Елизаветовского городища (Глебов, 2004, 76). Как верно отметил исследователь, жители Елизаветовского городища имели прочные оседлые традиции, а «памятники Тираспольской группы оставлены группой кочевого населения, появившегося в степях восточнее Дона не позднее рубежа первой-второй четверти III в. до н. э.» (Яровой, Четвериков, 2000, 20). Однако до настоящего времени на территории Северо-Восточного Приазовья и «восточнее Дона» лепные курильницы с каннелюрами, за исключением вышеперечисленных сосудов, пока не обнаружены.

В заключении отметим, что лепные курильницы, украшенные каннелюрами, встречаются, как в материалах поселений, так и в погребальных комплексах. Использовались они как кочевым, так и оседлым населением. На территории Прикубанья курильницы обнаружены в меотских захоронениях (Лимберис, Марченко, 2006). На Елизаветовском городище курильницы непосредственным образом связаны с греческой колонизацией, что подтверждается находками лепных сосудов с каннелюрами в строительных комплексах совместно с протомами богини Деметры. Беглицкий некрополь оставлен скифским населением (Коваленко, 2006, 53). Семилукское городище относится к кругу памятников средне-донской культуры скифского времени (Пряхин, Разуваев, 1995, 67). Погребальные памятники Нижнего Днестра оставлены

кочевым населением, в котором прослеживаются савромато-сарматские черты, культурные традиции Северного и Центрального Кавказа, а также элемент фракийского влияния (Яровой, Четвериков, 2000, 17-18). Столь существенные отличия в характере памятников, на которых обнаружены курильницы с каннелюрами, по-моему мнению не позволяют провести этнокультурные параллели между ними. Как показало исследование Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко курильницы появились в среде оседлого населения Прикубанья. В дальнейшем, вероятно, происходит заимствование особенностей орнаментации и функционального назначения лепных сосудов с каннелюрами различными в этнокультурном плане представителями Северо-Западного Предкавказья.

Литература

Арсеньева, 1969 – Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья (отв. ред. Д.Б. Шелов). М. Наука. С. 173-220.

Глебов, 2004 – Глебов В.П. Тираспольская группа памятников Поднестровья – сарматы, сираки, скифы // ССПіК. Вып. XI. С. 74-77.

Коваленко, 2006 – Коваленко А.Н. Население Нижнего Дона второй половины IV – первой трети III вв. до н. э. (по материалам погребальных комплексов) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время (отв. ред. В.П. Копылов). Ростов-на-Дону. С. 51-57.

Копылов, Коваленко, 2004 – Копылов В.П., Коваленко А.Н. Отчёт об исследованиях экспедиции Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета в 2003 г. Архив Научно-методического центра археологии Ростовского государственного педагогического университета. Ростов-на-Дону. 50 с.

Лесков и др., 2005 – Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М. Наука. 192 с.

Либеров, 1965 – Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. Д1-31. 112 с.

Лимберис, Марченко, 2006 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. Вып. 6. С. 134-151.

Марченко, 1972 – Марченко К.К. Лепная керамика V – III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. № 1. С. 122-133.

Марченко, 1973 – Марченко К.К. Новые типы лепной керамики V – III вв. до н. э. из Елизаветовского городища на Дону // КСИА. Вып. 133. С. 62-66.

Марченко, 1988 – Марченко К.К. Отчёт о работах Южно-Донской экспедиции в 1987 г. Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. № 148.

Марченко и др., 2000 – Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М. Paleograph. 283 с.

Мелюкова, 1962 – Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских). МИА. № 115. Памятники скифо-сарматской культуры. С. 114–166.

Миллер, Лунин, 1928 – Миллер М.А., Лунин Б.В. Некрополь у Беглицкой косы // Краеведение на Северном Кавказе. № 3-4. Ростов-на-Дону. С. 44-53.

Прохорова, 1994 – Прохорова Т.А. Раскопки Беглицкого некрополя в 1993 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13 (отв. ред. В.Я. Кияшко). Азов. Азовский полиграфист. С. 20-22.

Пряхин, Разуваев, 1995 – Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984-1993 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань. С. 43-68.

Редина, 2000 – Редина Е.Ф. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 28-30.

Симоненко, 2005 – Симоненко А.В. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвёртая Кубанская археологическая конференция (тез. и докл.) (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Символика. С. 255-260.

Смирнов, 1951 – Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. XXXVII. С. 152-260.

Четвериков, Синика, 2002 – Четвериков И.А., Синика В.С. Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тысячелетие до н. э. – V в. н. э.). Матлы III Междунар. науч. конф. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 299-305.

Яковенко, 1971 – Яковенко Е.В. Про кулясті курильниці IV – I ст. до н.е. // Археологія. № 2. С. 87-93.

Яровой, Четвериков, 2000 – Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (мат-лы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 3-27.

С.Ю. Монахов

Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнения к классификации

Amphorae Erythres of Asia Minor of the V–II centuries BC: additions to classification. *The article analyzes a sample of almost 4 tens amphorae which thanks to Turkish excavation in vicinities Erythres are possible to identify as the container of this center. It is possible to allocate 4 types of Erythres' amphorae of the V–II centuries BC, to distribute them in a number of options and it is rather reliable to date them on the basis of complexes in which they were found.*

Амфоры малоазийских Эрифр V-II вв. до н. э.: дополнения к классификации. *В статье анализируется выборка почти в 4 десятка амфор, которые благодаря турецким раскопкам в окрестностях малоазийских Эрифр удаётся идентифицировать как тару этого центра. Удаётся выделить 4 типа эрифрских амфор V–II вв. до н. э., распределить их на ряд вариантов и достаточно надёжно продатировать на основании комплексов, в которых они были найдены.*

О том, что в малоазийских Эрифрах существовало свое собственное виноделие и амфорное производство, мы знаем благодаря упоминаниям Теофраста и Плиния [Theophr. De odoribus. 52]; дословно это повторяет Афиней [Athenaeus I, 32 b; Plin. NH, XXXV. 161] (Tchernia, 1986, 31-32). Археологические источники, подтверждающие этот факт, появились совсем недавно. Первым мнение о существовании амфорного производства в малоазийских Эрифрах высказал Г. Йоренс, который отнёс к этому центру 4 клейма на амфорных ручках из Афинского Керамика. Круглые клейма имеют в центре букву «А», вокруг которой размещаются ещё три буквы «ΕΡΥ», интерпретированные им как сокращение этникона. Он обратил внимание, что именно в таком сокращении этникон Эрифр присутствует на многих типах монет этого полиса в V и IV вв. до н. э. (Johrens, 1999, 169-170, taf. 25). Формы амфор Эрифр на тот момент не были известны, а сами клейма с Керамика по контексту находок датировались в пределах последней трети IV – начала III в. до н. э. (Carlson, Lawall, 2006, 11; 2005-2006, 32 ff.).

Несколько позднее было исследовано кораблекрушение возле мыса Текташ Бурну (Carlson, 2003, 581-600). Груз корабля включал 10 мендейских и 2 хиосских амфоры, а также 195 пифоидных «псевдо-самосских» сосудов, произведённых в ранее неизвестном центре. Поскольку на горле одной из таких амфор было оттиснуто уникальное круглое клеймо с легендой «ΕΡΥ» **(табл. 1/1)**, было высказано предположение о производстве этого вида тары в малоазийских Эрифрах. Дата кораблекрушения была определена М. Лавалем по аналогиям для мендейских и хиосских амфор во временном интервале 440-430 гг. до н. э. (Carlson, Lawall, 2005-2006, 32).

В связи с выделением керамической тары Эрифр третьей четверти V в. до н. э. закономерным образом встал вопрос о поисках более поздних серий эрифрских амфор, тем более что в результате турецких раскопок к северу от античного города был открыт Керамик, где найдены следы развитого местного керамического производства, в том числе венцы и ножки бракованных амфор. Хронологический контекст находок указывает на эллинистический период. В 2006 г. повторные зачистки дали ещё несколько важных находок, в том числе ряд грибовидных и манжетовидных венцов из характерной эрифрской глины IV и III вв. до н. э. (Ozyigit, 1990, 125-138, ciz. 1, 5; Carlson, Lawall, 2005-2006, 33).

На этом основании Д. Карлсон и М. Лаваль предложили первую типологию эрифрских амфор от третьей четверти V до II в. до н. э. По их представлениям, можно выделить по меньшей мере 4 типа амфор Эрифр этого временного диапазона (Carlson, Lawall, 2005-2006, 32). Позднее некоторые коррективы в данную схему внесли П. Дюпон и В. Лунгу (Dupont, Lungu, 2010a, 3-36, fig. 4-10; 2010b, 39–53, pl. 24-26). На сегодняшний день эта типология представляется в целом приемлемой, однако она включает в основном фрагментированные сосуды и потому не даёт целостного представления обо всём разнообразии эрифрской тары. Материалы Северного Причерноморья могут серьёзно дополнить и откорректировать эту типологию.

Первый тип тары можно назвать «**псевдо-самосским**». Он включает несколько вариантов амфор различной морфологии, как правило, с эхиновидными венцами.

Вариант I-А («Текташ Бурну»). Крупные амфоры пифоидной формы с массивным эхиновидным венцом третьей четверти V в. до н. э., весьма близкие по морфологии к амфорам Самоса и Милета этого времени. Для них характерно короткое горло, плавно переходящее в высокие плечи **(табл. 1/1)**, глина красновато-жёлтая или бледно-коричневая с серым или тёмно-красным закалом, с большим количеством белых включений и небольшим количеством чёрных вкраплений и слюды. Снаружи они покрыты тонким слоем кремового розовато-жёлтого ангоба. Для амфор из Текташ Бурну характерно разнообразие в профилировке ножек, хотя в целом они очень напоминают ножки синхронных хи-

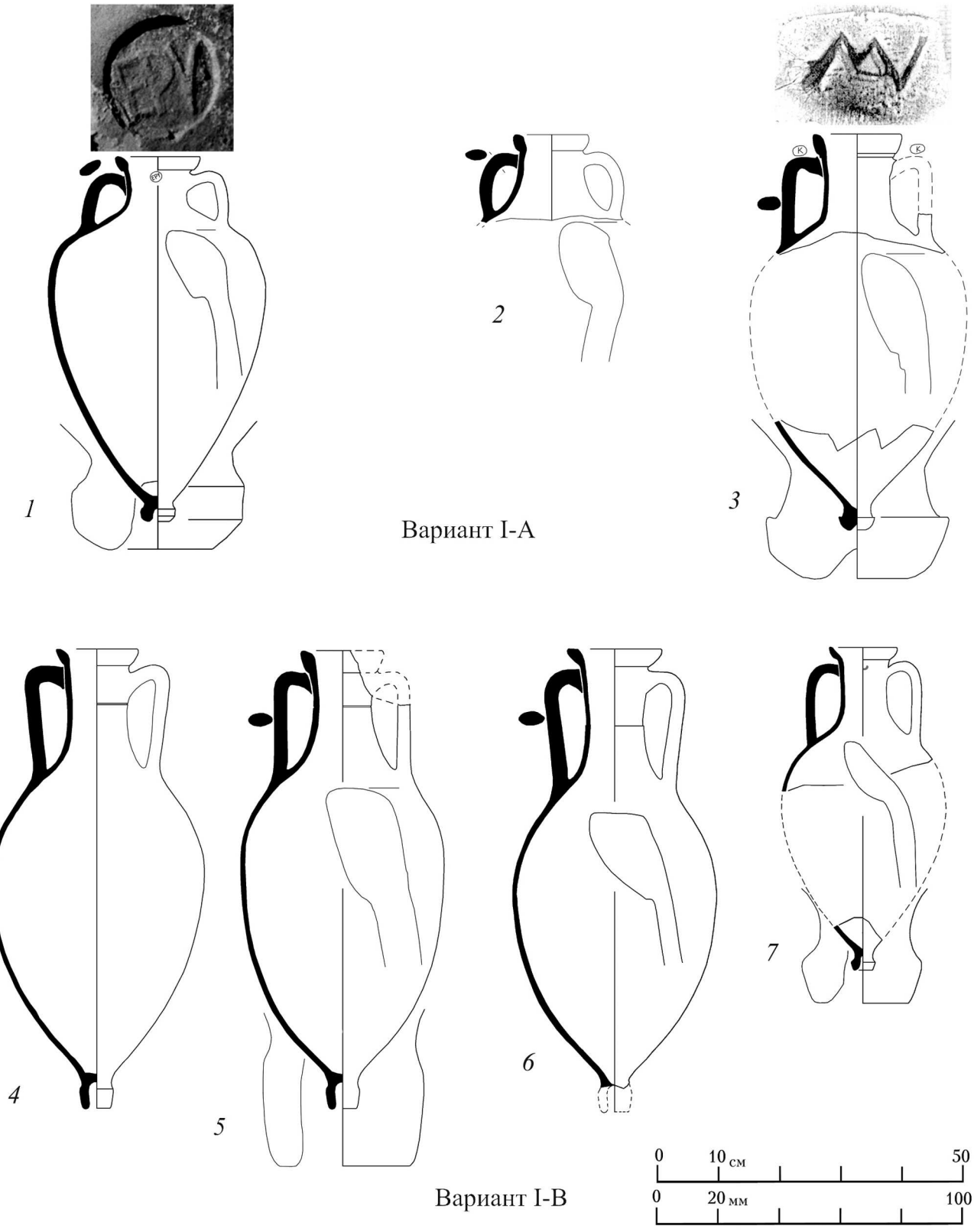

Рис. 1. Амфоры типа I: 1 – из кораблекрушения Текташ Бурну по Лавалю-Карлсон; 2 – с мыса Зюк; 3 - из Никония (Одес. музей); 4 – из Тигани; 5 – из моря (Херсонес. музей); 6 – из Эрмитажа; 7 – из Нимфея (по *Н.Л. Грач*)

осских амфор. Авторы типологии предполагают, что это свидетельствует о существовании множества амфорных мастерских в Эрифрах в третьей четверти V в. до н. э.

Амфоры этого варианта, но более поздних выпусков, известны, по мнению М. Лаваля и Д. Карлсон, в комплексах Афинской Агоры самого конца V и начала IV в. до н. э. (Holloway, 1966, 83-85). Упоминают они и горло близкой по морфологии амфоры с мыса Зюк, а также фрагментированную амфору из Никония с монограммным клеймом (Абрамов и др., 1991, 72,

рис. 1/16; Монахов, 2003, 35, табл. 19/6). Если горло с мыса Зюк, вероятнее всего, можно датировать последней третью V в. до н. э. **(табл. 1/2)**, то амфора из Никония, судя по более высокому горлу **(табл. 1/3)**, должна датироваться в пределах последней четверти этого столетия.

Вариант I-B («тигани»). М. Лаваль и Д. Карлсон выделяют ещё один тип (вариант) тары, для которого характерна та же специфическая эрифрская глина (тонкая, очень плотная, сероватая или с серыми прожилками). Амфоры морфологически отличаются сферическим туловом,

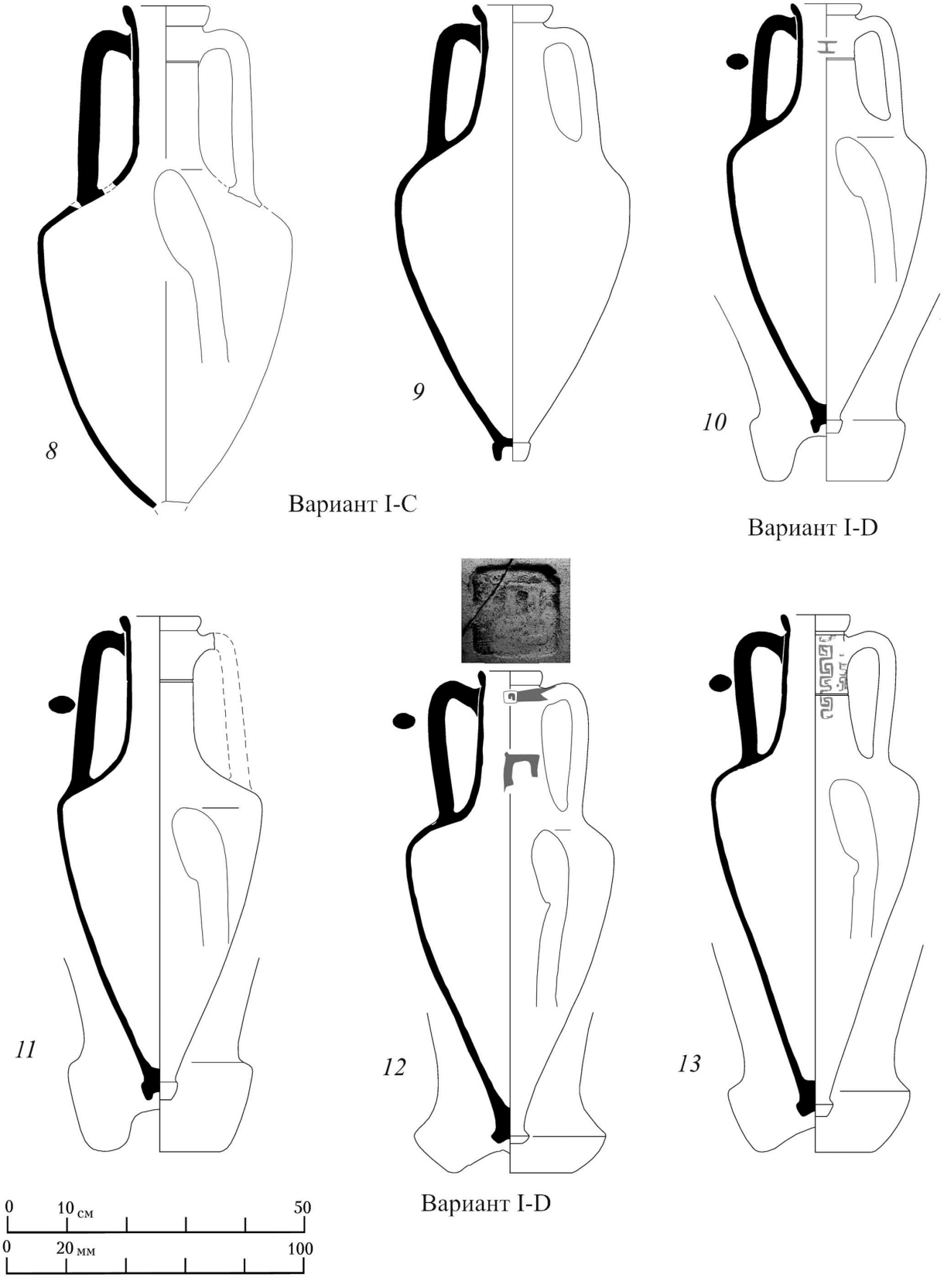

Рис. 2. Амфоры типа I: 8 – из п. 15-1937 в Херсонесе; 9 – из некрополя Майская гора (по фото); 10 – из Ольвии; 11 – из п. 17-1937 в Херсонесе; 12 – из Нимфея; 13 – из п. 41 Старокорсунского некрополя

высокой ножкой и более или менее массивным отогнутым наружу венцом. Они также отмечают, что эти сосуды практически повторяют формы «самосских» амфор, по аналогиям с которыми они должны датироваться последней четвертью V в. до н. э. (Cook, Dupont, 1998, fig. 23/9c-g). Проиллюстрирована верхняя часть амфоры из Гордиона, но упоминается ещё два неопубликованных сосуда из Макри и из афинского комплекса B 13:6 (Carlson, Lawall, fig. 3). Клейма для этого варианта тары пока неизвестны.

С точки зрения морфологии в сосудах варианта I-B, скорее всего, можно предполагать фракцию амфоры предыдущего варианта из Никония и, судя по всему, к нему можно отнести амфоры, которые в своё время я включил в число милетских варианта «тигани» (Монахов, 2003, 35, табл. 20). Для них характерны плавные обводы плеча и тулова, вследствие чего верхняя часть сосуда составляет более половины общей высоты. Первую амфору этого варианта из случайных находок около Тигани опубликовала В. Грейс (Grace, 1971, 94, pl. 15/9) **(табл. 1/4)**, подборку подобных сосудов привел П. Дюпон (Dupont, 1983, fig. 4/4,5,7; Cook, Dupont, 1998, fig. 23/9d,e,g).[1]

Есть несколько таких амфор и среди северопричерноморских находок. Один сосуд был поднят из моря возле херсонесского городища **(табл. 1/5)** и, видимо, происходит из некрополя на Северном берегу (Монахов, Абросимов, 1993, 122, табл. 1/3). Вторая амфора без ножки хранится среди беспаспортных находок в Эрмитаже **(табл. 1/6)** (Брашинский, 1984, 103; Монахов, 2003, 35, табл. 20/4). Ещё одна, видимо, фракционная амфора открыта в некрополе Нимфея **(табл. 1/7)** (Грач, 1999, 44, рис. 8). Надёжных хронологических привязок для этого варианта тары у нас нет, в своё время я относил их к середине – третьей четверти (?) V в. до н. э. Сейчас, учитывая датировку амфор из кораблекрушения Текташ Бурну в пределах третьей четверти V в. до н. э., видимо, нужно датировать сосуды типа I-B, скорее всего, последней четвертью этого столетия.

На основании сходства морфологических характеристик и специфичной глины есть основания (хотя и сугубо предположительно) выделять для эрифрского амфорного производства ещё два варианта тары I типа (I-C и I-D).

В частности, к **варианту I-C** можно отнести шесть амфор из Северного Причерноморья, часть которых я в своё время также включил в число «милетских» и назвал вариантом «*с высоким цилиндрическим горлом*», продатировав их последней третью V – первой половиной IV в. до н. э. (Монахов, 2003, 35, табл. 21). Наиболее ранним в этом варианте видится сосуд из погребения № 15 (1937 г.) херсонесского некрополя на северном берегу **(табл. 2/8)** (Монахов, Абросимов, 1993, 123, табл. 2/5; Monachov, 1999, 168 ff., fig. 13). При пифоидном и очень широком тулове эта амфора имеет уплощённые плечи и высокое цилиндрическое горло, завершающееся массивным, отогнутым наружу воротничковым венцом. Ножка отсутствует. Глина – плотная, коричневого цвета, с включением мелкого известняка и небольшого количества слюды. Амфора не имеет надёжного хронологического контекста, ранее я датировал её серединой – третьей четвертью V в. до н. э. «по стратиграфической ситуации, а также по найденному вместе с ней ионийскому сероглиняному гуттусу». На тот момент это вроде бы подтверждалось результатами наблюдений за распределением профильных частей таких амфор в культурных слоях Фанагории (Завойкин, 1992, рис. 3/3); сейчас я склонен относить её к последней трети V в. до н. э. Определённое сходство с нею имеется у сосуда из кургана № 33 на Мамай-горе в Запорожской области **(табл. 2/9)** (Андрух, Тощев, 1999, 149, рис. 42/9), хотя у него горло не цилиндрическое, а конусовидное. Хронологический контекст у последней амфоры отсутствует.

Вариант I-D отличается от предыдущего более стройными пропорциями и почти конической профилировкой тулова. Первый сосуд происходит из ботроса в святилище Гермеса и Афродиты на ольвийском (западном) теменосе **(табл. 2/10)** и найден в хорошем контексте с фасосскими ранними биконическими, хиосскими с прямым горлом и гераклейской амфорами (Русяева, Назарчук, 2006, 73).[2] Глина у этой амфоры – светло-коричневая, мягкая, с включениями мелкой слюды. Венец в виде уплощённого валика близок к «воротничковой» форме, отогнут наружу, как у амфоры № 8. Ножка в виде «бобины» с глубокой подрезкой на подошве. На горле желобок, выше которого дипинти в виде буквы «Н». Датируется амфора по материалам ботроса примерно 415-395 гг. до н. э. (Монахов, 1999, 148, табл. 53).

Вторая амфора происходит из детского погребения № 17 (1937 г.) херсонесского некрополя на северном берегу **(табл. 2/11)**.[3] Она близка по форме к амфоре № 10: имеет высокое, почти коническое тулово с уплощёнными плечами. Горло цилиндрическое, несколько более высокое, в средней его части имеется желобок. Отогнутый наружу венец также в виде уплощённого валика или «воротничка». Ручки сходятся к венцу, в се-

[1] П. Дюпон датировал эти сосуды первой половиной и серединой V в. до н. э., что вызывает некоторые сомнения.

[2] К сожалению, в разделе «Амфоры» материал ботроса дан выборочно и в совершенно неузнаваемом виде, см., например, с. 159, рис. 163/3 применительно к рассматриваемой амфоре.

[3] В первой публикации (Монахов, Абросимов, 1993, 123, табл. 2/6) была дана графическая реконструкция амфоры в развале. Позднее сосуд был реставрирован полностью, и его настоящие контуры приведены (Monachov, 1999, 168 ff., fig. 14; Монахов, 2003, 36, табл. 21/3).

чении – очень массивные, одна ручка отсутствует. Близка по форме и ножка в виде «бобины». Глина коричневая, плотная, с большим количеством мелких включений известняка и без слюды. Найденный в амфоре гуттус и стратиграфия комплекса позволяют датировать сосуд первой третью IV в. до н. э.

Следующий сосуд происходит из раскопок Нимфея **(табл. 2/12)**. При тех же примерно параметрах, морфологии и таком же венце, как у двух предыдущих амфор, этот сосуд отличается от них остроребёрной формой ножки с конусовидной выемкой на подошве и иной постановкой ручек, которые расходятся вверх. В средней

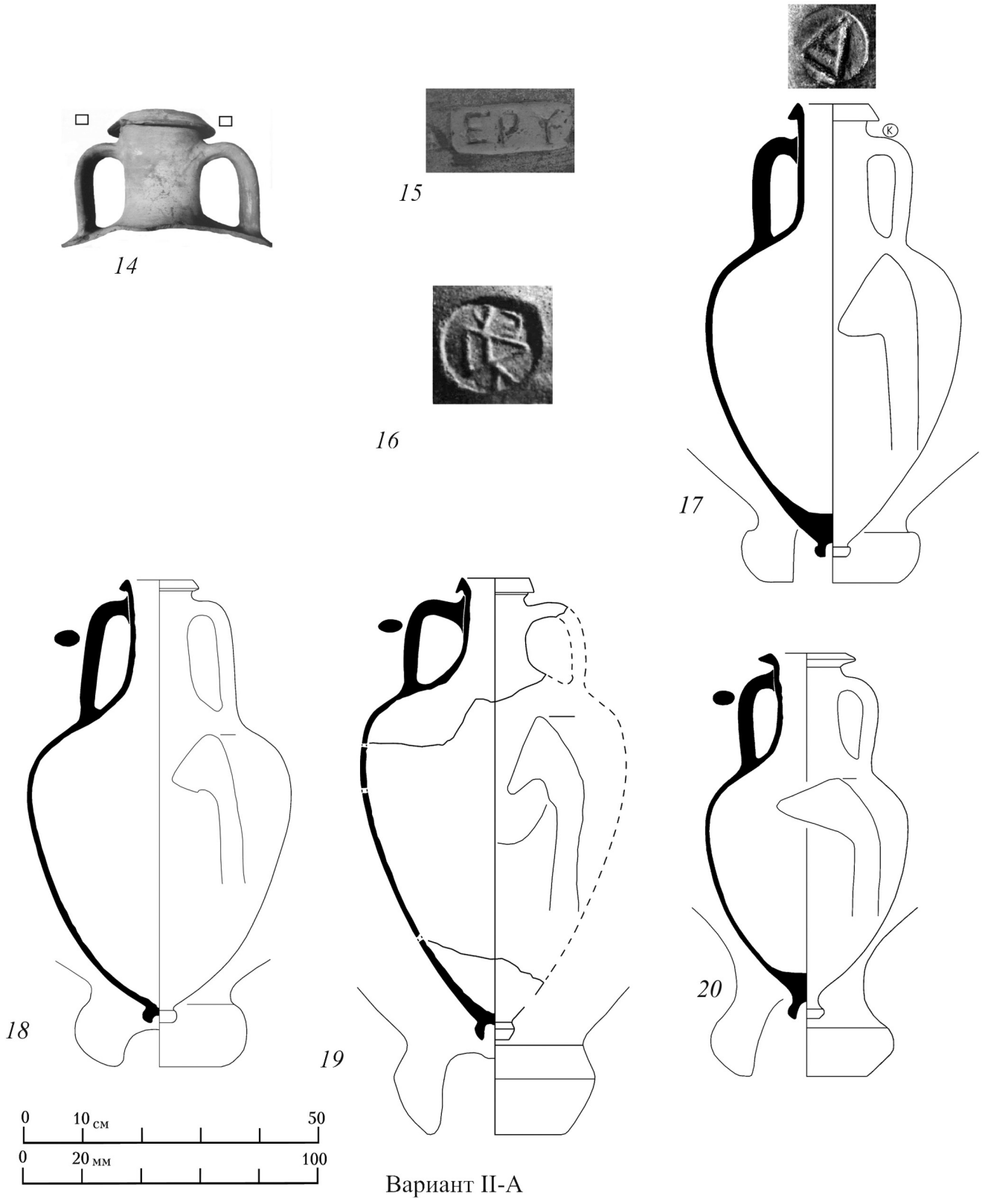

Рис. 3. Амфоры типа II: 14 – с Афинской Агоры (по *M. Lawall*); 15 – клеймо из Эрмитажа; 16 – клеймо с Афинской Агоры (по *M. Lawall*); 17 – из Каллатиса (по *L. Busoianu*); 18 – из Керченского музея; 19 – из Старокорсунского некрополя; 20 – из Эрмитажа

части горла красной краской нанесено крупное дипинти «П». Под венцом на горле квадратное рельефное клеймо, где читается буква «П»(?), а ниже гаста от какой-то ещё буквы. Аналогии этому клейму пока не удаётся найти. Датировать эту амфору следует в пределах первой половины IV в. до н. э.

Последняя амфора варианта I-D из погребения № 260з западного могильника второго Старокорсунского городища несколько выше, имеет выраженную коническую форму **(табл. 2/13)**. У неё венец такой же воротничковой формы с подчёркивающим желобком и остроребёрная ножка. На горле под ручками вертикально нанесён чёрным матовым лаком меандровый орнамент (Лимберис, Марченко, 2005, 220, 264, рис. 37/8).[4] Контекст находки для уточнения хронологии невыразителен, однако представляется наиболее вероятной дата в пределах второй четверти IV в. до н. э. Горло точно такой профилировки происходит из находок на участке НГС Ольвийского городища и датируется «раннеэллинистическим временем» (?) (BSS, 2010, 378, pl. 295, L-88; отнесён к неустановленным центрам).

Тип II. **Амфоры с грибовидным венцом.** Амфоры с грибовидными венцами разной профилировки, как известно, характерны для керамической тары многих центров Средиземноморья этого времени и широко датируются IV в. до н. э.[5] М. Лавалю и Д. Карлсон удалось выделить во второй тип тары Эрифр группу амфор с грибовидными (нависающими) венцами. Для подтверждения этого они приводят ряд примеров фрагментированных амфор с такими венцами, на которых достоверно зафиксированы клейма трёх вариантов.

Наиболее ранний **вариант II-A** представлен верхней частью амфоры из раскопок на Афинской Агоре. На одной ручке стоит клеймо «ЕРϒ» в прямоугольной рамке, на другой ручке – эмблема «палица» также в прямоугольной рамке **(табл. 3/14)** (Carlson, Lawall, 2005-2006, 35, fig. 4). М. Лаваль и Д. Карлсон отмечают, что такой же оттиск «ЕРϒ» найден в Ольвии и хранится в Эрмитаже **(табл. 3/15)**.[6] Хронологические привязки для этих материалов отсутствуют, но можно предполагать вторую-третью четверти IV в. до н. э.

Следующий вариант клейм был выделен Г. Йоренсом. Это круглые клейма нескольких штампов, где сокращённый этникон «ЕРϒ» по-разному располагается вокруг находящейся в центре монограммы в виде вписанных друг в друга букв Α и Δ **(табл. 3/16)** (Jöhrens, 1999, taf. 25). По контексту находок они вроде бы датируются последней четвертью IV в. до н. э.

Третий вариант клейм представляет монограмму из вписанных друг в друга букв Α и Δ без сопровождения сокращенного этникона ЕРϒ.[7] Известны и два целых сосуда с грибовидными венцами с такими клеймами: один из них происходит из Афин (Grace, 1979, fig. 42 – справа) и датируется третьей четвертью IV в. до н. э., а второй – из Каллатиса **(табл. 3/17)** (Busoianu, 1999, 206, pl. 5, 6).[8]

Авторы типологии упоминают также (без иллюстраций) несколько изолированных экземпляров эрифрских клеймёных ручек с Афинской Агоры, которые, вероятно, стояли на амфорах с грибовидными венцами и, скорее всего, датируются IV в. до н. э. В одном случае это круглое клеймо с высоким рельефным выступом в центре, окружённым легендой – ΕΡΥΘΡΑ[Ι]ΟΣ. Предполагается, что центральное изображение дублирует образ «голова Геракла в львиной шкуре» с эрифрских монет первой четверти IV в. до н. э. В корпусе IOSPE III Б.Н. Граковым упоминается со ссылкой на публикацию П. Беккера клеймо на ручке амфоры с легендой ἐξ Ἐρετρίας, хранившееся ранее в Одесском музее (Беккер, 1868, 25, № 9). Б.Н. Граков это клеймо в Одесском музее в 1955 г. не нашёл, но предположил, что оно принадлежит Эретреи на о. Эвбея. Известна и прямая аналогия этому клейму (Palaczyk, 2003, 223, № 198). Вторая находка представляет собой квадратное клеймо с изображением листа плюща в центре, где буква «Α» стоит в центре листа, а буквы «ЕР» обрамляют кончик листа в верхнем углу квадрата.

Таким образом, к варианту II-A с относительно коротким горлом и пифоидным туловом на низкой массивной валикообразной ножке с глубокой подрезкой на подошве можно отнести помимо упомянутых амфор с монограммными клеймами с Афинской Агоры и Каллатиса по меньшей мере ещё три неклеймёных сосуда. По морфологическим признакам они практически дублируют клеймёные экземпляры. Одна из них поднята из моря в районе Керчи **(табл. 3/18)**, имеет коричневую глину с песком и мелким известняком. Второй сосуд происходит из слу-

[4] Авторами опубликован иной чертёж этой амфоры. По первоначальной нумерации погребений она была найдена в погр. 41 (1997 г.), что и нашло отражение в первой публикации (Монахов, 2003, 36, табл. 21/4).

[5] Например, они известны для тары Книда и Родоса (Монахов, 2003, табл. 71, 72, 79, 85). Вместе с тем, такие венцы весьма характерны для амфор множества других центров, особенно Западного Средиземноморья (Lattara, 1993, 47 f., 53 f., 65 f.; Sciallano, Sibella, 1991). Не случайно Ж.-И. Амперер назвал эту традицию своеобразным «амфорным койнэ».

[6] ГЭ, инв. № Ол. 2284. Я весьма признателен Ю.И. Ильиной за присланную фотографию этого клейма.

[7] Такие клейма встречаются в подъёмном материале на городище Эрифр.

[8] Я признателен Ливии Бузояну за присланные ею уточнённый чертёж и фото амфоры и клейма (письмо от 9.03.2012). Глина содержит включения песка и слюды. Клеймо того же, видимо, штампа происходит из Истрии (Canarace, 1957, 310, № 830).

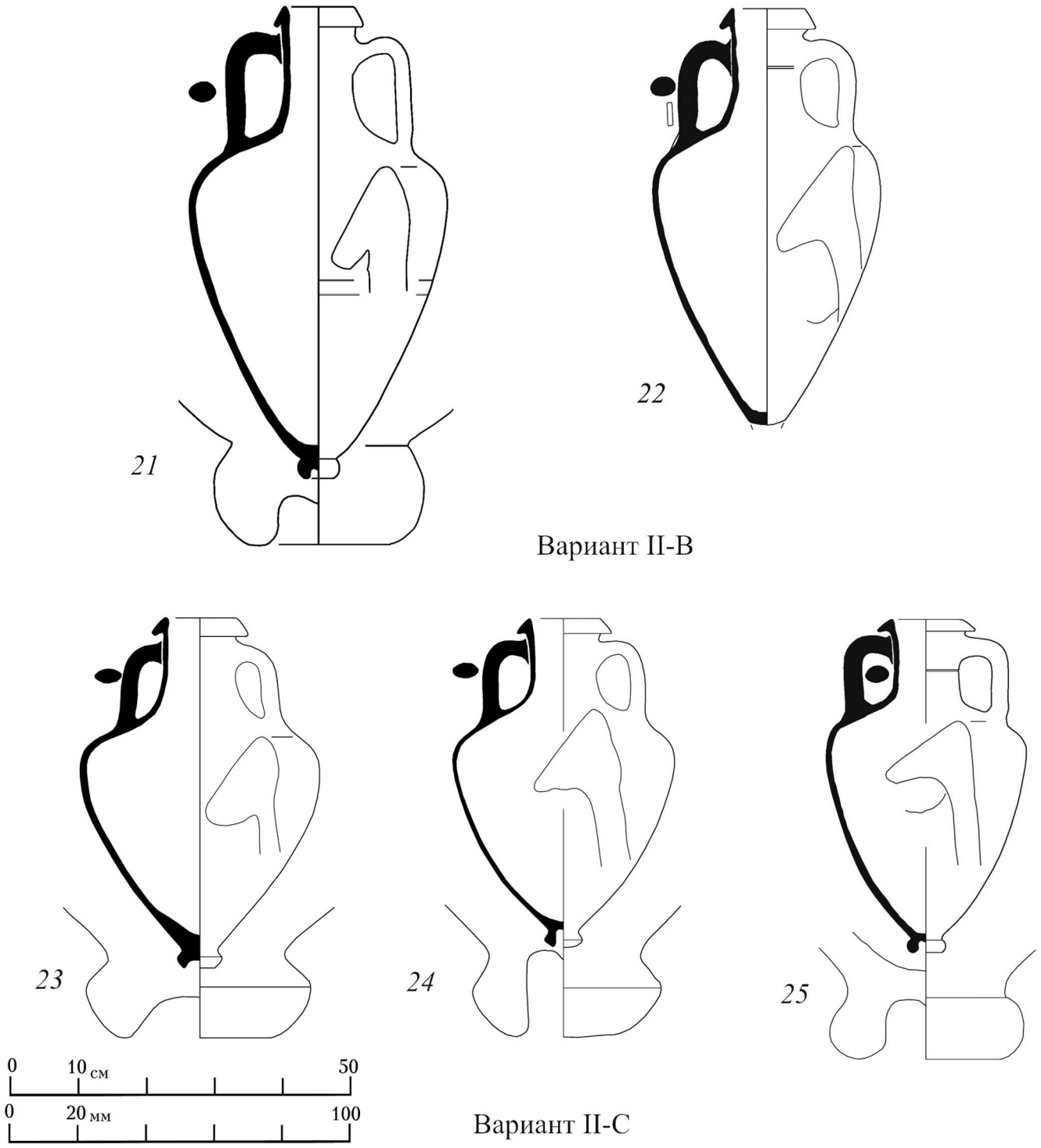

Рис. 4. Амфоры типа II: 21 – из п. 8 Старокорсунского некрополя; 22 – из Кубанского музея; 23, 24 – из некрополя Керкинитиды; 25 – из херсонесского некрополя

чайных сборов в районе меотского некрополя на Старокорсунском городище № 2 **(табл. 3/19)**. Амфора сохранилась не полностью, профиль реконструирован по фрагментам, глина красно-коричневая, с редкой мелкой слюдой. Обе они имеют относительно небольшие грибовидные венцы и массивные валикообразные ножки, в одном случае с выделенной гранью. Предположительно к этому же варианту можно также отнести фракционную амфору из кургана № 493 у с. Ильинцы в Эрмитажном собрании **(табл. 3/20)** (Зеест, 1960, табл. XV/32е; Галанина, 1977, 32, табл. 16/8). Глина розовая плотная, с мелкими включениями слюды и более крупными коричневыми включениями.[9] Морфологически последний сосуд ближе всего к амфоре № 18, однако имеет более массивный венчик. Хронология данного варианта приблизительно может быть ограничена третьей четвертью IV в. до н. э. на основании афинского комплекса D 15:3.

[9] Рисунки И.Б. Зеест и Л.К. Галаниной сильно отличаются. Я признателен Т.В. Рябковой за присланные мне фотографии и уточнённый чертёж этой амфоры.

К **варианту II-В** можно отнести несколько амфор меньших размеров, но с такими же небольшими грибовидными (нависающими) венцами и массивными ножками с глубокой подрезкой на подошве. Первая амфора этого варианта происходит из погребения № 8 восточного некрополя Старокорсунского городища № 2 **(табл. 4/21)**. Глина плотная, ярко-красная, с редкими включениями известняка и мелкой слюды. На тулове имеется два узких желобка. Контекст находки невыразителен в силу того, что погребение было ограблено, с амфорой найдены лишь сероглиняные кувшинчик и миска (Лимберис, Марченко, 2007, 96, рис. 33/3). Вторая амфора без ножки практически идентична № 20, но чуть меньших размеров **(табл. 4/22)** и найдена в 1976 г. при раскопках меотского могильника Гидрострой-1. К сожалению, оснований для точной хронологической привязки этих сосудов нет, скорее всего, их нужно датировать второй половиной IV в. до н. э.

Вариант II-С. К нему можно отнести три небольших амфоры, которые представляют собой фракции варианта II-А. При этом они имеют примерно те же пропорции и массивные валикообразные ножки с глубокой подрезкой на подошве. Амфора № 23 найдена в погребении № 48 (1983 г.) некрополя Керкинитиды, где служила оссуарием для кремации **(табл. 4/23)** (Кутайсов, Ланцов, 1989, 10, 24, рис. 8/1). Основания для датировки отсутствуют. Вторая амфора (№ 24) происходит из недокументированных раскопок на том же некрополе Керкинитиды **(табл. 4/24)**. У неё глубокая подрезка на подошве, но сама ножка скорее имеет остроребёрную форму. Третий сосуд также использован в качестве оссуария под кремацию и происходит из могилы № 2793 некрополя возле 20-й куртины оборонительных стен Херсонеса **(табл. 4/25)**. Глина ярко-красная, плотная, с редкой слюдой (ОАК, 1912, 96, рис. 87; Репников, 1927, 179, рис. 36). К сожалению, оснований для надёжной хронологической привязки данного варианта тары не имеется, по аналогии с вариантом II-А его можно датировать в пределах третьей четверти, может быть, второй половины IV в. до н. э.

Тип III. **«Амфоры с манжетовидным венцом».** Д. Карлсон и М. Лаваль выделили этот тип тары на основании находок небольших фрагментов таких горл из турецких раскопок мастерских в Эрифрах. Им известно единственное целое горло с ручками из раскопок на Афинской Агоре **(табл. 5/26)** (Carlson, Lawall, 2005-2006, 35, fig. 6), на основании чего они намечают следующие морфологические признаки для этих сосудов: высокий, вертикально поставленный манжетовидный венец с округлым верхним краем. Горло цилиндрическое с плавным переходом к покатым плечам над шаровидным туловом. Ручки массивные, овальные или даже круглые в сечении, верхний прилеп прикреплён ниже венца.

Существенное значение для выделения тары III типа имеет то обстоятельство, что в 2010 г. были опубликованы важные дополнения к типологии Д. Карлсон и М. Лаваля, в частности, качественные чертежи горл и ножек амфор из мастерских Эрифр, которые ранее были известны по не очень хорошим фотографиям (Dupont, Lungu, 2010a, 3-36, fig. 4-10; 2010b, 39–53, pl. 24-26). Это позволило выделить среди северопричерноморских материалов два, а может быть и три варианта амфор данного III типа.

К **варианту III-А** помимо горла с Афинской Агоры может быть отнесено две амфоры из меотского некрополя у городища № 2 возле хут. Ленина на окраине Краснодара. Это крупные пифоиды с яйцевидным туловом на массивной валикообразной или слегка остроребёрной ножке. Венцы манжетовидные, как у амфоры из Афин, ручки, в одном случае круглая, в другом – овальная в сечении.

Первая амфора происходит из погребения № 91 этого некрополя **(табл. 5/27)**. Она имеет тонкую, плотную глину светло-коричневого цвета с редким известняком и слюдой. Вместе с ней обнаружен достаточно обильный инвентарь, в том числе меотский сероглиняный кувшин с маленькой ленточной ручкой-петелькой, верхний прилеп которой крепится примерно на середине горла и датируется по близким формам из стратифицированных комплексов иных некрополей в пределах второй половины IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2005, 231, рис. 22, 28, 32-34). Есть ещё одно основание для относительной хронологии погребения № 91. Дело в том, что оно разрушило более раннее погребение № 92 с веретенообразной амфорой типа «Муригиоль», которая датируется в пределах первой половины IV в. до н. э. (Монахов, 2003, 80, табл. 55/5). В связи с этим интересующее нас погребение № 91 с амфорой № 27 вряд ли может быть ранее третьей четверти IV в. до н. э.

Ещё одна амфора плотной светло-коричневой глины с редким белыми включениями и песком происходит из того же некрополя (раскопки 1981 г.) **(табл. 5/28)**, но при отсутствии полноценного шифра соотнести её с конкретным погребением не удается. При почти полном совпадении морфологических признаков с сосудом № 27 она также должна датироваться в пределах третьей четверти IV в. до н. э. К этому же варианту III-А может быть отнесено горло с манжетовидным венцом из плотной красно-коричневой глины с мелким песком из раскопок Елизаветовского городища **(табл. 5/29)**, которое по сопутствующим материалам датируется в пределах последней трети IV в. до н. э.

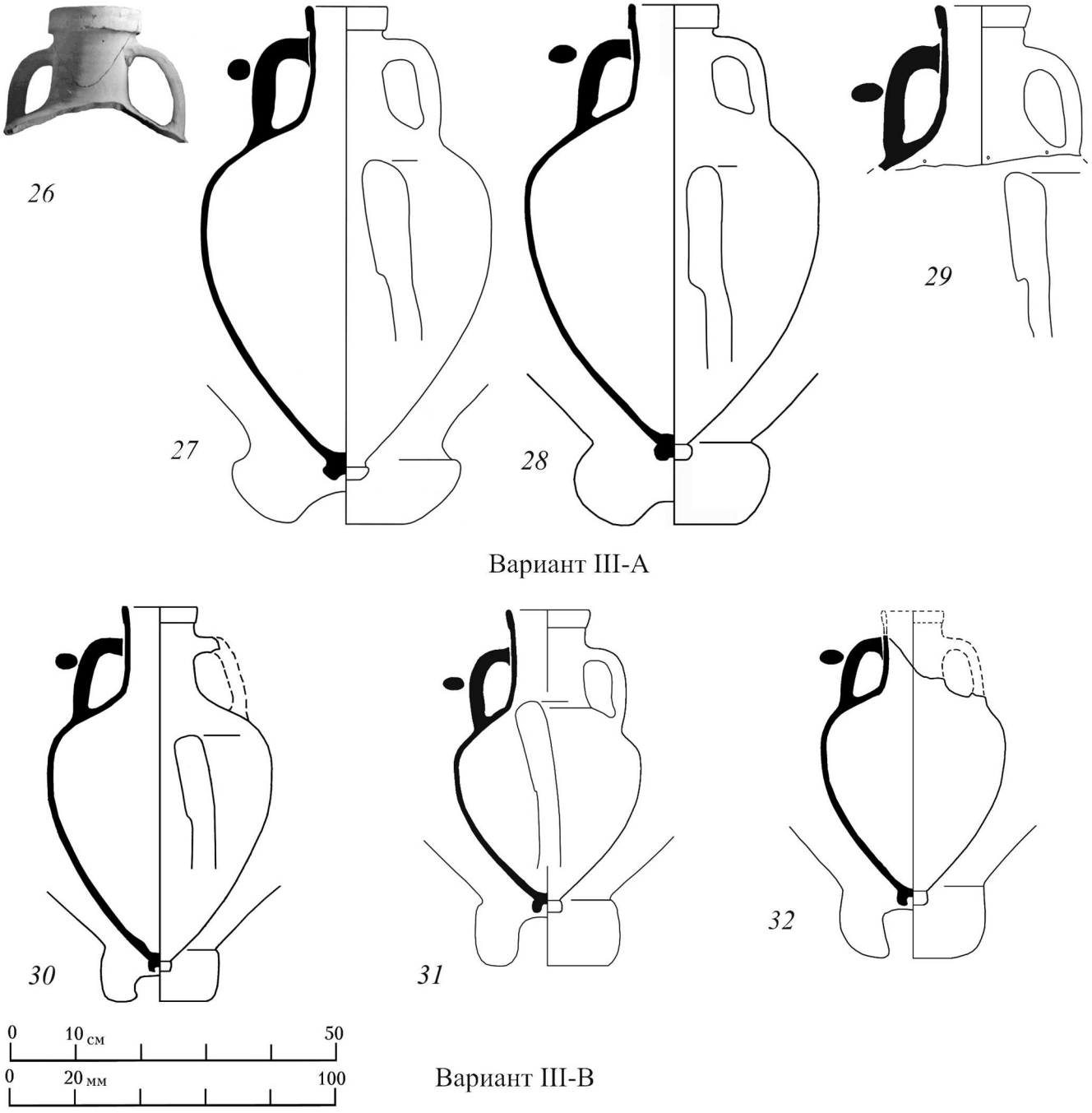

Рис. 5. Амфоры типа III: 26 – с Афинской Агоры (по *M. Lawall*); 27 – из некрополя у х. Ленина, п. 91; 28 – из некрополя у х. Ленина; 29 – из Елизаветовского городища; 30 – из некрополя Горгиппии; 31 – из Херсонесского музея; 32 – из ст. Анапской

Вариант III-В является фракцией крупных сосудов предыдущего варианта. Он представлен амфорой из раскопок некрополя Горгиппии в районе старого аэропорта, где она использована в качестве оссуария под детское погребение. Глина красная, с серым слоем в середине, много мельчайших включений известняка **(табл. 5/30)**. У неё такое же цилиндрическое горло с манжетовидным слегка отогнутым венцом, ручки поставлены под наклоном, в сечении весьма массивные. Иная форма ножки – в виде цилиндра, с глубоким грибовидным вырезом на подошве. Характерно, что именно такие ножки зафиксированы в материалах из эрифрских мастерских (Dupont, Lungu, 2010b, 46, pl. 26/1, 2). Судя по ёмкости, это половинная фракция стандарта. Оснований для точного определения хронологии нет, но, скорее всего, она относится ко второй половине IV в. до н. э.

При тех же морфологических признаках в два раза меньшей ёмкостью обладает амфора красной глины с мелкими включениями известняка из Херсонесского музея **(табл. 5/31)**. У неё такие же венец и ножка, но несколько иначе поставлены ручки. Эта амфора недавно была издана и отнесена к продукции Эрифр (Opait, Tsaravopoulos, 2011, 308, fig. 48),[10] но, по моим данным, опубликованный чертёж сильно отличается от реалий.

[10] Я признателен А. Опайту за присланный оттиск этой статьи.

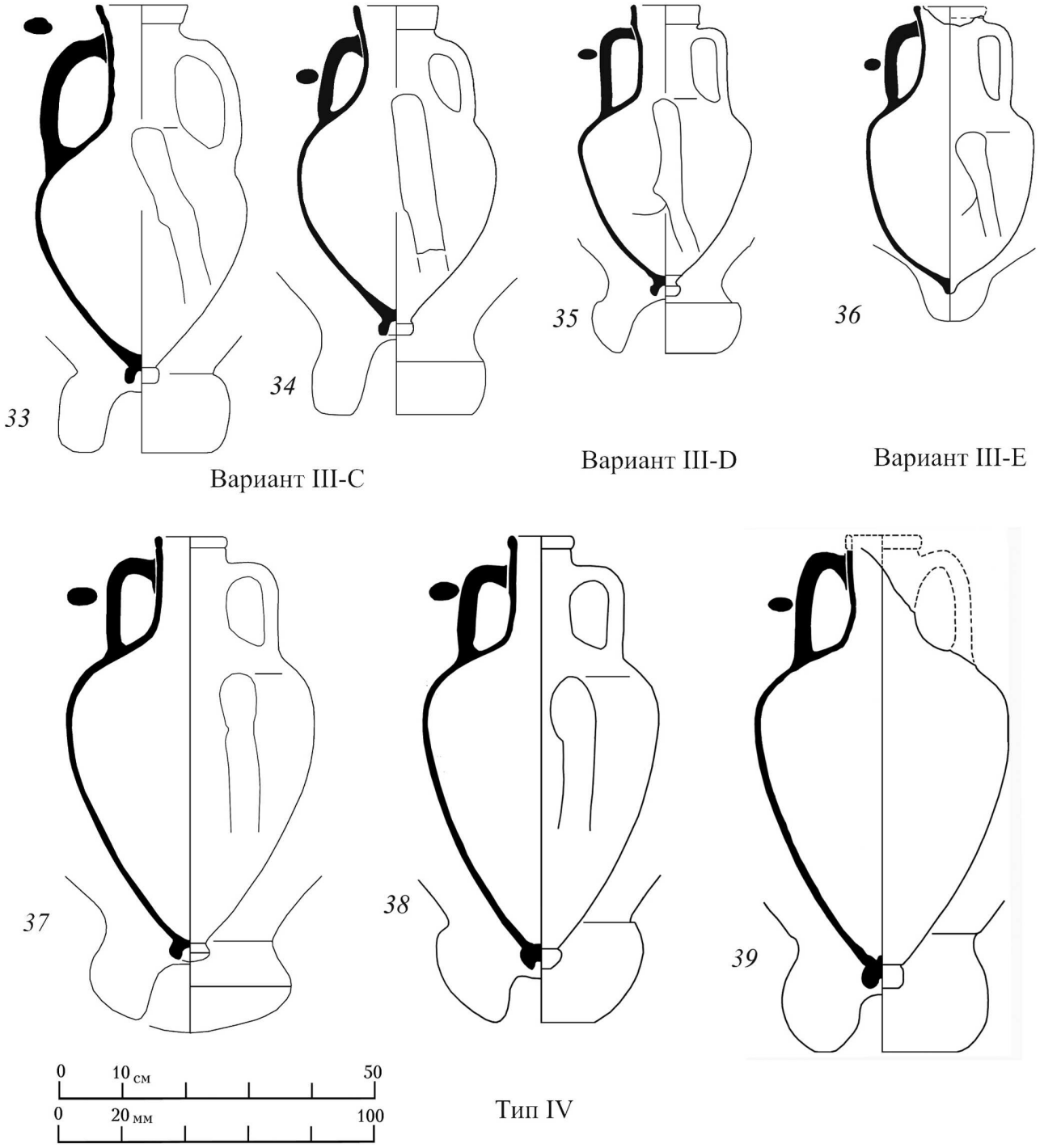

Рис. 6. Амфоры типа III: 33 – из некрополя Оргаме (по *V. Lungu*); 34 – из Черноморского музея (с пос. Маслины); 35 – из Херсонесского музея; 36 – из п. 42-1909 херсонесского некрополя; 37 – из кораблекрушения у о. Хиос; 38 – из Старокорсунского некрополя; 39 – из п. 162 Прикубанского некрополя

Примерно такие же параметры имеет амфора ярко-красная с оранжевым оттенком глины с мелким редким известняком из некрополя у ст. Анапской в окрестностях Горгиппии **(табл. 5/32)**. К сожалению, у неё утрачены венец и одна ручка. Представляется, что хронологически этот вариант тары должен быть отнесён к концу IV – началу III в. до н. э.

Тара следующего **варианта III-C** имеет такие же манжетовидные венцы, валикообразные ножки с глубокой подрезкой на подошве, но отличается от предыдущего варианта более плавным переходом от горла к плечам, а также сильной отогнутостью венца наружу.

Первую амфору этого варианта из глины бежевого цвета с примесью мелкой слюды и редкого известняка из кургана на некрополе Оргама **(табл. 6/33)** опубликовала В. Лунгу (Dupont, Lungu, 2010a, 16, fig. 2; 2010b, 46, pl. 24/2). Венец сильно отогнут наружу, горло в средней части цилиндрическое, плавно переходит к овоидному тулову. Ножка массивная, валикообразная, с глубокой подрезкой на подошве. Найденная рядом с амфорой ойнохоя типа «западного склона»

позволяет датировать этот комплекс около 275 г. до н. э.

Очень близкая по морфологии амфора коричневато-серой глины с редким известняком найдена на поселении Маслины в Северо-Западном Крыму и хранится в Черноморском музее **(табл. 6/34)**.[11] У неё более короткое горло и массивные ручки. Контекст находки неясен, но, скорее всего, хронология сосуда должна укладываться в пределах конца IV – первой четверти III в. до н. э. – начального этапа жизни поселения Маслины.

К **варианту III-D**, судя по всему, следует относить небольшие сосуды с сильно профилированным манжетовидным венцом на цилиндрическом горле. Для них характерно овоидное тулово, которое завершается довольно высокой ножкой с глубокой подрезкой на подошве. Такая форма надежно идентифицируется с эрифрской продукцией по специфической форме венца, зафиксированного в браке из мастерских Эрифр (Dupont, Lungu, 2010b, 46, pl. 26/3,5). Единственная амфора этого варианта нам известна из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича на некрополе Херсонеса. Она имеет светло-коричневую глину с мелкой редкой слюдой **(табл. 6/35)**. Ручки поставлены вертикально и несколько более уплощённые, чем у амфор иных вариантов. В нижней части тулова чуть выше ножки прослеживается небольшое ребро. Близкая по морфологии верхняя часть такой же амфоры происходит из усадьбы № 106 на Гераклейском п-ве (Opait, Tsaravopoulos, 2011, 308, fig. 47). Хронология этого варианта осторожно может быть определена в пределах второй-третьей четвертей III в. до н. э.

Особняком стоит амфора тёмно-красной глины с фиолетовым отливом и серовато-коричневым ангобом из погребения 42 (1908 г.) некрополя Херсонеса **(табл. 6/36)**, которую я осторожно отношу к **варианту III-E**. Её морфологические особенности сильно отличаются от рассмотренных образцов: венец по верху лишь чуть толще стенки, ножка не профилирована, оформлена в виде небольшого выступа. Однако такие венцы встречены среди керамического брака в мастерских Эрифр (Dupont, Lungu, 2010b, pl. 25/6, 26/3-5). С амфорой найден краснолаковый кувшин, найти который в фондах музея мне не удалось. Наиболее вероятная дата – в пределах II в. до н. э.

Тип IV эрифрских амфор может быть выделен на основании морфологического сходства профилей венцов и ножек амфор из керамического брака, найденного в районе, где располагался эрифрский керамик, с соответствующими целыми формами из Эгеиды и Северного Причерноморья. Венцы этих амфор сформованы в виде уплощённого валика, причём верхний прилеп ручек располагается значительно ниже венца, как и у предшествующего типа тары. Ножка очень низкая, валикообразная, или в виде бобины с углублением на подошве (Dupont, Lungu, 2010a, fig. 2/5,9,10; 2010b, 48–49, pl. 25/3, 26/1,2). Это весьма крупные пифоиды ёмкостью 30-40 литров с относительно высоким горлом и вытянутым пифоидным туловом. Глина розово-коричневого, иногда красных оттенков, с мелкими белыми включениями, иногда присутствует мелкая слюда.

На сегодняшний день известно чуть более десятка таких сосудов. Прежде всего, сюда следует отнести амфору из комплекса кораблекрушения «А» у восточного побережья Хиоса **(табл. 6/37)**. Там обнаружено свыше 350 тарных сосудов, в основном хиосских на колпачковой ножке, а также более 30 целых амфор интересующего нас типа, отнесённого издателями к неустановленному центру производства (Foley, 2009, 295). И хотя авторы датируют кораблекрушение достаточно широко, в конечном счёте, они всё же склоняются к третьей четверти IV в. до н. э.

Остальные сосуды этого типа происходят из Причерноморья. Прежде всего, подобные ножки зафиксированы в Чертомлыке (Полин, 1991, 366, рис. 3-10) и на Каменском городище (Граков, 1954, табл. VII/2). Одна такая амфора найдена на поселении Албешти (Buzoianu, Barbulesku, 2008, 270, pl. VII/A-69), есть основания предполагать, что ещё один целый сосуд был найден в скифском кургане № 1 у с. Дуровка Белгородской области (Пузикова, 1966, 83, 89, рис. 33/1).

Ещё 8 целых или фрагментированных сосудов происходят из меотских некрополей Прикубанья: Старокорсунского городища № 2 (№ 38, 41, 46) (Лимберис, Марченко, 2007), Прикубанского (№ 39, 40, 42),[12] могильника городища № 2 у хут. Ленина (№ 43, 44) (Лимберис, Марченко, 2005), ещё одна амфора хранится в Новороссийском музее (№ 45) и ещё одна происходит из Ольвии (№ 47) (BSS, 2010, 375, pl. 294, L68).

Из всей этой серии твёрдую хронологическую привязку дают две находки. Верхняя часть амфоры из погребения № 42 Старокорсунского некрополя **(табл. 7/46)** найдена вместе с обломком синопской ручки с клеймом астинома Гекатея I (Лимберис, Марченко, 2007, 70, рис. 42/3, 4а). Синопское клеймо В.И. Кац включает в V-A магистратскую группу и датирует концом 80-х гг. III в. до н. э. (Кац, 2007, 435). Целая амфо-

[11] Мне представляется, что это та же амфора, что дважды опубликована А. Опайтом и, по его словам, происходящая из раскопок Калос Лимена (Opait, 2010, 157, pl. 88/4; Opait, Tsaravopoulos, 2011, 307, fig. 46). На опубликованном чертеже неверно отображены профиль ножки и курватура корпуса. А. Опайт склонен относить эту амфору к хиосскому производству.

[12] Материалы этого некрополя пока не опубликованы. Благодарю И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис за возможность обработать амфоры из этого интереснейшего памятника.

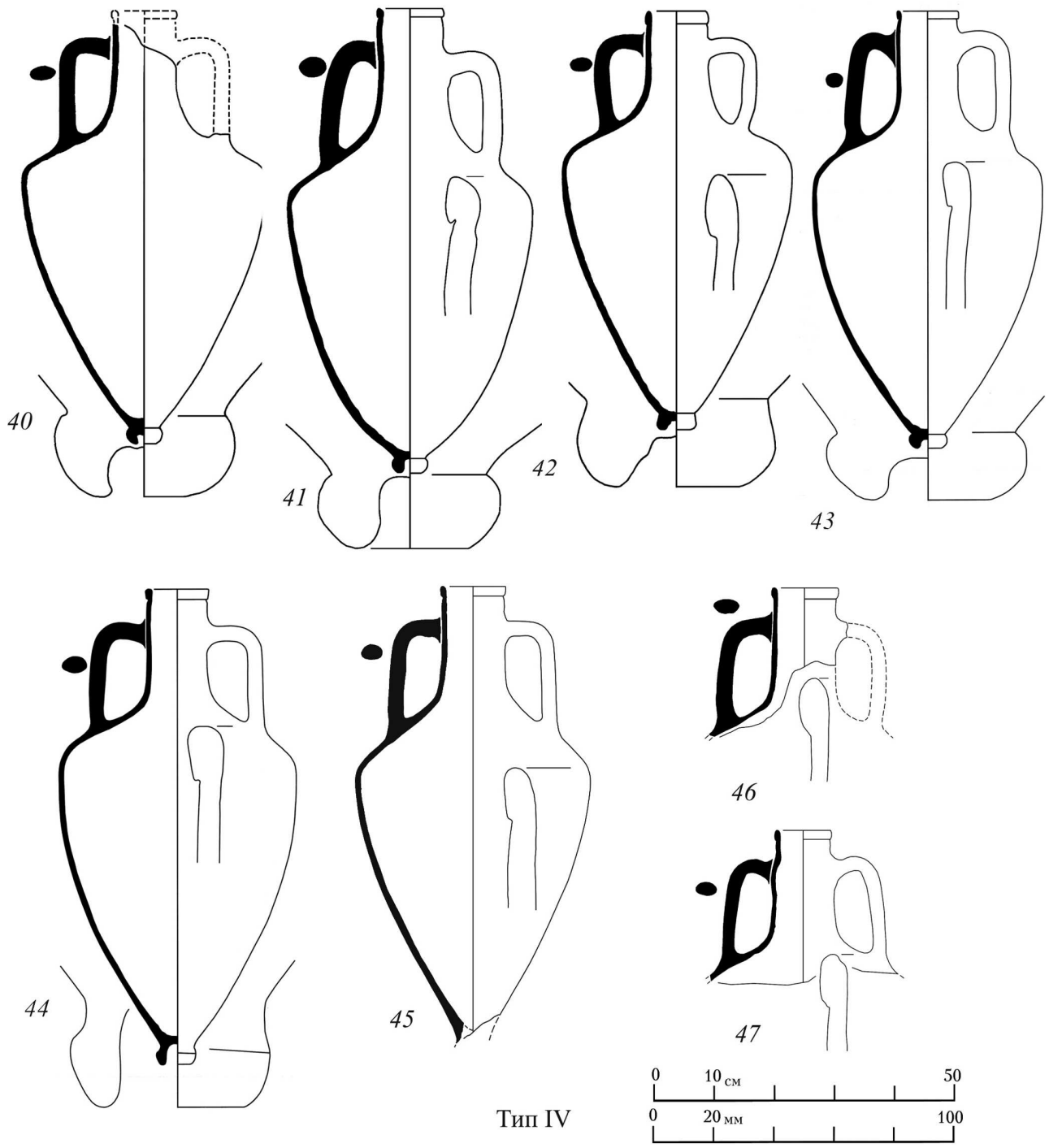

Рис. 7. Амфоры типа IV: 40 – из п. 26 Прикубанского некрополя; 41 – из п. 6 Старокорсунского некрополя; 42 – из п. 60 Прикубанского некрополя; 43 – из п. 40 некрополя у х. Ленина; 44 – из п. 46 некрополя у х. Ленина; 45 – из Новороссийского музея; 46 – из п. 42 Старокорсунского некрополя; 47 – из Ольвии

ра из погребения № 6 того же Старокорсунского некрополя **(табл. 7/41)** найдена в контексте с синопской амфорой, на которой стоит клеймо магистрата Деметрия II, сына Теогнета (Лимберис, Марченко, 2007, 90, 94, рис. 27/3, 4), который по современным представлениям датируется в пределах первой трети III в. до н. э. (Кац, 2007, 435). Таким образом, есть основания предполагать бытование четвёртого типа тары Эрифр на протяжении конца IV – первой трети III в. до н. э.

Обзор амфорных серий Эрифр с V по II в. до н. э. позволяет сделать вывод о непрерывном производстве керамической тары в этом центре на протяжении длительного времени. Для IV и III вв. до н. э. наблюдается явное разнообразие форм, что, скорее всего, является свидетельством параллельного производства двух или трёх типов амфор II, III и IV типов. Вероятнее всего разные типы тары предназначались для вывоза различной продукции: вина и оливкового масла, как это было убедительно доказано для синхронных амфорных серий Коринфа и Синопы (Koehler, Wallace, 1987; Monachov, 1993, 130 ff.).

Метрические характеристики амфор[13]

№ п/п	Место хранения, происхождения	H	H_0	H_1	H_3	D	d_1	Ёмкость, л
Вариант I-A								
1	Кораблекр. у Текташ Бурну	600*	556*	222*	85*	357*	140*	
2	Мыс Зюк	-	-	-	127*	-	125*	
3	Никоний-1970, ОАМ, № 84452	-	-	-	125	-	100	
Вариант I-B								
4	Тигани (по В.Грейс)	740*	710*	370*	-	350*	135	
5	ГХЗ, № КП 2720. Из моря	746	690	350	145	335	90	27
6	ГЭ, № 1830/318	730	720	400	170	335	120	
7	Нимфей, № ННФ.74.56	530*	493*	250*	128*	271*	78*	
Вариант I-C								
8	Херсонес, п. 15/1937, п.о. 8/60-37	-	~870	~400	~255	~270	144	
9	Мог-к Майская гора, к. 33	769*	-	344*	217*	395*	134	
Вариант I-D								
10	ОЗ, № 341. Ол-79, АГД-119	725	678	280	165	335	120	27
11	Херсонес, п. 17/1937, п.о. 11/22-37	815	765	330	235	340	145	
12	Нимфей, 1993, Керчь, КП 131668	793	734	320	237	350	110	
13	Старокорсунский некр., п. 41	840	780	305	215	350	117	
Вариант II-A								
17	Каллатис, инв. № 16.670	770*	700*	370*	230*	430*	150*	
18	Керчь, ККТ № 364, из моря	750	725	370	193	448	135	
19	Старокорсун. некр., 1987, сл. нах.	780	735	320	158	~460	144	
20	ГЭ, Ильинцы, к. 493	620	540	297	167	345	160	
Вариант II-B								
21	Старокорсун. некр., п.8	698	652	285	165	384	138	
22	Кубан. муз., № 5023/132, Гидрострой, 1976 г.	614	596	275	150	336	144	
Вариант II-C								
23	ЕКМ, А-27028, п. 48, 1983	518*	484*	225*	126*	350*	140*	
24	ЕКМ, А-74, некрополь, 1953	480	444	210	115	324	140	13,6
25	ГЭ.1908.807, Херсонес, п. 2793.	492	467	205	115	291	142	12,2
Вариант III-A								
27	Кубан. муз., №6642/369, п. 91 у хут. Ленина	732	690	352	170	445	128	44,1
28	Кубан. муз., некроп. у хут. Ленина, без шифра	702	664	310	155	458	140	
29	РОМК № 5127/23, Елизав. гор.	-	-	-	165	-	133	
Вариант III-B								
30	Горгиппия-82, п. 1, №10914/1	566	538	265	130	347	118	19,2
31	Херсонес, ГХЗ, без шифра	464	435	240	135	236	130	11,2
32	ст. Анапская, № 1852	~455	~430	~210	~115	281	100	9,1
Вариант III-C								
33	Некроп. Оргаме, № 44145	600*	553*	330*	187*	375*	145	
34	Маслины, 1976 г.	520	480	265	145	315	118	15,5
Вариант III-D								
35	Херсонес, ГХЗ, №31132	464	431	225	140	276	110	9,0
Вариант III-E								
36	Херсонес, п. 42/1909, ГХЗ, № 3152	456	434	230	123	264	116	10,6
Тип IV								
37	Кораблекрушение у о. Хиос	665*	641*	281*	140*	400*	115*	33,1
38	КубГУ, случ. нах.	688	650	295	160	372	104	
39	Прикубан. некр., п. 162	~717	~675	~310	~160	406	~120	
40	Прикубан. некр., п. 26	~770	~745	~725	~305	410	~110	
41	Старокорсун некр., п. 6	768	732	332	194	410	112	41,0
42	Прикубан. некр., п. 60 (№ 9)	708	680	280	160	383	106	
43	Кубан. муз., 5455/1424, некроп. у х. Ленина, п. 40	724	692	300	175	387	107	31,4
44	Кубан. муз., 5455/1418, некроп. у х. Ленина, п. 46	780	734	312	180	396	108	34,2
45	Новороссийский музей, из моря	-	740	325	170	394	110	
46	Старокорсун. некр. 2, ровик	-	-	-	195	-	112	
47	Ольвия, НГС, L68	-	-	-	250	-	90	

Примечания: H – высота сосуда; H_0 – глубина сосуда; H_1 – высота верхней части; H_3 – высота горла; D – диаметр тулова; d_1 – диаметр венца.

ГХЗ – государственный Херсонесский музей; ГЭ – государственный Эрмитаж; ЕКМ – Евпаторийский краеведческий музей; КубГУ – Кубанский государственный университет; ОЗ – Ольвийский заповедник; РОМК – Ростовский областной музей краеведения.

Литература

Абрамов и др., 1991 – Абрамов А.П., Масленников А.А., Розов В.Н. Керамический комплекс рубежа V-IV вв. до н. э. с городища на мысе Зюк // КСИА. Вып. 207. С. 234-249.

Андрух, Тощев, 1999 – Андрух С. И., Тощев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I. Запорожье. Изд-во Запорожского госуниверситета. 232 с.

Беккер, 1868 – Беккер П. Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов, найденных в Южной России // ЗООИД. Т. 7.С. 3-84.

Брашинский, 1984 – Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л. Наука. 248 с.

Галанина, 1977 – Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). САИ. Вып. Д1-33. 68 с.

[13] Параметры, отмеченные символом «*» взяты из публикаций.

Граков, 1954 – Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36. 240 с.

Грач, 1999 – Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб. Наука. 328 с.

Завойкин, 1992 – Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. № 3. 40-56.

Зеест, 1960 – Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. МИА. № 83. 179 с.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь – Керчь. 419 с.

Кутайсов, Ланцов, 1989 – Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев. Препринт. 80 с.

Лимберис, Марченко, 2005 – Лимберис Н Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. С. 219-324.

Лимберис, Марченко, 2007 – Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. Вып. 7. С. 70-150.

Монахов, Абросимов, 1993 – Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. № 9. С. 118-159.

Монахов, 1999 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II вв. до н. э. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 566 с.

Монахов, 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. М. – Саратов. Киммерида – Изд-во Саратовского университета. 351 с.

ОАК, 1912 – Раскопки в Херсонесе. ОАК за 1908 г. С. 93-108.

Полин, 1991 – Полин С.В. Амфоры кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV века до н. э. Киев. Наукова Думка. С. 365-374.

Пузикова, 1966 – Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской обл. // КСИА. Вып. 107. С. 82-95.

Русяева, Назарчук, 2006 – Русяева А.С., Назарчук В.И. Ботросы // Древнейший теменос Ольвии Понтийской (отв. ред. В.Н. Зинько). Симферополь. МАИЭТ Supplementun. Вып. 2. С. 67-74.

Репников, 1927 – Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя // ХС. Вып. 2. С. 160-185.

Buzoianu, Barbulesku, 2008 – Buzoianu L., Barbulesku M. Albeşti. Constanţa. Ex Ponto. 521 p.

Busoianu, 1999 – Busoianu M. Types d'amphores hellenistiques decouverts a Callatis // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire (ed. by Y. Garlan). Aix-en-Provence. Publications de l'Universite Aix-en-Provence. P. 201-214.

BSS, 2010 – Black Sea Studies. 13. The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Vol. 1. Aarhus. Aarhus University Press. 657 p.

Canarache, 1957 – Canarache V. Importul amforelor greceşti la Istria. Biblioteca istorică. 1. Bucureşti. Editura Academiei Republicii Populare Romîne. 446 p.

Carlson, Lawall, 2006 – Carlson D., Lawall M. Towards a Typology of Erythraian Amphoras // In Poseidons Reich. XI. Universitat Frankfurt am Main. P. 11-12.

Carlson, Lawall, 2005-2006 – Carlson D., Lawall M. Towards a Typology of Erythraian Amphoras // Skyllis. Heft 1-2. Deguwa. P. 32-39.

Carlson, 2003 – Carlson D. The Classical Greek Shipwreck at Tektas Burnu, Turkey // AJA. Vol. 107 (4). P. 581-598.

Cook, Dupont, 1998 – Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. (ed. by K. Arafat). London – N.-Y. Routledge. 226 p.

Doulgeri-Intzesiloglou, Garlan, 1990 – Doulgeri-Intzesiloglou A., Garlan Y. Vin et amphores de Peparethos et d'Ikos // BCH. Vol. 114. P. 361-389.

Dupont, 1983 – Dupont P. Classification et determination de provenance des ceramiqucs grequcs Orientales Archaiques d'Istros // Dacia. Vol. XXVII. № 1-2. P. 19-45.

Dupont, Lungu, 2010a – Dupont P., Lungu V. Synergia pontica. Aegeo-anatolica. Galaţi. 241 p.

Dupont, Lungu, 2010b – Dupont P., Lungu V. ERYTHRAEA // Patabs I. Production and Trade of amphorae in the Black Sea. Paris. De Boccard. P. 39-56.

Grace, 1971 – Grace V. Samian Amphoras // Hesperia. Vol. XL. P. 52-95.

Grace, 1979 – Grace V. Amphoras and the ancient Wine Trade. Princeton – N. J. Princeton. 31 p.

Jöhrens, 1999 – Johrens G. Kerameikos: Griechische Amphorenstempel spätklassicher und hellenistischer Zeit // Athenische Mitteilungen. T. 114. S. 157-170.

Foley, 2009 – Foley B.P. et all. The 2005 Chios Ancient Shipwreck Survey. New Methods for Underwater Archaeology // Hesperia. Vol. 78. P. 259-305.

Holloway, 1966 – Holloway R.R. Exploration of the Southeast Stoa in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 35. № 1. P. 79-85.

Koehler, Wallace – Koehler C., Wallace M. The Transport Amphoras: Description and Capacities // AJA. 1987. Vol. 91. P. 49-57.

Lattara, 1993 – Lattara. 6. Dictionnaire des Céramiques Antiques en Méditerranée non-occidentale. Lattes. 136 p.

Monachov, 1999 – Monachov S.J. Quelques series d'amphores grecques des VIIe –Ve s. av. n. e. au Nord de la mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire (ed. par Y. Garlan). Aix-en-Provence. Publications de l'Universite Aix-en-Provence. P. 163-194.

Monachov, 1993 – Monachov S.Ju. Les amphores de Sinope //Anatolia antiqua. Vol. II. P. 109-132.

Ozyigit, 1990 – Ozyigit O. 1988. Yili Erythrai sondaj calismalari // Kazi sonuelari toplantisi. № 11. S. 125-150.

Opait, 2010 – Opait A. Aspects of the provisioning of the Pontic settlements with olive oil in the Hellenistic and early Roman periods // Patabs I (ed. par D. Kassab Tezgor et N. Inaishvili). Paris. Boccard. P. 153-158.

Opait, Tsaravopoulos, 2011 – Opait A., Tsaravopoulos A. Amphorae of Dressel 24 similis type in the central Aegean Area (Chios-Erythrai-Kyme) // The Annual of the British School at Athens. № 106 (1). P. 275-323.

Palaczyk, Schönenberger E., 2003 – Palaczyk M., Schönenberger E. Amphorenstempel. Grabungen 1965–2001 // Eritria. Ausgrabungen und Forschungen. Band XII. Gollion. S. 179-232.

Sciallano, Sibella, 1991 – Sciallano M., Sibella P. Amphores, comment les identifier? Aix-en-Provence. Publications de l'Universite Aix-en-Provence. 133 p.

Tchernia, 1986 – Tchernia A. Amphores et Textes: deux exemples // BCH. Suppl. XIII. P. 31-36.

А.С. Островерхов, А.Е. Малюкевич

Новые памятники глиптики времени Митридата VI Евпатора из Тиры

New glyptic monuments of Mithridates VI Eupator's time from Tyra. *The article analyses on the large historical and art background the new findings from Tira of the monuments of glyptic (gems, rings, ceramic signs) of the time of entry of the city in the state of Mithridates VI Eupator. The authors conclude that most of them have a pronounced promithridates symbology, copied from the pontic coins and mintage of the city. Most of them were made at the mint of the Tira and were intended for administration and military garrison, obviously, as in Olbia, standing in this city.*

Новые памятники глиптики времени Митридата VI Евпатора из Тиры. *В статье на широком историческом и искусствоведческом фоне анализируются новые находки в Тире памятников глиптики (геммы, перстни, керамические тессеры) времени вхождения города в состав государства Митридата VI Евпатора. Авторы приходят к выводу, что большая часть из них имеет ярко выраженную промидритатовскую символику, скопированную с понтийских монет и чеканки самого города. Большая их часть была изготовлена на монетном дворе Тиры и предназначалась для администрации и военного контингента гарнизона, очевидно, как и в Ольвии, стоявшего в этом городе.*

Одним из наименее изученных периодов в истории Северного и Западного Причерноморья является время, когда эта территория находилась под прямым или опосредствованным контролем главы Понтийского царства Митридата VI Евпатора (120-63 гг. до н. э.) – последние десятилетия II – первые десятилетия I в. до н. э. В орбиту его влияния были втянуты города Боспора, Херсонес Таврический, Ольвия, западнопонтийские города, а также многие варварские племена региона – сарматы, бастарны, скифы, тавры, фракийцы и др. (Ростовцев, 1907; Данов, 1937; 1947, 129-131; Блаватская, 1952, 161-165; Pippidi, Berciu, 1965, 271-272, 276-281; IGBR, I970, № 392; Шелов, 1983; Виноградов, 1989, 250-263; 1998; Молев, 1995; Сапрыкин, 1996).

Хотя положение Тиры в годы правления Митридата прямо не освещается письменными источниками, но, как убедительно доказали А.Н. Зограф, Д.Б. Шелов, П.О. Карышковский, С.А. Булатович и ряд других исследователей, проанализировав находки в городе монет Понта, чеканенных в конце II – начале I в. до н. э., а также подчёркивая стилистическую близость ряда типов тирасских монет к монетам Понта и Пафлагонии (Minns, 1913, 447; Зограф, 1940, 64; 1951, табл. XVIII/22; 1957, 13; Шелов, 1962, 99-100; 1983, 42, 52; Карышковский, Клейман, 1985, 79-80; Самойлова, 1988, 101-102; Булатович, 1989, 82; 2003; Булатович, Носова, 2010, 152), город также находился в сфере влияния этого монарха.

Исследователей неоднократно привлекал факт появления на монетах Боспора **(рис. 3/1,2)**, Херсонеса, Ольвии и Тиры **(рис. 1/5-7)** времени Митрида Евпатора изображений головы Диониса и символики бога.[1] В этом явлении они видят непосредственное воплощение в жизнь идеологической программы монарха, считавшего этого бога своим личным покровителем и поощрявшего распространение соответствующего культа в городах, реально или номинально входивших в состав его царства. Исследователи полагают, что наряду с привозными понтийскими монетами, крупные местные монеты предназначались, прежде всего, для оплаты жалования войску (Minns, 1913, 448; Голенко, 1960, 31; Шелов, 1962; 1983; Дюков, 1977, 158; Карышковский, Клейман, 1985, 79-80, рис. 26/7). В свою очередь, О.Я. Неверов обратил внимание на портретное сходство ряда изображений Диониса на некоторых памятниках боспорской глиптики **(рис. 3/3а,б)** с царём Понтийского царства (Неверов, 1969, 172, рис. 1/2-3; 1973, 43, рис. 1).

Одним из интересных, но, к сожалению, до этого времени не задействованных в историографии источников, фиксирующих значительное влияние Понтийской державы на Тиру, является глиптика. Нам известно несколько образцов гемм и перстней II-I вв. до н. э., происходящих из этого города.

В уже давно ставшем библиографической редкостью издании античной глиптики, принадлежавшей известному российскому коллекционеру и меценату Т.В. Кибальчичу,[2] воспроизведена сердоликовая инталия. Она имеет вид овальной уплощённой пластины (0,8 х 0,6 см) со срезанными углами с изображением на лицевой стороне виноградной грозди **(рис. 1/1)**. Ещё одно изображение плода видим на округлом плоском литике со скошенными углами. Реплика изготовлена прозрачного синего стекла. Бóльший

[1] В этой связи привлекает внимание трактовка образа Митридата-Диониса на одной из серий боспорских монет, где борода персонажа трактована в виде стилизованной виноградной грозди (**рис. 3/2**). Очевидно, образ ведёт свое происхождение из раннеэллинистического искусства, где он хорошо известен в коропластике (Хамула, 2009, 41-67).

[2] Коллекция хранится в ГИМе (Москва). Хотя полиграфическое исполнение дореволюционного издания далеко не отвечает современным требованиям, оно до сих пор не переиздано. В собрании имеется 18 камней и перстней, датирующихся IV в. до н. э. – первыми веками н.э., происходящих из Тиры (Kibaltchitch, 1910, № 28, 57-58, 79, 106, 144, 194, 200, 210, 226, 230-231, 287, 302, 316-317, 341, 465).

Рис. 1. Изображения атрибутов и головы Диониса на памятниках прикладного искусства Северного Причерноморья позднеэллинистического и римского времени: 1 – гемма из Тиры (по *Kibaltchitch, 1910, № 58*); 2 – стеклянная подвеска, тип 191 (по *Алексеева, 1978, 74, табл. 34/30; Островерхов, 2010, 61, рис. 18/3*); 3-4 – подвески из «египетского фаянса», типы 75-76 (по *Алексеева, 1975, 45-46, табл. 11/31-35*); 5 – литик из Тиры; 6-7 – медные монеты Тиры митридатовского времени (по *Анохин, 1989, № 461-462*); 8 – керамическая тессера из раскопок Тиры 1945 г. (по *Анохин, 2010, 200-201, рис. 1/1*).

диаметр 2,0 см; меньший – 0,6 см; толщина 0,5 см **(рис. 1/5)**. Изделие хранится в одной из частных одесских коллекций. По словам владельца, гемма найдена в Тире. Использование сердолика, плоские формы и скошенные углы являются характерными чертами западнопонтийской и отчасти северопричерноморской глиптики «греко-римского» времени (Dimitrova-Milčeva, 1980).

Виноградная гроздь была одним из растительных символов Диониса. Он имел эпитеты «виноградная гроздь» [Eur. Bacch., 105, 534, 566, 608], «виноградный», «многогроздный», «гроздеукрашенный» и т.п. Все эти эпиклезы свидетельствуют об изначальном тождестве Диониса с виноградной лозой (Лосев, 1996, 49). Изображения Диониса в виде виноградной грозди и отдельно в виде грозди были одним из любимых мотивов в искусстве эллинистического и римского времени. Они встречаются в коропластике **(рис. 3/4)**, среди стеклянных (**рис. 1/2** – Тира) (Алексеева, 1978, 74, табл. 34/30; Островерхов, 2010, 61, рис. 18/3) и «фаянсовых» **(рис. 1/3,4)** (Алексеева, 1975, 45-46, табл. 11, 31-39; Левина, Островерхов, 1989, 110-111, рис. 13-14, ан. № 23) поделок, в нумизматике Северного и Западного Причерноморья: Нимфей, Фанагория (Анохин, 1986, № 61, 177), Томис (Мушмов, 1912, табл. IV/16), позднейшая фракийская автономная чеканка – конец II в. до н. э. – начало I в. н. э. (Zarev, 2005).

В последние десятилетия появились новые данные о вхождении Тиры и Ольвии в состав государства Митридата VI Евпатора. Мы имеем в виду небольшие глиняные двусторонние «медальоны» – так называемые тессеры. Началом коллекции подобных артефактов послужила находка в Тире в 1945 г. (Дмитров, 1949, 48, рис. 10/4). Позже подобные изделия были обнаружены при раскопках города в 1960 и 1963 гг. – 2 экз. (Анохин, 2010, 200-201, № 1-3). Еще 3 экземпляра хранятся в одесских частных коллекциях (Алексеев, Лобода, 2004, 91, № 312; 2008, 151, № 24; Алексеев, 2011, 252-253, № 10). Таким образом, в настоящее время коллекция тирских тессер насчитывает не менее 7 экз. – выборка довольно значительная, чтобы её игнорировать. Тем не менее, в литературе не имеется однозначного мнения ни об их датировке, ни о предназначении.

Кружки изготовлены из глины серого или красного цвета. Их диаметр колеблется от 2,4 до 3,1 см; толщина 0,3-0,4 см. На лицевой стороне всех известных изделий изображён задрапированный бюст молодого безбородого мужчины с правильными чертами лица, на голове которого надет венок. В одном случае за головой замечена верхняя часть тирса, что позволило В.А. Анохину определить бюст как изображение Диониса.[3] На обратной стороне всех «медальонов» изображена амфора в плющевом венке. На ряде экземпляров имеется отверстие, пробитое в изделиях ещё до обжига **(рис. 1/8; 2)**. Кроме Тиры аналогичный «медальон» был найден при раскопках Ольвии в 1956 г. Однако, в отличие от тирских экземпляров, бюст божества обращён влево **(рис. 2/4)** (Анохин, 2010, 200-201, № 4).

Помимо указанных В.А. Анохиным данных, в пользу идентификации персонажа как Диониса, свидетельствуют и другие данные. Это, прежде всего, наличие плющевого венка на голове героя и такого же венка, обрамляющего амфору на обратной стороне, что позволяет определить Диониса как Диониса Эвия, т. е. плющевого.[4] В этой ипостаси он фигурирует на ряде монет

[3] Раскопки 1963 г. В фондах ИА НАНУ имеется лишь протирка, непригодная для воспроизведения в печати (Анохин, 2010, 200, прим. 3).

[4] Плющ – главный атрибут и символ Диониса. С плющом он был связан с рождения. Новорождённого бога купают в Плющевом ручье, в обряде его именуют «плющем», «плющеносцем», «плющеувитым», «плющекудрым», «радующимся на плющ» и др. «Плющом» был юный сатир Киссос, разбившийся при падении со скалы, и превращённый после его смерти в висящее по обрывам вечнозелёное растение. «Плющевицей» была менада Киссо из фиаса бога. Тирсом было охотничье копье, увитое плющем или хвоей. Как вечнозелёное растение, плющ в древности считался символом бессмертия и вечной жизни (Иванов, 2000, 93 сл.).

Тиры **(рис. 1/7)**, монет, гемм и перстней Пантикапея митридатовского времени **(рис. 3/3)**.

На ряде тессер, найденных в Тире, голова безбородого персонажа показана с длинными волосами и женоподобными чертами. Это дало повод интерпретировать образ как женский (Алексеев, Лобода, 2004, 91, № 312; Алексеев, 2011, 252, № 10). Однако это также Дионис. Согласно мифологии, Дионис, рождённый из яйца, заключал в себе одновременно мужскую и женскую природу (Глаголев, 1909, 229). Бог часто изображался женоподобным, иногда в пышных женских одеждах. Особенно ярко это явление проявилось в коропластике эллинистического времени (Хамула, 2009, 46-47), где персонаж часто идентифицируется в качестве Ариадны – жены Диониса (Стефани, 1881, 14, табл. III; Толстой, Кондаков, 1889, 35, рис. 41; Диль, 1913, табл. LXVI/3, 3а; Тревер, 1918, рис. 77; Силантьева, 1974, 33, № 182, табл. 40/1; Денисова, 1981, табл. XXI/д; Клейман, Каталог. Пантикапей III, 99, табл. XV; 217, 222, табл. XVI, Ольвия I, 4).

С культом Диониса в ипостаси Вакха и Ленея – изобретателя вина [Diod. Sic., II,5; IV,1; V,1], очевидно, следует связывать изображение на анализируемых тессерах амфор. Неоплатоник Порфирий в произведении «О пещере нимф» писал: «…Чаши и амфоры – это также и символы Диониса. Сделанные из глины, то есть из обожжённой земли, они милы даруемой этим богом виноградной лозе, плод которой зреет под солнечным огнем» (цит. по: Лосев, 1988, 385).

В.А. Анохин не касается вопроса датировки анализируемых артефактов. В.П. Алексеев в одном случае усматривает в изображениях мужчин императора Антонина Пия (Алексеев, Лобода, 2008, 151, № 24), а во втором – Домицина (Алексеев, 2011, 252-253, № 10), т. е. датирует их римским временем. Однако комплексный анализ изделий по принципу «семантического луча», согласно которому на лицевой стороне помещается изображение божества, а на обратной – его атрибуты (Пиотровский, 1930; Алексеев, 1990, 65-66; Русяева, 1992, 138), не оставляют сомнений, что перед нами Дионис. В свою очередь, наличие насыщенной «плющевой» символики свидетельствует о «понтийском», а не римском характере изображений. О бытовании артефактов подобного рода именно в позднеэллинистическое время, свидетельствует находка при раскопках Тиры в помещении с материалом середины – конца II в. до н. э. керамической тессеры, на аверсе которой изображены бюсты Сераписа и Исиды, а на обратной – «Ники венчающей» (Батизат, Островерхов, 1992, 276, рис. 1/4).

Если в северопричерноморских городах подобные артефакты встречаются довольно редко, то в метрополии они довольно часты и датируются в основном эллинистическим временем.

Рис. 3. Образ Диониса-Митридата на памятниках боспорского искусства: 1, 2 – образцы монет (по *Голенко, 1960; Дюков, 1977*); 3 – золотой перстень со вставкой из аметистового стекла: а – оригинал; б – оттиск на гипсе (по *Неверов, 1969, 172, рис. 1/2,3*)

Рис. 2. Керамические тессеры из Тиры и Ольвии типа «голова Диониса – амфора»: 1-3 – Тира; 4 – Ольвия (по *Анохин, 2010, 200-201, рис. 1/1*); 5 – Тира (по *Алексеев, 2011, 252-253, № 10*)

О предназначении «медальонов» существуют различные мнения. По мнению Г. Фужера, они представляют собой бюллетени для голосования – ψήφοι (Fougeres, 1898). Н. Своронос убедительно доказал, что подобные предметы из Мантинеи, на которых прочерчены буквы греческого алфавита и (или) собственные имена владельцев, являются входными театральными знаками – εισιτήρια (ΣΒΡΩΝΟΥ, 1900, 220). Он также издал три одинаковых глиняных оттиска города Кия из собрания Русского археологического института в Константинополе, а также каталог 76 подобных глиняных тессер, большая часть которых была найдена в Афинах. В числе других мест значатся города Италии, Сирии, города Карист на Эвбее, Апамея и Кий (Вифиния). Исследователь различает среди них театральные жетоны, копии монет и реплики гемм – вставок для перстней (ΣΒΡΩΝΟΥ, 1903; 1905).

Тессеры из Тиры и Ольвии В.А. Анохин на основании наличия на некоторых экземплярах отверстий, сделанных до обжига, относит к категории театральных жетонов. Как известно, театральные представления были тесно связаны с культом Диониса, который был одновременно и покровителем театра (Топоров, 1979; Скржинская, 2010, 155-178). Хотя ни остатков храма Диониса, ни театра в Тире пока не обнаружено, но наличие монет и тессер с изображением этого бога, а также ряд других прямых и косвенных данных свидетельствуют, что культ этого бога занимал одно из ведущих мест в пантеоне Тиры на всех этапах существования города. В.А. Анохин также обращает внимание на находку типологически близкого «медальона» в Ольвии. Он полагает, что выпуск таких жетонов в Тире и Ольвии был скоординированной акцией (Анохин, 2010, 203), однако ни времени, ни причин такого действа он не указывает. Как нам представляется, такое событие могло произойти лишь во время вхождения обоих городов в состав Понтийского царства. Владельцами тессер были, в первую очередь, представители администрации и воины отрядов Митридата, стоявшие в этих городах.

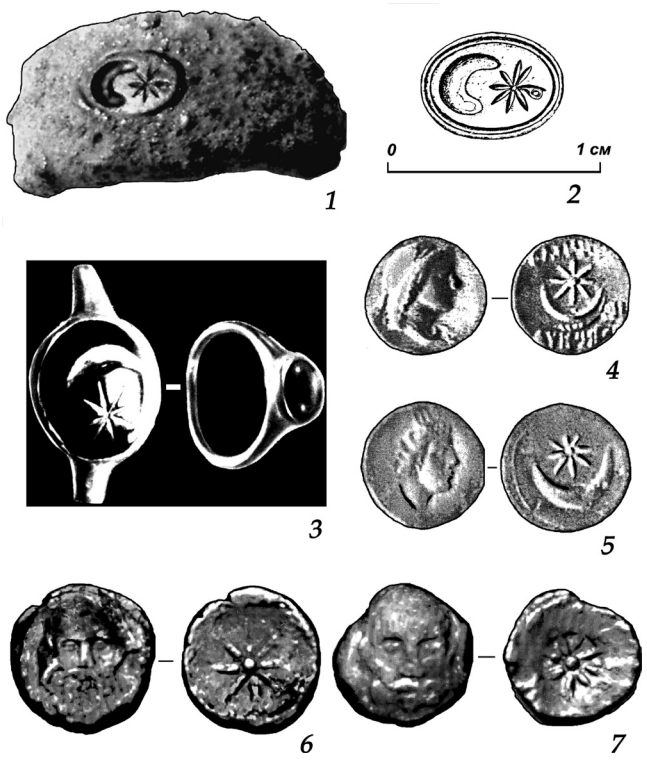

Рис. 4. Памятники глиптики и нумизматики с изображением династической эмблемы ахеменидов: 1 – перстень из Тиры: а – фото; б – прорисовка вставки; 2 – перстень из Пантикапея (по *Неверов, 1978, 175-176, № 42*); 3 – статер царицы Динамии (Пантикапей); 4 – монета Асандра с головой Гелиоса с чертами Митридата (по *Кобылина 1978, 24, рис. 48-49*); 5-6 – медные монеты из Тиры с изображением бородатой головы и звезды 110-80 гг. до н. э. (по *Алексеев, Лобода, 2011а, 57, № 253-254*)

В одной из одесских коллекций хранится фрагментированный железный перстень с тонкой шинкой, постепенно переходящей в более широкую жуковину. В щиток вмонтирована сердоликовая гемма с изображением звезды и полумесяца. Камень овальный в плане, наружная поверхность уплощённая, хорошо отполированная; размеры: 0,7 х 0,4 см **(рис. 4/1)**.

Как известно, звезда и полумесяц – астральный символ Ахеменидов. Он был избран Митридатом VI Евпатором в качестве династической эмблемы, но в пределах античной эпохи пользовалась широкой популярностью и в последующее время (Лордкипанидзе, 1954, 72, № 15; Tudor, 1968, 116, fig. 35; Высотская, 1980, 100, № 26-27, 29; Охотников, Островерхов, 1993, 68-69, рис. 16/16). На территории Северного Причерноморья в пределах интересующего нас периода наибольшее количество памятников нумизматики и глиптики с изображением этой символики найдено на Боспоре. В Пантикапее звезда и полумесяц встречаются на монетах I в. до. н. э. – первой половины I в. н. э. **(рис. 4/3,4)** (Зограф, 1951, 191, табл. XLIV/14,20; XLVI/4; Кобылина, 1978, 24, рис. 48-49; Анохин, 1986, табл. 10, 253-254, 270 и др.). Довольно часто символ фигурирует и в боспорской глиптике. Особенно интересным является выпуклый гранат в золотом перстне боспорского производства **(рис. 4/2)** (Захаров, 1928, № 260-261; Максимова, 1957, 80, рис. 3; 1962, 193; Неверов, 1968, 237; 1978, 175-176, № 42-45). Звезда-розетка появляется на медных монетах Тиры 110-80 гг. до н. э. **(рис. 4/5-6)**, в качестве аверса на которых фигурирует бородатая голова в анфас (Алексеев, Лобода, 2011а, 57, № 253-254).

Важным является вопрос о месте или местах производства предметов глиптики. Однозначно ответить на него довольно трудно. Значительная часть высококачественных гемм и перстней завозилась из Средиземноморья. Однако, как показали исследования последних десятилетий, часть из них могла производиться в северопри-

Рис. 5. Изображения коня на монетах Тиры позднеклассического и раннеэллинистического времени

черноморских и западнопонтийских мастерских резчиками штемпелей и ювелирами, работавшими на монетных дворах. Оборудование подобных мастерских было портативным, ювелиры и торевты были мобильным отрядом художников. В городах Северного Понта некоторое время работал Дексамен Хиосский со своими учениками и последователями. В IV в. до н. э., в связи с Пелопонесской войной, в Северное Причерноморье переселилась часть квалифицированных ремесленников, в том числе и торевтов (Неверов, 1973а, 51, 107-108; 1983, 45, 108-109; Burford, 1974, 66). Следы монетного дела, производства предметов торевтики и глиптики фиксируются на Боспоре (Гайдукевич, 1940, 134-135, рис. 13/5; Максимова, 1957; 1962; Онайко, 1979; Трейстер, 1984; 1989),[5] в Херсонесе (Пятышева, 1956; Щербакова, 1981; 1983; 1986), Ольвии (Фармаковский, 1911; Прушевская, 1955; Островерхов, Папанова, 2009; Островерхов, 2010а)[6] и Никонии.[7]

Особого внимания заслуживают данные о производстве монет и предметов глиптики в Тире, где монетный двор начал функционировать не позже IV в. до н. э. (Зограф, 1957; Анохин, 1989). На нём выпускалась не только монеты, но и произведения глиптики. Печатями снабжались как лица, занимавшие различные официальные и общественные должности, так и приватные граждане (Максимова, 1937, 256-257; Карышковский, Клейман, 1985, 77-78).

Нами были обнаружены новые данные о развитии искусства глиптики и о тесной его связи с

[5] О производстве стеклянных скарабеоидов в Пантикапее может свидетельствовать находка в могиле IV в. до н. э. заготовок (Неверов, 1983, 108). Для нанесения изображений на разогретые реплики могли использоваться монетные штемпели. Об этом свидетельствуют находки отливок, которые воспроизводят монетные типы. Малочисленность находок штемпелей объясняется тем, что они уничтожались после использования. Ювелиры держали в своих руках монополию не только на выпуск монет, но и на тесно связанное с монетным делом производство художественных изделий (Онайко, 1974, 85).

[6] На монетном дворе города и в частных мастерских работали как выдающиеся приезжие мастера, так и местные умельцы (Зограф, 1951, 128; Карышковский, 1986; Алексеев, 2002; Русяева, Русяева, 1997). Не исключено, что в Ольвии, как и в Пантикапее (Блаватский, 1964, 68-69), монетарии, торевты и мастера глиптики были объеденены в единую мастерскую, которая принадлежала ольвийским властям. Примеры подобных эргастериев хорошо известны (Burkhalter, 1979; Трейстер, 1989, 97-98).

[7] В Никонии монеты от имени скифского царя Скила чеканились ещё в середине V в. до н. э. Во второй половине V – последней четверти IV в. до н. э. здесь отливались «монеты-колёсики» по истрийским образцам, производились бронзовые перстни и мелкая свинцовая пластика (Загинайло, 1966; Загинайло, Карышковский, 1990; Островерхов, Субботин, 2002; Островерхов, 2008, 27, прим. 20).

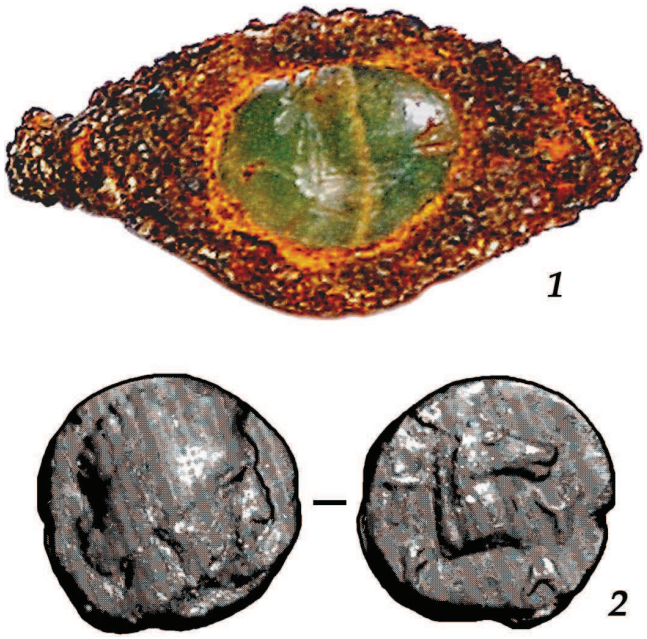

Рис. 6. Памятники глиптики и нумизматики позднеэллинистического времени из Тиры с изображением коня: 1 – железный перстень со вставкой-литиком; 2 – медная монета предмитридатовского или митридатовского времени (по *Алексеев, Лобода, 2011а, 57, № 253-254*)

монетным делом Тиры. В уже упоминавшемся ранее своде античных гемм и перстней Т.В. Кибальчича помещено изображение бронзового перстня **(рис. 5/1)** с гранёной дужкой и овальным щитком с изображением протомы коня (Kibaltchitch, 1910, № 341, 392). По форме щитка и дужки подобные изделия датируются временем поздней классики – ранним эллинизмом (Неверов, 1983, 50; 1984, табл. CLX/17-19).

Изображения голов и протом лошадей встречается на ряде серий тирасских монет. А.Н. Зограф суммарно датировал их второй половиной IV в. до н. э. (Зограф, 1957, 23). В.А. Анохин отнёс монеты типа «Тирас – голова коня» **(рис. 5/2-4)** к 350-340 гг. до н. э., а номиналы типа «голова Деметры – протома коня» **(рис. 5/5,6)** к 340-330 гг. до н. э. (Анохин, 1989, 88, № 425-432). Наиболее близкие аналогии изображению на перстне находим на монетах типа «Тирас – голова лошади» второго выпуска. В последние годы было установлено, что изображения коня встречаются на монетах Тиры и позднейшего предмитридатовского времени **(рис. 6/2)** (Алексеев, Лобода, 2011а, 57, № 253-254).

Из Тиры происходит фрагментированный железный перстень со вставкой-литоком, изготовленной из прозрачного зеленоватого стекла, на котором находится профильное изображение протомы лошади, вправо. Уплощённая вставка овальная в плане, со скошенными углами **(рис. 6/1)**. Близкие изображения помещались на монетах типа «Деметра – протома коня» **(рис. 5/6,7)**. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с вторичным использованием геммы. Железные оправы перстней появились лишь в позднеэллинистическое время и получили широкое распространение в первых веках н. э. Инновация в значительной степени была спровоцирована идеологическими причинами.[8]

О тесной связи монетного дела и керамистов в Тире митридатовского времени свидетельствуют технологические следы, оставленные на тессерах, найденных в этом городе. Достаточно чёткая и тонкая проработка деталей лица, складок одежды, листьев, с одной стороны, и необходимая при штамповке влажных глиняных заготовок антигигроскопичность, а также мелкоструктурность поверхностей – с другой, позволяют предположить, что штампы были металлическими (Анохин, 2010, 202). Подобные штампы широко использовались и в античном монетном деле (Зограф, 1951, гл. 2).

Хотя изображения на позднеэллинистических геммах, найденных в Тире, находят многочисленные аналогии в различных местах древнего мира, но по выбору материала и форме (в большинстве случаев сердолик; плоскости со скошенными углами) глиптика Тиры больше тяготеет к Западному Понту, чем к Боспору (ср.: Клейман, Коциевский, 1991). Связи города с Боспором в позднеэллинистическое время были ограниченными. До настоящего времени в городе найдено всего четыре монеты Пантикапея времени Митридата VI, одна из них – халк с изображением треножника на лицевой стороне и звезды на обратной – тип 203 по классификации В.А. Анохина (Булатович, Самойлова, 2009, 20). Не очень много тирских монет найдено и на территории Боспора (Карышковский, Клейман, 1985, 57).

Литература

Алексеев, 1990 – Алексеев В.П. О семантике реверсных изображений на монетах Тиры IV в. до н. э. // Нумизматические исследования на Юге Восточной Европы (отв. ред. И.Д. Нудельман). Кишинёв. Штиинца. С. 64-72.

Алексеев, 2002 – Алексеев В.П. «Общегреческое» и «ольвийское» в монетном искусстве Ольвии классического и раннеэллинистического времени // Археологія. № 2. С. 53-64.

Алексеев, 2011 – Алексеев В.П. Исследования по археологии Северного Причерноморья (от эпохи бронзы до раннего средневековья). Одесса. «Фридман А.С.». 261 с.

[8] Носители традиционных культур считали, что духи не переносят железо, поэтому изделия из него были особенно действенны для борьбы с демонами. Железо было символом постоянности и силы. Различали немагнитное (символ богов смерти) и магнитное железо, которым владели светлые боги). В античной мифологи железо было посвящено Аресу-Марсу, атрибутами которого считалось все железное оружие. Действенными амулетами также считались некоторые железные вещи бытового и культового предназначения – серпы, иголки, фибулы, гвозди, ключи, перстни, колокольчики и т. п. В Древнем Риме железные перстни сначала имели право носить только патриции, всадники и судьи. Подобные воззрения при посредничестве греков и римлян, были восприняты варварским населением Восточной Европы (Чурсин, 1927, 83-84; Фрэзер, 1985, 454; 1986, 216-219; Дзиговський, Островерхов, 2007).

Алексеев, Лобода 2004 – Алексеев В.П., Лобода П.Г. Античные и средневековые монеты Северного Причерноморья. Т. 3. Одесса. «Фридман А.С.». 254 с.

Алексеев, Лобода 2008 – Алексеев В.П., Лобода П.Г. Материалы по нумизматике и археологии древнего Северного Причерноморья. Одесса. «Фридман А.С.». 260 с.

Алексеев, Лобода 2011 – Алексеев В.П., Лобода П.Г. Коллекция древних монет и археологических памятников Одесского музея нумизматики. Одесса. Одесская городская типография. 320 с.

Алексеева, 1975 – Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. Т. 1. 94 с.

Алексеева, 1978 – Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. Т. 2. 97 с.

Анохин, 1986 – Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев. Наукова думка. 179 с.

Анохин, 1989 – Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев. Наукова думка. 128 с.

Анохин, 2010 – Анохин В.А. Глиняные тессеры Тиры и Ольвии // В.А. Анохин. Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев. Стилос. С. 200-203.

Батизат, Островерхов, 2002 – Батизат Г.В., Островерхов А.С. Новые памятники эллинистической глиптики из Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Мат-лы III Междунар. науч. конф. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. Типар. С. 274-278.

Блаватская, 1952 – Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I вв. до н. э. М. Изд-во АН СССР. 264 с.

Блаватский, 1964 – Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М. Наука. 232 с.

Булатович, 1989 – Булатович С.А. Античные монеты из Тиры // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (отв. ред. В.П. Ванчугов). Киев. Наукова думка. С. 81-88.

Булатович, 2003 – Булатович С.А. Понтійські монети в Тірі // ЗІФ ОНУ. Т. 14. С. 39-44.

Булатович, Носова, 2010 – Булатович С.А., Носова Л.В. Монетные находки в Тире (1996-2002 гг.) // Тира – Белгород – Аккерман (материалы и исследования) (отв. ред. Т.Л. Самойлова). Одесса. Печатный дом. С. 147-155.

Булатович, Самойлова, 2009 – Булатович С.А., Самойлова Т.Л. Связи Тиры с Боспором и боспорские монеты из Тиры // ССПіК. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Видавництво Запорізького національного університету. С. 19-21.

Виноградов, 1989 – Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII-I вв. до н. э. М. Наука. 284 с.

Виноградов, 1998 – Виноградов Ю.Г. Митридат Евпатор и Ольвия // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти профессора П.О. Карышковского (отв. ред. В.Н. Станко). Одесса. Гермес. С. 42-45.

Высотская, 1980 – Высотская Т.Н. Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. № 1. С. 95-105.

Гайдукевич, 1940 – Гайдукевич В.Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке // СА. Т. VI. С. 298-301.

Глаголев, 1909 – Глаголев С. Греческая религия. Ч. 1. Верования. Сергиев-Посад. Типография Свято-Троицкой Сергиевской Лавры. 267 с.

Голенко, 1960 – Голенко К.В. Из истории монетного дела Боспора I в. до н. э. // НЭ. Вып. 2. С. 25-36.

Данов, 1937 – Данов Х.М. Връзки на Понтийското царство с западнопричерноморското крайбережие // ИИД. Кн. 14/15. С. 54-70.

Данов, 1947 – Данов Х.М. Западният бряг на Черно море в девността. София. Университетска Печатница. 148 с.

Денисова, 1981 – Денисова В.И. Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л. Наука. 172 с.

Дзиговський, Островерхов, 2007 – Дзиговський О.М., Островерхов А.С. До сарматського сакрального матеріалознавства // Лукомор'я: Археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Одеса. Паллада. Вип. 1. С. 11-42.

Диль, 1913 – Диль Ш. По Греции. Археологические прогулки (пер. М. Безобразовой). М. Изд-во М. и С. Сабашниковых. 437 с.

Дмитров, 1949 – Дмитров Л. Білгород-Дністровська археологічна експедиція // АП УРСР. Т. II. С. 39-52.

Дюков, 1977 – Дюков Ю.Л. О монетной чеканке Боспора при Митридате Евпаторе // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики (отв. ред. Б.Б. Пиотровский). Л. Наука. С. 156-161.

Загинайло, 1966 – Загинайло А.Г. Монетные находки на Роксоланском городище // МАСП. Вып. 5. С. 100-130.

Загинайло, Карышковский, 1990 – Загинайло А.Г., Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы (отв. ред. И.Д. Нудельман). Кишинёв. Штиинца. С. 3-15.

Захаров, 1928 – Захаров А.А. Геммы и перстни Государственного исторического музея. Тр. СА РАН. М. 52 с.

Зограф, 1940 – Зограф А.Н. Древний город Тира – Белгород – Аккерман // КСИИМК. Вып. 8. С. 63-67.

Зограф, 1951 – Зограф А.Н. Античные монеты. МИА. № 16. 263 с.

Зограф, 1957 – Зограф А.Н. Монеты Тиры. М. Изд-во АН СССР. 132 с.

Иванов, 2000 – Иванов В.В. Дионис и прадионисийство. СПб. Алетейя. 352 с.

Карышковский, 1986 – Карышковский П.О. О монетном искусстве догетской Ольвии // Проблемы древнего искусства Северо-Западного Причерноморья (отв. ред. В.П. Ванчугов). Киев. Наукова думка. С. 96-105.

Карышковский, Клейман, 1985 – Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев. Наукова думка. 157 с.

Клейман, Каталог – Клейман И.Б. Каталог терракот ОАМ. Научный архив Одесского археологического музея. № 80796. 247 с.

Клейман, Коциевский, 1991 – Клейман И.Б., Коциевский А.С. Геммы из Тиры (Материалы к изучению культурных контактов) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур (отв. ред. В.П. Ванчугов). Киев. Наукова думка. С. 95-99.

Кобылина, 1978 – Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М. Наука. 215 с.

Левина, Островерхов, 1989 – Левина Э.А., Островерхов А.С. Античные фаянсы в собрании Одесского археологического музея // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (отв. ред. В.П. Ванчугов). Киев. Наукова думка. С. 109-118.

Лосев, 1988 – Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т.7. Последние века. Кн. 2. М. Искусство. С. 383-394.

Лосев, 1996 – Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М. Мысль. 975 с.

Лордкипанидзе, 1954 – Лордкипанидзе М.Н. Каталог гемм, найденных в Самтраво в 1940-41, 1946-48 гг. Тбилиси. Изд-во АН Гр.ССР. 234 с.

Максимова,1937 – Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. № 1. С. 251-261.

Максимова, 1957 – Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. № 4. С. 75-82.

Максимова, 1962 – Максимова М.И. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. № 103. С. 187-195.

Молев, 2002 – Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород. Изд-во НГУ. 144 с.

Мушмов, 1912 – Мушмов Н.А. Античните монети на Балканские полуостров. София. Изд-во Болгарской Академии наук. 340 с.

Неверов, 1969 – Неверов О.Я. Золотой перстень с портретом эллинистического царя (к иконографии Митридата VI) // СА. № 1. С. 172-175.

Неверов, 1973 – Неверов О.Я. Митридат – Дионис // СГЭ. № 37. С. 41-45.

Неверов, 1973а – Неверов О.Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л. Искусство. С. 54-68.

Неверов, 1978 – Неверов О.Я. Изображения на геммах-печатях, металлических перстнях и амулетах // М.М. Кобылина. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М. Наука. С. 163-210.

Неверов, 1983 – Неверов О.Я. Геммы античного мира. М. Наука. 140 с.

Неверов, 1984 – Неверов О.Я. Металлические перстни и печати // Археология СССР. Античные города Северного Причерноморья. М. Наука. С. 239-240.

Онайко, 1974 – Онайко Н.А. Заметки о технике боспорской торевтики // СА. № 3. С. 80-90.

Онайко, 1979 – Онайко Н.А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Тез. докл. XIV Междунар. конф. «ЭЙРЕНЕ» (отв. ред. Д.Б. Шелов). Ереван. Изд-во АН Арм. ССР. С. 389-397.

Островерхов, 2008 – Островерхов А.С. Гідроархеологія, історична географія, гідроніміка Нижнього Подністров'я: досягнення, проблеми, перспективи. Одеса. ИНВАЦ. 86 с.

Островерхов, 2010 – Островерхов А.С. Скло доримського часу із Тіри та її околиць // Тира – Белгород – Аккерман (материалы и исследования) (отв. ред. Т.Л. Самойлова). Одесса. Печатный дом. С. 55-76.

Островерхов, 2010а – Островерхов А.С. Материалы к корпусу глиптики из Ольвии Понтийской (VI-I вв. до н. э.) // ВДИ. № 3. С 85-112.

Островерхов, Папанова, 2009 – Островерхов А.С., Папанова В.А. Новые материалы к корпусу ольвийской глиптики раннеантичного времени // ССПіК. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Видавництво Запорізького національного університету. С. 117-121.

Островерхов, Субботин, 2002 – Островерхов А.С., Субботин Л.В. Божества Никония по случайным находкам культовых изделий // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (сборник научных статей) (отв. ред. Н.А. Кетрару). Тирасполь. Типар. С. 254-268.

Охотников, Островерхов, 1993 – Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев. Наукова думка. 139 с.

Пиотровский, 1930 – Пиотровский Б.Б. Семантический пучок в памятниках материальной культуры // ИГАИМК. Т. 6. Вып. 10. С. 1-22.

Прушевская, 1955 – Прушевская Е.О. Художественная обработка металла (торевтика) // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья М. Изд-во АН СССР. С. 325-355.

Пятышева, 1956 – Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. Тр. ГИМ. Вып. XVIII. 156 с.

Ростовцев, 1907 – Ростовцев М.И. Мифридат Понтийский и Ольвия // ИАК. № 23. С. 21-27.

Русяева, 1992 – Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев. Наукова думка. 256 с.

Русяева, Русяев, 1997 – Русяева А.С., Русяева М.В. Символіка та художні особливості монет Ольвії пізньоархаїчного та класичного часів // Археологія. № 4. С. 29-37.

Самойлова, 1988 – Самойлова Т.Л. Тира в VI-I вв. до н. э. Киев. Наукова думка. 122 с.

Сапрыкин, 1996 – Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М. Наука. 348 с.

Скржинская, 2010 – Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб. Алетейя. 464 с.

Силантьяева, 1974 – Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. Вып. Г1-11. Вып. III. С. 5-37.

Стефани, 1881 – Стефани Л. Объяснение некоторых художественных произведений, находящихся в Императорском Эрмитаже и других собраниях // ОАК за 1878 и 1879 годы. С. 5-173.

Толстой, Кондаков, 1889 – Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности Южной Росии. СПб. Типография Министерства путей сообщений. 118 с.

Топоров, 1979 – Топоров В.Н. К происхождению древнегреческой драмы: вопрос об индоевропейских истоках // Симпозиум по структуре текста. BALCANO-BALTO-SLAVICA. Предварительные мат-лы и тез. (отв. ред. В.Н. Топоров). М. Наука. С. 46-56.

Тревер, 1918 – Тревер К.В. Ольвийская полихромная амфора 1901 года. МАР. № 36. 68 с.

Трейстер, 1984 – Трейстер М.Ю. Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ. № 1. С. 34-36.

Трейстер, 1989 – Трейстер М.Ю. Матрица из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н. э.) // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Мат-лы 2-го археологич. семинара (отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск. Изд-во Музея истории Донского казачества. С. 89-101.

Фрэзер, 1985 – Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. М. Изд-во политической литературы. 511 с.

Фрэзер, 1986 – Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М. Изд-во политической литературы. 561 с.

Хамула, 2009 – Хамула Д.В. Дионис в античной коропластике и вазописи Северного Причерноморья: семантика в контексте культа. Одесса. Удача. 203 с.

Чурсин, 1927 – Чурсин г.Ф. Культ железа у кавказских народов // ИКИАИ. № 4. С. 60-86.

Шелов, 1962 – Шелов Д.Б. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. № 2. С. 95-102.

Шелов, 1983 – Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. № 2. С. 40-58.

Щербакова, 1981 – Щербакова В.С. Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса // КСИА. № 168. С. 63-67.

Щербакова, 1983 – Щербакова В.С. Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок // КСИА. № 174. С. 86-91.

Щербакова, 1986 – Щербакова В.С. Античные печати Херсонеса как исторический источник. Автореф. дис. … канд. истор. наук. М. 17 с.

Burford, 1974 – Burford A. Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca. Cornell University Press. 256 p.

Burkhalter, 1979 – Burkhalter F. Place de la toreutique alexandrine dans l'economie lagide: sources papyrologiques. Bronzes hellenistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du V-e colloque international sur les bronzes antiques. Lausanne. P. 69-85.

Fougeres, 1898 – Fougeres G. Maritime et l'Arcadie orientale. Paris. 234 p.

IGBR, 1970 – Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. 2-nd ed. (ed. G. Mihailov). Serdicae Acad. Litt. Bulg. Vol. 1.

Kibaltchitch, 1910 – Kibaltchitch T.W. Gemmes de la Russie Meridionale. Berlin. Reinke und Grunvald. 240 p.

Minns, 1913 – Minns E.H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the North Coast of the Euxine from Danube to the Caucasus. Cambrige. Cambrige University press. 720 p.

Pippidi, Berciu, 1965 – Pippidi B., Berciu D. Geţi şi greci la Dunărea de jos. Bucureşti. Editura Academiei RPR. 343 p.

Tudor, 1968 – Tudor D. Oltenia Romană. Bucureşti. Editura Academiei RSR. 342 p.

Zarev, 2005 – Zarev K. Thracian coins from the Senthopolis region recently acquired by the historical museum «Iskra» // The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a round Table «Archaelogical Map of Bulgaria» (ed. J. Bouzek, L. Domaradzka). BAR. Intern. Ser. P. 259-260.

ΣΒΡΩΝΟΥ, 1900 – ΣΒΡΩΝΟΥ Ι.Ν. ΤΑ ΠΗΛΙΝΑ ΕΙΣΙΤΗΡΙΑ ΤΟΥ ΘΕΑΤΡΟΥ ΤΗΕ ΜΑΝΤΙΝΕΙΑΣ // JIAN. P. 215-225.

ΣΒΡΩΝΟΥ, 1903 – ΣΒΡΩΝΟΥ Ι.Ν. ΑΡΧΑΙΑ ΕΚΜΑΓΕΙΑ ΝΟΜΙΣΜΑΤΩΝ ΚΙΟΥ ΕΝ ΒΙΘΥΝΙΑ // ИРАИК. Vol. VIII. № 3. P. 299-301.

ΣΒΡΩΝΟΥ, 1905 – ΣΒΡΩΝΟΥ Ι.Ν. ΑΡΧΑΙΑ ΠΗΛΙΝΑ ΣΥΜΒΟΛΑ ΚΑΙ ΕΚΜΑΓΕΙΑ ΝΟΜΙΣΜΑΤΩΝ ΚΑΙ ΔΑΚΤΥΛΙΤΩΝ // JIAN. P. 323-338.

С.В. Полин, Е.Г. Карнаух

Гордашевский «клад»

Gordashevka «hoard». *The article is devoted to a new discovery of the ritual complex in the Northern Black Sea littoral, which included elements of horse bridle and weapons. The Gordashevka hoard complements the already representative sample of such complexes in Eastern Europe. The analysis allows identifying the different components in the componence of the hoard, as a result, it is proposed to date the Gordashevka hoard to the beginning of II century BC and consider it as a «latescythian».*

Гордашевский «клад». *Статья посвящена новой находке очередного ритуального комплекса в Северном Причерноморье, в состав которого входили элементы конской узды и предметы вооружения. Клад из Гордашевки дополняет уже достаточно представительную выборку подобных комплексов в Восточной Европе. Проведённый анализ позволяет выделить различные компоненты в составе клада, в результате чего предлагается датировать Гордашевский клад началом II в. до н. э. и считать его «позднескифским».*

Весной 2011 г. в музей-заповедник «Трипольская Культура» с. Легедзино Тальновского района Черкасской области местные жители передали вещи, найденные при случайных обстоятельствах[1] в балке у с. Гордашевка Тальновского района Черкасской области **(рис. 1)**. По словам находчиков, вещи лежали в одной куче и образовывали пирамиду. При осмотре места находки мы обнаружили отдельные вещи из клада, а именно фрагменты зооморфного псалия, наконечники стрел и фрагмент серебряной плакировки С-видного псалия. Таким образом было точно определено место находки «клада».

Совершенно неожиданным оказалось место находки – «клад» обнаружен на крутом склоне в верховьях глубокой балки, которая разделяет плато-водораздел. С юго-запада балку ограничивает р. Горный Тикич (приток р. Тикич в бассейне р. Южный Буг). На глубине 15-17 м от уровня верхнего плато, где и был обнаружен комплекс, находятся выходы природного камня (базальтовая скала), которые образуют небольшую площадку, покрытую тонким слоем чернозёма. Какие либо курганы или поселения раннего железного века в радиусе 3 км не обнаружены. Информация о них отсутствует и в реестре памятников археологии Черкасской области.

Комплекс вещей, обнаруженных у с. Гордашевка, входит в весьма своеобразную группу памятников, получивших название «клады», «странные комплексы», «вотивные клады», «ритуальные депозиты» (Спицин, 1909; Щукин, 1994; Симоненко, 2003; 2010; 2012; Зайцев, 2005; 2007). На сегодняшний день Гордашевский «клад» является крайним северо-западным комплексом такого рода в Северном Причерноморье. Состав клада «стандартен» – конская узда и вооружение.

Из клада происходят шесть наборов конской узды. Пять наборов полные, от шестого сохранились только удила и железная подпружная пряжка. К предметам вооружения относятся железный поясной (колчанный) крючок и железные наконечники стрел.

I. Узда

1. Парадный набор конской узды состоял из псалиев (а), удил (б), налобника (в), комплекта серебряных с позолотой блях оголовья (г) и трёх серебряных ворворок (д):

а) Железные миниатюрные С-видные двудырчатые псалии с шаровидными окончаниями **(рис. 2/3, 3/2)**. Средняя часть псалиев плоская, 8-образной формы, диаметр отверстий 0,5 см. Шаровидные окончания псалиев были плакированы серебряной обкладкой с рельефным орнаментом в виде косых насечек. Плакировка сохранилась лишь на одном окончании **(рис. 2/3 вид С)**. Дуговидные части псалиев обмотаны («гофрированы») золотой проволокой сечением 0,2 х 0,1 см. Длина первого псалия 9,9 см, диаметр шаровидных окончаний 1,4 х 1,2 см; длина второго псалия 9,2 см, диаметр шаровидного окончания без плакировки 1,2 см, с плакировкой 1,5 х 1,3 см.

б) Железные двучастные удила с дополнительными подвижными кольцами, надетыми на внешние кольца удил **(рис. 2/2, 3/1)**. Изготовлены из квадратного в сечении железного прута. Длина звеньев 9 см и 8,7 см. Толщина обоих звеньев одинакова – 0,7 х 0,7 см. Дополнительные кольца удил одинакового диаметра и толщины. Диаметр внешний – 2,8 см, внутренний – 1,9 см, толщина – 0,4 см.

в) Железный стержневидный налобник с крючком **(рис. 2/1, 3/5)**. Железная основа налобника обёрнута золотым листом и склёпана на обратной стороне. По лицевой стороне нанесён орнамент, сделанный пуансоном **(рис. 3/5)**. Крючок оформлен в стилистике псалиев, – изгиб крючка «гофрирован» обмоткой из золотой проволоки, конец крючка украшен шариком. Налобник деформирован – в средней части сломан пополам, отломан крючок, по-видимому, находчиками, посчитавшими его цельнозоло-

[1] Выражаем благодарность к.и.н., в.н.с. музея-заповедника «Трипольская Культура» В.А. Круцу и директору музея-заповедника «Трипольская Культура» В.В. Чабанюку за информацию о находке и содействие в её изучении; м.н.с. Отдела археологии энеолита – бронзового века ИА НАНУ В.Б. Панковскому – за помощь в обработке материалов; А.П. Березкину – за реставрацию находок.

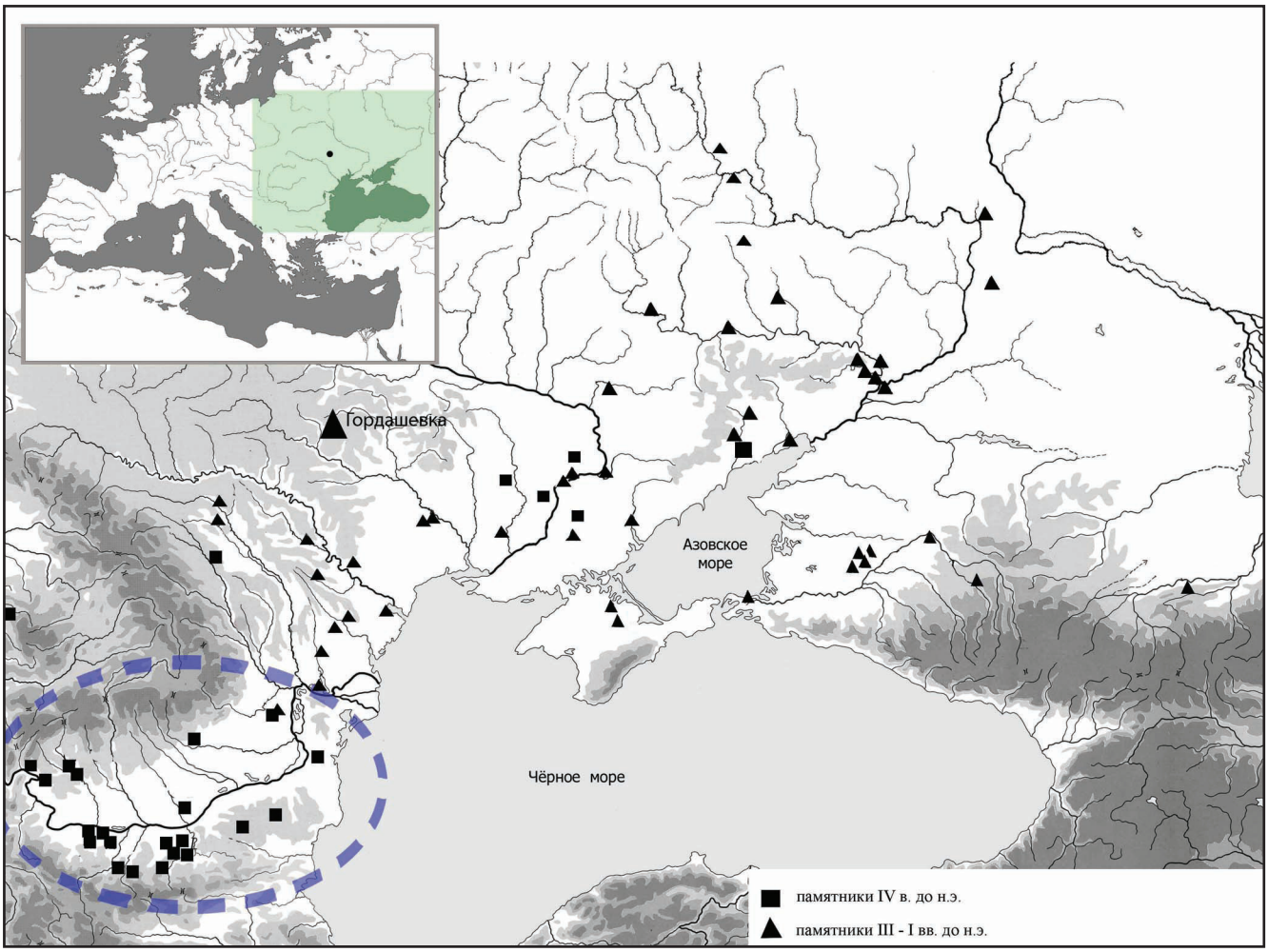

Рис. 1. Карта-схема распространения комплексов IV в. до н.э. и III–I вв. до н.э. в Восточной Европе (по *Ю.П. Зайцев, 2007* с дополнениями)

тым, – следы излома свежие. Длина налобника 14,5 см. Ширина верхней части 0,6 см, средней 0,8 см, внизу 1 см. Диаметр отверстия 0,4 см, загиба крючка – 1,2 х 1,6 см.

г) Набор состоял из одной большой бляхи и шести малых блях оголовья.

1) Большая серебряная с позолотой бляха изготовлена из серебряной пластины **(рис. 2/4; 3/3)**. Имеет большое круглое центральное выпуклое поле, окантованное по краю плоским узким кольцом. Центральное поле разделено выпуклыми рельефными линиями с точками на шесть секторов. Узкое кольцо украшено орнаментом из овов с остроконечными лепестками между ними. На обратной стороне сохранились следы припоя от утраченной скобы крепления. Диаметр бляхи 4,5 см, высота 0,6 см, толщина 0,1 см.

2) Малые серебряные с позолотой бляхи – 6 шт. **(рис. 2/8-13; 3/4)**. Все бляхи одинаковые, изготовлены одним штампом из серебряной пластины. Они имеют вид слабовыпуклого конуса с гладким вертикальным бортиком по краю и маленьким круглым гладким выступом-умбоном в центре. От умбона расходятся радиальные линии, образующие 9-лепестковую розетку, окантованную по краю узким орнаментальным кольцом, украшенным сплошной полосой из поперечных Z-образных знаков. Внутри каждого лепестка центральной розетки вдоль краёв нанесён точечный пуансонный орнамент. С обратной стороны к бляхам были приклёпаны ныне обломанные и частично утраченные железные скобы, крепившиеся на ремнях оголовья серебряными заклёпками, слегка расплющенные головки которых выступают с внешней стороны фаларов. Диаметры блях 3,1 см, толщина 0,1 см, высота 0,9 см, диаметр умбонов 0,8 см. Диаметр заклёпок крепления скоб 0,2 см, длина скобы 2,8 см, ширина 0,6 см, толщина 0,2 см.

д) Серебряные гладкие конические пустотелые ворворки (3 шт.): 1) Диаметр 1,8 см, диаметр отверстия 0,6 см, высота 1,2 см **(рис. 3/6)**; 2) Диаметр 1,3 см, диаметр отверстия 0,6 см, высота 1,4 см **(рис. 3/7)**; 3) Диаметр 1,7 см, диаметр отверстия 0,7 см, высота 0,9 см **(рис. 3/8)**.

2. Второй набор конской узды по составу отчасти копировал первый «парадный» набор, за исключением блях и золотой обмотки псалиев. Набор состоял из двух псалиев (а), удил (б) и налобника с крючком (в):

а) Железные двудырчатые С-видные псалии с шаровидными окончаниями **(рис. 4/1)**. В точ-

Рис. 2. Гордашевский клад: парадная уда № 1: 1 – конский налобник с крючком; 2 – железные двучастные удила с дополнительными кольцами; 3 – железные С-видные псалии; 4, 8-13 – серебряные с позолотой фалары оголовья; 5-7 – серебряные гладкие конические пустотелые ворворки

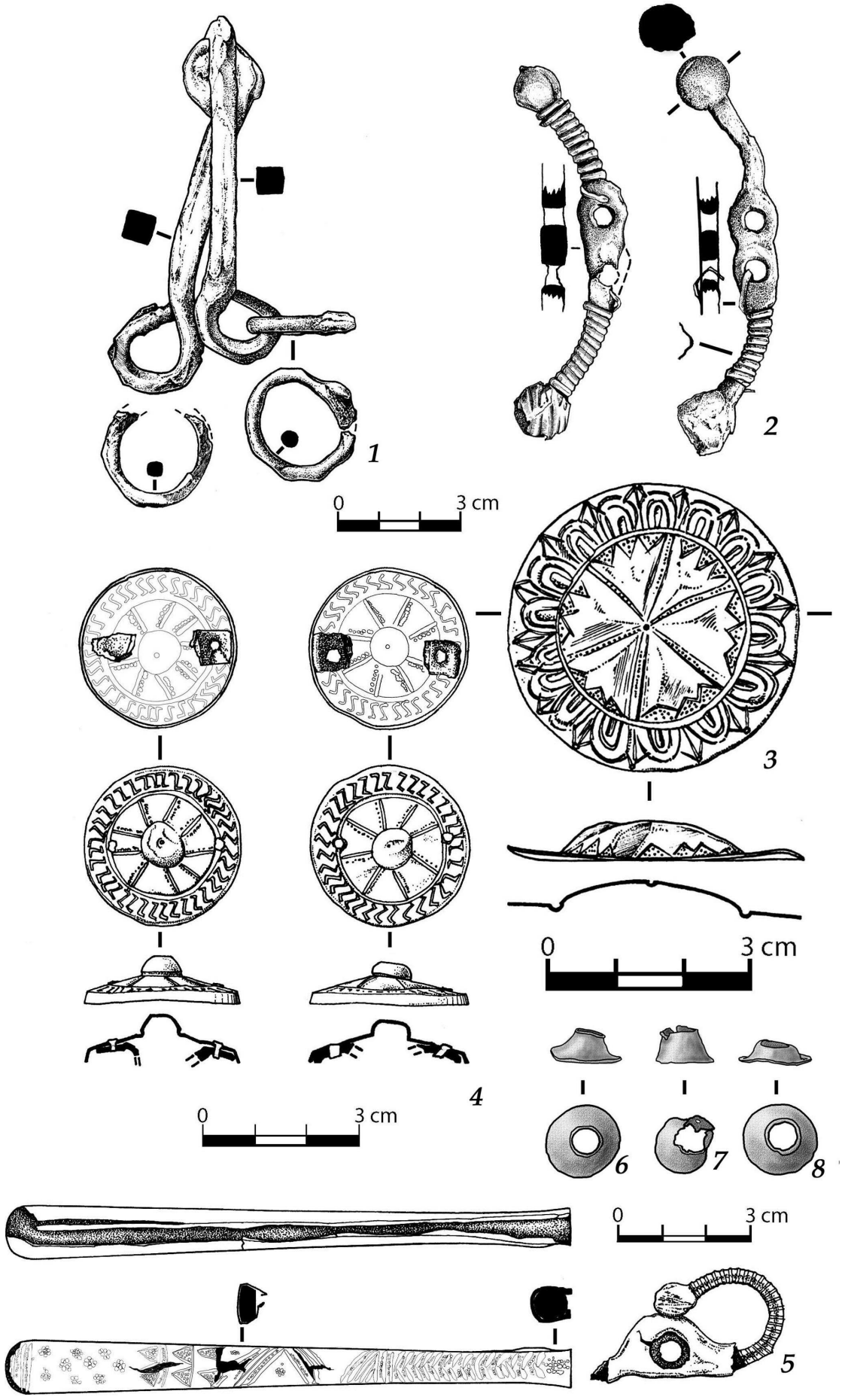

Рис. 3. Гордашевсий клад: парадная узда № 1: 1 – железные двучастные удила с дополнительными кольцами; 2 – железные С-видные псалии; 3, 4 – серебряные с позолотой фалары оголовья; 5 – конский налобник с крючком; 6-8 – серебряные гладкие конические пустотелые ворворки

Рис. 4. Гордашевский клад: уздечный набор № 2: 1 – железные С-видные псалии; 2 – железный конский налобник с крючком; 3 – железные двучастные удила с дополнительными кольцами; 4 – железная круглая пряжка; 5 – железный пластинчатый колчанный (поясной) крючок

ности повторяют псалии из «парадного» набора, за исключением плакировки серебром окончаний и обмотки золотой проволокой стержней. Средняя плоская часть псалиев 8-образной формы. Диаметр отверстий псалиев – 0,6 см и 0,5 см. Одно из окончаний псалиев шаровидное **(рис. 4/1А)**, второе – биконическое и ребристое **(рис. 4/1В)**. Длина псалиев 10,4 см и 9,1 см, диаметры окончаний 1,3 см и 1,4 х 1,3 см;

б) Железные двучастные удила с дополнительными подвижными кольцами, надетыми на внешние кольца удил **(рис. 4/3)**. Изготовлены из подквадратного в сечении железного прута. Длина звеньев 9 см и 9,4 см. Толщина обоих звеньев одинакова – 0,7 х 0,8 см. Дополнительные кольца удил одинакового диаметра и толщины. Диаметр внешний – 2,5 см, внутренний 1,7 см, толщина 0,4-0,5 см;

в) Железный налобник с крючком изготовлен из цельной железной пластины. Окончание крючка обломано и утрачено. Лопасть расширяется к основанию. Длина налобника 11,5 см, диаметр отверстия 0,3 см, толщина сечения в средней части 0,6 х 0,3 см, внизу 0,25 х 1,5 см **(рис. 4/2)**.

3. Железная круглая пряжка с выступающим неподвижным язычком **(рис. 4/4)**. Диаметр 5,4 см, толщина 0,3 см, ширина 0,9 см.

4. Железные двучастные удила с псевдовитыми грызлами **(рис. 5/1)**. Длина звеньев 12,7 см и 11,5 см, толщина – 1,0 см и 0,8 см.

5. Железные двучастные удила. На одном из грызел сохранилась Х-видная устрожающая насадка **(рис. 5/2)**. Грызла удил в сечении квадратные. Насадка изготовлена отдельно от удил и одета на уже готовое грызло. Длина звеньев 11,5 см и 11 см, толщина 0,8 х 0,8 и 0,7 х 0,7 см. Железная Х-видная насадка размерами 4,8 х 4,2 см, диаметр отверстия 0,7 см.

6. Железные двучастные удила. Изготовлены из квадратного в сечении железного прута. Размер сечения 0,9 х 0,9 см. Одно из внешних колец фрагментировано. Длина звеньев 12 см и 12,6 см **(рис. 5/3)**.

7. Железные двучастные удила. Изготовлены из круглого железного прута диаметром 1 см. Длина звеньев 9,7 см и 10,4 см **(рис. 5/4)**.

8. Железная овальная подпружная пряжка с перпендикулярным неподвижным язычком. Изготовлена из овального прута диаметром 0,6 см. Перпендикулярно выступающий язычок прикован. Его высота 2,1 см, толщина 0,3 см. Диаметр пряжки 4,4 см **(рис. 6/7)**;

9. Железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями. Сохранился в двух фрагментах. Средняя плоская часть имеет 8-образную форму. Окончания псалия оформлены в виде лежащих (кошачьих?) хищников. В средней части одного из них пробито сквозное отверстие диаметром 0,2 см **(рис. 6/1, вид В)**, на втором только намечено **(рис. 6/1, вид А)**. Реконструируемая длина псалия 13 см, диаметр отверстия 0,7 см, толщина 0,5-0,7 см **(рис. 6/1)**.

10. Железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями. Также сохранился в двух фрагментах. Средняя плоская часть имеет 8-образную форму с двумя отверстиями. Окончания псалия развёрнуты перпендикулярно оси, сильно коррозированы, частично утрачены. На одном из окончаний частично сохранилась фигурка лежащего хищника (?). Второе окончание утрачено. Реконструируемая длина около 9 см, диаметр отверстий 0,6 см, толщина 0,5 см **(рис. 6/2)**.

11. Железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями. Средняя плоская часть имеет 8-образную форму с двумя отверстиями. Окончания псалия развёрнуты перпендикулярно оси и оформлены в виде лежащих (кошачьих?) хищников. Длина – 12 см, диаметр отверстий 0,8 см, толщина 0,7 см **(рис. 6/3)**.

12. Фрагмент 8-образной средней части железного псалия с двумя отверстиями. Оба окончания обломаны и утрачены. Длина 5,4 см, диаметр отверстий 0,8 см, толщина 0,7 см **(рис. 6/4)**.

13. Железный двудырчатый псалий с зооморфными (?) окончаниями. Сохранился в двух фрагментах. Средняя плоская часть имеет 8-образную форму с двумя отверстиями. Окончания псалия развёрнуты перпендикулярно оси, сильно коррозированы, частично утрачены. Реконструируемая длина около 8,5 см, диаметр отверстий 0,7 см, толщина 0,5 см **(рис. 6/5)**.

14. Железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями. Сохранился в двух фрагментах. Средняя плоская часть имеет 8-образную форму с двумя отверстиями. Окончания псалия развёрнуты перпендикулярно оси, оформлены в виде лежащих (кошачьих?) хищников. Реконструируемая длина 11-12 см, диаметр отверстий 0,8 см, толщина 0,6 см **(рис. 6/6)**.

II. Оружие

15. Железный поясной (колчанный) пластинчатый крючок с перпендикулярным штифтом **(рис. 4/5)**. Крючок стилизован как головка орлиноголовой птицы с клювом. К прямоугольному щитку крючка прикован штифт для крепления ременной гарнитуры. Длина крючка 13,3 см, толщина 0,5 см, ширина 1,5 см. Штифт высотой 1,1 см, шириной 2,8 см.

16. Железные трёхлопастные втульчатые наконечники стрел: 1) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 2,5 см **(рис. 6/8)**; 2) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 4,4 см **(рис. 6/9)**; 3) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранив-

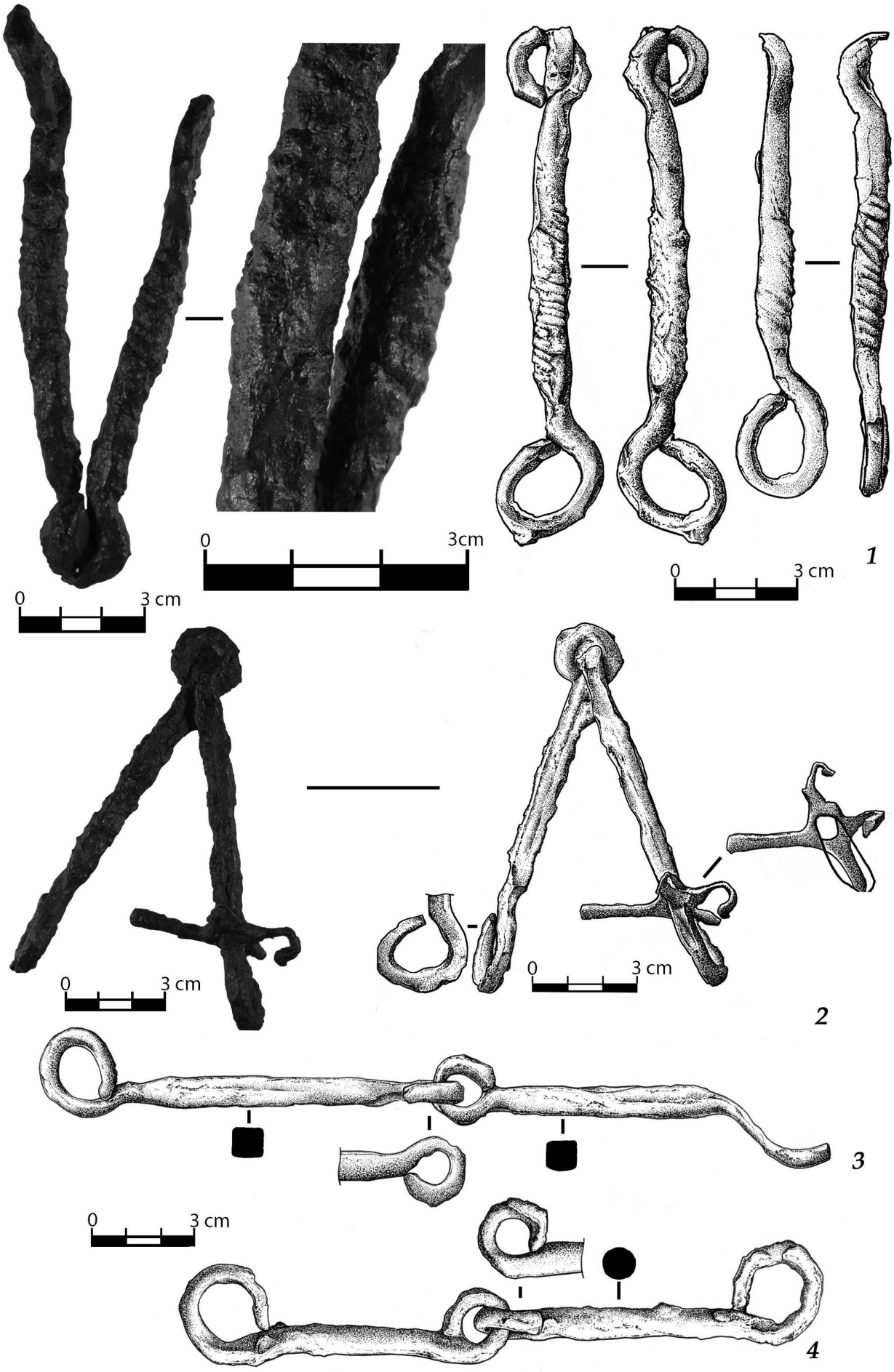

Рис. 5. Гордашевский клад: 1 – железные двучастные псевдовитые удила; 2 – железные двучастные удила с Х-видной насадкой; 3 – железные двучастные удила; 4 – железные двучастные удила

шаяся длина 3,9 см **(рис. 6/10)**; 4) фрагмент трёхлопастной головки и часть втулки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина головки 2 см, втулки 1,7 см, диаметр 0,3 см **(рис. 6/11)**; 5) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 2,6 см **(рис. 6/12)**; 6) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 3,2 см **(рис. 6/13)**; 7) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 2,3 см **(рис. 6/14)**; 8) фрагмент трёхлопастной головки наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 2,4 см **(рис. 6/15)**; 9) фрагмент трёхлопастной головки и втулка наконечника стрелы. Сохранившаяся длина 2,7 см, диаметр втулки 0,2 см **(рис. 6/16)**.

17. Фрагмент железного прута **(рис. 6/17)**. Длина 5,6 см, толщина 0,3 см.

18. Фрагмент круглой серебряной (?) пластины (?). Круглая пластина, в центре небольшая кнопка, край загнут, частично обломан. Размеры: диметр 1,1 см, толщина 0,2 см **(рис. 6/18)**.

* * * * *

Всего на данный момент известно порядка 47 «кладов» на территории Восточной Европы, которые Ю.П. Зайцев разделяет на комплексы IV в. до н. э. и комплексы III-I вв. до н. э. **(рис. 1)**. На западе пределы их распространения ограничивает Балканский полуостров, на востоке – р. Волга. Как уже неоднократно отмечалось, в состав «кладов» входят предметы конской узды, оружие и сосуды (бронзовые котлы, чаши). Последние зачастую служат своеобразным вместилищем для предметов. По словам находчиков Гордашевского клада, вещи лежали компактно, образуя пирамиду. Можно предположить, что вещи были сложены либо в деревянную чашу, либо в кожаный мешочек. Однако каких-либо следов ёмкости обнаружить не удалось. Интересным является и место находки «клада» – на склоне глубокой балки. Места находок подобных комплексов крайне редко удавалось обследовать специалистам, обычно их открывают «случайно» случайные люди. Однако места находок ряда «кладов» зафиксированы. Почти все они найдены на высоких плато – водоразделах, на берегах рек. Большинство из них происходит из насыпей курганов и природных возвышенностей. Данное обстоятельство послужило поводом для трактовки этих комплексов как поминальных, т. е. приуроченных к тризне. Однако находка Гордашевского комплекса в балке не единственная. Также в балках были обнаружены Старобельский и Янчокракский клады (Спицин, 1909, 27-28). Место находки Гордашевского клада позволяет по-иному взглянуть на топографию таких комплексов. **(рис. 1)**.

В настоящее время имеется достаточно широкий круг аналогий вещам из Гордашевского клада, хотя некоторые из них обладают достаточно индивидуальными чертами. В парадный набор конской узды в Гордашевке входили плакированные серебром с позолотой бляхи оголовья. Это II-й тип набора блях (фаларов) по В.И. Мордвинцевой, распространённый в степях Северного и Северо-Западного Причерноморья со II в. до н. э. (Mordvinceva, 2001, 49-53). Большая бляха оформлена в «причерноморском графическом стиле» (Mordvinceva, 2001a, 37), причём большая часть таких изделий в Северном Причерноморье найдена в «кладах», которые датируются III-II вв. до н. э. (Зайцев, 2007, 266) или II-I вв. до н. э. (Симоненко, 2010, 199).

Представленные в Гордашеском кладе железные с золотой и серебряной плакировкой С-видные псалии с 8-образным расширением посередине и шаровидными окончаниями имеют аналогии в конской могиле № 4 Васюринской Горы, которая датируется III в. до н. э. (Власова, 2004, 165; Шаров, 2009, 302-303). С.В. Полин предлагает ограничить датировку сооружения кургана Васюринская Гора концом IV – началом III в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, 585). Железные С-видные псалии из второго набора в Гордашевке, как уже отмечалось, идентичны предыдущим, исключая отделку золотом и серебром. А.В. Симоненко выделяет такие псалии в тип I, отмечая, что эта форма берёт свое начало в скифской узде (Симоненко, 2010, 167), что представляется вполне логичным, если посмотреть на приведённые комплексы с находками сарматских удил I типа (Симоненко, 2010, 163-165). Все эти комплексы с успехом можно назвать позднескифскими (Зайцев, 2007, 266).

Железные псалии с зооморфными окончаниями найдены в Северном Причерноморье исключительно в составах кладов, таких как Весёлая Долина, Ногайчикский курган, Нововасильевка, Квашино, Гэвани, т. е. происходят из комплексов III-I вв. до н. э., по Ю.П. Зайцеву, или из комплексов II-I вв. до н. э., по А.В. Симоненко (Редина, Симоненко, 2002; Зайцев, 2007, 264; Симоненко, 2010, 164). По имеющимся на сегодняшний день данным (надёжно датированные находки, география их распространения, находка литейной формы для изготовления налобников с крючком в Неаполе Скифском), более аргументированной выглядит датировка и этническая характеристика Ю.П. Зайцева.

Все удила в Гордашевском комплексе железные, двучастные, концы грызел закручены в кольца. Две пары удил имеют отличительные особенности – у одних имеется Х-видная насадка, у вторых – псевдовитые грызла. Оба признака вместе или по отдельности характерны для узды, найденной в «кладах» (Гэвани, Квашино, Весёлая Долина, Великоплоское и т. п.). Устрожающая Х-видная насадка на Гордашевских удилах относится к варианту 1 типа 3, по Ю.А. Прокопенко,

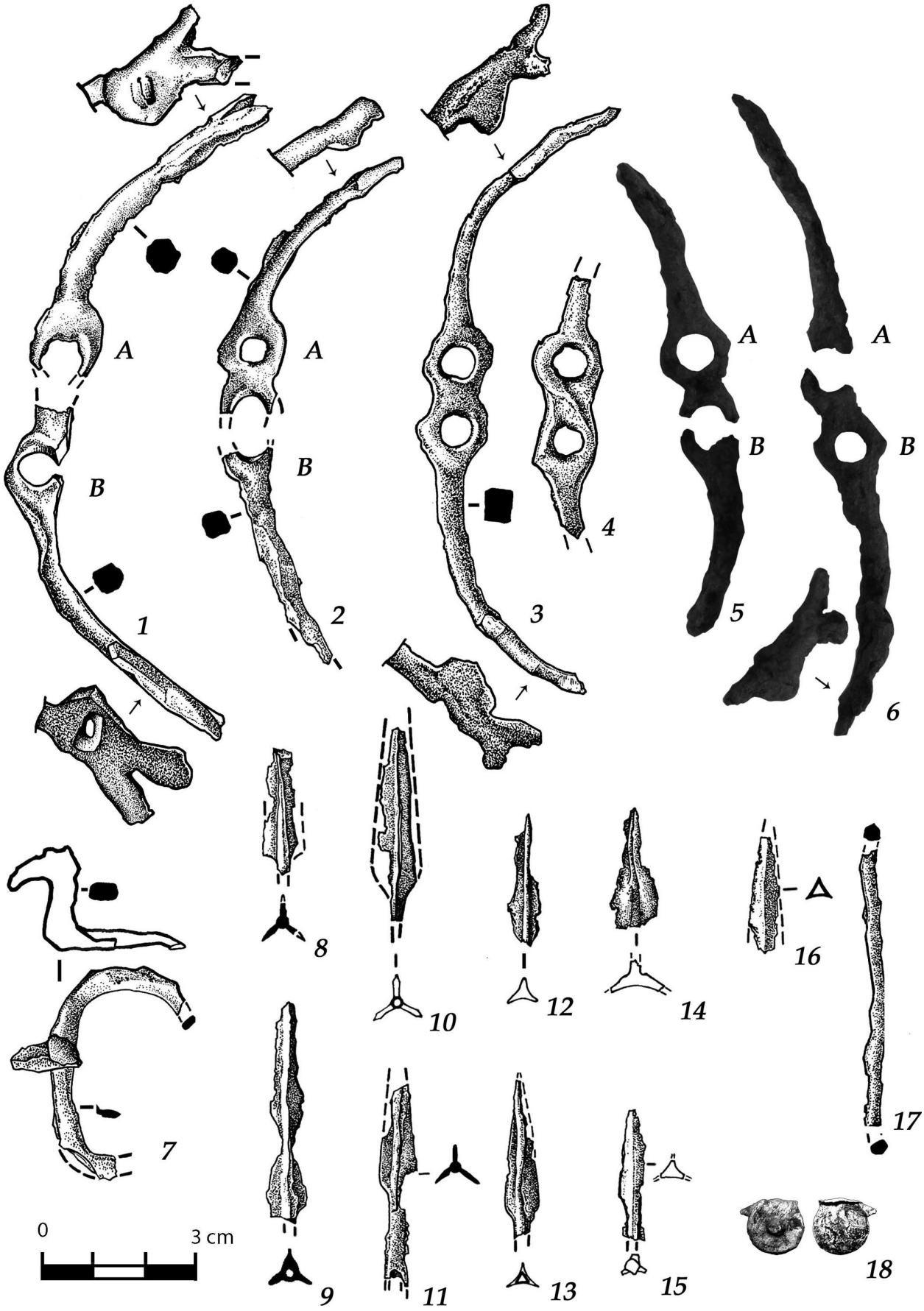

Рис. 6. Гордашевский клад: 1 – железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями; 2 – железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями; 3 – железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями; 4 – фрагмент железного двудырчатого псалия; 5 – железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями; 6 – железный двудырчатый псалий с зооморфными окончаниями; 7 – железная подпружная пряжка; 8-16 – фрагменты железных трёхлопастных втульчатых наконечников стрел; 17 – фрагмент железного стержня; 18 – фрагмент круглой (серебряной?) пластины

и датируется IV-III вв. до н. э. (Прокопенко, 2005, 178). На левобережье Нижнего Днестра в курганах у с. Глиное подобные типы удил найдены в комплексах, датируемых на основании греческой керамической тары, в том числе и клеймёной, второй половиной III – началом II в. до н. э.[2] Такая же насадка обнаружена в комплексе Гэвани III – первой половины II в. до н. э. (Зайцев, 2007, 264-265).

Железные налобники с крючком, аналогичные обнаруженным в Гордашевке, являются отличительной чертой подавляющего числа подобных «кладов». Впервые подобные изделия были атрибутированы А.В. Симоненко в качестве позднескифских украшений узды боевого коня (Симоненко, 1982, 245). Генетически такие налобники связаны с подобными налобниками скифского времени V-IV вв. до н. э. (Канторович, 2007, 261-262). Из нескольких вариантов конских налобников с крючком (Симоненко, 2010, 187-188, рис. 159) по форме лопасти (ассимитрично-ромбическая) и характеру загиба крючка наиболее близкими гордашевским являются крючки из Зеленского кургана и Васюринской горы конца IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012, 584), а также из погребений 4/1, 18/2 и 21/1 могильника у с. Глиное.

Железная подпружная пряжка с неподвижным язычком и вертикальным выступом из Гордашевского комплекса **(рис. 6/7)** так же, как и конические пустотелые ворворки **(рис. 3/6-8)**, являются достаточно характерным элементом скифской узды IV в. до н. э. (Ильинская, 1973, рис. 12).

Железный колчанный (поясной) крючок из Гордашевки относится к типу пластинчатых, по В.С. Ольховскому, который отмечает распространение подобных крючков по всему евразийскому степному коридору и указывает, что они, видимо, появились у кочевников Центральной Азии (Тува, Семиречье, Тянь-Шань) ещё в VI в. до н. э. (Ольховский, 1999, 185). В IV в. до н. э. такие крючки, видоизменившись под влиянием «звериного стиля», широко используются скифскими племенами Среднего Дона. В Причерноморской Скифии подобные крючки распространения не получили (Ольховский, 1999, 185). Единственный подобный зооморфный бронзовый крючок найден в Александропольском кургане (ДГС, 1866, табл. 1/4), который датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (Полин, 2010, 286). Железные колчанные (поясные) крючки несколько иной формы (дротовые, полупластинчатые и пластинчатые по В.С. Ольховскому) происходят из курганов могильника у с. Глиное III–II вв. до н. э.[3]

Бронзовые пряжки, подобные железной пряжке с неподвижным язычком из Гордашевки **(рис. 4/4),** традиционно считаются элементом портупейного набора ранних сарматов (Мошкова, 1960, 297, рис. 1/7,8). Действительно, такие пряжки из бронзы известны в Заволжье, но зачастую – уже железные – встречаются на Северном Кавказе, в позднескифских комплексах в Крыму и погребениях Тираспольской группы памятников в Поднестровье (Зайцев, 2011, 589-590).

Железные трёхлопастные втульчатые стрелы в Гордашевском комплексе, к сожалению, сохранились очень плохо – почти все наконечники фрагментированы. Наиболее целый экземпляр **(рис. 6/11)** позволяет сопоставить его со скифскими наконечниками IV-III вв. до н. э. на Среднем Дону (см. например: Пузикова, 2001, рис. 46-47) и III-II вв. до н. э. на могильнике у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, где подобные наконечники стрел являются наиболее распространённым видом вооружения.

Анализ материалов Гордашевского «клада» показал, с одной стороны, выраженную «скифскую окраску» узды и вооружения, а с другой – новые для «классической скифской культуры» элементы, – бляхи (фалары), оформленные в «причерноморском графическом стиле» и «зооморфные» псалии, получившие со II в. до н. э. распространение в Северном Причерноморье. Эти инновации связаны с трансформацией классической скифской культуры в последующую – позднескифскую. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на принадлежность подобных комплексов позднескифскому населению Северного Причерноморья. Дата Гордашевского клада вполне вписывается в хронологические рамки конца III – начала II в. до н. э. (с акцентом на начало II в. до н. э.) При существующей у различных исследователей достаточно широкой датировке так называемых «странных» комплексов в пределах III–I вв. до н. э. в настоящее время, несомненно, больше «археологических» подтверждений имеет диапазон III–II вв. до н. э. Датировка II–I вв. до н. э., хотя и не может исключаться для какой-то части комплексов, но требует проверки и серьезной дополнительной аргументации.

Литература

Бидзиля, Полин, 2012 – Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев. Скиф. 2012. 751 с.

Власова, 2004 – Власова В.А. Курган Васюринская Гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей к шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского (науч. ред. Е.Н. Ходза). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 158-174.

ДГС, 1866 – Древности Геродотовой Скифии. Сборник описания археологических раскопок и находок в Черноморских степях. МАР. Вып. 1.

[2] Выражаем благодарность В.С. Синике за предоставленную информацию о курганном могильнике у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра.

[3] По сообщению В.С. Синики, на могильнике у с. Глиное исследовано более 30 погребений с колчанными (поясными) крючками.

Зайцев, 2005 – Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тез. и докл. (отв. ред. И.И. Марченко). Краснодар. Символика. С. 88-94.

Зайцев, 2007 – Зайцев Ю.П. Комлекс из Гэвани (к проблеме хронологи III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы Междунар. науч. конф. Часть 2 (отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 258-268.

Зайцев, 2011 – Зайцев Ю.П. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III-I вв. до н. э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Мат-лы науч. конф. (ред. кол. М.Ю. Вахтина и др.). СПб. Нестор-История. С. 584-592.

Ильинская, 1973 – Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности (отв. ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 42-63.

Канторович, 2007 – Канторович А.Р. О некоторых предметах конского снаряжения с городища «Чайка» // Материалы исследования городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сборник научных трудов (отв. ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова). М. Изд-во МГУ. С. 252-265.

Мошкова, 1960 – Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. № 78. Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской экспедиции). Т. 2. С. 293-307.

Ольховский, 1999 – Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье. Изд-во Запорожского государственного университета. С. 182-187.

Полин, 2010 – Полин С.В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004-2009) // АМА. Вып. 14. С. 262-307.

Прокопенко, 2005 – Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь. Изд-во Ставропольского Государственного университета. 819 с.

Пузикова, 2001 – Пузикова А.И. Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М. Индрик. 272 с.

Редина, Симоненко, 2002 – Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II – I вв. до н. э. из Весёлой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2. С. 78-96.

Спицин, 1909 – Спицин А.А. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. С. 18-53.

Симоненко, 1982 – Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности Степной Скифии. Сборник научных трудов (отв. ред. А.И. Тереножкин). Киев. Наукова думка. С. 237-245.

Симоненко, 2010 – Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. Нестор-История. 328 с.

Симоненко, 2012 – Симоненко А.В. Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Золото, конь и человек. Сборник научных статей в честь 60-летия Александра Владимировича Симоненко (отв. ред. А.В. Симоненко). Киев. КНТ. С. 187-206.

Шаров, 2009 – Шаров О.В. О конских погребениях Большого кургана Васюринской Горы // БИ. Вып. XXII. С. 283-323.

Щукин, 1994 – Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. Фарн. 323 с.

Mordvinceva, 2001 – Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Band 11. Leidorf. DSC-Heinz J. Bevermsn KG. 155 s.

Т.Л. Самойлова

Хора Тиры и проблемы её организации

The Chora of Tyra and the problems of its organization. *This article studies the problem of relations between the rural districts – chora with the urban structure of Tyras polis. A possible structure of the land lots of Tyra's inhabitants is proposed in different historical periods of Ofiussa-Tira in the pre-Roman times.*

Хора Тиры и проблемы её организации. *Статья посвящена изучению проблемы взаимоотношения сельской округи – хоры с городской структурой Тирасского полиса. Предлагается возможная структура земельных участков граждан в разные периоды истории Офиуссы-Тиры в доримское время.*

Тира была самым крупным античным пунктом Нижнего Поднестровья и имела полисные функции. Соответственно она имела и свою хору, так как без подчинённой земельной территории существование античного полиса было невозможно. Так как она была основана позднее других греческих центров Северо-Западного Причерноморья, то её путь развития имел определённые особенности, в том числе и в плане формировании структуры полис-хора.

При организации сельскохозяйственной территории античных центров формировались три основных земельных фонда: общинные земли – (пастбища, лесные угодья и пр.), индивидуальные участки, которые находились в частной собственности, и храмовые земли. Сочетание двух первых форм земельной собственности типично для всех греческих полисов (Фролов, 1988, 9). Подобная организация должна была быть и в Тирасском полисе по аналогии с другими античными центрами Причерноморья (Стржелецкий, 1961, 145; Виноградов, 1981, 86-88; Крыжицкий и др., 1999, 81, 117). Система полис-хора в Тире имела и свои особенности. Греки практически одновременно поселились на обоих берегах Тираса. Но если на левом берегу кроме Никония были ещё и более мелкие пункты, то на правом берегу в период поздней архаики-классики находилась только Офиусса-Тира. Это заставляет реконструировать достаточно условно расположение сельскохозяйственных угодий в виде системы наделов в непосредственной близи от апойкии.

Плотная современная застройка окрестностей античной Тиры не позволяет обнаружить данные для детальной реконструкции структуры хоры. В этом случае на помощь можно привлечь данные, полученные при исследовании соседнего с Тирой городка Никония. По мнению И.В. Бруяко, численность населения Никония периода расцвета (V в. до н. э.) составляла 700-800 человек, включая детей, из которых в сельском хозяйстве было занято 200-300 человек, т.е. меньше трети всех жителей (Бруяко, 1999, 81). Данные аэрофотосъёмки окрестностей Никония показали, что общая площадь наделов её жителей не превышала 300 га, что не покрывало потребностей жителей города в хлебе. Недостающая для пропитания жителей Никония часть зерна, а также товарный хлеб поступали из сельских поселений левого берега Тираса, тяготевших к Никонию. И.В. Бруяко считает, что именно через Никоний осуществлялся импорт зерна, правда, нерегулярный (Бруяко, 1999, 85-86).

На раннем этапе истории Тиры число жителей не превышало 2,5 тыс. человек (Крыжицкий, 1997, 65).[1] Размеры и местоположение наделов жителей Тиры не могут быть установлены. Тем не менее, можно сделать некоторые предположения. В конце VI –V в. до н. э. Тира была единственным античным пунктом на западном берегу Тираса, всё население соответственно находилось в городе, который можно поставить в центре возможной сельскохозяйственной территории. Величина этого района определяется возможностью пешего передвижения на расстояние, покрываемое в течение 1 часа, что составляет 5 км (Higgs and oth., 1967, 1-29; Higgs, Vita-Finzi, 1972, 27-36). Следует иметь ввиду, что расположенные к югу от Тиры земли представляют собой пески, которые использовались в основном для выращивания винограда, а наиболее пригодные почвы для культивирования зерновых находились к северу и северо-западу (Одрін, 2005, 14-20). Таким образом, сельскохозяйственная округа Тиры в первоначальный период её истории замыкалась в полукруг радиусом до 5 км, центром которого была собственно Тира. Это составляет приблизительно 4 000 га.[2] Следует иметь в виду, что какая-то территория из данной площади (приблизительно 25%) могла быть занята дорогами и различного рода неудобьями. Исследования окрестностей Ольвии показали, что величина одного надела равна 0,3-1,05 га. Аналогичные размеры наделов были и в Херсонесе (Иевлев, 2001, 62-63). Таким образом, просматривается определённая закономерность в принципах размежёвки земель в Северном Причерноморье. Вполне допустимо, что и

[1] Для сравнения – в Ольвии архаического времени проживало порядка 6 тыс. человек, а на поселениях хоры – 10-16 тыс. человек (Крижицький, Русяєва, 1978, 24; Крыжицкий и др., 1989, 36).

[2] Приблизительные размеры хоры Ольвии в период резкого сокращения её хоры в V в. до н.э. составляли около 100 000 га и представляли собой прибрежную полосу шириной около 5 км (Крыжицкий и др., 1999, 117) .

в Нижнем Поднестровье система землеустройства была близка к вышеуказанным, а величина наделов могла колебаться от 0,3 до 1 га.

Как показали исследования клеров Херсонеса Таврического, можно выделить на отдельных наделах участки, на которых выращивали зерновые культуры, размещались виноградники, сады, огороды. Некоторое сходство с этой системой могло быть и у сельских округ античных центров Северо-Западного Причерноморья. В связи с размещением почв можно предположить, что виноградники могли сосредотачиваться к югу от Тиры, а поля, на которых выращивались зерновые, огороды и сады – к северу от неё. Вероятнее всего, исходя из характеристик природных особенностей региона (Одрін, 2005), на первом месте по значимости должно было стоять выращивание зерновых культур. При подсчётах, основанных на методиках, разработанных различными авторами (Блаватский, 1953, 171; Стржелецкий, 1961, 146-147; Dennel, Webly, 1975, 100; Крижицький, Щеглов, 1991, 52), для обработки этой площади должно было работать не менее 330 пахарей.

Но следует заметить, что это касается обработки площади, необходимой только для обеспечения потребностей жителей Тиры в хлебе. Кроме того, какая-то часть земель, сверх указанной выше площади, должна была быть занята огородами, садами и виноградниками.

Мы можем предположить ситуацию, что общая площадь обрабатываемой земли была меньше указанной нами выше, как это имело место в Никонии, и необходимое количество зерна Тира получала из поселений левобережья. Тогда возникает вопрос о взаимоотношениях в период конца VI – V в. до н. э. с поселениями левобережья, где центром можно считать Никоний, через который, скорее всего, и могли осуществляться поставки зерна из поселений левобережья в Тиру, которая, тем не менее, динамично развивалась. Можно осторожно высказать предположение, что в конце V в. до н. э. имел место определённый синойкизм, когда античные поселения обоих берегов Тираса были объединены в рамках одного полиса, как это имело место в ряде эпизодов античной истории и было достаточно частым явлением в Северном Причерноморье (Виноградов, 1999, 102 и сл.). Для этого периода мы можем говорить лишь о вероятности эпизодического зернового импорта из центров Нижнего Поднестровья. В результате изучения экономической ситуации VI-V вв. до н. э. в степной и лесостепной зонах Украины исследователями был признан маловероятным значительный импорт зерна из этих областей. Так, исследования ольвийской хоры, значительно более мощной, чем у античных центров Нижнего Поднестровья, показали, что в позднеархаический и классический периоды Ольвия не производила необходимого для импорта зерна (Лейпунская, 1979, 127; Пашкевич, 1990, 116-118; Крижицкий, Щеглов, 1991). Палеоботанические исследования (Пашкевич, Гейко, 1998, 40) показали, что объём выращиваемой пшеницы лесостепными скифами был недостаточен для её импорта за пределы Причерноморья (Гаврилюк, 1999, 267-269). Таким образом, не отрицая a priori возможности участия Тирасского полиса в импорте зерна, можно утверждать, что в позднеархаический и классический период вывоз хлеба не составлял сколько-нибудь значительной статьи торговли.

Более определённо о хоре Тиры можно судить лишь с IV в. до н. э., когда вблизи Тиры появляются сельские поселения. Они возникают не позднее второй четверти IV в. до н. э. Выявлено 25 пунктов, существовавших чуть больше столетия на западном берегу Тираса. Для сравнения следует отметить, что на левом берегу Днестровского лимана античных поселений доримского времени известно около 70, и они, несомненно, тяготели к Никонию. Ситуация более чем странная и пока не объяснимая. На правом берегу мы имеем мощный городской центр, который уже к третьей четверти V в. до н. э. превосходит Никоний и который не имеет в это время ни одного поселения. На левом берегу находился менее значительный Никоний, но в окружении развитой хоры. Несмотря на значительно меньшее в IV в. до н. э. число поселений на правом берегу Тираса, именно это время было периодом расцвета Тиры. Появление ко второй четверти IV в. до н. э. поселений, которые, несомненно, входили в хору Тирасского полиса и административно ему подчинялись, связано с определёнными изменениями в экономической сфере. Рост самого города, увеличение его населения, сооружение мощной оборонительной системы диктовали необходимость создания большой хоры, так как её отсутствие грозило исчезновением аграрной базы, без которой невозможно существование полиса. В этой время число жителей собственно города достигает 4,5-8 тыс. человек (Крыжицкий, 1997, 64). Кроме того, определённое число населения располагалось на самих поселениях хоры. Появление цепи поселений по правому берегу западного рукава Тираса дало возможность предположить, что земли использовались сплошной полосой длиной до 110 км и шириной до 5 км, что позволило установить для Тиры «экономическую зону площадью 500-550 кв. км» (Крижицький, Щеглов, 1991, 50).[3] Естественно, что около 25% площадей должны были уходить под неудобья, сады, огороды, структуры самих поселений (45-52 км^2). Предполагалось, что ежегодная посевная площадь Тирасского полиса могла

[3] При подсчётах мы следуем методике, принятой С.Д. Крыжицким, по которой численность семьи хлебороба составляла 5 человек, а горожанина – 8 человек (Крыжицкий, 1985, 100).

составить не менее 187-206 км^2 (18 700 – 20 600 га) (Крижицький, Щеглов, 1991, 53). Возникает вопрос о возможном населении собственно хоры Тиры. Сложность определения численности сельского населения состоит в том, что сильная эрозия берегов лиманов привела к значительным разрушениям остатков поселений; кроме того, плотная застройка побережья в новейшее время привела к уничтожению следов устройства сельской округи.

Среди поселений округи Тиры выделяются более крупные, такие как Пивденное и Затока I, где выявлено каменное домостроительство (Сальников, 1966; Малюкевич, Бруяко, 1994). В окрестностях этих двух поселений прослеживаются валы, которые могли служить для обороны, а на поселении Затока I найдены остатки монументальной постройки (Малюкевич, 1991, 117-119). Сохранившаяся к середине XX в. площадь Пивденного составляла 3 га, с учётом скорости обрушения берега первоначально она могла быть в полтора раза больше. Площадь поселения Затока I составляла также примерно 3 га.

Кроме значительных по площади поселений на правом берегу выявлены поселения-усадьбы небольшой площади (в среднем – 75 х 50 м). Такие поселения, возможно, усадебного типа обнаружены как к югу, так и к северу от Тиры в районе с. Шабо, Молога и др., а также по берегам Будакского лимана. В связи с этим возникает вопрос о количестве населения, проживавшего в хоре Тиры. В целом можно выделить несколько кустов поселений на правом берегу Днестровского лимана: непосредственно возле Тиры – к северу от нее; возле с. Шабо; возле поселения Затока I и возле с. Чебанское. Естественно, следует выделять как разные по размерам, так и по функциональному назначению сельские пункты. Это могут быть достаточно крупные поселения, основным занятием жителей которых является собственно создание сельскохозяйственной продукции, а могут быть и хутора, загоны для скота, рыболовные станции, сезонные стоянки.

С.Д. Крыжицкий и А.Н. Щеглов полагали, что в сельских поселениях должно было проживать 15 585 – 20 600 человек. Это число было определено, исходя из того, что в округе Тиры обрабатывалось 18 700 – 20 600 га (Крижицький, Щеглов, 1991, 54). Таким образом, в среднем на одном поселении должно было проживать 620-820 жителей, что представляется совершенно немыслимым. Для сравнения вспомним, что число жителей Никония, второго по величине пункта Нижнего Поднестровья, не превышало 800 человек в период его расцвета. А число жителей достаточно крупного поселения Надлиманское III не превышало 80 человек (Бруяко, 1999, 82 и сл.). Исходя из размеров поселений, расположенных на правом берегу реки, представляется, что количество населения, проживавшего в сельской местности, не могло превышать 3-4 тыс. человек. Для пропитания жителей Тирасского полиса (их число не могло превышать 14 тыс. человек) необходимо 9 275 т/год, для чего надо обрабатывать соответственно 9 275 га/год. Для необходимых сельскохозяйственных работ требовалось около 1 550 работников. В сельском хозяйстве Тиры могло быть задействовано как городских жителей, так и сельских около 1800 человек, которые производили 10 771 т/год при урожайности 10 ц/га или 15 079 т/год при урожайности 14 ц/га. Таким образом, излишки зерна в год составляли не более 5 000 т/год при наибольшей урожайности. А при урожайности в 8 ц/га зерна не хватало для обеспечения жителей полиса.

По аналогии с Ольвией (Крыжицкий и др., 1999, 197) можно предположить, что, как правило, при среднем урожае весь хлеб, производимый на правом берегу Днестра, шёл на удовлетворение потребностей жителей Тирасского полиса. На раскапываемом участке Тиры не выявлено зерновых ям, что обусловлено геологической ситуацией в этой местности, но в значительном количестве обнаружены фрагменты пифосов. Достаточно широко представлены фрагменты привозных рычажных гранитных мельниц, в меньшей степени зернотёрки, ручные ротационные мельницы, которые свидетельствуют о регулярной переработке зерна.

Можно утверждать, что в эллинистический период для жителей Нижнего Поднестровья, в том числе и правого берега реки, было характерно возделывание винограда. Благоприятствовал этому и климат, который в IV – середине III в. до н. э. был тёплым и влажным (Иевлев, 1997, 8, 9), а также песчанистые почвы, расположенные к югу от Тиры, и южные чернозёмы. На таких почвах хорошо произрастают столовые, а так же винные сорта винограда (Вальков, 1986, 186-187). Следует отметить, что виды почв в Нижнем Поднестровье всё же ограничивали производство элитного вина (Одрін, 2005, 34). Косвенно о занятиях виноградарством говорят изображения виноградной грозди на монетах Тиры этого периода. И хотя остатков самих виноделен не найдено, находки нескольких каменных, изготовленных из местного известняка, переносных и стационарных тарапанов свидетельствуют в пользу занятий виноградарством в Тире в эллинистический период.

Мы не можем судить о величине урожая на виноградниках Тиры и объёмах производимого вина. По аналогии с другими античными центрами Северного Причерноморья (Винокуров, 1999, 88) можно определить, что площади, которые могли быть занятыми виноградниками, не превышали на правом берегу Тираса 6-7 тыс. га. Приблизительные подсчёты возможных объёмов произведённого вина показывают, что они были

недостаточными для удовлетворения потребностей жителей полиса. В этой связи следует помнить, что эта нехватка могла восполняться за счёт поступления вина от гетов, проживавших выше по реке и возделывавших виноград, а также за счёт торговли с другими античными центрами. Так в Тире в большом количестве найдены амфоры Южного Понта и Средиземноморья, Херсонеса.

Обязательной частью приусадебных участков у греков были огороды и сады. Кроме того, жители города и хоры занимались и скотоводством, о чём свидетельствуют находки в большом количестве костных остатков домашних животных.

К середине III в. до н. э. сельские поселения хоры Тиры прекращают свое существование (Сальников, 1966, 179). Аналогичное положение прослеживается и на левом берегу Днестровского лимана и в Ольвии. В ольвийском декрете в честь Анфестерия (третья четверть III в. до н. э.) отражено тяжёлое экономическое положение ольвийского полиса (Виноградов, 1984). Тира также вступает в полосу затяжного кризиса в результате возможного разгрома варварами сельской округи (Самойлова, 1991, 85-86). Сельскохозяйственная территория снова сужается до размеров ближайшей к городу округи. В этой ситуации хора организуется в виде системы наделов в ближайшей округе города.

Прекращение жизни на поселениях хоры Тиры сыграло немаловажную роль в развитии экономического кризиса полиса.

Литература

Блаватский, 1953 – Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. Издательство АН СССР. 208 с.

Бруяко, 1999 – Бруяко И.В. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до р. Х. Волжск – Волжская городская типография. 210 с.

Вальков, 1986 – Вальков В.Ф. Почвенная экология сельскохозяйственных растений. М. Агропромиздат. 204 с.

Виноградов, 1981 – Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. // ВДИ. № 2. С. 49-79.

Виноградов, 1984 – Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. № 1. С. 51- 80.

Виноградов, 1999 – Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3. С. 101-115.

Винокуров, 1999 – Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М. Изд-во Московского государственного педагогического университета. 191 с.

Гаврилюк, 1999 – Гаврилюк Н.А. История экономики степной Скифии. VI-III вв. до н. э. Киев. Изд-во ИА НАНУ. 424 с.

Иевлев, 2001 – Иевлев М.М. Система землеустройства Ольвийской сельской округи // Ольвія та античний світ (відп. ред. С.Д. Крыжицький). Київ. Вид-во ІА НАНУ. С. 62-63.

Крыжицкий, 1985 – Крыжицкий С.Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Мат-лы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (отв. ред. О. Лордкипанидзе). Тбилиси. Мецниерба. С. 94-102.

Крыжицкий, 1997 – Крыжицкий С.Д. О возможном количестве населения Тиры // Аккерманские древности (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Белгород-Днестровский. Ю.Г.-компани. С. 53-66.

Крыжицкий и др., 1989 – Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев. Наукова думка. 240 с.

Крыжицкий и др., 1999 – Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скрыжинская М.В., Анохин В.А. Ольвия – античное государство в Северном Причерноморье. Киев. Изд-во ИА НАНУ. 681 с.

Крижицький, Русяєва, 1978 – Крижицький С.Д., Русяєва А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 28. С. 3-25.

Крижицький, Щеглов, 1991 – Крижицький С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. № 1. С. 46-56.

Лейпунская, 1979 – Лейпунская Н.А. О роли торгово-обменных отношений в экономике Ольвии второй половины VI вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Мат-лы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо. 1977 г. (отв. ред. Д.О. Лордкипанидзе). Тбилиси. Мецниереба. С. 125-129.

Малюкевич, 1991 – Малюкевич А.Е. Открытие башни Неоптолема // Древнее Причерноморье. Одесса. Изд-во Одесского государственного университета. С. 117-119.

Малюкевич, Бруяко, 1994 – Малюкевич А.Е., Бруяко И.В. Предварительные итоги раскопок поселения Затока I // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. Типар. С. 234-236.

Одрін, 2005 – Одрін О.В. Природні ресурси та торгівельно-економічний потенціал античних держав Північного Причорномор'я. Ніжне Подністров'я та Ніжне Побужжя. Київ. Вид-во ІА НАНУ. 94 с.

Пашкевич, 1990 – Пашкевич Г.А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии // Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев. Наукова думка. С. 114-119.

Пашкевич, Гейко, 1998 – Пашкевич г.О., Гейко А.П. Палеоботанічні дослідження та деякі питання виготовлення кераміки скіфського часу у Дніпровському лісостеповому Лівобережжі // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава. 1-2. С. 38-40.

Сальников, 1966 – Сальников А.Г. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962 гг.) // МАСП. 5. Одесса. Маяк. С. 176-225.

Самойлова, 1991 – Самойлова Т.Л. Тира и земледельческое население Днестро-Дунайского междуречья в VI-I вв. до н. э. // Чтения памяти П.О. Карышковского (отв. ред. В.Г. Кушнир). Изд-во Одесского государственного университета. С. 85-86.

Стржелецкий, 1961 – Стрежелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХС. VI. 247 с.

Фролов, 1988 – Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л. ЛГУ. 232 с.

Dennel, Webly, 1975 – Dennel R.W., Webly D. Prehistoric settlements and land use in Southern Bulgaria // Paleoeconomy (ed. E. S. Higgs). Cambridge. Cambridge University Press. P. 97-110.

Higgs and oth., 1967 – Higgs E.S., Vita-Finzi C., Harris D.R., Fagg A.E. The climate environment and industries of Stone Age Greece // PPS. 1967. Vol. 33. P. 1-29.

Higgs, Vita-Finzi, 1972 – Higgs E.S., Vita-Finzi C. Prehistory economies: a territorial approach // Papers in economic prehistory (ed. E.S. Higgs). Cambridge University Press. P. 27-36.

А.И. Смирнов

Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев

Alexandrovsky – the new cemetery of the Olbia Chora in Nikolayev. *This paper publishes the results of the excavations of the Alexandrovsky cemetery, located on the territory of Nikolayev. The funeral practice is analyzed, as well as the characteristics of the discovered inventory is presented. The time of functioning of the monument is dated to the IV – first half of the III century BC.*

Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев. *В статье публикуются результаты раскопок Александровского могильника, расположенного на территории г. Николаев. Анализируется погребальный обряд, приводится характеристика обнаруженного инвентаря. Время функционирования памятника определяется IV – первой половиной III в. до н. э.*

Весной-осенью 2011 г. Николаевская новостроечная археологическая экспедиция Научно-исследовательского центра «Лукоморье» Института археологии Национальной Академии наук Украины и Николаевского Национального университета им. В.А. Сухомлинского проводила спасательные археологические исследования на территории Центрального района г. Николаев. В результате работ были открыты и изучены три новых памятника античной эпохи: могильник Александровский, могильник сарматского времени в районе Старофлотских казарм и часть оборонительного рва римского времени.

Вновь открытые объекты расположены в непосредственной близости от поселения Николаев-6 на территории Николаевского судостроительного завода им. 61 коммунара. Этот памятник площадью более 1 га было открыт в 1983 г. И.А. Снытко и датирован IV-III вв. до н. э. (Снытко, 1985, 77-78.). К сожалению, результаты маломасштабных раскопок этого поселения до настоящего времени практически не введены в научный оборот, и его границы не известны.

Могильник Александровский, расположенный на территории парка им. 61 коммунара, был открыт осенью 2010 г. Его размеры и границы в настоящее время точно не установлены, поскольку территория, на которой он находится, была неоднократно перепланирована при городском строительстве в XIX-XX вв. Площадь раскопа 2011 г. соответствовала площади будущего строительного котлована и составила немногим более 1600 м^2. На могильнике были исследованы 25 грунтовых захоронений. Таким образом, исследования могильника Александровский являются наиболее масштабными работами на некрополях Ольвийской хоры за последние 30 лет. Известно, что территория г. Николаев в эллинистическое время входила в состав Ольвийского государства (Крыжицкий и др., 1990, 45, рис. 9/101-107, 63-64.

Большая часть погребений (18) располагались кустообразно: три куста по два захоронения – №№ 1 и 2, №№ 4 и 12, №№ 7 и 13 и по одному кусту из трёх (№№ 6, 9, 10), четырёх (№№ 21, 22, 24, 25) и пяти (№№ 15, 16, 17, 18, 19) захоронений. Ещё семь захоронений (№№ 3, 5, 8, 11, 14, 20, 23) располагались отдельно от «кустов» и друг от друга, однако следует учитывать, что часть погребений, особенно совершённых в простых грунтовых ямах, безусловно, была уничтожена в ходе позднейшей хозяйственной деятельности **(рис. 1)**.

Ниже приводится краткое описание погребальных комплексов.

Погребение № 1 совершено в подбое, частично разрушено к моменту исследования. Погребальное сооружение длиной 1,04 м, шириной 0,5-0,58 м и глубиной[1] 1,16 м было ориентировано по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад. Вход в погребальную камеру в северной стенке входной ямы был закрыт каменным закладом, состоявшим из трёх плит **(рис. 2/1)**. На дне камеры лежал лепной горшок высотой 11 см (максимальный диаметр тулова 10 см, диаметр венчика ок. 8 см) **(рис. 2/2)**. Человеческие кости в погребении отсутствовали.

Погребение № 2 совершено в подбое, ограблено. Входная яма длиной 1,7 м, шириной 0,57 м и глубиной до 1,5 м была ориентирована по линии запад – восток. В заполнении входной ямы были обнаружены разрозненные кости человека и плиты каменного заклада, закрывавшие вход в погребальную камеру, которая была устроена в северной стенке. Камера длиной 1,88 м, шириной 0,65 м была ориентирована так же, как и входная яма **(рис. 2/3)**. Помимо множества разбросанных костей человека в камере был обнаружен фрагмент лезвия железного ножа.

Погребение № 3 совершено в подбое, частично разрушено к моменту исследования, ограблено. Входная яма длиной 1,47 м и шириной 0,7 м была ориентирована по линии запад – восток. В ней были обнаружены человеческие кости, выброшенные грабителями из погребальной камеры, вход в которую был закрыт закладом из четырёх каменных плит. Камера длиной 1,68 м, шириной 0,8 м и глубиной 1,97 м располагалась под углом к входной яме и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток **(рис. 2/4)**.

Погребение № 4 совершено в подбое. Входная яма длиной до 1,5 м, шириной до 0,85 м и глубиной 1,1 м была отделена от погребальной камеры закладом из более чем десяти камней.

[1] Здесь и далее глубины сооружений приводятся от современной дневной поверхности.

На глубине 0,78 м во входной яме зафиксированы кости крупного рогатого скота (жертвенная пища?). Погребальная камера, располагавшаяся в северной стенке входной ямы, была полностью уничтожена современной водопроводной траншеей **(рис. 3/1)**.

Погребение № 5 совершено в подбое, частично разрушено современным строительством. Входная яма и погребальная камера не прослежены. О том, что погребение было совершено в подбое, свидетельствует сохранившийся каменный заклад входа в погребальную камеру **(рис. 3/3)**. Заклад состоял из плит, одна из которых была необработанной, а вторая – представляет собой известняковый жертвенник «ольвийского типа» длиной 48 см, шириной 37 см и толщиной 15 см. На лицевой стороне жертвенника выдолблена округлая чаша диаметром 9 х 8 см и глубиной 3 см. От чаши к ближайшему краю жертвенника прорезан желобок длиной 8 см, шириной 2 см и глубиной 1,5 см, в разрезе клиновидный (Бондаренко, Васильчук, 2012, 38-41, рис. 3, 4) **(рис. 3/4)**. К северу от заклада расчищен костяк, лежавший в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, правая рука прямая, левая – прижата к тазу, от ног сохранились только бедренные кости **(рис. 3/2)**.

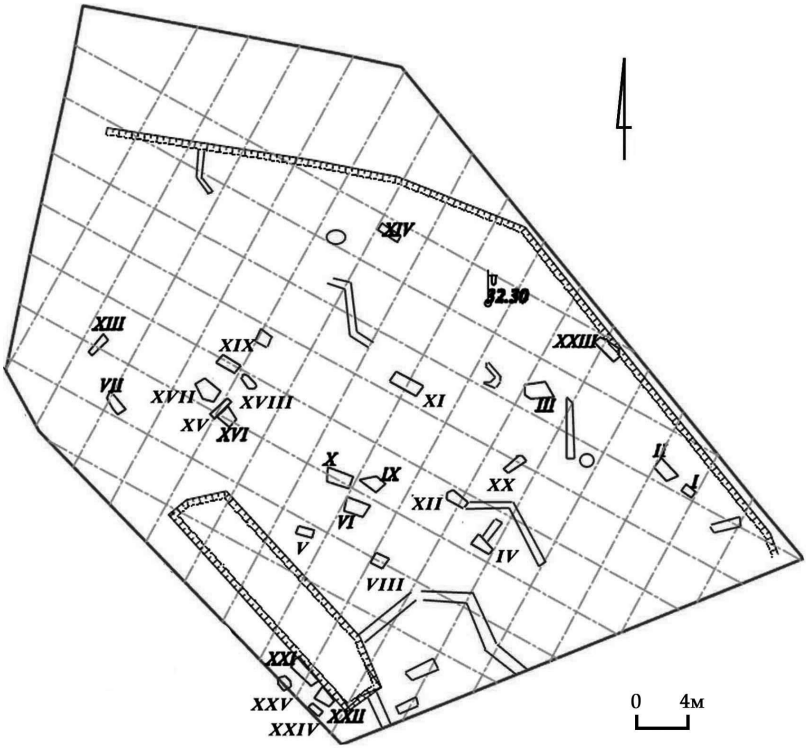

Рис. 1. План исследованной части Александровского могильника

Погребение № 6 совершено в подбое, частично разрушено современным строительством. Входная яма длиной 1,28 м и шириной 0,26 м, ориентированная по линии запад – восток, зафиксирована только в своей придонной части. Она была отделена от погребальной камеры двухрядным каменным закладом. Камера подпрямоугольной формы длиной 2,32 м и шириной до 0,69 м, ориентированная по линии запад – восток, была устроена в северной стенке входной ямы. Костяк погребённого лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, кисти рук приближены к тазу, ноги прямые. Слева в ногах (у левой голени) находились кости жертвенной пищи – мелкого рогатого скота **(рис. 3/5)**. У левой бедренной кости лежали 12 наконечников стрел. Не исключено, что в состав колчанного набора входили ещё девять наконечников, обнаруженных на разных уровнях в заполнении камеры. Все наконечники стрел (21) бронзовые и относятся к трём типам: восемь трёхлопастных с выделенной втулкой **(рис. 3/6а)**; шесть трёхлопастных со слабо выделенной втулкой **(рис. 3/6б)**, семь трёхгранных со скрытой втулкой **(рис. 3/6в)**.

Погребение № 7 совершено в прямоугольной яме с закруглёнными углами, ориентированной по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад, длиной 1,99 м, шириной 0,65-0,74 м и глубиной 1,56 м **(рис. 4/1)**. Над юго-восточным углом ямы вдоль южной стенки стояла известняковая антропоморфная стела высотой 65 см, шириной 35 см (у основания) и 19 см (в верхней части) и толщиной 13 см **(рис. 4/4)**. На одной стороне стелы был сделан вырез длиной и глубиной 13 см.

Костяк погребённого лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад-запад. Череп разрушен, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. У левого плеча погребённого стоял чернолаковый килик на низком кольцевом поддоне. Высота килика 6,5 см, диаметр венчика 12,8 см, диаметр поддона 8,4 см. Внутри орнамент в виде четырёхлепестковой розетки: четыре пальметты, соединенные дугами вокруг окружности. На внешней стороне венца процарапано граффити «О» **(рис. 4/2)**. В пятом сверху правом ребре вертикально торчал бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы со скрытой втулкой и деформированным окончанием высотой 2,5 см **(рис. 4/3)**. У правого плеча погребённого обнаружены несколько рёбер животного, по-видимому, от жертвенной пищи.

Погребение № 8. Погребальная конструкция не прослежена. От костяка сохранилась только верхняя часть, нижняя – разрушена строительными работами. Погребённый лежал в вытянутом положении, головой на запад-северо-запад **(рис. 4/5)**. В изголовье находилась кость животного, железный нож (длина лезвия 11 см) с костяной рукоятью **(рис. 4/7)** и один бронзовый трёх-

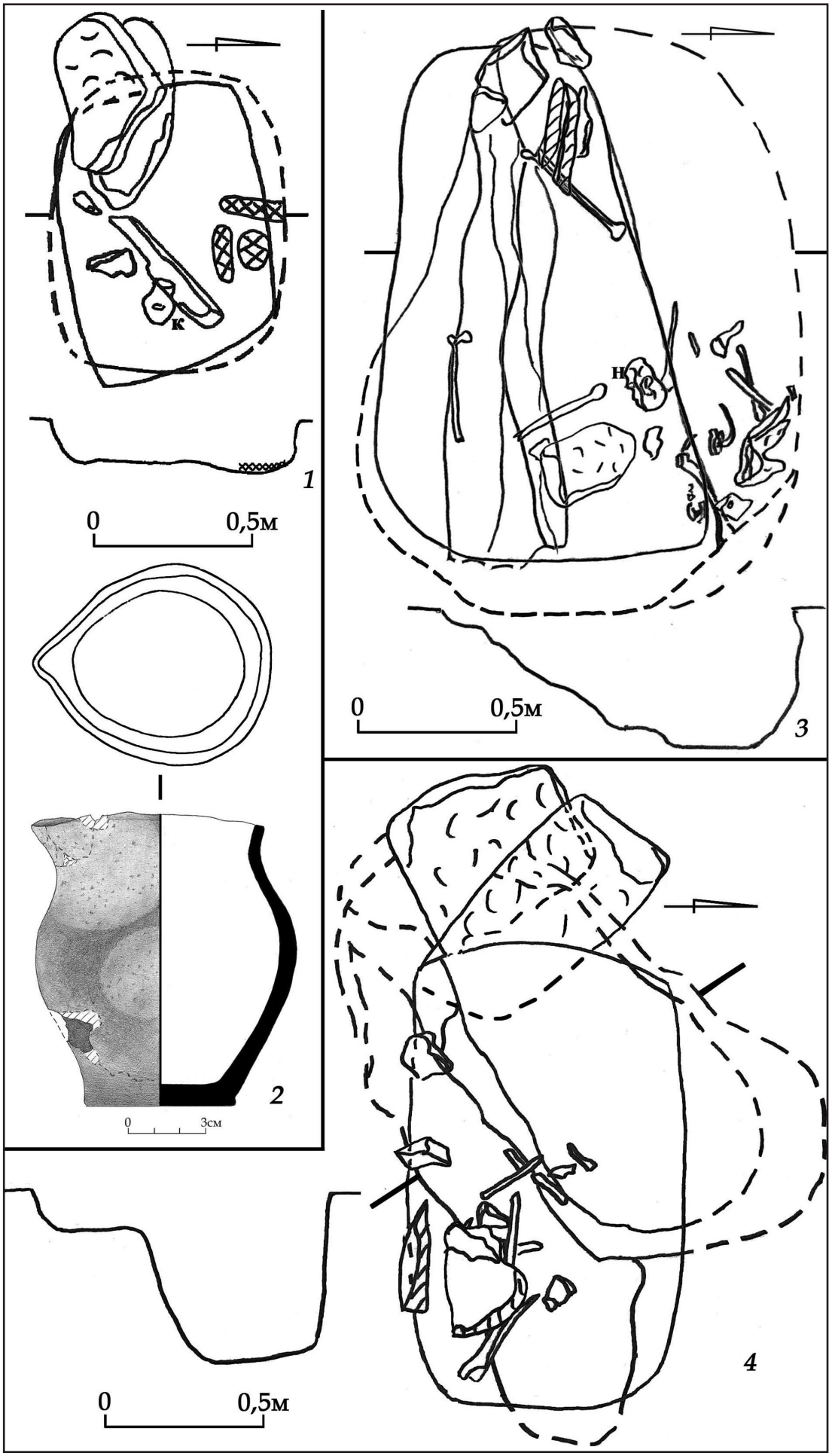

Рис. 2. Погребения и инвентарь Александровского могильника: 1, 2 – погребение 1; 3 – погребение 2; 4 – погребение 3

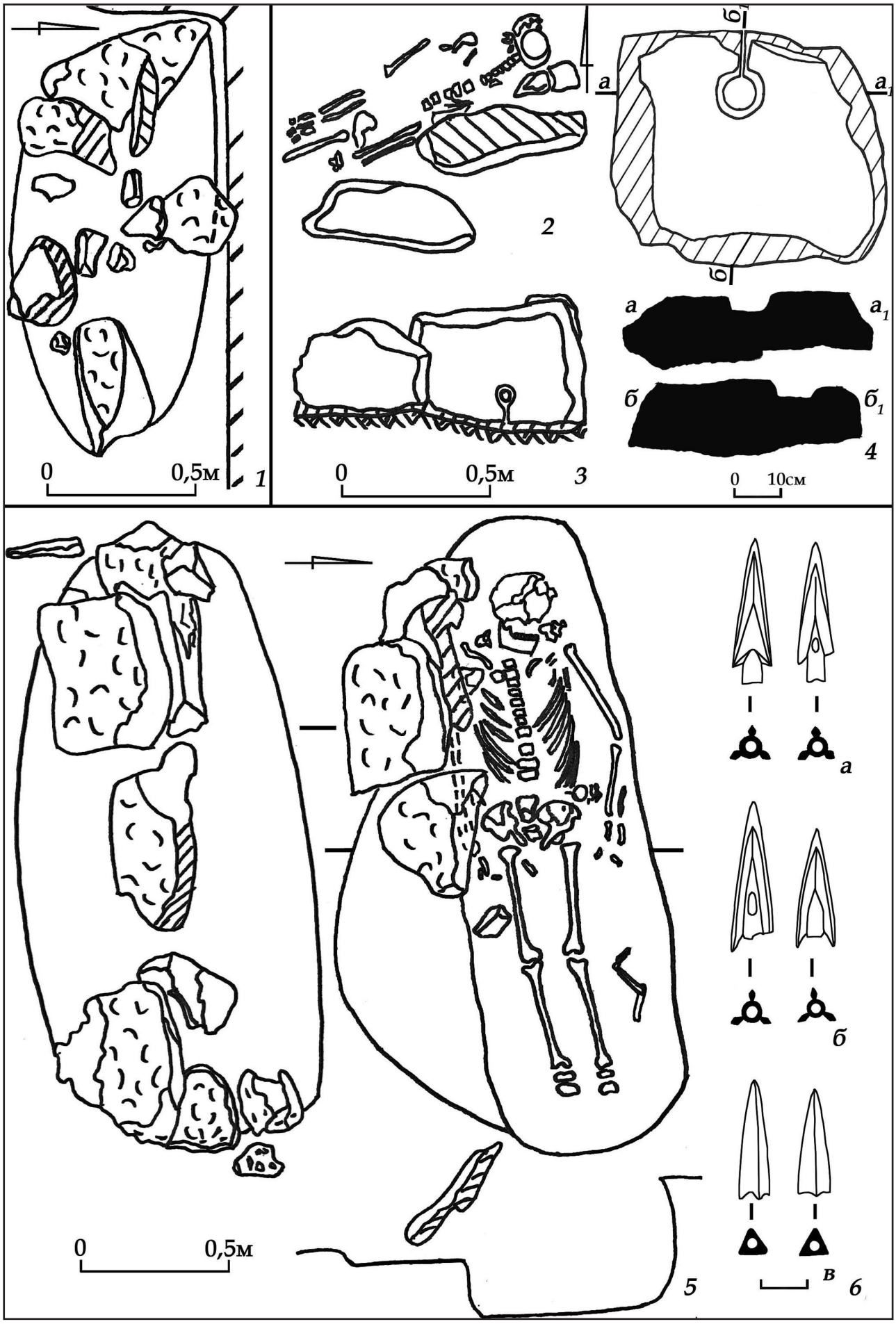

Рис. 3. Погребения и инвентарь Александровского могильника: 1 – погребение 4; 2-4 – погребение 5; 5, 6 – погребение 6

гранный наконечник стрелы со скрытой втулкой **(рис. 4/6)**.

Погребение № 9 совершено в подбое, частично разрушено современным строительством. Входная яма не прослежена, была отделена от погребальной камеры закладом из трёх каменных плит. К северу от заклада находилась погребальная камера прямоугольной формы длиной 1,88 м и шириной 0,76 м, ориентированная по линии запад – восток. Её дно было отмечено на глубине 1,15 м. Костяк погребённого лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Правая рука слегка согнута и приближена к тазу, левая – вытянута вдоль тела, ноги прямые **(рис. 4/8)**. Возле правого плеча обнаружено лепное пряслице высотой 3,4 см и диаметром 3,5 см **(рис. 4/10)**, у правой голени – сероглиняная одноручная чаша высотой 7,3 см (диаметр венчика 18,4 см) на низком кольцевом поддоне с петлевидной ручкой на уровне венчика **(рис. 4/9)**, у левого колена – донце чернолакового сосуда (над дне штампованный орнамент в виде круга, состоящего из насечек) со следами вторичного использования и граффити, состоящим из трёх букв **(рис. 4/11)**. В заполнении камеры также были найдены фрагменты двух бронзовых игл.

Погребение № 10 совершено в подбое. Овальная входная яма длиной 1,9 м, шириной 0,95 м и глубиной 1,61 м была ориентирована по линии запад – восток. Вход в погребальную камеру закрывал двухрядный каменный заклад. Камера овальной формы длиной 2,21 м и шириной до 1,05 м была устроена в северной стенке входной ямы. Костяк погребённого лежал в вытянутом положении, головой на восток. Руки слегка согнуты и приближены к тазу, ноги прямые **(рис. 5/1)**. Слева в изголовье погребённого находился сероглиняный одноручный кувшин высотой 20,6 см (диаметр венчика 10 см, максимальный диаметр тулова 18 см) **(рис. 5/2)**. Рядом с кувшином стоял чернолаковый килик высотой 11 см (диаметр венчика 11 см). Венчик сосуда отогнут и отделён от чаши углублённым поясом. Ручки тонкие, округлые в сечении, с резким изгибом, слегка подняты над венчиком **(рис. 5/3)**. У левой бедренной кости обнаружены остатки колчанного набора – 31 бронзовый наконечник стрелы, из них четыре трёхлопастных с выделенной втулкой **(рис. 5/4а)**, десять трёхлопастных со слабо выделенной втулкой **(рис. 5/4б)**, двенадцать трёхгранных со скрытой втулкой **(рис. 5/4в)**, а также пять наконечников, тип которых не определяется ввиду плохой сохранности. Возле стоп погребённого находилась жертвенная пища, от которой сохранились несколько костей мелкого рогатого скота.

Погребение № 11 совершено в подбое, частично разрушено современным строительством. Сохранился каменный заклад входа в камеру, состоявший из пяти крупных плит, и сама погребальная камера глубиной 1,42 м, контуры которой прослежены не были. К северу от каменного заклада находился костяк погребённого, головой на запад. Судя по сохранившимся костям, он лежал в вытянутом положении на спине. Ноги прямые, кости рук не сохранились **(рис. 6/1)**. Справа от погребённого были положены копьё и два дротика, от которых сохранились железные наконечники и три железных втока. Наконечник копья имел длину ок. 47 см и максимальную ширину пера ок. 4 см **(рис. 6/3)**. Длина одного из втоков ок. 25 см, диаметр 2,5 см **(рис. 6/4)**. Помимо этого в заполнении погребения найден бронзовый трёхгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой **(рис. 6/2)**.

Погребение № 12 совершено в яме вытянутой прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 2,25 м, шириной 0,6-0,85 м и глубиной 1,53 м. Яма была ориентирована по линии запад – восток, частично разрушена современным строительством. В заполнении ямы обнаружены разрозненные человеческие кости. Судя по ним, погребённый лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад **(рис. 6/5)**. В заполнении ямы найдены шесть бронзовых наконечников стрел, из которых четыре трёхлопастных с выделенной втулкой **(рис. 6/6а)**, один трёхгранный со скрытой втулкой **(рис. 6/6в)** и один двухлопастный **(рис. 6/6б)**.

Погребение № 13 совершено в яме вытянутой прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,5 м, шириной 0,44-0,56 м и глубиной 1,3 м. Яма была ориентирована по линии север – юг с незначительным отклонением к востоку. Погребение ограблено. В центре ямы находились разрозненные кости человека **(рис. 6/8)**. Между ними зафиксировано 95 целых пастовых бусин разнообразных форм и расцветок: одна крупная бочонковидная бусина белого цвета; одна плоская округлая бусина синего цвета диаметром до 0,9 см; одна цилиндрическая пронизь лазурного цвета; две параллелепипедные пронизи салатового цвета; две цилиндрические бусины белого цвета; 49 цилиндрических и параллелепипедных бус тёмно-серого цвета; 21 параллелепипедная бусина глухого белого цвета; восемь цилиндрических бус глухого белого цвета **(рис. 6/7)**. Также было найдено несколько десятков фрагментов от несохранившихся бусин.

Погребение № 14 совершено в яме вытянутой прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,7 м, шириной 0,6-0,75 м и глубиной 1,78 м. Яма была ориентирована по линии запад – восток. Костяк погребённого лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток, частично разрушен (отсутствует череп, нижняя часть грудной клетки, таз, бедренные кости и левая голень). Руки располагались вдоль тела, ноги прямые **(рис. 7/1)**. Из инвентаря сохранил-

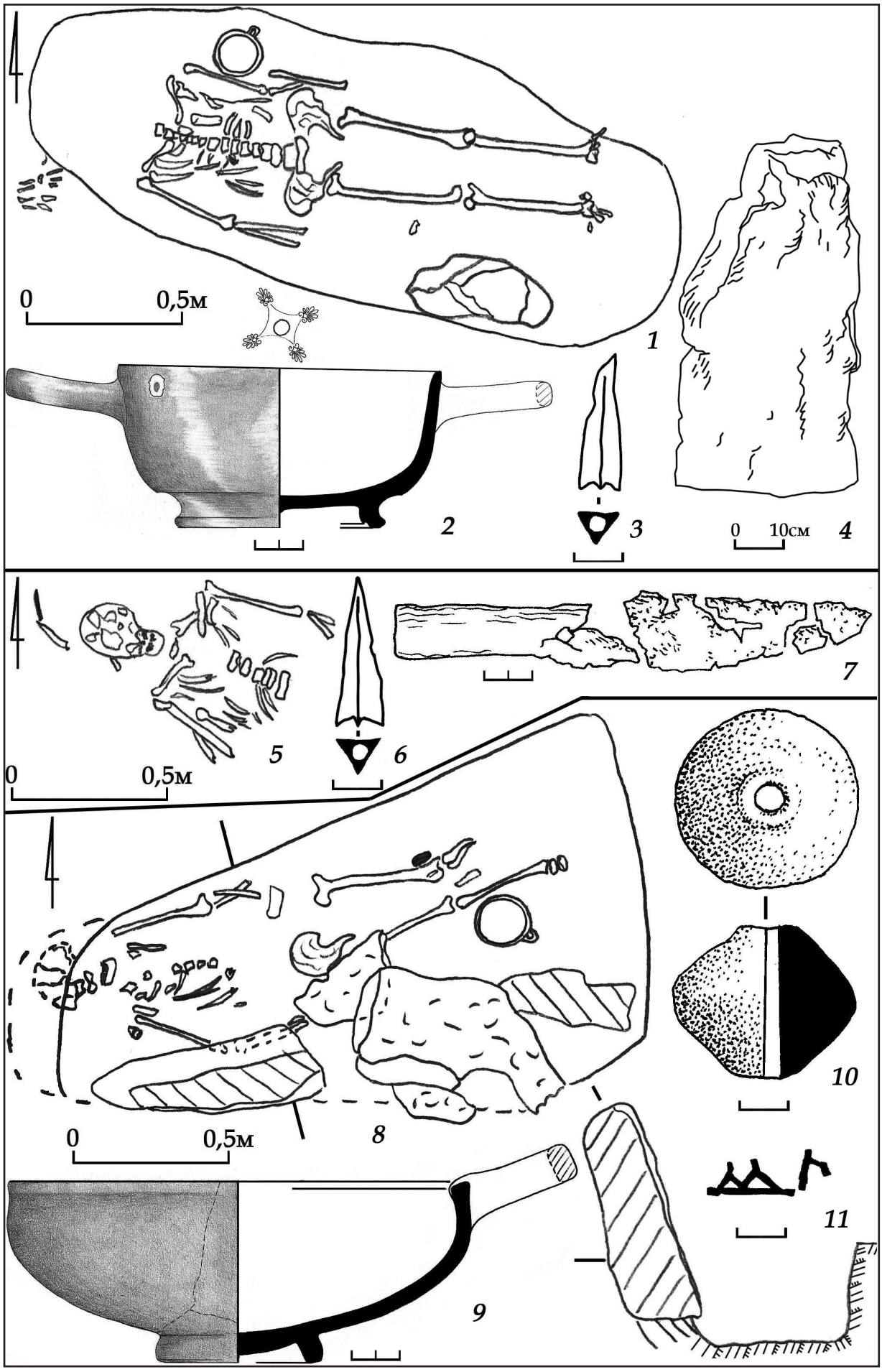

Рис. 4. Погребения и инвентарь Александровского могильника: 1-4 – погребение 7; 5-7 – погребение 8; 8-11 – погребение 9

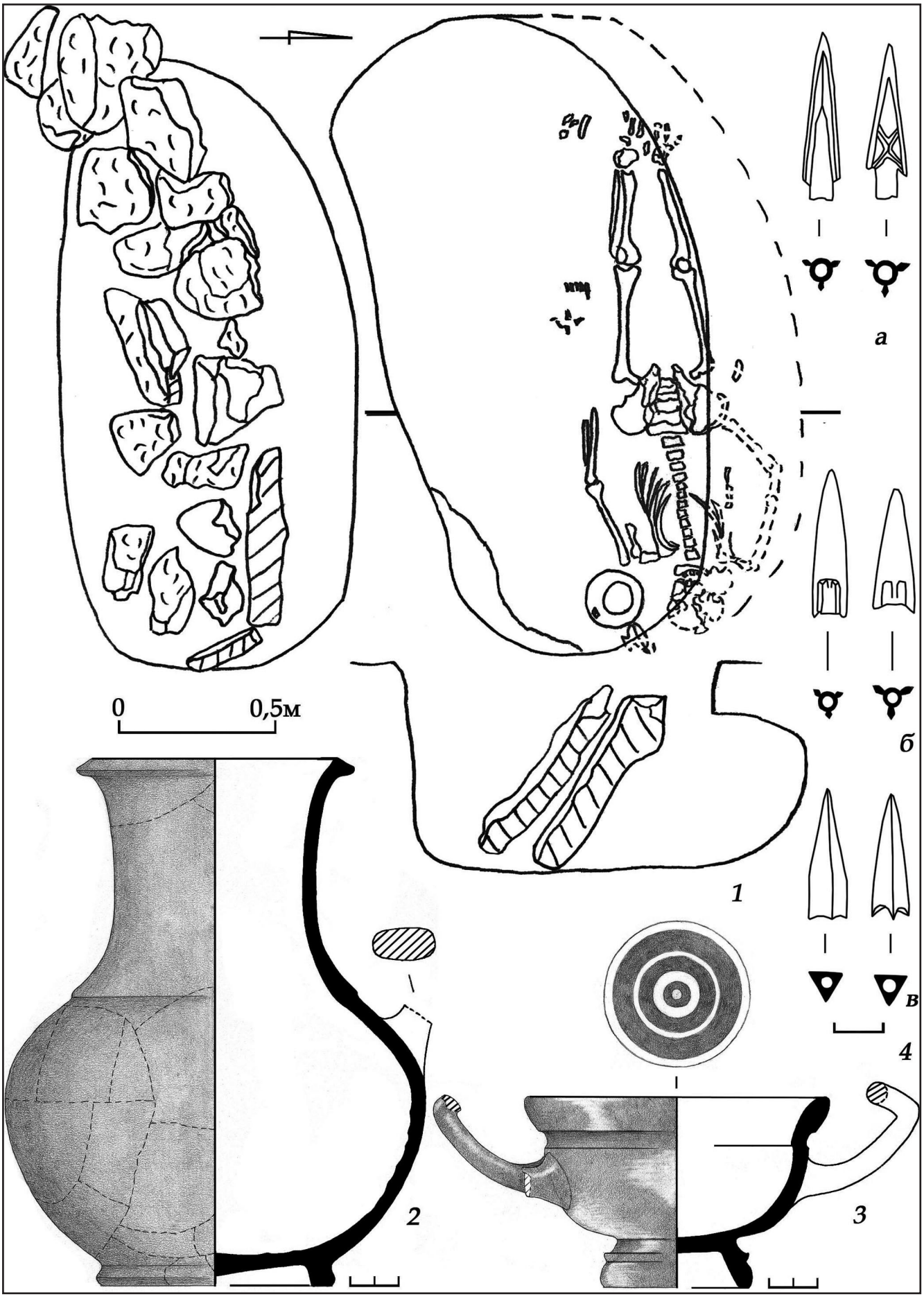

Рис. 5. Погребение 10 Александровского могильника

ся только гончарный лекиф высотой 9 см (диаметр дна 4 см, максимальный диаметр тулова 5 см, диаметр венчика 3,4 см). Венчик сосуда имеет почти горизонтально срезанный край. Венчик и часть горла окрашены лаком. Ручка отбита в древности. Поддон кольцевой, невысокий. Корпус орнаментирован сеткой из тонких чёрно-бурых полос и мелкими пятнами белого цвета **(рис. 7/2)**.

Погребение № 15 совершено в яме вытянутой прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,57 м, шириной 0,58-0,62 м и глубиной 1,53 м. Яма была ориентирована по линии север – юг. Погребение ограблено, костяк погребённого был частично разрушен. Кости ног лежали в анатомическом порядке, остальные кости либо отсутствовали, либо были повреждены. Судя по положению костей ног, погребённый лежал в вытянутом положении на спине, головой на север **(рис. 7/3)**. В районе грудной клетки и ног костяка было зафиксировано 1451 бусина белого, чёрного, голубого, зелёного и жёлтого цветов **(рис. 7/4)**, что, по-видимому, указывает на наличие в захоронении до ограбления богатого ожерелья и, вероятно, расшитой бусами одежды. Возле правого бедра погребённого обнаружены остатки жертвенной пищи – трубчатая кость животного.

Погребение № 16 совершено в подбое, частично разрушено современным строительством, западная часть захоронения была уничтожена погребением № 15. Входная яма не сохранилась. Вход в погребальную камеру был закрыт двухрядным каменным закладом. Заклад и погребальная камера были ориентированы по линии запад – восток, погребальная камера была устроена в южной стенке несохранившейся входной ямы. Сохранившаяся длина камеры 2,03 м, ширина 1,26 м, глубина 1,57 м. Костяк погребённого лежал в вытянутом положении, головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые **(рис. 7/5)**. На левое предплечье погребённого был надет бронзовый браслет с несомкнутыми окончаниями, оформленными в виде змеиных головок **(рис. 7/6)**. У правого бедра располагался кожаный колчан с остатками лёгких древков и 30 наконечниками стрел. Все наконечники бронзовые, из них пять трёхлопастных с выделенной втулкой **(рис. 7/8а)**, девять трёхлопастных со скрытой или очень слабо выделенной втулкой **(рис. 7/8б)** и 16 трёхгранных со скрытой втулкой **(рис. 7/8в)**. Возле левого плеча находился железный нож с костяной рукоятью **(рис. 7/7)**.

Погребение № 17 совершено в подбое. Входная яма трапециевидной формы с закруглёнными углами длиной 1,64 м, шириной 0,45 м и глубиной 1,76 м была ориентирована по линии северо-запад-запад – юго-восток-восток. Погребальная камера длиной 2,26 м, шириной до 0,9 м и глубиной до 1,9 м была устроена в южной стенке в южной стенке входной ямы и отделена от неё двухрядным каменным закладом. Погребение ограблено. По всей камере подбоя разбросаны кости человека, между которыми находились отдельные камни **(рис. 8/1)**. В заполнении обнаружены семь бусин (прямоугольные, синие с тремя белыми линиями по центру – четыре; округлые, ребристые, белые – две; биконическая, жёлтая – одна) и 266 бисерин белого, жёлтого, зелёного, синего цвета **(рис. 8/2)**.

Погребение № 18 совершено в яме прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,18 м, шириной 0,57 м и глубиной 1,6 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Погребение полностью ограблено. В заполнении ямы обнаружен сероглиняный лекиф высотой 11,9 см (диаметр дна 5,4 см, максимальным диаметр тулова 8,6 см, диаметр венчика 3 см) **(рис. 8/4)**, а также одна пронизь **(рис. 8/5)** и две бусины – белого и голубого цвета **(рис. 8/6)**.

Погребение № 19 совершено в подбое, полностью разрушено современным строительством. Входная яма и погребальная камера уничтожены. О наличии погребении можно судить только по сохранившемуся каменному закладу, состоявшему из семи плит и ориентированному по линии северо-запад-запад – юго-восток-восток.

Погребение № 20 совершено в яме подпрямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,44 м, шириной 0,48 м и глубиной 1,43 м. Яма была ориентирована по линии север – юг. Погребение практически полностью уничтожено современным строительством и ограблено в древности. Костей человека и находок не обнаружено.

Погребение № 21 совершено в подбое. Входная яма прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 2,28 м, шириной сохранившихся частей 0,15 м и 0,4 м, глубиной 1,26 м частично уничтожена современным строительством. На её дне обнаружен череп человека. Вход в погребальную камеру был закрыт двухрядным каменным закладом. Камера длиной 2,5 м, шириной до 0,84 м и глубиной 1,51 м была устроена в северной стенке ямы. Погребение ограблено в древности. Человеческих костей и находок не обнаружено **(рис. 8/7)**.

Погребение № 22 совершено в подбое, частично разрушено современным строительством. Погребальная камера уничтожена практически полностью. Входная яма длиной 1,44 м, шириной 0,52 м и глубиной 1,1 м была ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-восток-восток. Погребальная камера длиной ок. 1,45 м и шириной ок. 0,8 м была устроена в северной стенке входной ямы и отделена от неё закладом из шести крупных каменных плит **(рис. 9/1)**.

Погребение № 23 совершено в подбое, частично разрушено современным строительст-

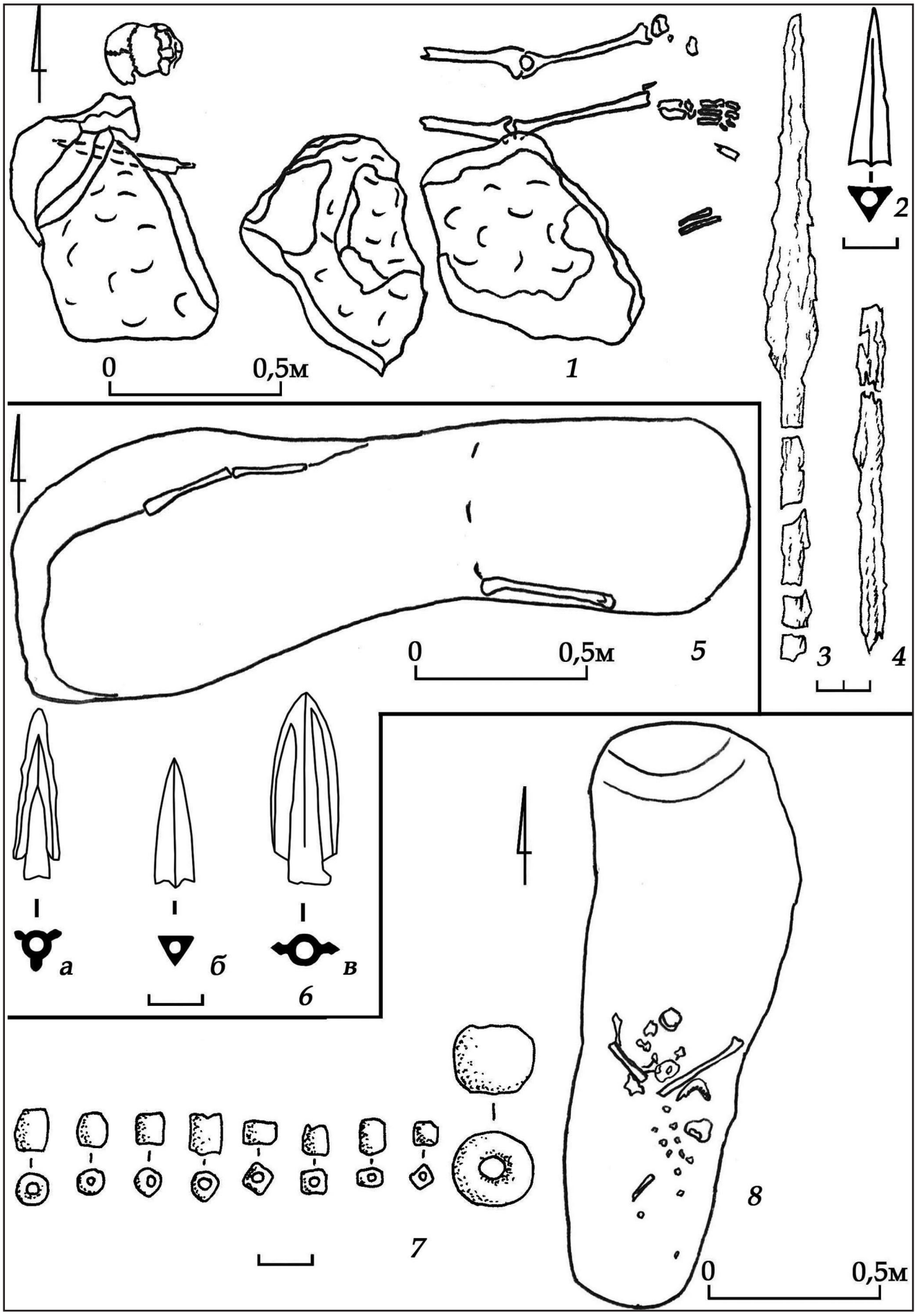

Рис. 6. Погребения и инвентарь Александровского могильника:
1-4 – погребение 11; 5, 6 – погребение 12; 7, 8 – погребение 13

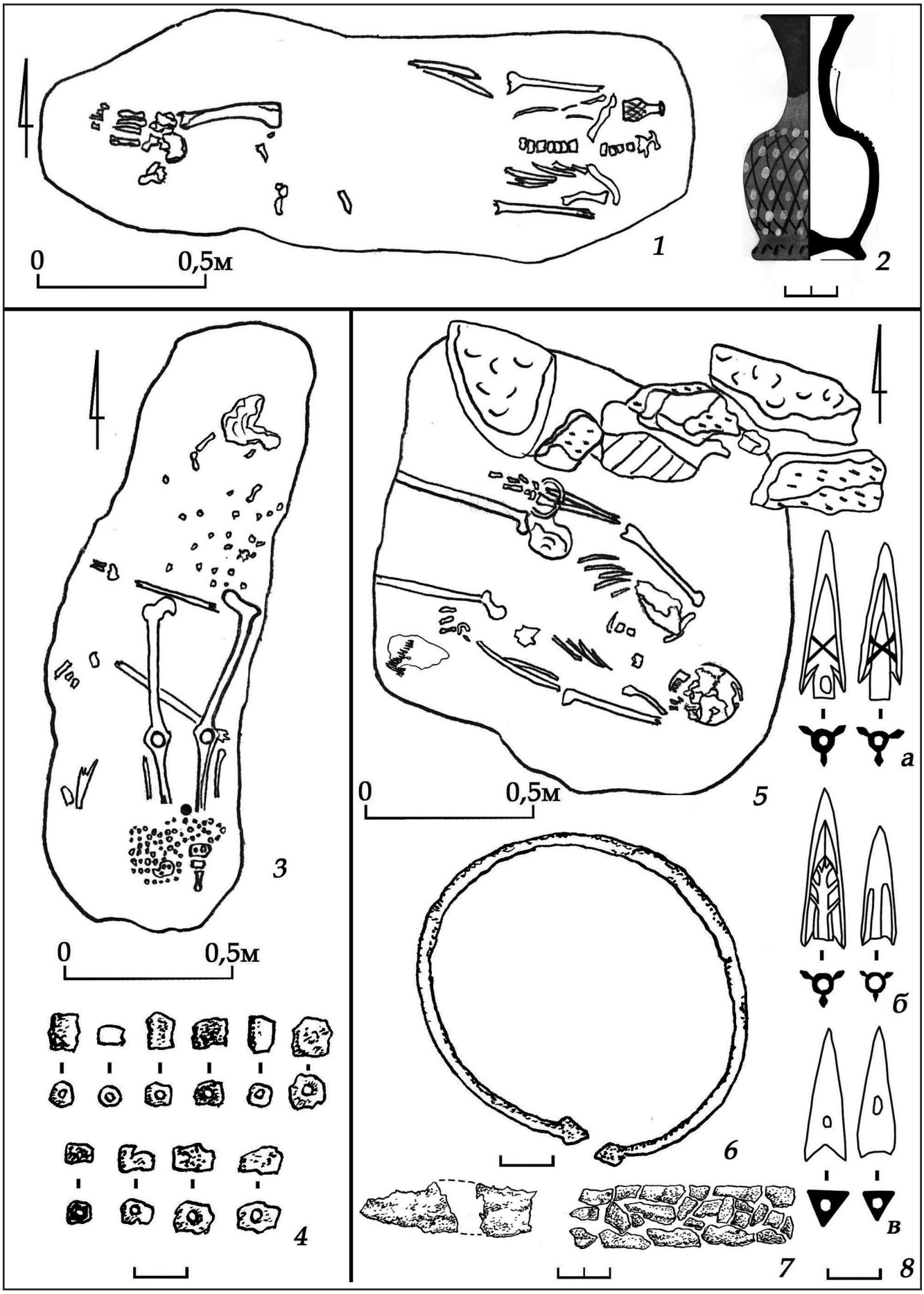

Рис. 7. Погребения и инвентарь Александровского могильника:
1, 2 – погребение 14; 3, 4 – погребение 15; 5-8 – погребение 16

вом. Входная яма длиной 1,96 м, шириной 1,14 м и глубиной 1,33 м была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Заклад входа в камеру отсутствовал. Погребальная камера прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 2,08 м, шириной до 1,07 м и глубиной 1,44 м была устроена в северной стенке входной ямы **(рис. 9/2)**. На дне камеры обнаружены разрозненные кости двух индивидуумов (найдены два черепа), фрагменты железного ножа с костяной рукоятью **(рис. 9/4)** и чернолаковый канфар. Высота сосуда 6,8 см, диаметр отогнутого наружу венчика 9,4 см, ручки массивные, подпрямоугольные в сечении, с плоскими горизонтальными выступами в виде шипов. Внутри находится орнамент в виде шести соединенных пальметт в кругу из ряда насечек **(рис. 9/3)**.

Погребение № 24 совершено в подбое. Входная яма прямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,28 м, шириной 0,57-0,66 м и глубиной 1,15 м была ориентирована по линии запад – восток с незначительным отклонением. Погребальная камера трапециевидной формы длиной 1,28 м, шириной 0,28-0,42 м и глубиной 1,17 м была устроена в северной стенке камеры и была отделена от неё закладом из трёх каменных плит. Костяк погребённого (ребёнка) лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. Кости рук и ног сохранились не полностью **(рис. 10/1)**. В районе шеи было зафиксировано ожерелье из трёх раковин couri **(рис. 10/2)**.

Погребение № 25 совершено в подбое. Входная яма прямоугольной формы длиной 1,21 м, шириной 0,67 м и глубиной 1,08 м была ориентирована по линии запад – восток с незначительным отклонением. Погребальная камера подпрямоугольной формы с закруглёнными углами длиной 1,21 м, шириной 0,56 м и глубиной 1,14 м была устроена в северной стенке камеры и была отделена от неё трёхрядным каменным закладом. Погребение полностью ограблено. Человеческого костяка и находок не обнаружено **(рис. 10/3)**.

* * * * *

Анализ погребальных комплексов Александровском могильника показывает, что все его захоронения конструктивно принадлежат двум видам погребальных сооружений. Бóльшая часть из них совершена в катакомбах (17), меньшая – в ямах (7), ещё в одном случае вид погребального сооружения установить не удалось. Не исключено при этом, что часть исследованных ям могли являться погребальными камерами катакомб. Подавляющее большинство погребальных сооружений (22) своей длинной осью ориентировано широтно – по линии запад – восток или с незначительным отклонением. Меридионально (по линии север – юг) было ориентировано всего три погребения, причём все они были совершены в ямах.

Практически все погребальные камеры подбоев были устроены в северных стенках входных (13), только две – в южных, ещё в одном случае (когда сохранился только каменный заклад) установить взаимное расположение входной ямы и погребальной камеры не представляется возможным. Особое место занимает погребение № 3, погребальная камера которого располагалась не параллельно входной яме, а под углом к ней – т.н. называемая катакомба VI типа по классификации В.С. Ольховского (1991, 28). Как правило, погребальная камера закрывалась закладом: однорядным – 9, двухрядным – 6, трёхрядным – 1. Только в одном случае достоверно установлено отсутствие каменного заклада входа в погребальную камеру (п. 23). Примечательно присутствие в составе одного из закладов (п. 5) жертвенника «ольвийского» типа, что известно, в частности, в Ольвии (Папанова, 2004, 189), на поселении Панское 1 (Рогов, 2011, 53) и в Керкеникиде (Папанова, 2004, 196).

Не менее интересна находка антропоморфной стелы возле края ямы (погребение № 7). Подобные примитивные изваяния изредка сопровождают скифские погребальные комплексы. В частности, одно из них было найдено во рву кургана 12 (9) группы Солоха у с. Большая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области (Ольховский, Евдокимов, 1994, 22, ил. 23/40).

Поза погребённых в тех случаях, когда это было установлено, – вытянутое положение на спине с незначительными вариациями за счёт различного положения рук. Преобладающая ориентировка широтная: западная (7) и восточная (4), ещё в 11 случаях её направление установить не представляется возможным ввиду ограбления комплексов и их потревоженности при современном строительстве. Меридиональная ориентировка была у всех погребённых, которые были положены в ямы, длинные оси которых были так же ориентированы, однако её направление (северное) достоверно устанавливается только в одном случае (п. 15).

Погребальный инвентарь присутствовал практически во всех захоронениях могильника Александровский. Вооружение обнаружено в семи погребениях и представлено наконечниками стрел (пп. 6-8, 10-12, 16), а также наконечниками и втоками одного копья и двух дротиков (п. 11). Орудия труда найдены в шести погребальных комплексах: железные ножи с костяными рукоятями (пп. 2, 8, 16, 23), лепное пряслице (п. 9) и две бронзовые иглы (п. 10). Посуда происходит из пяти захоронений: лепной горшок (п. 1), а также ряд греческих гончарных импортов – два чернолаковых килика (п. 7, 10), серо-

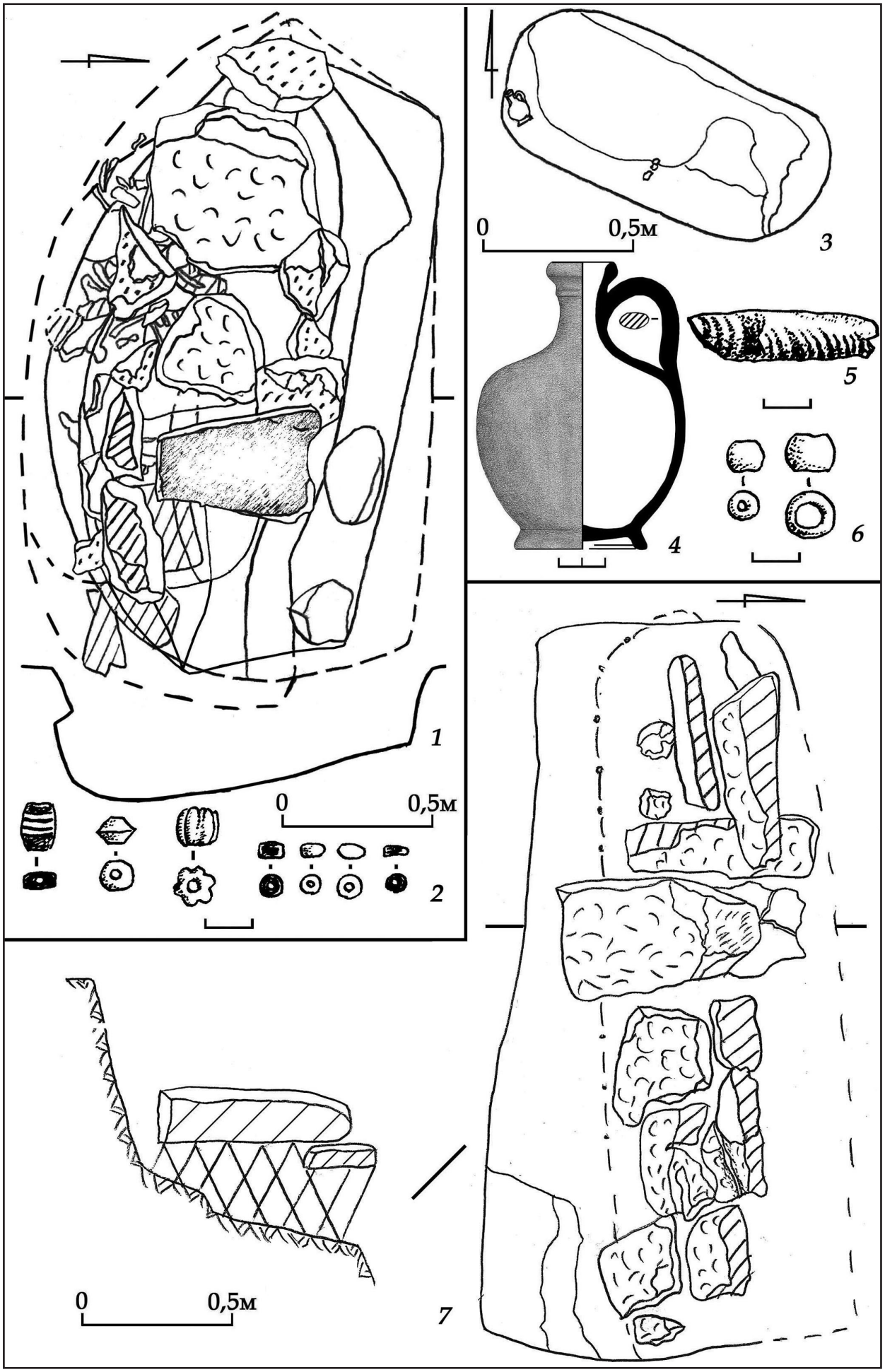

Рис. 8. Погребения и инвентарь Александровского могильника: 1, 2 – погребение 17; 3-6 – погребение 18; 7 – погребение 21

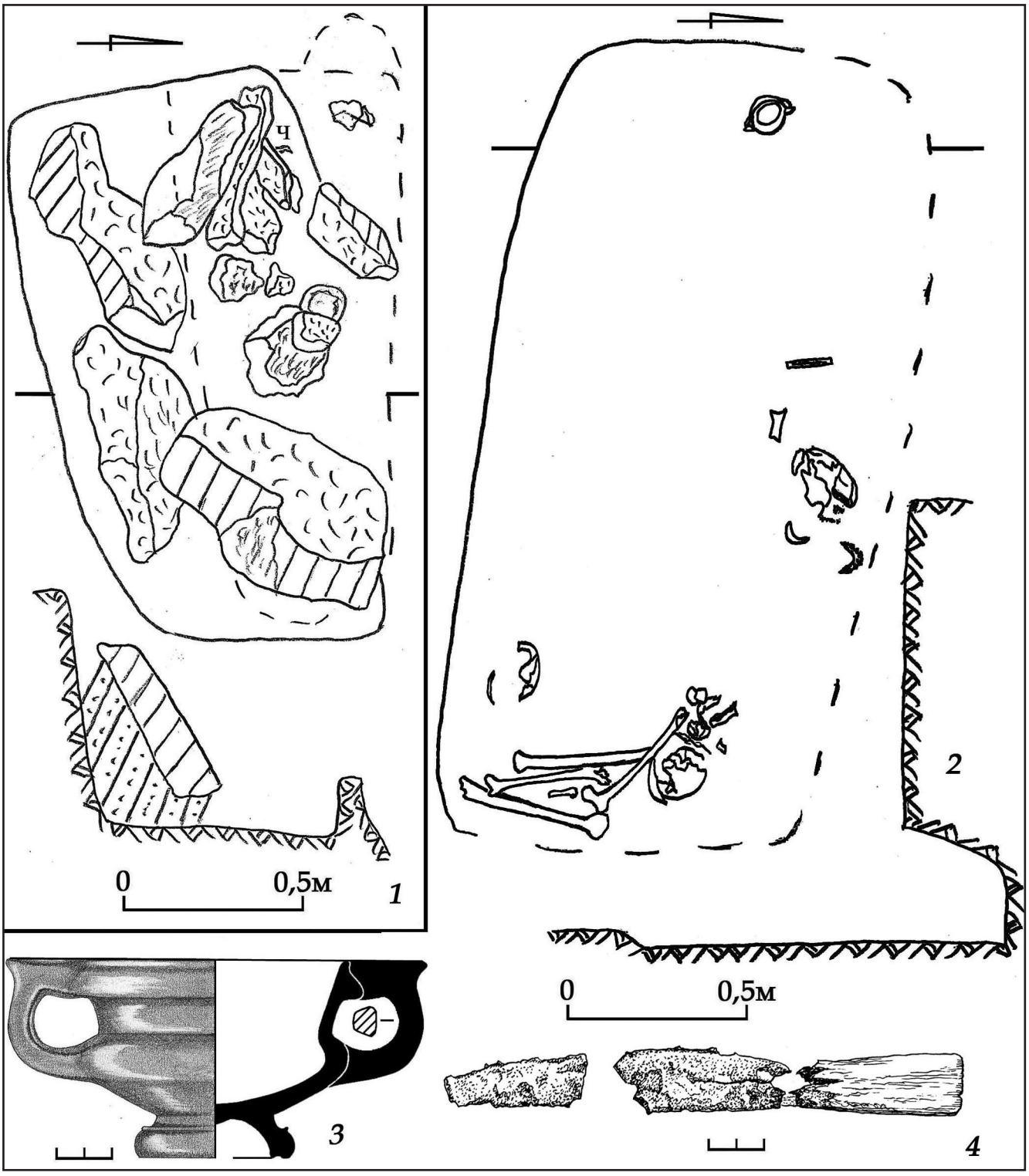

Рис. 9. Погребения и инвентарь Александровского могильника: 1 – погребение 22; 2-4 – погребение 23

глиняная одноручная чаша и донце чернолакового сосуда (п. 9), чернолаковый канфар (п. 23). Украшения обнаружены в шести погребениях могильника и представлены различными бусами, пронизями и бисером (п. 13, 15-18), а также раковинами couri (п. 24). К предметам туалета относятся находки гончарного чернолакового (п. 14) и сероглиняного лекифов (п. 18).

В шести случаях достоверно установлено помещение жертвенной пищи в погребальный комплекс (пп. 3, 6-8, 10, 15).

Помимо инвентаря, обнаруженного при раскопках погребений могильника, с его территории происходят и другие находки, а именно гончарных керамических импортов. Несмотря на «случайность» этих находок,[2] нет сомнений, что все они также являлись погребальным инвентарём. Это фрагменты гераклейских амфор – две клеймёные горловины **(рис. 11/5,6)** и одна нижняя часть с ножкой **(рис. 11/7)**, чернолаковая солонка с загнутым внутрь венчиком высотой

[2] На начальной стадии производства строительных работ, во время которых и был обнаружен могильник.

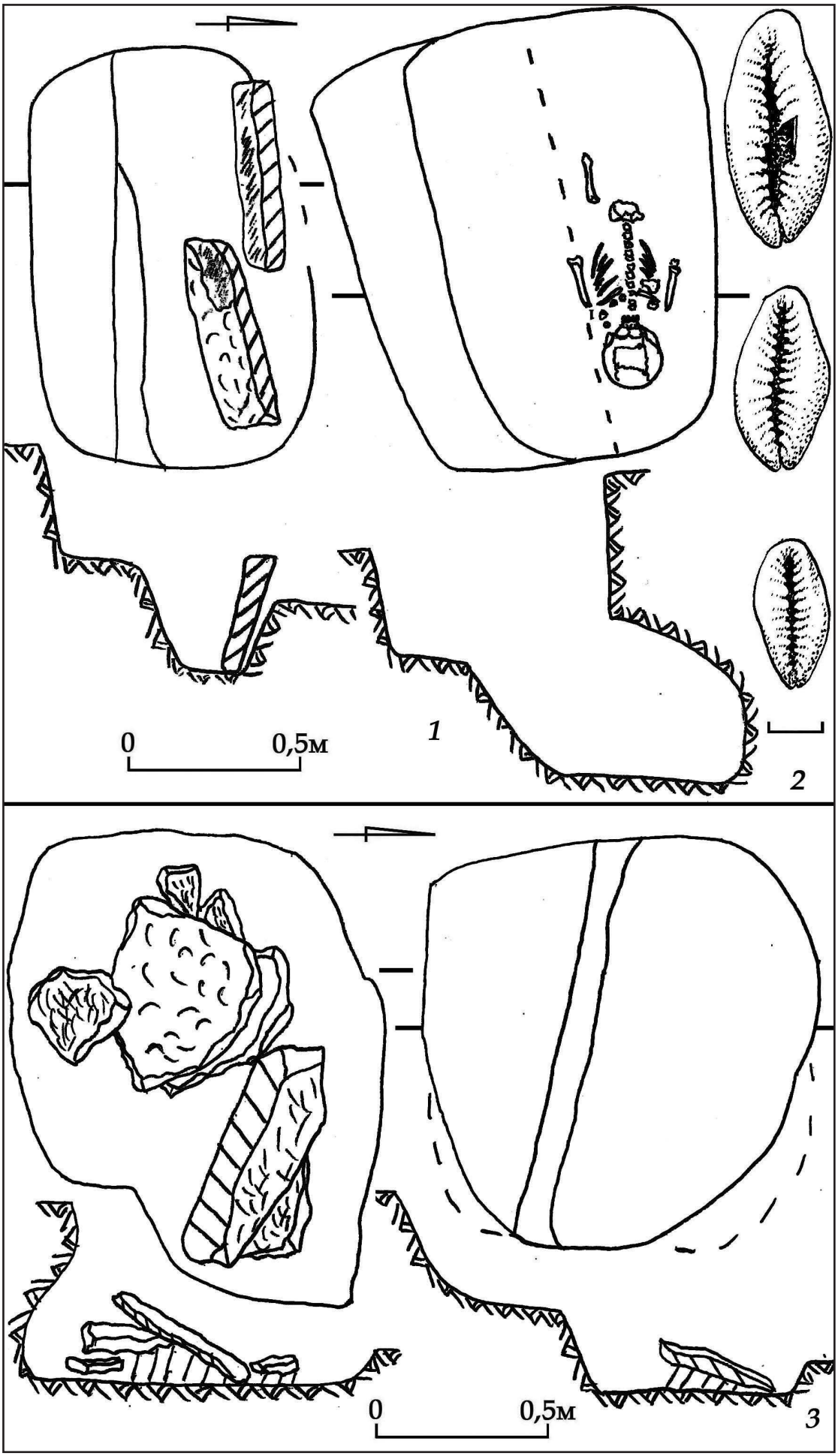

Рис. 10. Погребения и инвентарь Александровского могильника: 1, 2 – погребение 24; 3 – погребение 25

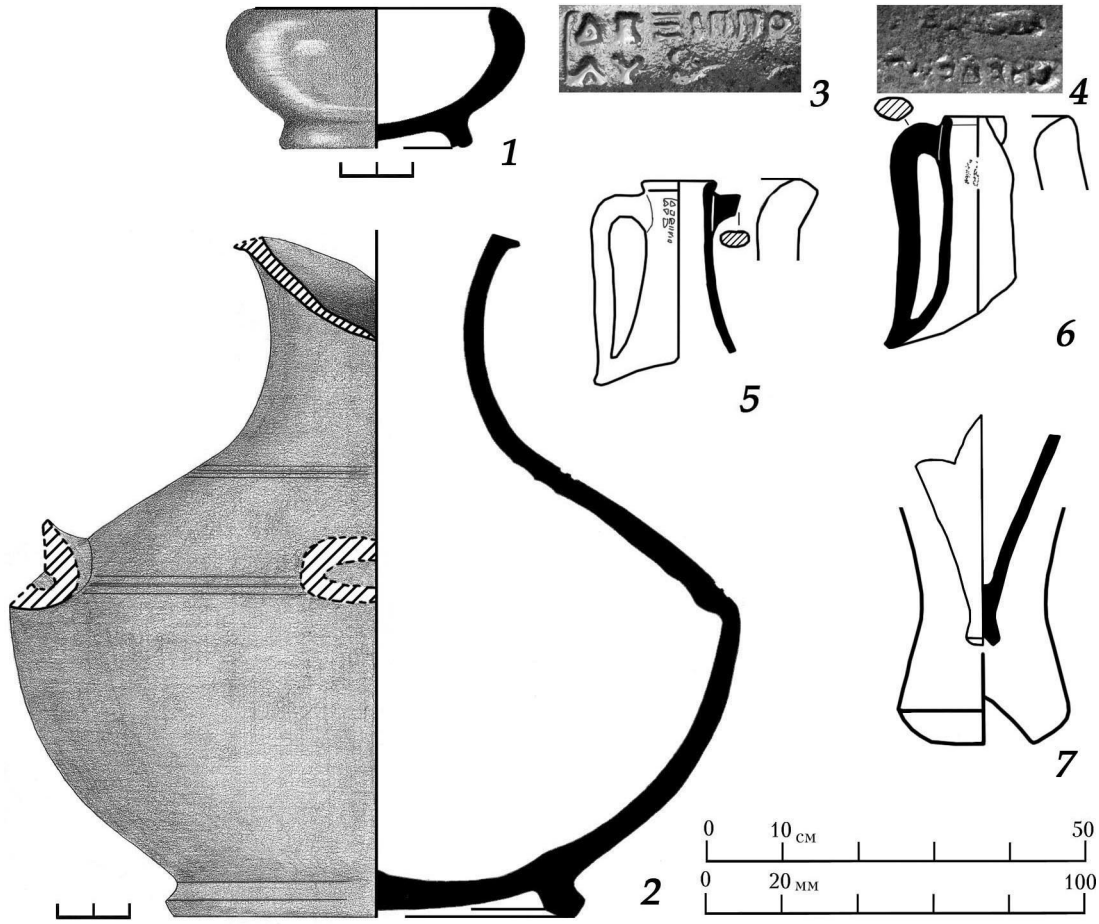

Рис. 11. Находки керамики с территории Александровского могильника

3,8 см (диаметр поддона 5,2 см, максимальный диаметр 8 см, диаметр венчика 6,4 см) **(рис. 11/1)** и сероглиняный лагинос (ойнохоя?) **(рис. 11/2)**.

Хронология могильника Александровский, в первую очередь, опирается на греческие керамические импорты.

Началом IV в. до н. э. датируется чернолаковый килик аттического производства на низком кольцевом поддоне с петлевидными ручками из погребения № 7 (Фармаковский, 1903, 33-34, рис. 16, 17; Козуб, 1974, 45-46, рис. 6/6; Рогов, Тункина 1998, 163, рис 5/2-6; Папанова, 2000, 169). Не исключено, что из этого же захоронения происходит одна из клеймёных гераклейских амфор. На её горловине оттиснуто в первой строке имя фабриканта Дексиппа, во второй – магистрата Ly(---), сопровождаемого эмблемой «два листа плюща» **(рис. 11/3)**. Пока клейма этого штампа в Северном Причерноморье не встречены. Время деятельности магистрата приходится на 90-е гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007, прил. V-2).[3]

К этому же времени – началу IV в. до н. э. – относится и производство аттического чернолакового килика из погребения № 10 (Sparkes, Talcott, 1970, 111-112).

Второй четвертью IV в. до н. э. датируется производство ещё одной клеймёной гераклейской амфоры. Надпись в клейме, оттиснутом на горловине, предположительно принадлежит магистрату Агнодаму **(рис. 11/4)** и относится к 60-м гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007, прил. V-4), имя же фабриканта восстановить не удалось.[4]

Третьей четвертью IV в. до н. э. следует датировать аттический чернолаковый канфар из погребения № 23 (Sparkes, Talcott, 1970, 113-124, fig. 7; Папанова, 2000, 210, рис. 12а; Егорова, 2009, 89, кат. № 55, рис. 5).

Сетчатый лекиф аттического производства из погребения № 14 относится ко второй половине – концу IV в. до н. э. (Козуб, 1962, 130-131, табл. IV/4-6; 1974, 99, 101; Иванов, 1963, 121-125 (№ 143-166), табл. 53 (161, 164); 54; Рогов, Тункина, 1998, 173; Егорова, 2009, 146-147, кат. № 518, 519, рис. 32а).

Значительно более широко датируются сероглиняная чаша из погребения № 9 и лекиф из погребения № 18 (V-IV вв. до н. э.), а также сероглиняный кувшин (IV в. до н. э.) из погребения № 10, возможно, ольвийского производства (Козуб, 1974, рис. 23/3). В пределах всего IV в. до н. э. датируется и чернолаковая солонка аттического производства, которая относится к одному из наиболее распространённых типов – с загнутым внутрь венчиком (Rotroff, 1997, 65, № 1075, 1076).

[3] Выражаю благодарность к.и.н. В.И. Кацу за предварительное определение клейма.

[4] Выражаю благодарность к.и.н. В.И. Кацу за предварительное определение клейма.

Завершая анализ керамических импортов необходимо отметить, что, судя по имеющимся материалам, могильник Александровский функционировал на протяжении всего IV в. до н. э., а возможно, и большего периода. Не исключено, что верхняя граница памятника может быть поднята до середины III в. до н. э. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие сероглиняной гончарной посуды, нередко встречающейся на некрополе Ольвии в погребениях эллинистического времени (Паровић-Пешикан, 1974, 96-98, 107-108, рис. 87, 92/5). Во-вторых, анализ колчанных наборов из захоронений могильника Александровский показывает доминирование трёхгранных наконечников со скрытой втулкой, что характерно для второй половины IV – первой половины III в. до н. э.

Предполагаемое время функционирования могильника соответствует различным этапам существования Ольвийского государства: расцвету (первые три четверти IV в. до н. э.), упадку (осада Зопирионом Ольвии в 331 г. до н. э.) и новому подъёму, начиная с последней четверти IV в. до н. э. и, по крайней мере, до середины III в. до н. э. Для последнего из указанных этапов характерно расширение границ Ольвийского полиса за счёт вхождения в его состав территории Николаевского полуострова. Жители поселения Николаев-6 контролируют переправу через р. Ингул. Однако уже к середине III в. до н. э. в Ольвии наступает экономический спад, что ведёт к уменьшению территории государства (Леви, 1985, 3). Возможно, именно в это время и прекращают функционировать поселение Николаев-6 и Александровский могильник, расположенные в непосредственной близости. Только на рубеже эр и во время римского военного присутствия в регионе Николаевский полуостров вновь входит в сферу влияния Ольвии.

Литература

Бондаренко, Васильчук, 2012 – Бондаренко Д., Васильчук. О. Нова знахідка античного вівтаря з розкопок некрополю Олександрівський в 2011 році // Аркасівські читання: мат-ли II Міжнар. наук.-практ. конф. (ред. О.І. Гуржій, В.М. Даніленко). Миколаїв. Вид-во МНУ ім. В.О. Сухомлинського. С. 38-41.

Егорова, 2009 – Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. Изд-во МГУ. 253 с.

Иванов, 1963 – Иванов Т. Античная керамика от некропола на Аполония // Аполония. Раскопките в некропола на Аполония през 1947-1949 (отв. ред. И. Венедиков). София. Печатницата на Българската академия на науките. С. 65-274.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизмам (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Козуб, 1962 – Козуб Ю.І. Лекіфи ольвійського некрополя V-IV ст. до н.е. // Археологія. Т. XIV. С. 130-141.

Козуб, 1974 – Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії 5-4 ст. до н.е. Київ. Наукова думка. 184 с.

Крыжицкий и др., 1990 – Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев. Наукова думка. 136 с.

Леви, 1985 – Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л. Наука. 152 с.

Ольховский, 1991 – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М. Наука. 256 с.

Ольховский, Евдокимов, 1994 – Ольховский В.С. Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М. МТО Метео. 188 с.

Папанова, 2000 – Папанова В.А. Чернолаковая керамика из семейно-родового участка некрополя Ольвии // ССПіК. Вип. VIII. С. 194-216.

Папанова, 2004 – Папанова В.А. Алтари некрополя Ольвии // ССПіК. Мат-ли конф. «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XI (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Вид-во Запорізького національного університету. С. 189-198.

Паровић-Пешикан, 1974 – Паровић-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. Наукова думка. 220 с.

Рогов, 2011 – Рогов Е.Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. МАИЭТ. Supplementum. Симферополь. 216 с.

Рогов, Тункина, 1998 – Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. 1997-1998. № 5. С. 166-178.

Снытко, 1985 – Снытко И.А. Новый античный памятник в Нижнем Побужье // Полевые исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Парутино. Препринт. С. 77-78.

Фармаковский, 1903 – Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. Вып. 8. С. 33-34.

Rotroff, 1997 – Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton – NJ. Princeton Academic Press. 575 p.

Sparkes, Talcott, 1970 – Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton – NJ. Princeton Academic Press. Part I. 382 p. Part II. 472 p. + 100 pl.

И.А. Снытко

Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV-III вв. до н. э.: особенности исторической топографии, характер и структура

The ancient necropolis of the Lower Bug region in IV-III centuries B.C.: the features of historical topography, character and structure. *The article examines the issues connected with the peculiarities of the historical topography, character and structure of the cemeteries of Olbia chora in the IV-III centuries BC. The mixed character and presence of selected part of the monuments are underlined. Their located mainly in the form of wide zone, i.e. the original memorial alleys, placed along the ancient roads that is inherent in the ancient Greek burial practice. The topography of the cemeteries is analyzed in the context of their location on simultaneous settlements. The author comes to the conclusion that the organization of the antique necropolis of the Lower Bug region had a planned character in the process of the gradual development by Olbia inhabitants their agricultural territory, in which all the land around new settlements initially allocated to residential, industrial and economic and sacral-memorial.*

Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV-III вв. до н. э.: особенности исторической топографии, характер и структура. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями исторической топографии, характером и структурой некрополей хоры Ольвии IV-III вв. до н. э. Особо подчёркиваются смешаный характер и участковость памятников. Отмечено их расположение преимущественно в виде широких полос, т. е. своеобразных мемориальных аллей, размещённых вдоль древних дорог, что присуще древнегреческой погребальной практике. Топография некрополей анализируется в контексте их месторасположения относительно одновременных посёлков. Автор приходит к выводу, что организация античных некрополей Нижнего Побужья носила плановый характер в процессе постепенного освоения ольвиополитами своей аграрной территории, при котором все земли вокруг новых посёлков изначально распределялись на селитебные, производственно-хозяйственные и сакрально-мемориальные.*

В настоящее время в Нижнем Побужье, на исторически сложившейся территории сельской округи Ольвии зафиксировано и частично исследовано 12 могильников IV-III вв. до н. э.[1]: Сиверсов Маяк (Снытко, Никитин, 1985), некрополь поселения Николаев-6 (Снитко, 2009), Яхтклуб (г. Николаев),[2] Дидова Хата (Лапин, 1969; Снытко и др., 1997; Снытко, 2009), Старая Богдановка (Гребенников, Снытко, 1989; Снытко, Смирнов, 2009), Северный (Козленко, 2008) и Южный (Яценко и др., 2010) некрополи у с. Козырка, Северный некрополь у с. Прибугское, урочище Чертоватое (Снытко, 2009; 2011), Днепровское (Снытко, 2009), Аджигол-Петуховка (Ebert, 1913), Дмитриевка, Лагерная коса (Буйських, Нікітін, 1988; Снитко, 2009).

Могильники IV-III вв. до н. э., как правило, организовывались на местах старых архаических и являлись их территориальным продолжением, за исключением вновь осваимаемых территорий Нижнего Побужья. В четырёх случаях (Сиверсов Маяк, некрополь поселения Николаев-6, Яхтклуб, Дмитриевка) некрополи были оставлены жителями одного поселения. В остальных – использовались населением нескольких посёлков и даже целых агломераций, включавших до 10-15 поселений, хуторов, стоянок и отдельных усадеб. Такие могильники имели площадь 20-80 га (Северный некрополь у с. Прибугское, Днепровское, Петуховка, Дидова Хата). Организация одного большого совместного некрополя, в свою очередь, является одним из существенных показателей такого структурного подразделения, как агломерация (Крыжицкий и др., 1989, 102-103; Буйских, 2009, 234; Снитко, 2009, 26, 32). Кроме того, наличие некрополей возле агломераций, поселений, хуторов, усадеб со времени формирования хоры Ольвийского государства свидетельствует о постоянном характере памятников, исключая стихийность их появления и сезонный характер. Это, безусловно, указывает на то, что значительная часть населения полиса постоянно проживала за городской чертой (Буйских, 2009, 229).

Обычно некрополи располагались полосами шириной 100-200 м и длиной 1-5 км вдоль берега лимана, несколько в стороне от поселений (Лупарево, Сиверсов Маяк, некрополь поселения Николаев-6, Дидова Хата, Северный и Южный некрополи у с. Козырка, Северный и Южный некрополи у с. Прибугское, Петуховка, Дмитриевка, Лагерная коса), размещавшихся на побережье или вокруг балок. Вероятнее всего, такое расположение объясняется тем, что они обустраивались вдоль древних дорог местного и магистрального характера, образуя, своеобраз-

[1] Хронологические рамки IV-III вв. до н. э. не являются абсолютными для памятников хоры Ольвии этого этапа освоения греками Нижнего Побужья в процессе внутренней колонизации, так как на поселениях (Буйских, 2009) и некрополях (Снытко и др., 1997) имеются отдельные материалы последней четверти V в. до н. э. и находки второй половины III – II в. до н. э. (Ebert, 1913). Верхняя дата свидетельствует о последовательности процесса реколонизации хоры, начиная с рубежа V в. до н. э. и на протяжении первой трети IV в. до н. э. (Снытко, 2011а, 457). Материалы второй половины III – II в. до н. э. на некоторых, преимущественно левобережных памятниках (Снытко, 1995, 148; Jefremow, Snytko, 2004) являются подтверждением того, что в этот период отдельные территории, скорее всего, использовались ольвиополитами сезонно для сельскохозяйственных целей (Крыжицкий и др., 1989, 100-101; Снытко, 1997, 244-248, 1997а, 110-112).

[2] Раскопки Ф.Т. Каминского конца 20-х гг. XX в. Кроме погребений римского времени, отдельные могилы с наличием эллинистической керамики и наконечников стрел, относятся к IV-III вв. до н. э. Об этом свидетельствует и подъёмный материал (фрагменты амфор Хиоса «нового стиля» и Гераклеи Понтийской), собранный на памятнике в 2002 г.

ные мемориальные аллеи, широко известные в Древней Греции и греческих колониальных полисах Северного Причерноморья.

Образцом таких аллей является Западная дорога в афинском Керамике и аллея курганного некрополя Ларисы в Гермосе (Kurtz, Boardman, 1971, 108-109, 177, fig. 20, 32). Ярким литературным свидетельством наличия таких мемориальных аллей, дающим о них определённое образное представление, является повествование Павсания в «Описании Эллады» о дороге из Афин в Элевсин, по обеим сторонам которой были размещены древние святилища, жертвенники и участки некрополя с репрезентативными монументальными погребальными памятниками выдающихся афинян и иноземцев [Paus., I, XXXVI, 3; XXXVII, 1, 2, 3, 4].

Эти традиции греки-колонисты сохранили и в Северном Причерноморье. Репрезентативные погребальные монументы с богатыми надгробными сооружениями, которые обустраивались вдоль дорог, ведущих в город, характерны для некрополя Херсонеса. Причём захоронения наиболее богатых и знатных находились ближе к городским стенам (Зедгенидзе, Савеля, 1981, 7; Буйських, 2009, 22). Курганные аллеи зафиксированы и в некрополе Фанагории (Соколов, 1977, 63). Вспомним и некрополь Мирмекия, сильно вытянутый в западном направлении, вероятно, вдоль древней дороги, где он практически стыкуется с некрополем Пантикапея (Молева, 1981, 76). Отметим, что и некрополь Ольвии, по распространённой древнегреческой традиции, был расположен в междорожных секторах, о чём свидетельствуют как первые планы Ольвии и её окрестностей, составленные П.И. Кеппеном (1821 г.), И. Бларамбергом (1822 г.), И.М. Муравьёвым-Апостолом (1823 г.), А.С. Уваровым (1848 и 1853 гг.), К. Прудиусом (после 1861 г.), А. Чирковым (1863 г.), так и дальнейшие исследования топографии памятника (Карасёв, 1956, 9-34; Парович-Пешикан, 1962, 33-38; 1974, 6-7; Козуб, 1974, 7-8; 1984, 168; Папанова, 1994, 8-10; Крыжицкий, Лейпунская 1997, 154-156, рис. 182, 183; Папанова, 2006, 60-61, рис. 25). Отдельные курганы ольвийского некрополя в IV-III вв. до н. э. были расположены в один ряд по обеим сторонам дорог, образуя аллеи. Особенно, исходя из топографических планов, это прослеживается в направлении Аджигола (Козуб, 1984, 168), где, вероятно, в античное время проходил магистральный путь к Ольвии со стороны запада. Как и в Херсонесе, богатейшие участки ольвийского некрополя находились ближе к городу, к его стенам и воротам (Козуб, 1984, 170).

Некрополи имели смешанный характер, с наличием курганных и бескурганных участков. Курганы преимущественно насыпались над одиночными могилами и имели высоту не более 2 м. Отдельные подкурганные захоронения использовались неоднократно и выполняли функции семейных гробниц (подкурганные захоронения в земляных склепах). Прослеживается и обособленное размещение отдельных курганных групп, возможно, по родовой либо социальной принадлежности.

Сельские жители хоры Ольвии с начала колонизации Нижнего Побужья устраивали свои некрополи рядом с курганами эпохи энеолита – бронзы (Снытко, 2009, 27; 2011, 18; Гречко, 2010, 120) и, возможно, строили свои могильные насыпи по их образцу (Крыжицкий, 1993, 75). Тем не менее, традиция возведения курганов присуща древним грекам с эпохи бронзы. Безусловно, для греков, имевших собственные курганные традиции, которые с древних времён зафиксированы в Аттике (Kurtz, Boardman, 1971, 68-73), Анатолии, Лидии, Восточной Греции, на Западном и Северном Понте (Чмыхов, 1989, 169-170; Lungu, 2010, 52-53; Снитко, 2011, 17-18) и были связаны с героизацией умерших (Липавский, 1990, 26), о чём сообщают и древние источники [Hom., Il., XXIII, 125-126; Thuc., Hist., II, 34, 1-7], при обустройстве собственных некрополей в местах, где уже были мемориальные земляные сооружения предыдущих эпох, этот фактор имел особенное значение и дополнительно стимулировал в плане постройки насыпей над могилами своих умерших. Вполне вероятно, что древнегреческие колонисты на новом месте, не забывая древних этнических и родовых приоритетов, дополнили их своими инновациями в идеологии, духовной и материальной культуре, которые базировались на мифологии, истории и культуре именно Северного Причерноморья. Не вызывает сомнений и то, что величие степных курганов эпохи энеолита – бронзы, которые иногда достигали высоты 10 м и более, способствовало появлению в среде древнегреческих первопоселенцев определённых легенд о бывших могущественных властителях этого края, которые даже нашли свой отпечаток в скифском логосе Геродота [Hrod., IV, 11, 71], а с другой стороны, влияло на греческую традицию сооружения курганных мемориалов. Особенно это прослеживается по скоплениям больших курганов ольвийского городского некрополя – «урочища Ста могил», которые, несколько напоминают степные. Безусловно, строительство таких монументальных сооружений могли себе позволить лишь представители наивысшей аристократии, которая выделялась среди жителей города в класико-эллинистическую эпоху. Всё это удачно совпадает с гипотезой С.Д. Крыжицкого о специфике эволюции Ольвийского и других причерноморских греческих колониальных полисов в условиях варварского окружения и значительного удаления от основного ареала концентрации античных держав, особенности

которой нашли отражение преимущественно на ниве развития культуры (Крыжицкий, 1994, 19).

Участковость также фиксируется по расположению и обособленной концентрации различных типов погребальных сооружений: ямы (5 подтипов), подбои и земляные склепы. Всё это, вероятнее всего, свидетельствует о социальных, имущественных и родовых различиях между погребёнными.

Обитатели сельских поселений, как и жители Ольвии, при выборе места для организации некрополей, руководствовались одинаковыми принципами, традиционными для древних греков, с учётом таких особенностей как природный рельеф местности, необходимое расстояние от жилищно-хозяйственных комплексов, размещение земельных наделов граждан, священных и общественных участков, дорог, сельских святилищ. Территории для некрополей выбирались, как правило, с перспективой на будущее, как для всей сельской общины, так и для отдельных семей и родов отдельно, о чём свидетельствует изначальное участковое расположение отдельных групп погребений, определённое межучастковое пространство и расстояние между могилами. Особенно это касается подкурганных захоронений, отдельное размещение которых свидетельствует о более высоком социальном и имущественном статусе погребённых, возможно, ойкистов или представителей знатных родов (Снытко, Липавский, 1990, 141; Снитко, 2011, 19).

Необходимо констатировать, что система внутренней организации каждого из сельских некрополей, особенно крупных совместных, оставленных жителями агломераций, изначально имела плановый характер.

Безусловно, наблюдается и специально регламентированная система размещения отдельных комплексов: агломерация, поселение, усадьба – некрополь – земельные наделы граждан, пастбища, с учётом особенностей природного рельефа. Иными словами, прослеживается изначальное распределение осваиваемых территорий на селитебную, сельскохозяйственную и сакральную зоны. Всё это является свидетельством достаточно цивилизованной структуры территориальной организации Ольвийского государства. Не исключено, что освоение большинства поселений хоры в миниатюре отображало традиционный для древних греков принцип обустройства новых колоний, когда все земли вокруг нового города распределялись на гражданские, общественные и культово-мемориальные специально избранными или назначенными для этих целей профессиональными геономами (Снытко, 2011б, 189).

Организация больших совместных некрополей, агломераций, возможно, свидетельствует не только о духовной близости жителей хоры Ольвии и их объединении по основной сельскохозяйственной экономической направленности, но и о специальной полисной административно-территориальной и социальной организации по примеру общеантичной (филы, фратрии, демы).

Литература

Буйских, 2009 – Буйских С.Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // ССПіК. Т. XV. С. 225-247.

Буйских, Нікітін, 1988 – Буйских С.Б., Нікітін В.І. Охоронні розкопки могильника IV – III ст. до н.е. Лагерна коса // Археологія. № 63. С. 85-90.

Буйських, 2009 – Буйських А.В. Херсонес Таврійський: просторовий розвиток держави за античної доби. Автореф дисс. ... докт. іст. наук. Київ. 30 с.

Гребенников, Снытко, 1989 – Гребенников В.Б., Снытко И.А. Новый античный некрополь в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. (отв. ред. А.В. Гудкова). Одесса. Типография МО. С. 20-21.

Гречко, 2010 – Гречко Д.С. Курганы конца VI – середины V вв. до н. э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // Древности. Вып. 9. Харьков. С. 116-135.

Зедгенидзе, Савеля, 1981 – Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V-IV вв. до н. э. // КСИА. Вып. 168. С. 3-9.

Карасёв, 1956 – Карасёв А.Н. Планы Ольвии XIX века как источник для исторической топографии города // МИА. Вып. 50. С. 9-34.

Козленко, 2008 – Козленко Р.О. Поховання античного часу біля с. Козирки // VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Культура. Нові дослідження (відп. ред. І.М. Піскурьова). Миколаїв. Можливості Кіммерії. С. 93-95.

Козуб, 1974 – Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. Київ. Наукова думка. 181 с.

Козуб, 1984 – Козуб Ю.И. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Киев. Наукова думка. С. 156-173.

Крыжицкий и др., 1989 – Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев. Наукова думка. 240 с.

Крыжицкий, 1993 – Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев. Наукова думка. 245 с.

Крыжицкий, 1994 – Крыжицкий С.Д. Ольвия и варвары (проблема влияний) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII Междунар. науч. конф. (отв. ред. В.П. Копылов). Ростов-на-Дону. Изд-во Ростовского педагогического университета. С. 18-19.

Крыжицкий, Лейпунская, 1997 – Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев. Возможности Киммерии. 192 с.

Лапин, 1969 – Лапин В.В. Отчёт о раскопках античного могильника у Маяка Дедова Хата Николаевского района Николаевской области. НА ІА НАНУ. № 1969/16б. 9 с. + 20 табл.

Липавский, 1990 – Липавский С.А. О времени появления курганных погребений в Ольвии // Липавский С.А., Снытко И.А. Материалы по археологии Ольвии и её Округи. Киев. Препринт. С. 18-28.

Молева, 1981 – Молева Н.В. Раскопки некрополя Мирмекия в 1974-1975 гг. // КСИА. Вып. 168. С. 73-77.

Папанова, 1994 – Папанова В.А. Некрополь Ольвії (історична топографія та поховальний обряд). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. 16 с.

Папанова, 2006 – Папанова В.А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. Киев. Знания Украины. 278 с.

Паровіч, 1962 – Паровіч М.Б. Про історичну топографію ольвійського некрополя // АП УРСР. Т. 11. С. 33-38.

Паровіч-Пешикан, 1974 – Паровіч-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. Наукова думка. 220 с.

Снытко, 1990 – Снытко И.А. Погребальные обряды населения ольвийской хоры IV-III вв. до н. э. //Липавский С.А., Снытко И.А. Материалы по археологии Ольвии и её округи. Киев. Препринт. С. 7-17.

Снытко, 1995 – Снытко И.А. Исследования поселения Сиверсов Маяк-I на Бугском лимане (краткая информация о раскопках) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Мат-лы Междунар. науч. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика. Политика. Культура» (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Препринт. Севастополь. С. 146-150.

Снытко, 1997 – Снытко И.А. К вопросу о причинах прекращения жизни на хоре Ольвии во второй половине III в. до н. э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья (отв. ред. И.Б. Клейман). Одесса. Ветаком. С. 244-248.

Снытко, 1997а – Снытко И.А. О памятниках хоры Ольвии поднеэллинистического времени (к вопросу проблемы кризиса полиса) // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. междунар. науч. конф. (отв. ред. М.И. Золотарёв). Севастополь. С. 110-112.

Снитко, 2009 – Снитко І.О. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV-III ст. до н.е. // Археологія. № 3. С. 25-34.

Снитко, 2011 – Снитко І.О. Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI-V ст. до н.е. // Археологія. № 1. С. 11-22.

Снытко, 2011а – Снытко И.А. Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V-IV вв. до н. э. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты (ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Иванов, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский). СПб. Нестор-История. С. 454-471.

Снытко, 2011б – Снытко И.А. Новая древнегреческая надпись с левобережья Бугского лимана // ВЭ. Вып. V. М. Наука. С. 180-191.

Снытко и др., 1997 – Снытко И.А., Гребенников В.Б., Гаврилов С.И. Исследования античного некрополя в урочище Дидова Хата в 1996 г. // Мат-ли II-ї Миколаївської краєзнавчої конф. Т. 1. (гол. ред. Ю.С. Крючков). Миколаїв. Можливості Кіммерії. С. 30-31.

Снытко, Липавский, 1990 – Снытко И.А., Липавский С.А. Античные сельские некрополи VI-V вв. до н. э. в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье (отв. ред. Ю.Г. Виноградов). Одесса. Типография ВА ПВО СВ. С. 134-141.

Снытко, Никитин, 1985 – Снытко И.А., Никитин В.И. Исследования и раскопки в Николаевской области // АО за 1983 год. С. 356-357.

Снытко, Смирнов, 2009 – Снытко И.А., Смирнов И.А. Охранные раскопки античного некрополя у с. Старая Богдановка // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко (1949-1999) (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Киев. Наукова думка. С. 268-270.

Чмыхов, 1989 – Чмыхов Н.А. Об истоках курганного погребального обряда греков Северного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. I (отв. ред. Ю.Г. Виноградов). Запорожье. Коммунар. С. 169-171.

Яценко и др., 2010 – Яценко С.М., Снитко І.О., Лобко О.Г. Про стан збереження пам'яток археології на Миколаївщині та основні проблеми їх охорони // VIII Миколаївська обласна краєзнавча конф. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження (відп. ред. І.М. Піскурьова). Миколаїв. Можливості Кіммерії. С. 97-100.

Ebert, 1913 – Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson (Süd. Russland). PZ. Bd. 5. Leipzig. 81 s.

Jefremow, Snytko, 2004 – Jefremow N., Snytko I. Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia // MBAH. Bd. XXIII. H. 2. Münster. Scripta Mercaturae Verlag. 46 s.

Kurtz, Boardman, 1971 – Kurtz D.C., Boardman J. Greek burial customs (gen. ed. H.H. Scullard). London and Southampton. Thames and Hudson. 384 p.

Lungu, 2010 – Lungu V. Greek Ionien Necropoleis in the Black Sea area: Cremation and Colonisation // Archaic Greek Culture: History, Archeology, Art and Museology (ed. by Sergey Solovyov). BAR Intern. Ser. P. 51-58.

Д. Топал

Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом

The new finds of early La Téne imports between the Dniester and Prut. *This paper publishes new finds of early La Téne imports represented by bracelets and fibules. The number of random finds of the LT B_2/C_1 from Northwestern Black Sea littoral is does not correspond the mention of «galatae» activity in Protogen's decree dated by the middle of the IIIrd c. BC. But the direction of the Celtic migrations from North-West to South-East has received additional confirmation in the form of a compact group of Celtic jewelry from forest-steppe Bessarabia.*

Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом. *В статье публикуются новые находки ранних латенских импортов, представленные браслетами и фибулами. Количество случайных находок латена B_2/C_1 из Северо-Западного Причерноморья далеко не соответствует упоминанию о «деятельности галатов» декрета Протогена, относящегося к середине III в. до н. э. Вместе с тем направление вектора кельтской миграции с севера-запада на юго-восток получило дополнительное подтверждение в виде компактной группы кельтских украшений из лесостепной Бессарабии.*

Попытки обобщения латенских древностей к востоку от Карпат предпринимались ещё с начала XX в. (Спицин, 1904), продолжались на протяжении всего столетия (Rosen-Przeworska, 1946-1947; Кухаренко, 1959; Мачинский, 1973; Woźniak, 1974; Трейстер, 1992; Бидзиля, Щукин, 1993) и имеют обширную историографию (Щукин, 1994; Еременко, 1998). Для Северо-Западного Причерноморья вопрос хронологии ранних латенских импортов особенно важен и связан с восточной кельтской экспансией, возможными скифо-кельтскими контактами и проблемой идентификации «галатов декрета Протогена». Находки, связанные с кельтами из Днестровско-Прутского междуречья, носят случайный характер, самые ранние из них относятся к ступеням B_{2a} – B_{2b}: духцовские фибулы с городищ Малая Сахарна **(рис. 2/2)** (Мелюкова, 1958; Кашуба и др., 2002, 199, рис. LIII/1) и Рудь «Ла Шанцурь» **(рис. 2/1)** (Лапушнян и др., 1974). Кроме того, небольшая серия духцовских фибул происходит с городища Стольничены.[1] Духцовские фибулы с гусеничной спинкой, рубчатые браслеты хронологически предшествующей ступени B_1 встречаются, как правило, севернее (Дубляны, Тростяница, Долиняны) или западнее (Сарата-Монтеору, Трушешть) **(рис. 1).**

Ступени B_{2a} и B_{2b}, являющиеся закатом горизонта Духцов-Мюнзинген (по крайней мере, в Карпатской котловине), характеризуются постепенной заменой «диснеевского» вальдгесхаймского стиля пластическим (Щукин, 1994, 49; Ерёменко, Щукин, 1998, 68). Это время потери кельтской культурой единства, наступившее вслед за исторической экспансией кельтов: с этой поры западный и восточный латен развиваются исходя из собственных ритмов и сценариев. Тем более интересен всплеск так называемого «духцовского ренессанса», отразившийся, например, в орнаментации фибулы из поселения Калфа **(рис. 2/3)** (Чеботаренко и др., 1987). Рубчатая спинка, украшенная в пластическом стиле – шариками, опоясанными спиралью, – всё это признаки выделенной для Карпатской котловины переходной ступени B_2/C_1. К этому же орнаментальному стилю можно отнести фрагмент бронзового браслета из Резинского района **(рис. 2/7)**. Он состоит из полусфер, украшенных пластической орнаментацией в виде спиралей, опоясывающих шарообразные выпуклости. Орнаментированные полусферы чередуются

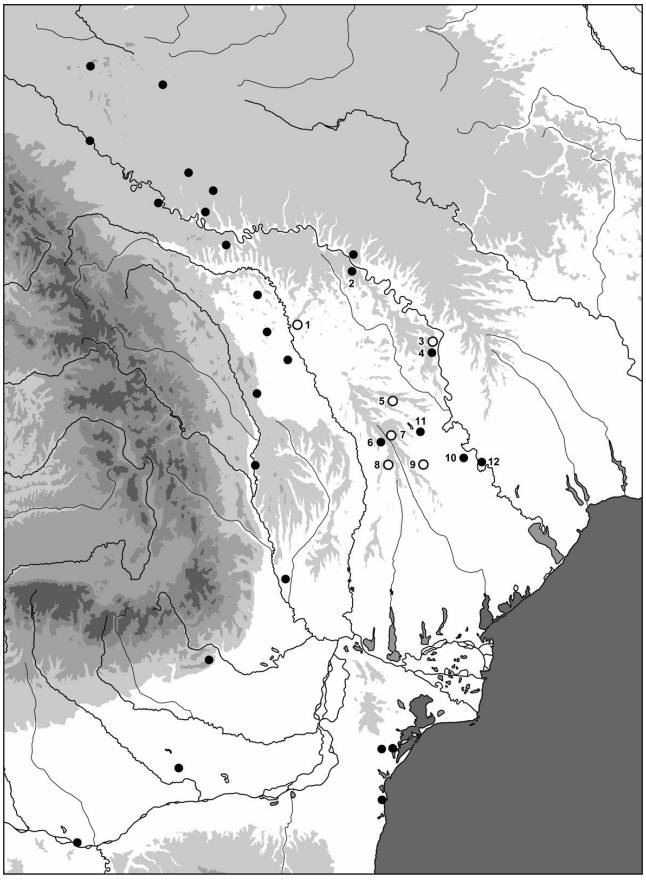

Рис. 1. Распространение раннелатенских импортов к востоку от Карпат (по *Кухаренко, 1959*; *Ерёменко, 1998*, с дополнениями): 1 – Костешты «Стынка»; 2 – Рудь «Ла Шанцурь»; 3 – Резина; 4 – Малая Сахарна; 5 – Фрумоаса; 6 – Столничены; 7 – Шипотены; 8 – Сэрата-Мерешены; 9 – Резены; 10 – Калфа; 11 – Бобуечь; 12 – Парканы *(чёрным цветом выделены уже известные памятники)*

[1] Эти фибулы, к сожалению, пока не опубликованы, но известны из сообщения автора раскопок Т. Арнаута (Arnaut T., Ursu-Naniu R., Moldovanu V. Rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice de la Stolniceni, r. Hânceşti. Sesiunea de comunicări ştiinţifice privind rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice din anul 2011 în Republica Moldova, Chişinău, 18 aprilie 2012).

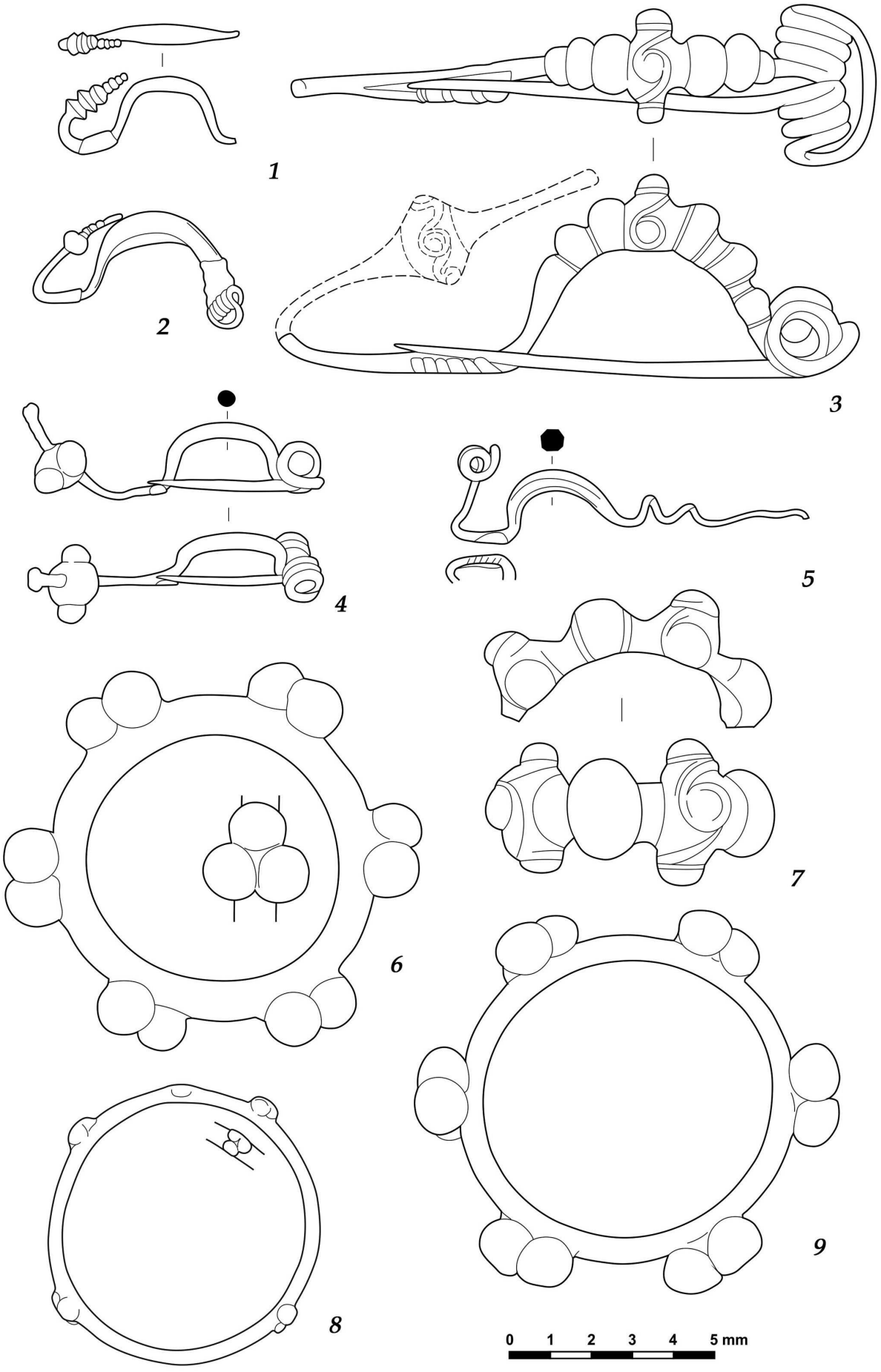

Рис. 2. Ранние латенские импорты Пруто-Днестровского междуречья: 1 – Рудь «Ла Шанцурь» (по *Лапушнян и др., 1974*); 2 – Малая Сахарна (по *Мелюкова, 1958*); 3 – Калфа (по *Чеботаренко и др., 1987*); 4 – Костешты «Стынка»; 5 – Фрумоаса; 6 – Шипотень; 7 – Резина; 8 – Резены; 9 – Молдавия

с неорнаментированными – подовальной формы размером 1,8 х 2,5 см. Длина сохранившегося фрагмента 7 см, диаметр браслета не менее 8 см. К этой же ступени можно отнести фибулу, обнаруженную в урочище Стынка на берегу водохранилища у с. Костешты Рышканского района. Она сохранилась полностью, хотя длинная ножка, украшенная массивным шариком и двумя небольшими полусферами (размером 1,2 х 1,9 см), чуть сильнее отогнута назад, чем в древности. Короткая арковидная спинка (2,6 см) заканчивается шестивитковой пружиной **(рис 2/4)**.

Фибулы с фальшивой пружинкой на конце ножки – явление хорошо известное в памятниках Нижнедунайской и Тираспольской групп (Бруяко, 2009, 333-336), позволяющее проследить процесс эволюции и «гибридизации» данного типа на значительном материале погребальных комплексов (более сотни застёжек из памятников обеих групп). Фибульный материал этих двух «позднескифских» культурных групп нуждается в серьёзном хронологическом осмыслении. Тем не менее, не могу не упомянуть о фибуле с фальшивой пружиной, обнаруженной в центральной Бессарабии, у с. Фрумоаса Каларашского района. У неё довольно высокая арковидная спинка из восьмиугольного в сечении дрота (0,5 см), ножка заканчивается двухвитковой пружиной, приёмник с внешней стороны украшен насечками. Сложно судить о пружине с иглой, они деформированы («размотаны») ещё в древности, однако вряд ли основная пружина состояла менее, чем из трёх-четырёх витков. Общая длина застежки, по всей видимости, была около 4,5 см **(рис. 2/5)**.

Последняя группа находок ступени B_2/C_1 – бронзовые браслеты с шишечками, до недавнего времени неизвестные на территории Днестровско-Прутского междуречья (Нефёдова, 1992, 31). Один из них обнаружен у с. Шипотены Хынчештского района, диаметром 8 см с шестью розетками, образованными тремя шишечками диаметром 1,3 см, диаметр дрота около 1 см **(рис. 2/6)**. С территории Центральной Бессарабии происходят ещё два бронзовых браслета с шишечками, один из которых (точное место обнаружения неизвестно) морфологически близок браслету из Шипотен. Диаметр его около 8 см, он также украшен по краю шестью розетками из трёх (правда, более уплощённых) шишечек диаметром 1,2-1,3 см **(рис. 2/9)**. Кроме того, есть информация о бронзовом браслете с шишечками (которая, к большому сожалению, носила лишь устный характер), обнаруженном у с. Сэрата-Мерешены Хынчештского района.

Миниатюрный бронзовый браслет из с. Резены Яловенского района стилистически близок вышеописанным — диаметром 6,5 см, с четырьмя розетками из трёх припаянных шариков («шишечек») диаметром 0,4-0,5 см, диаметр дрота 0,35 см. В одном месте между такими «розетками» находится утолщение 0,4 см, образованное, видимо, в результате спайки концов браслета **(рис. 2/8)**. На внешней стороне и розетках с шишечками заметны следы сильного износа.

Обилие случайных находок латена B_2/C_1 из Северо-Западного Причерноморья вряд ли снимет напряжение в несоответствии массы находок упоминанию о «деятельности галатов» декрета Протогена (Щукин, 1994, 100), относящегося к середине III в. до н. э. (если шире – 70 – 30-20 гг. до н. э.). Тем не менее, направление вектора кельтской миграции с севера-запада на юго-восток получило дополнительное подтверждение в виде компактной группы кельтских украшений из лесостепной Бессарабии.

Литература

Бидзиля, Щукин, 1993 – Бидзиля В.И., Щукин М.Б. Латенские древности Закарпатья и находки латенских вещей к востоку от Карпат // Славяне и их соседи. Археология СССР. М. С. 67-84.

Бруяко, 2009 – Бруяко И. В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3. 2005-2009. С. 329-370.

Ерёменко, Щукин, 1998 – Ерёменко В.Е., Щукин М.Б. К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени // АСГЭ. Вып. 33. С. 61-89.

Ерёменко, 1998 – Ерёменко В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III-I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб. Изд-во СПбГУ. 232 с.

Кашуба и др., 2002 – Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века) // Stratum plus. № 3. 2001-2002. С. 118-216.

Кухаренко, 1959 – Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей в Восточной Европе // СА. № 1. С. 31-51.

Нефёдова, 1992 – Нефёдова Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских Чтений. Ленинград. 1988 г. (ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей). СПб. Ойум. С. 21-34.

Лапушнян и др., 1974 – Лапушнян В.А., Никулицэ И.Т., Романовская М.А. Памятники раннего железного века. АКМ. Вып. 4. 104 с.

Мачинский, 1973 – Мачинский Д.А. Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. Вып. 15. С. 52-64.

Мелюкова, 1958 – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 64. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. С. 5-102.

Спицин, 1904 – Спицин А.А. Памятники латенской культуры в России // ИАК. Вып. 12. С. 78-86.

Трейстер, 1992 – Трейстер М.Ю. Кельти у Північному Прічорномор'і // Археологія. № 2. С. 37-50.

Чеботаренко и др., 1983 – Чеботаренко г.Ф., Щербакова Т.А., Щукин М.Б. Два предмета римской эпохи из Молдавии // СА. № 4. С. 242-248.

Щукин, 1994 – Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. Фарн. 324 с.

Rosen-Przeworska, 1946-1947 – Rosen-Przeworska J. Zabytke celtyckie na ziemach Polski // Światowit. Warszawa. T. XIX. S. 179-323.

Woźniak, 1974 – Woźniak Z. Wschodnie pogranicze kultury Lateńskiej. Wrocław. Ossolineum – Polska Akad. Nauk. 227 s.

Е.Я. Туровский

Херсонес Таврический в III-II вв. до н. э.

Chersonese in the the III-II centuries BC. *The article outlines the main stages in the history of the Chersonese in III-II centuries BC. In the first quarter of the III BC this north Black Sea littoral polis is at the top of its economic prosperity. Then Chersonese underwent expansion by the barbarians, and lost its economic base (chora). The stabilization of the situation occurred at the beginning of the last third of the III BC, and it was accompanied by a revival of villages and estates of the Chersonese on the Gerakleia peninsula and in the North-Western Crimea. At the end of the first quarter of the II century BC begins the next stage of active confrontation of Chersonese and the barbarians. The city is finally deprived of his possessions in the North-Western Crimea, and most of the estates on the Peninsula Gerakleia. Judging by the numismatic data, in the second and third quarters of the II century BC the democratic system in the Chersonese was removed. The restoration of democracy happened at the beginning of the last quarter of the II century BC.*

Херсонес Таврический в III-II вв. до н. э. *В статье намечены основные этапы истории Херсонеса в III-II вв. до н. э. В первой четверти III в. до н. э. этот севепричерноморский полис находился на вершине своего экономического процветания. Затем Херсонес подвергся экспансии со стороны варваров и лишился своей экономической базы (хоры). Стабилизация ситуации происходила в начале последней трети III в. до н. э и сопровождалась возрождением части поселений и усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму. В конце первой четверти II в. до н. э. начался очередной этап активного противостояния Херсонеса и варваров. Город окончательно лишился своих владений в Северо-Западном Крыму и большей части усадеб на Гераклейском полуострове. Судя по нумизматическим данным, во второй-третьей четвертях II в. до н. э. демократический строй в Херсонесе был устранён. Восстановление демократии произошло в начале последней четверти II в. до н. э.*

Обозначенный период в большей своей части – сложное время испытаний и потерь не только для Херсонеса Таврического, но и для всего Северного Причерноморья. Сложность исторических процессов, происходивших в это время в регионе, определяется крайне ограниченным количеством письменных источников, которые отражают историю городов и их варварской округи. Также следует учитывать, что датировки большей части выдающихся памятников лапидарной эпиграфики имеют весьма широкие рамки. Свидетельства античной исторической традиции применительно к интересующему нас времени ещё менее информативны. По этой причине особенное значение приобретают данные археологии, прежде всего, результаты раскопок сельских поселений и малых городов, а также данные керамической эпиграфики и нумизматики.

Развитие Херсонеса Таврического в III-II вв. до н. э. имело много общего с другими памятниками региона, и было обусловлено, в первую очередь, переменами, которые происходили в варварской среде Северного Причерноморья.

В III в. до н. э. Херсонес вступает на пике своего процветания. Имевший место около самого начала столетия стасис в полисе, отражённый в знаменитой присяге херсонесских граждан (IOSPE I², 401), закончился победой демократической партии (Белов, 1948, 70; Жебелёв, 1953, 223-227; Виноградов, Щеглов, 1990, 334-347). Однако гражданский конфликт не повлиял существенным образом на экономику полиса. К началу столетия Херсонес выходит на второе место в Причерноморье (после Синопы) по экспорту продукции в клеймёной амфорной таре (Кац, 1995, 109). По самым скромным подсчётам, Херсонес был способен производить только на размежёванных территориях не менее 20 тыс. тонн хлеба в год (Виноградов, Щеглов, 1990, 332). Монетное дело эллинистического Херсонеса было основано на обращении серебряной и медной монеты (Анохин, 1977, 26,27; Туровский, 1997, 19-21). При этом в первые два десятилетия III в. до н. э. чеканились почти исключительно полновесные серебряные монеты в двух весовых системах: в родосской весовой системе (тетрадрахма и дидрахма) и в облегчённой персидской (гераклейской) системе (дидрахма и драхма). Город представляет собою образец процветающего античного центра.

Монументальные стены и башни Херсонесской крепости, были сложены из крупных прекрасно обработанных блоков. Они создавали условия для безопасного существования. В городе были прекрасные храмы, общественные здания, театр, на площадях и улицах города стояли бронзовые и мраморные статуи богов и героев, а также выдающихся граждан Херсонесского полиса. Некрополь Херсонеса своим великолепием не уступал красоте самого города: усопших провожали в мир иной достойно, возводили прекрасные стелы, строили фамильные гробницы-склепы и саркофаги. В окрестностях города были земельные наделы граждан, созданные согласно достижениям передовой греческой науки. Огромные площади были разделены на правильные наделы согласно методу милетского архитектора Гипподама. Первая четверть III в. до н. э. заканчивалась для Херсонеса очень позитивно.

Трудности начинаются около конца первой – начала второй четверти III в. до н. э. Никакие письменные источники о событиях, их вызвавших, не сообщают. Однако данные археологии однозначно свидетельствуют, что целый ряд поселений на хоре Херсонеса прекращает своё существование именно в это время. В основном

это были неукреплённые поселения в Северо-Западном Крыму, такие как поселения у Евпаторийского маяка (Колесников, 1984, 85; 1985, 13). Наиболее вероятной причиной сложившейся ситуации является начало варварской экспансии против греческих государств Северного Причерноморья. Последствия этой экспансии не замедлили сказаться. В частности, значительно снизился выпуск клеймёных амфор, что, по-видимому, отразило сокращение используемых виноградников в полисе (Кац, 1995, 110).

Начало экономического неблагополучия фиксируют и данные нумизматики: полновесные серебряные монеты, чеканившиеся в начале столетия, выходят из обращения и оседают в виде накоплений в кладах. Тогда же начинается выпуск редуцированной серебряной монеты прежних типов, но вдвое меньшего веса (Туровский, 1997, 21). Указанные факты однозначно фиксируют начало денежного кризиса в полисе.

Очевидно, что в конце второй четверти III в. до н. э., Херсонес неоднократно пытался стаби-

Рис. 1. Монеты Херсонеса Таврического III-II вв. до н.э.: 1 – драхма 60-х гг. III в. до н.э. (серебро); 2 – драхма второй трети III в. до н.э. (билон); 3 – дихалк последней четверти III в. до н.э. (медь); 4 – халк последней четверти III в. до н.э. (медь); 5 – драхма последней четверти III в. до н.э. (серебро); 6 – гемидрахма последней четверти III в. до н.э. (серебро); 7, 8 – дихалки (?) конца III в. до н.э. (медь); 9 – халк (?) первой четверти II в. до н.э. (медь); 10 – халк первой четв. II в. до н.э. (медь); 11 – дихалк второй-третьей четвертей II в. до н.э. (медь); 12-21 – халки второй-третьей четвертей II в. до н.э. (медь); 22 – драхма второй-третьей четвертей II в. до н.э. (серебро); 23-28 – халки последней четверти II в. до н.э. (медь)

лизировать ситуацию, компенсировать урон, нанесённый экономике варварским нашествием. Определённые успехи в этом направлении были достигнуты. Так, количество выпускаемой амфорной тары достаточно стабильно, хотя и меньше, чем в предшествующее время (Кац, 1995, 110).

В начале 60-х гг. III в. до н. э. в Херсонесе было проведено важное финансовое мероприятие: были изъяты из обращения все редуцированные неполновесные серебряные монеты, а также монеты предыдущих полновесных выпусков, остававшиеся в обращении. Им на смену была отчеканена серия серебра из двух номиналов: драхма «Дева в венке – Дева убивает копьем лань» **(рис. 1/1)** (Анохин, 1977, №№133-136), гемидрахма «Дева в венке – лук в колчане» (Анохин, 1977, №№138-142). Этот выпуск монет не привел к стабилизации денежного обращения в Херсонесе, но стал на многие годы наиболее авторитетной денежной единицей в полисе. Только эти монеты и монеты, перечеканенные на них позже (тип «Дева в башенной короне – стоящая лань»), встречаются в кладах.

Однако новый сокрушительный набег варваров на Херсонесское государство, который случился около середины 60-х гг. III в. до н. э., помешал Херсонесу вернуть былое благополучие. В результате этого нашествия Херсонес как государство более не существует. Прекращают существование или погибают все усадьбы, укрепления и малые города (вопрос о судьбах Калос Лимена и Керкинитиды в это время остаётся в значительной мере открытым), а также усадьбы ближней хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове (Щеглов, 1978, 128; Колесников, 1984, 85; Виноградов, Щеглов, 1990, 362; Золотарёв, Туровский, 1990, 83; Ланцов, 1991, 14; 1994, 91-92; Дашевская, 1994, 79-84; 1997, 82-84; Туровский, 1995, 54; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, 94; Дашевская, Голенцов, 1999, 167; Коваленко, 1999, 133; Уженцев, 2002, 13; Кутайсов, 2003, 75). Кроме того, в самом Херсонесе предпринимаются невиданные экстраординарные меры по укреплению стен и башен городской крепости. Для этого использовались надгробные стелы херсонесской крепости, а также, по-видимому, хорошие квадры большинства башен усадеб ближней хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове (Золотарёв, Туровский, 1990, 83).

Разгром хоры, которая являлась основой экономики Херсонесского полиса, знаменовал начало настоящего кризиса во всех сферах его жизни. Территория Херсонеса была ограничена периметром крепостных стен и ближайшими к городу наделами. Население города значительно увеличилось за счёт беженцев с периферии. Производство клеймёных амфор многократно снизилось (Кац, 1995, 110). В амфоры разливалось вино, а для эксплуатации были пригодны только ближайшие к Херсонесу наделы. Покидать пределы города становится делом крайне небезопасным, о чем свидетельствует надпись этого времени (IOSPE I^2, 343), в которой речь идёт о нападении соседних варваров на херсонеситов во время ритуального шествия за территорией города (Виноградов, 1997, 123 сл.).

Выпуск монеты в эти трудные времена производился достаточно спорадически, тогда же, очевидно, чеканились монеты из низкопробного серебра, по сути билоновые **(рис. 1/2)**. Все эти явления в монетном деле Херсонеса были призваны, вероятно, как-то стабилизировать подорванную экономику полиса за счёт выпуска кредитной монеты. Впрочем, эти попытки оказались недостаточно убедительными.

Изучение этого тяжелейшего и плохо освещённого источниками периода жизни Херсонеса позволяет высказать несколько предположений. Как уже отмечалось, демографический потенциал города резко возрос за счёт беженцев с хоры. Если в первой трети столетия Херсонес экспортировал хлеб, причем, очевидно, в больших количествах (Виноградов, Щеглов, 1990, 332), то в новых обстоятельствах он сам превратился в субъект, остро нуждающийся в хлебе. Херсонесский полис был призван взять на себя решение возникших проблем. Если ликвидировать виноградники было делом нереальным, и они продолжали отчасти эксплуатироваться в новых условиях, пусть и с риском для земледельцев, то с хлебом дело обстояло гораздо хуже. Гераклейский полуостров и ближайшая округа Херсонеса мало пригодны для выращивания зерновых культур. Если они и производились в небольшом количестве в ближайших окрестностях города, то этого явно не хватало для удовлетворения даже минимальных потребностей населения. Представляется, что полис решал продовольственный вопрос почти исключительно за счёт внешней торговли. Город в период процветания накопил немало богатств. Где не справлялась полисная казна, также помогали храмы, богатство которых, как известно, в греческих государствах было весьма велико, и богатые граждане-эвергеты, подобные ольвиополиту Протогену (IOSPE I^2, 32). Хлеб мог поставляться в Херсонес через Родос, где существовал большой хлебный рынок, что для III в. до н. э. фиксирует лапидарная эпиграфика (IOSPE I^2, 340). Другой вероятный источник хлеба – птоломеевский Египет, хлебные поставки которого в III в. до н. э. отмечены для Южного Причерноморья (Сапрыкин, 1986, 135-137). Многочисленные археологические свидетельства связей птолемеевского Египта с Северным Причерноморьем прослеживаются по всему региону и приходятся в основном на III в. до н. э. (Трейстер, 1985, 127).[1]

[1] В Херсонесе при раскопках грунтового могильника на склоне Песочной балки были найдены перстни птоломеевского типа, которые являлись для египетских царей способом политической пропаганды (Щеглов, 1975).

Некоторая стабилизация экономической ситуации в Херсонесе наблюдается около рубежа второй и третьей третей III в. до н. э. или немного позднее. Памятники лапидарной эпиграфики этого периода практически не отражают историю Херсонеса. Единственным исключением является документ о перераспределение земли, по-видимому, на Гераклейском полуострове (IOSPE I², 403). По мнению Ю.Г. Виноградова, надпись датируется 70-60-ми гг. III в. до н. э. (Виноградов, 1997, 123), что, на мой взгляд, крайне маловероятно для этой сильно фрагментированной надписи. Необходимо также отметить, что подавляющее большинство усадеб на Гераклейском полуострове благополучно доживают до середины 60-х гг. III в. до н. э., а перед лицом усиливающейся варварской угрозы вряд ли имело смысл затевать какие-то широкомасштабные мероприятия по переделу земли.

Совершенно иная ситуация складывается в 30-х гг. III в. до н. э., когда хора начинает возрождаться практически с нуля, хотя и остались прежние система размежёвки наделов, руины усадеб, дороги и плантажи. Именно в это время более всего была необходима полисная опека для приведения всего этого разрушенного хозяйства в порядок, что, по-видимому, и отразилось в документе о перераспределении земли.

Восстановление хоры практически сразу повлияло на все области жизни. Экономика переживает рост, хотя не достигает былых показателей (Кац, 1995, 110), поскольку количество аграрных памятников как на Гераклейском полуострове, так и в Северо-Западном Крыму становится значительно меньшим (Золотарев, Туровский, 1990, 84; Ланцов, 1991, 14). Тем не менее, вновь воссозданное Херсонесское территориальное государство достаточно стабильно существует около 50-60 лет.

Установить финальную дату означенного периода относительной стабильности позволяют не только данные археологии, но и замечательный эпиграфический документ – договор 179 г. до н. э. между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком I (IOSPE I², 402). Этот документ свидетельствует, что Херсонес в 179 г. до н. э. ещё имел страну (хору) и демократию, которые царь Фарнак обещает защищать. В тексте договора ощущается тревога херсонеситов потерять эти две важнейшие для полиса вещи. Тревога, как показали последующие события, была вполне обоснованной – в скором времени Херсонес остался и без страны, и, вероятно, без демократии.

Источников для этого этапа херсонесской истории крайне мало, пожалуй, за исключением нумизматических. Стабилизация экономики, вызванная возрождением хоры, вскоре нашла отражение в херсонесском монетном деле. Вначале осуществлялся выпуск херсонесской меди двух номиналов: «Афина – грифон» (дихалк) **(рис. 1/3)** и «Афина – Ника» (халк) **(рис. 1/4)**, монеты довольно стабильного веса и размера. Вскоре, а может быть, и параллельно был осуществлён и выпуск серебра двух номиналов: драхмы «Дева в башенной короне – стоящая лань вправо» (вариант с левым поворотом лани публикуется впервые) **(рис. 1/5)** и гемидрахмы «безбородый Геракл – палица» **(рис. 1/6)**, часть этих монет была перечеканена на серебряных монетах второй четверти III в. до н. э. Наверное, не случайно появление в иконографии Херсонеса нового образа Девы в башенной короне, что было призвано связывать её с традиционным изображением богини судьбы Тихе – спасительницы и защитницы. Эти монеты надолго становятся основным расчётным средством в Херсонесе, а также (это касается исключительно старшего номинала) объектом накопления.

Ещё одним важным фактом в херсонесском монетном деле стала эмиссия около рубежа III-II вв. до н. э. очень массовой серии херсонесской меди одного номинала **(рис. 1/7,8)**. Выпускалась она в течение двух лет при двух контролирующих магистратах Героиде и Агасикле. Количество отчеканенных монет этого типа совершенно невероятно для Херсонеса: наверное, это самые массовые выпуски в истории монетной чеканки города. Выпуск также, очевидно, знаменует экономическую стабильность в городе. Эти монеты, по-видимому, покрывали основные потребности Херсонеса в медной монете на протяжении большей части II в. до н. э. Тем не менее, время от времени выпуски меди, правда, гораздо менее массовые, продолжают осуществляться (Туровский, 2005, 20).

В начале II в. до н. э. выпускается два типа медной монеты с именами трёх магистратов: «голова Гермеса – рог изобилия» (Проматион, Питион) **(рис. 1/9)** и «Аполлон – треножник» (Аполла) **(рис. 1/10).** Именно на этих двух типах монет и заканчивается надолго выпуск монет с магистратскими именами в Херсонесе, что, по-видимому, было обусловлено определёнными причинами. Ведь спустя примерно полстолетия выпуск монет с магистратскими именами возобновляется, а в этот промежуток выпуски меди разных номиналов личных имён не имели. Типология этих монет достаточно разнообразна **(рис. 1/11-21)**.

Наиболее интересна самая крупная монета в этом ряду тип «голова бородатого Геракла вправо – венок» **(рис. 1/11)**. Это единственный случай в иконографии образа героя на херсонесских монетах, когда он показан в бородатом виде. Значительная часть этих монет перечеканена на монетах III в. до н. э., типы «Афина – грифон» и «Геракл в шкуре – прора». Однако большая часть монет представлена младшими номиналами – халком и меньше.

В это же время была осуществлена попытка выпуска серебряной монеты, однако в обращении она не прижилась, что объясняет чрезвычайную редкость монет (публикуется впервые). Аверс – две шапки Диоскуров влево; реверс – рог изобилия, слева – ХЕ **(рис. 1/22)**. Гемидрахма. Вес – 2,1 г, диаметр – 18 мм**.**

На мой взгляд, возобновление чеканки монет с магистратскими именами произошло при магистрате Сотири. Вначале магистрат выпустил монету с типом самой распространённой в обращении медной монеты «Дева в венке – бодающий бык», но вскоре отказался от её выпуска[2] и осуществлял чеканку нового типа меди «Дева в башенной короне вправо – стоящая лань вправо, перед ней куст (?)»**(рис. 1/23)**. Этот же тип меди выпускается ещё при трёх магистратах: Аполл… **(рис. 1/24)**, Героксене **(рис. 1/25)** и Геракле **(рис. 1/26)**.

Последний из названных магистратов стал снова экспериментировать с монетным типом: начав с выпуска монет прежнего типа «Дева в короне – стоящая лань», он перешёл к выпуску монет с тем же типом лицевой стороны, но на оборотную поместил факел **(рис. 1/26)**, и, наконец, перешёл к выпуску совершенно нового типа монеты. Этот последний тип монеты «лучезарный Гелиос вправо – рог изобилия, по краям шапки Диоскуров» и даёт основание для датировки всего названного блока монет **(рис. 1/27)**. Тип лучезарного Гелиоса и особенно рог изобилия с шапками Диоскуров широко появляются на монетах многочисленных причерноморских и малоазийских центров именно в последней четверти II в. до н. э. Далее Херсонес, после походов Диофанта, попадает в зависимость от Понтийского царства Митридата Евпатора. Практика маркировки монеты личными именами контролирующих выпуск магистратов больше никогда не возобновляется, но этот вопрос лежит уже вне рамок рассматриваемого нами хронологического периода.

Какую же реконструкцию политических процессов в Херсонесе во II в. до н. э. можно представить, исходя из данных нумизматики и других источников? Исчезновение магистратских имён с херсонесских монет, скорее всего, следует объяснять изменением политического режима в полисе – свержением демократического строя. В связи с изложенным вспоминается ольвийский декрет в честь Никерата, сына Папия (IOSPE I², 34, 6-10), датированный В.В. Латышевым I в. до н. э., М.И. Ростовцевым и Я. Харматта – концом II в. до н. э., Ю.Г. Виноградов – началом II в. до н. э. (Виноградов, 1989, 196). Как видно, мнения исследователей отличаются весьма существенно. Датировка этого декрета так важна в контексте херсонесской истории только потому, что в одном из его пунктов сообщается, что Никерат, прежде чем вернуться в родную Ольвию, был призван третейским судьей «в обуреваемый постоянными войнами Херсонес» и помог ликвидировать там гражданские волнения (стасис) (Виноградов, 1995, 35; Зубарь, 2004, 92). Таким образом, можно уверенно предполагать наличие гражданского конфликта в Херсонесе, о чём недвусмысленно упоминается в данном декрете.

Ю.Г. Виноградов возникновение стасиса в среде херсонеситов объяснял обстановкой непрекращающихся военных невзгод. Однако, ссылаясь на достаточно устаревшую к тому времени работу (Щеглов, 1978), он склонялся относить эти события к первым двум десятилетиям II в. до н. э., т.е. до заключения Херсонесом договора с Фарнаком в 179 г. до н. э. (Виноградов, 1989, 186). В настоящее время не подлежит сомнению, что первые два десятилетия II в. до н. э. – беспокойное и тревожное время для Херсонеса, но хора у города в это время ещё существует и, по крайней мере, до 179 г. до н. э. существует и демократия, которую царь Фарнак обещает оберегать. По археологическим данным, как уже отмечалось, настоящие неурядицы начинаются после 175 г. до н. э. В это время прекращают существование почти все усадьбы Гераклейского полуострова (исключение составляют только крупные укрепленные усадебные комплексы в балке Бермана и Юхариной, дата гибели которых около середины II в. до н. э.), а также поселения и усадьбы в Северо-Западном Крыму (может быть, для Керкинитиды и Калос Лимена эта дата также несколько более поздняя) (Кутайсов, 1990, 149, 159; Коваленко, 1991, 19; Ланцов, 1991, 14,15; Кац, 1995, 110; Кутайсов, Уженцев, 1997, 54). Именно эта дата в качестве terminus post quem для изменения государственного устройства в Херсонесе представляется наиболее обоснованной. Terminus ante quem события можно считать начало последней четверти II в. до н. э. Эта дата выводится исключительно из датировки последнего блока монет с именами магистратов.

[2] На сегодняшний день известна одна такая монета (Шонов, 2005, 436, рис. 2/11).

Литература

Анохин, 1977 – Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в.н. э.). Киев. Наукова думка. 175 с.

Белов, 1948 – Белов г.Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. Л. Изд-во Государственного Эрмитажа. 147 с.

Виноградов и др., 1997 – Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93-103.

Виноградов, 1989 – Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М. Наука. 281 с.

Виноградов, 1995 – Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население

Причерноморья. Мат-лы междунар. конф. (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Севастополь. Препринт. С. 5-56.

Виноградов, Щеглов, 1990 – Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура (отв. ред. Е.С. Голубцова). М. Наука. С. 310-371.

Дашевская, 1994 – Дашевская О.Д. Разорение греческих и скифских могил в древности // РА. № 4. С. 79-84.

Дашевская, 1997 – Дашевская О.Д. Раскопки городища Беляус //Археологические исследования в Крыму. Симферополь. Таврия. С. 82-84.

Дашевская, Голенцов, 1999 – Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Западно-Донузлавское городище в Крыму // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову (архивные материалы, публикации, статьи) (отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов). М. Изд-во ИА РАН. С. 161-177.

Жебелёв, 1953 – Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М. – Л. 388 с.

Золотарёв, Туровский, 1990 – Золотарёв М.И., Туровский Е.Я. К истории сельских усадеб на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса. Препринт. С. 71-89.

Зубарь, 2004 – Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев. Шлях. 312 с.

Кац, 1995 – Кац В.И. Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе // Античные полисы и местное население Причерноморья. Мат-лы междунар. конф. (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Севастополь. Препринт. С. 107-111.

Коваленко, 1999 – Коваленко С.А. О времени существования Чайкинских усадеб (по материалам керамической эпиграфики) // Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье. Изд-во Запорожского государственного университета. С. 132-133.

Колесников, 1984 – Колесников А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // Вестник МГУ. История. 4. М. С. 82-86.

Колесников, 1985 – Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории // Автореф. …канд. ист. наук. М. 25 с.

Кутайсов, 1990 – Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев. Наукова думка. 175 с.

Кутайсов, 2003 – Кутайсов В.А. Керкинитида и Херсонес в IV-II вв. до н. э. // ВДИ. № 2. С. 60-90.

Кутайсов, Уженцев, 1997 – Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос Лимен (раскопки 1988-1995 гг.) // АК. №1. С. 43-57.

Ланцов, 1991 – Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства. Автореф. ... канд. ист. наук. Киев. 16 с.

Ланцов, 1994 – Ланцов С.Б. Античное поселение Новофедоровка и некоторые вопросы истории Херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Киев. Наукова думка. С. 71-104.

Сапрыкин, 1986 – Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI-I вв. до н. э. М. Наука. 248 с.

Трейстер, 1985 – Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 126-129.

Туровский, 1995 – Туровский Е.Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Причерноморья в IV-III вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Мат-лы междунар. конф. (отв. ред. С.Д. Крыжицкий). Севастополь. Препринт. С. 150-156.

Туровский, 1997 – Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса. Симферополь. Южногородские ведомости. 87 с.

Туровский, 2005 – Туровский Е.Я. О денежном обращении и монетной чеканке в Херсонесе во II в. до н. э. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (отв. ред. А.А. Молчанов). М. Альфа-принт. С. 19-20.

Уженцев, 2002 – Уженцев В.Б. Калос Лимен у IV ст. до н. е. – II ст. н. е. Автореф. … канд. іст. наук. Київ. 20 с.

Шонов, 2005 – Шонов И.В. Клад медных монет II в. до н. э. из округи Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь. С. 430-436.

Щеглов, 1975 – Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса //КСИА. Вып. 143. С. 109-116.

Щеглов, 1978 – Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л. Наука. 159 с.

О.В. Фатеев

Новая группа средиземноморских амфорных клейм

A new group of Mediterranean amphora stamps. *Out of 488 amphora stamps found on the territory of the scythian Kapulovskoe settlement were identified five identical stamps with the names of Antilochos, Euboios, Hermi(-) and Polua (-). The author brings these finds together in a new group of amphora stamps of the first third of the III century B.C. from the Mediterranean – an «Antiloh» group. The research provides 24 similar stamps from other ancient monuments of the Northern Black Sea littoral. It is established, that out of 29 stamps of the «Antiloh» group, 27 were made by one carver. The attempt is made to localize the production centre of amphorae with stamps of the «Antiloh» group.*

Новая группа средиземноморских амфорных клейм*. Из 488 амфорных клейм, найденных на территории скифского Капуловского поселения, выделены пять однотипных оттисков с именами: Antilochos, Euboios, Hermi(-) и Polua(-). Эти находки автор объединил в новую группу амфорных клейм первой трети III в. до н. э. из Средиземноморья – группу «Антилоха». В исследовании приводится 24 аналогичных оттиска, которые найдены на других античных памятниках Северного Причерноморья. Установлено, что из 29 клейм группы «Антилоха» 27 выполнены одним резчиком штампов. Сделана попытка локализации центра производства амфор с клеймами группы «Антилоха».*

Из довольно внушительной подборки оттисков амфорных штампов, найденных на территории скифского Капуловского поселения (488 экз.), выделяется небольшое количество клейм неустановленных центров производства (26 экз.). Эти оттиски составляют всего 5,4% всех клейм, обнаруженных на памятнике. Это подтверждает наблюдение В.И. Каца, что в каждой серии публикуемых клейм от 5 до 10% экземпляров не удается надёжно локализировать, и они обычно помещаются в раздел оттисков неопределённых центров (Кац, 2007, 177). Работа над определением таких клейм сложна, в том числе и потому, что количество качественно опубликованных аналогов крайне невелико либо информация о них отсутствует вовсе.

Так, на Капуловском поселении в 1991 г. О. Графчиковым была найдена ручка амфоры с однострочным прямоугольным клеймом *Polua(-)* **(рис. 1/1)**. Спустя девять лет, в 2000 г. Ищуком был обнаружен ещё один фрагмент ручки с клеймом *Polua(-)*, выполненный аналогичным штампом **(рис. 1/2)**. Через три года, в 2003 г. А. Незименога нашёл два фрагмента ручек амфор. Одна из них имеет грибовидный венец, а на ручке оттиснуто однострочное прямоугольное клеймо *Hermi(-)* **(рис. 1/3)**. На фрагменте ещё одной ручки находится двухстрочное прямоугольное клеймо *Antilochos* **(рис. 1/7)**. В 2007 г. А. Незименога нашёл прямоугольное однострочное клеймо *Euboios* **(рис. 2/5)**. Таким образом, за 17 лет на Капуловском поселении была собрана «коллекция» из пяти клейм, даже беглый обзор которой позволяет предполагать некое единство этих оттисков.

При дальнейшей работе, в процессе анализа этих находок удалось отметить идентичность косвенных признаков фрагментов этих амфор и клейм, а именно:

– цвет глины от светло-розового до красного, с едва заметными включениями;

– размеры сечения ручек 4,8-5,0 х 2,4 см, за исключением клейма *Euboios* (размер сечения – 4,0 х 2,9 см);

– клейма в прямоугольных рамках размером 2,4 х 0,9 см (размер рамки клейма *Euboios* – 3,2 х0,9 см);

– легенды клейм содержат одно имя в слабо сокращённой или полной форме;

– надписи выполнены в одну строку (за исключением клейма *Antilochos*);

– почерк одного резчика штампов (за исключением клейма *Euboios*).

В результате стало очевидно, что данные фрагменты принадлежат одному центру производства амфор.[1]

Поиск аналогий показал, что клеймо *Hermi(-)* известно из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка **(рис. 1/4)**, причём рядом с ним находился фрагмент клейма *Agelo(-)* **(рис. 1/10)**. На основе анализа мест находок, форм и расположения клейм, сечения ручек (4,9 х 2,4 см) и цвета глины (светло-розовая с едва заметными включениями) А.Б. Колесниковым было высказано предположение, что оба клейма принадлежат одной амфоре (Колесников, 1985, 78-79, рис. 4/165-166). Также исследователем было отмечено, что аналогичные клейма были включены в IOSPE III: *Hermi(-)* – 10 экз., *Agelo(-)* – 1 экз. (Колесников, 1985, 79).

Также в IOSPE III мною обнаружен ещё один оттиск с именем *Hermi(-)*. В разделе каталога, посвящённого косским клеймам, находится фотография амфорной ручки из Керченского музея **(рис. 2/6)**. По наличию двух небольших прямоугольных, проставленных рядом штампов, ручка сосуда ошибочно отнесена к продукции

[1] Здесь хотелось бы особо оговориться, что ни один из вышеприведенных признаков, взятый отдельно, не может служить для объединения клейм в одну группу, так же, впрочем, как и отсутствие подобных совпадений не исключает возможность использования других методов для выделения групп амфорных клейм.

Коса.[2] Практика клеймения двуствольных ручек двумя разными штампами, действительно имела распространение на о. Кос. Однако, на фотографии отчётливо видно, что наша ручка одноствольная, а не двуствольная, овальная в сечении, шириной ок. 5 см, поверхность гладкая. Б.Н. Граков восстановил надпись на оттиске как ʽΕρμ[ο], кроме того известны однострочные хиосские клейма с другим именем ʽΕρμω из Эритреи (Palaczyk, Schönenberger, 2003, taf. 13/163-171). Но более всего этот оттиск имеет сходство с клеймом *Hermi(-)*, хотя он и выполнен другим штампом и, вероятно, принадлежит той же гончарной мастерской. Второе клеймо дополнительное – анэпиграфное (палица Геракла вправо), может быть знаком мастерской, эмблемой магистрата или гербом города.

Ещё два клейма *Hermi(-)* происходят из Тиры (Штаерман, 1951, рис. 4/21а, 5/169), и одно с этим же именем – из Ольвии **(рис. 1/5)** (Lawall and oth., 2010, pl. 270/48, 293/48). А. В. Гаврилов опубликовал по одному клейму *Agelo(-)* **(рис. 1/9)** и *Hermi(-)* **(рис. 1/6)** из сборов подъёмного материала на селище Новопокровка I, расположенном в окрестностях Феодосии (Гаврилов, 2011, 178/674, 180/685). По фотографиям фрагментов клейм *Agelo(-)* из Новопокровки I **(рис. 1/9)** и из усадеб у Евпаторийского маяка **(рис. 1/10)** стало возможным выполнить полную реконструкцию клейма **(рис. 1/11)**.

В разделе клейм неизвестного происхождения в IOSPE III есть два клейма *Polua(-)*,[3] которые происходят из Ольвии (1937 г.) и Пантикапея (1901 г.), и, хотя отсутствуют изображения оттисков, совершенно очевидно, что они идентичны двум оттискам из Капуловки **(рис. 1/1,2)**. Б.Н. Граков восстановил имя на оттиске как Πολυά(ρατος?) вслед за В.В. Шкорпилом, который опубликовал прорисовку клейма из Пантикапея (Шкорпил, 1904, 148, №659).

Клеймо с именем *Antilochos* удалось найти в материалах керамического комплекса усадьбы № 6 поселения Панское I **(рис. 1/8)** (Монахов, 1999, табл. 214/8). К сожалению, в таблице приводится неверное восстановление имени – ʽΑντιόχος. Только после ознакомления с фотографией клейма была выяснена причина ошибки – сколот край клейма (Kac and oth., 2002, pl. 61/134). Ещё одно клеймо с именем *Antilochos* происходит из Ольвии. Оно было оттиснуто на ручке амфоры с грибовидным венцом, а на другой ручке стоит клеймо *Hermi(-)* (Монахов, 1999, 508-509).[4]

Аналог клейма с именем *Euboios* мне найти не удалось. Однако исполнение надписи, форма и размеры букв соответствуют однострочным надписям во всех вышеперечисленных оттисках с именами *Agelo(-)*, *Hermi(-)*, *Polua(-)*, хотя и заметен почерк другого резчика штампов, отличаются размеры сечения ручки и длина рамки оттиска.

Собранная информация о клеймах, аналогичных найденным на Капуловском поселении, позволяет объединять их в новую группу – группу «Антилоха», в качестве названия которой использовано имя на этих оттисках, которое, во-первых, приводится в полной форме, а во-вторых, встречается чаще, чем *Euboios*.

Относительно клеймения амфор этой группы в настоящее время можно констатировать следующие факты. Нам известно 29 клейм, на которых содержатся 5 имён: *Agelo(-)*, *Antilochos*, *Euboios, Hermi(-)* и *Polua(-)* **(табл. 1)**. Все они имеют прямоугольную, со слегка скруглёнными углами рамку размером 2,4 х 0,9 см и оттиснуты на ручках амфор. Особенности начертания букв: *альфа, ипсилон, лямбда, омикрон*, а также их размеры и расположение относительно других букв в этих клеймах свидетельствуют не только о палеографическом единстве, но и об исполнении большинства из них (27 экз.) одним резчиком штампов. Вероятно, все амфоры были изготовлены в одной гончарной мастерской. Это предполагает возможность включения в группу «Антилоха» в будущем других типов клейм, выполненных другими гравёрами, как это уже было сделано применительно к клейму *Hermi(-)*, находящемуся в IOSPE III под № 97, а также к клейму *Euboios* из Капуловского поселения.

В Ольвии обнаружен фрагмент горла амфоры с остатками ручек **(рис. 2/7)**, на одной из которых проставлено клеймо *Hermi(-)*. Ещё одна фрагментированная амфора, у которой клеймению подверглись обе ручки, также найдена в Ольвии. На одной ручке этого сосуда оттиснут штамп *Antilochos*, а на другой – *Hermi(-)*, что свидетельствует о практике клеймения подобных амфор магистратскими и фабрикантскими штампами. В этой связи предположение А.Б. Колесникова о принадлежности клейм *Hermi(-)* и *Agelo(-)* из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка одной амфоре, получает дополнительное, хотя и косвенное, подтверждение. Ещё одним косвенным свидетельством практики магистратского и фабрикантского клеймения, по всей видимости, может служить находка Е. Кальским двух клейм со штампами *Hermi(-)* и *Agelo(-)* на селище Новопокровка I (Гаврилов, 2011, 178/674, 180/685).

Приведённые данные позволяют предположить, что фабрикант *Hermi(-)* осуществлял клеймение при магистратах *Antilochos* и *Agelo(-)*, а также самостоятельно – без магистрата. Возмож-

[2] IOSPE III, № 97. Описание оттисков: «Отдельные клейма на двух стволах ручки. КМ /№ 5809/, Гр., справа отбито». С. Ю. Монахов относит эту ручку к числу редчайших, аналоги ему неизвестны (письмо от 19.04. 2012 г.).

[3] IOSPE III, P–2, 2177, № 2129-2130. Описание оттисков: «π[1], ο[3]. 1. Ольвия, 1937 г. /№ А900/, КИМ, Гр. 2. Пантикапей и окр., 1901 г. КМ; Шк., ИАК, XI, стр. 148, № 659».

[4] Благодарю С.Ю. Монахова за указанную аналогию.

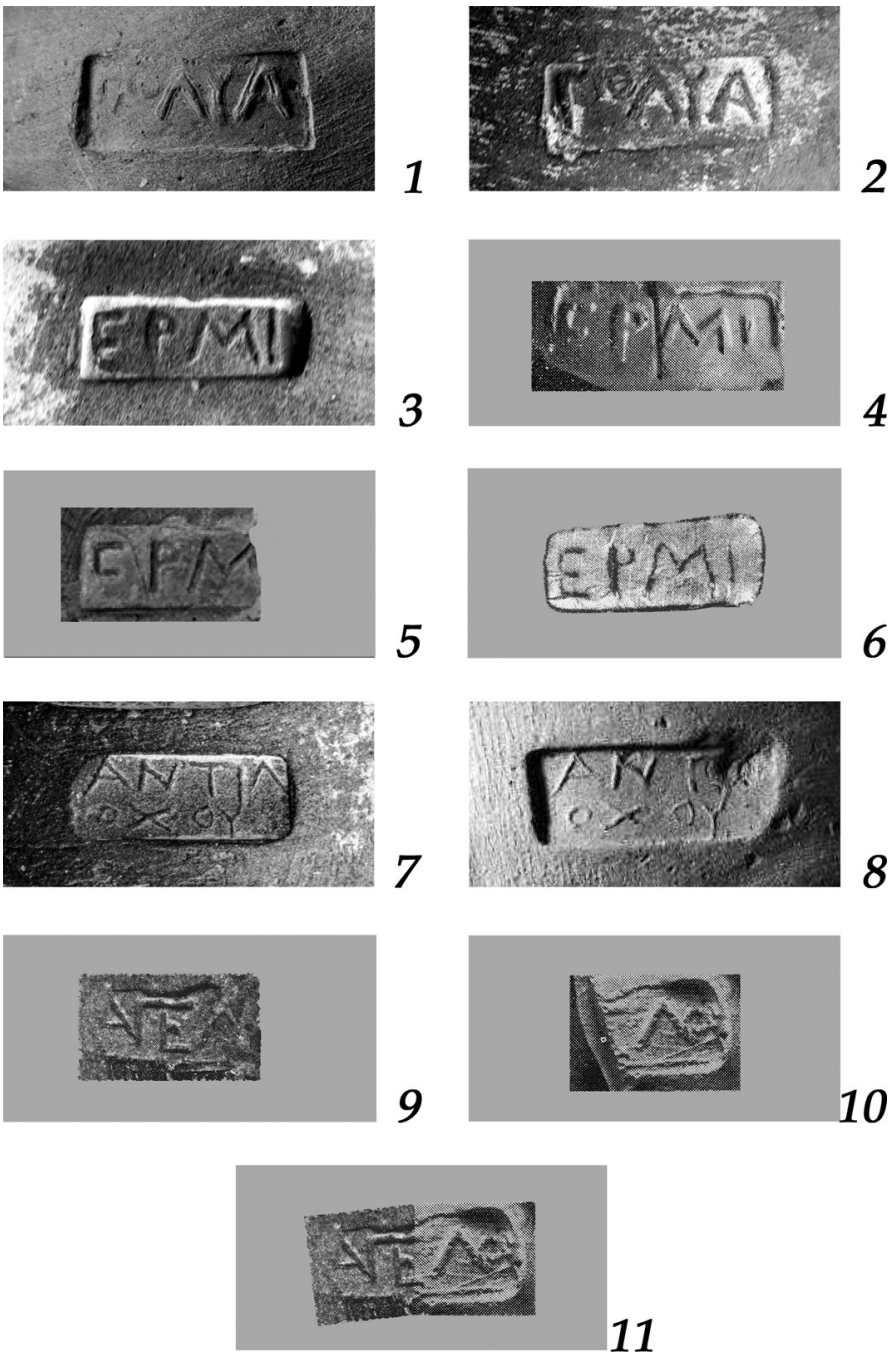

Рис. 1. Амфорные клейма группы «Антилоха». 1-3, 7 – из Капуловского поселения, 4, 10 – из усадеб у Евпаторийского маяка *(по Колесников, 1985)*, 5 – из Ольвии, участок НГС (по *Монахов, 1999)*, 6, 9 – из Новопокровки I (по *Гаврилов, 2011*), 8 – из Панского I, усадьбы № 6 (по *Kac and oth., 2002)*, 11 – реконструкция клейма *Agelo(-)*

но, именно тот факт, что не все фабрикантские клейма сопровождались магистратскими, является объяснением значительного преобладания клейм *Hermi(-)* (18 экз.) над остальными (11 экз.). В то же время нельзя исключать и обратное: сокращённое имя *Hermi(-)* могло принадлежать магистрату. Относительно клейма *Euboios* замечу, что в настоящее время, ввиду отсутствия аналогий, его нельзя относить к магистратским или фабрикантским штампам.

Относительно времени существования клейм группы «Антилоха» установлено, что в целом их следует датировать первыми тремя десятилетиями III в. до н. э., поскольку именно к этому времени относятся другие материалы керамических комплексов Капуловского поселения, усадьбы № 6 поселения Панское I и усадеб у Евпаторийского маяка. Подобной хроноатрибуции не противоречит и уже высказанное мнение о том, что клеймо *Antilochos* из усадьбы № 6 поселения Панское I следует датировать не ранее 300 г. до н. э. (Kac and oth., 2002, 117).

Наиболее сложной проблемой применительно к клеймам группы «Антилоха», является вопрос о локализации центра, клеймившего свои амфоры этими штампами. Замечу, что попытки локализовать этот центр осуществлялись исследователями неоднократно. Так, А.Е. Штаерман,

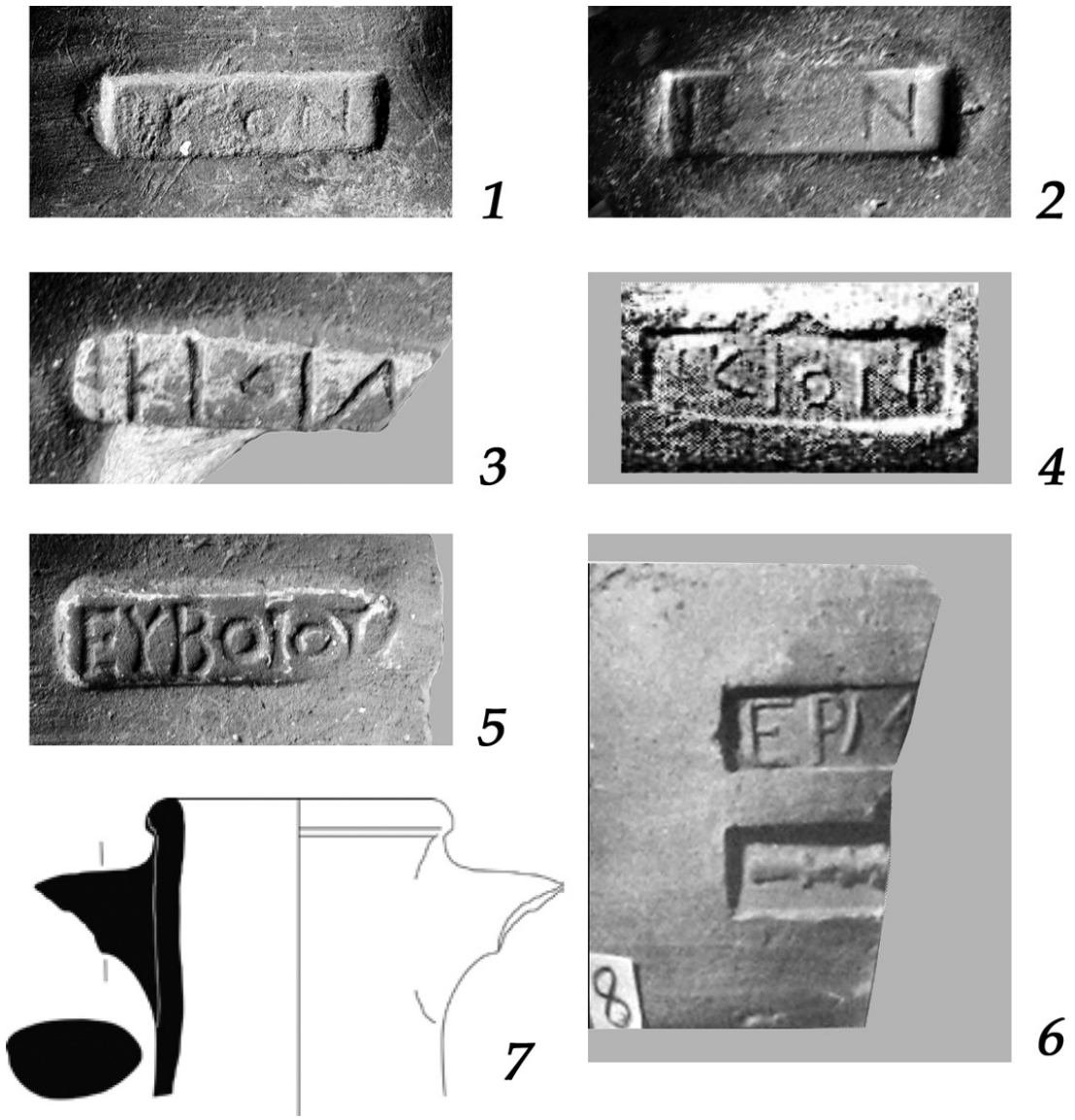

Рис. 2. Амфорные клейма и фрагмент амфоры. 1-3, 5 – из Капуловского поселения, 4 – из Херсонеса (по *Кац, 2007*), 6 – из Керчи (по *Граков, IOSPE III*), 7 – из Ольвии, участок НГС (по *Kac and oth., 2002*)

определяя два клейма *Hermi(-)*, считает одно гераклейским, а второе – косским (Штаерман, 1951, рис. 4/21а, 5/169). А.Б. Колесников называет три возможных островных центра: Кос, Хиос и Парос, отдавая предпочтение хиосскому происхождению клейм *Hermi(-)* и *Agelo(-)* (Колесников, 1985, 79). С.Ю. Монахов на основании морфологических характеристик амфоры из Ольвии с клеймами *Antilochos* и *Hermi(-)* на ручках, в частности, по наличию грибовидного венца, в качестве центра производства отдаёт предпочтение одному из греко-италийских центров Сицилии или Южной Италии (Монахов, 1999, 509). Клеймо *Hermi(-)* из Ольвии с участка НГС предположительно отнесено к херсонесским (Lawal and oth., 2010, 369). А.В. Гаврилов клеймо *Agelo(-)* относит к хиосским, а *Hermi(-)* к продукции неизвестного центра (Гаврилов, 2011, 178/674, 180/685). Резюмируя изложенные точки зрения, хочу заметить, что они основаны на предположениях, слабо ар-

Таблица 1. Клейма группы «Антилоха»

Место находки	**Имя в легенде клейма**					**Всего**
	Antilochos	*Agelo(-)*	*Euboios*	*Hermi(-)*	*Polua(-)*	
Капуловка	1	–	1	1	2	5
Ольвия	1	–	–	2	–	3
Панское I	1	–	–	–	–	1
Евпаторийский маяк	–	1	–	1	–	2
Феодосия	–	1	–	1	–	2
Тира	–	–	–	2	–	2
IOSPE III	–	1	–	11	2	14
Всего	3	3	1	18	4	29

гументированы или просто высказаны без какой-либо аргументации.

Для решения задачи локализации центра, клеймившего свои амфоры штампами, включёнными в группу «Антилоха», мною были привлечены три однострочных клейма в небольших прямоугольных рамках на ручках амфор светло-розовой глины с едва заметными включениями, найденные на Капуловском поселении. Одно из них происходит из подъёмного материала 1989 г. (сборы О. Графчикова) – размеры сечения ручки 3,1 х 2,1 см, рамка клейма размером 2,6 х 0,7 см **(рис. 2/1)**. Второе клеймо обнаружено в 2010 г. (сборы Ю. Шевцова) – размеры сечения ручки 4,1 х 2,4 см, рамка клейма размером 2,6 х 0,8 см **(рис. 2/2)**. В 2010 г. было найдено и третье клеймо (сборы П. Мостового) – размеры сечения ручки 3,5 х 2,5 см, рамка клейма размером 3,2 х 0,9 см **(рис. 2/3)**. Оттиски однотипны, но выполнены разными штампами с этниконом *Ikion*. Клейма острова Икос хорошо известны **(рис. 2/4)**: зафиксировано несколько десятков различных штампов, хотя встречаются они довольно редко (Кац, 2007, 176).

Обращает внимание, что исполнение надписей, форма и размеры букв на клеймах Икоса имеют заметное сходство с клеймами группы «Антилоха». Вместе с тем необходимо отметить, что найденные в Капуловке штампы Икоса проставлены на небольших и довольно тонких ручках, что отличает их от клеймёных ручек группы «Антилоха». Однако, вполне вероятно сосуществование сосудов различных типов и фракций на Икосе, что зафиксировано в других центрах производства амфорной тары. К сожалению, у нас нет точных сведений о целых формах сосудов, кроме сообщения об открытии на Икосе амфорной мастерской, содержащей большое количество фрагментов, которые по форме и глине аналогичны обломкам амфор типа Пепарет I (Амперер, Гарлан, 1992, 20).

Более точную информацию о форме и ёмкости амфор с клеймами группы «Антилоха» можно будет получить, когда удастся ознакомиться с фрагментированной амфорой из Ольвии. Однако, судя по имеющимся фрагментам из Капуловского поселения, амфоры имели невысокое прямое горло с небольшим грибовидным венцом (высота горла – ок. 18 см, диаметр устья – ок. 9,5-11 см) и короткие массивные ручки (высотой ок. 17 см и размером сечения 4,8-5,0 х 2,4 см). Данные фрагменты принадлежат, по всей видимости, пифоидным амфорам, изготовленным из плотной глины, от светло-розового до красного цвета, с едва заметными включениями. Ближайшими аналогиями являются амфоры типа Пепарет II (Амперер, Гарлан, 1992, 20, рис. 12; Монахов, 2003, 99-100, таб. 70/3-4). Представляется, что обнаружение целых форм сосудов и проведение петрографического анализа поможет окончательно решить вопрос: являются ли клейма группы «Антилоха» продукцией гончарных мастерских Икоса или Пепарета?

Литература

Амперер, Гарлан, 1992 – Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры (ред. В.И. Кац, С.Ю. Монахов). Саратов. Изд-во Саратовского университета. С. 8-31.

Гаврилов, 2011 – Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Археологический альманах. № 24. Донецк. 347 с.

Кац, 2007 – Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. Керченська міська друкарня. 480 с.

Колесников, 1985 – Колесников А.Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. № 2. С. 67-93.

Монахов, 1999 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов. Изд-во Саратовского университета. 678 с.

Монахов, 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. М. – Саратов. Киммерида – Изд-во Саратовского университета. 352 с.

Шкорпил, 1904 – Шкорпил В.В. Керамические надписи, приобретённые Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах // ИАК. Вып. 11. С. 19-166.

Штаерман, 1951 – Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 31-49.

Kac and oth., 2002 – Kac V.I., Monachov S.Ju., Stolba V.F., Šceglov A.N. Tiles and Ceramic Containers // Panskoye I-1. The Monumental Building U6 (eds. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Sceglov). Aarhus. Aarhus University Press. P. 101-126.

Lawall and oth., 2010 – Lawall M.L., Lejpunskaja N.A., Diatroptov P.D., Samojlova T.L. Transpots Amphoras // Black Sea Studies. 13. The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Aarhus. Aarhus University Press. P. 355-406.

Palaczyk, Schönenberger E., 2003 – Palaczyk M., Schönenberger E. Amphorenstempel. Grabungen 1965–2001 // Eritria. Ausgrabungen und Forschungen. Band XII. Gollion. S. 179-232.

О.В. Фатеев, Ю.Ю. Третьяков

Клад ольвийских «борисфенов» из Капуловки

Hoard of Olbio «boristhen» coins from Kapulovka. *The article publishes 140 ancient coins from the hoard found on the outskirts of the village Kapulovka in 2011. It was possible to classify 126 coins. There are so called Olbio «boristhen» coins in the hoard. A special scientific value of the published material consists in fact that it is the first big hoard found far from to the north-east of Olbio (about 300 km) which is large extracts of coins belonging to one type, represented by nine consecutive groups (from ten) of «boristhen» coins. The data of hoard is determined no later than 270 BC.*

Клад ольвийских «борисфенов» из Капуловки. *Публикуется 140 античных монет из клада, найденного на окраине с. Капуловка в 2011 г. Классифицировать удалось 126 монет. В составе клада ольвийские монеты, т.н. «борисфены». Особая научная ценность публикуемого материала состоит в том, что это первый крупный клад «борисфенов», обнаруженный далеко на северо-восток от Ольвии (около 300 км) и содержащий репрезентативную выборку монет одного типа, представленного девятью последовательными группами «борисфенов» из десяти. Время сокрытия клада определяется временем не позднее 270 г. до н. э.*

В августе 2011 г. в урочище «Панские кручи» на поле на окраине с. Капуловка[1] местный житель нашёл несколько античных монет, которые оказались бронзовыми ольвийскими «борисфенами». Дальнейшие поиски показали, что это клад, рассеянный в результате распашки на площади 30 х 40 м. Удалось зафиксировать информацию о 140 монетах, хотя всего было найдено свыше 280 монет.[2] В составе клада одна пантикапейская монета[3] и ольвийские «борисфены».

Лицевая сторона: *Голова речного бога Борисфена влево.*

Оборотная сторона: ΟΛΒΙΟ *(перевёрнуто). Горит с луком и стрелами влево, под ним секира, внизу дифферент*.

Эти монеты представляют «особый, самостоятельный ряд денежных знаков, обращавшихся на отличных от других чеканных монет основаниях и имевших номинальную стоимость, значительно превышавшую их фактическую металлическую ценность» (Зограф, 1951, 131).

Найденные монеты имели вид тусклых серозелёных металлических кружков с едва просматривающимися надписями, но хорошо различимыми изображениями. После очистки удалось прочитать дифференты на 126 монетах клада **(прил. 1, рис. 1-5)**. В кладе представлено девять последовательных групп «борисфенов» из десяти (Карышковский, 1988, 81, табл. 4).

Дифференты в виде отдельных букв или их сочетаний, букв в лигатуре или монограмм принадлежали лицам, имевшим отношение к выпуску «борисфенов». Некоторые из дифферентов **(табл. 1)** вполне надёжно объединяются в графические варианты одних и тех же имён (Карышковский, 1988, 82).

Особая научная ценность публикуемого материала состоит в том, что это первый крупный клад «борисфенов», обнаруженный далеко (около 300 км) на северо-восток от Ольвии и представляющий собой репрезентативную выборку монет одного типа. Такие клады чрезвычайно редко попадают в руки исследователей.[4]

На скифских поселениях Нижнего Поднепровья находки монет довольно редки. Это, прежде всего 19 монет – остатки большого клада 1914 г. из Каменки Днепровской (Волчкова, 1956, 55–56, табл. I). Незначительное количество античных монет происходит из сборов подъёмного материала на Каменском городище (Граков, 1954, 145-147, табл. VIII/4-9). Опубликован ольвийский «борисфен» из раскопок Анновского городища (Гаврилюк, Абикулова, 1982, 22, рис. 19/12).

Таблица 1. Дифференты «борисфенов» II-X групп

Количество	Номер группы									Всего
	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
дифферентов / имён в группе	7	6	13	28	10	3	8	2	2	79
	7	6	9	24	5	2	4	2	2	61
дифферентов / имён в кладе	2	4	6	20	5	3	5	2	1	48
	2	4	6	17	4	2	4	2	1	42
монет группы в кладе	10	10	22	33	13	5	17	14	2	126

А.В. Бодянским описаны находки двух античных монет на Капуловском поселении. В дневнике 1951 г. есть запись: «в усадьбе Носика С.С. найдена медная монета с изображением быка с рогами, который имеет человеческое лицо и надпись ΒΟΣ, с другой стороны: скифский колчан с луком, топор и надпись ΟΛΒ» (Бодянский, 1951). В одном из отчётов содержится информация о «медной ольвийской монете царя Скилура: с одной стороны неясный портрет царя, на другой – колчан с луком и стрелами и боевой секирой, надписи ΣΚΥ и почти не видно – ΟΛΒ, размеры 2 х 0,4 см, вес 5,5 г» (Бодянский, 1977).

Совершенно очевидно, что монеты, описанные А.В. Бодянским, являются «борисфенами»,

[1] С. Капуловка Никопольского района Днепропетровской области Украины.

[2] Приношу благодарность П.В. Мостовому, который сообщил сведения о количестве монет клада у разных находчиков из с. Капуловка, гг. Никополь и Орджоникидзе. Монеты находили с августа 2011 г. по апрель 2012 г.

[3] Ознакомиться с монетой Пантикапея, к сожалению, не удалось – известно лишь, что это была небольшая медная монета с изображением головы Сатира.

[4] В Запорожский областной краеведческий музей мною передана 101 монета из клада.

Рис. 1. Клад «борисфенов» из Капуловки. Монеты второй (1–9), третьей (10–19), четвертой (20–27) групп (по *Карышковский, 1988*)

Рис. 2. Клад «борисфенов» из Капуловки. Монеты четвертой (1–13), пятой групп (14–27) (по *Карышковский, 1988*)

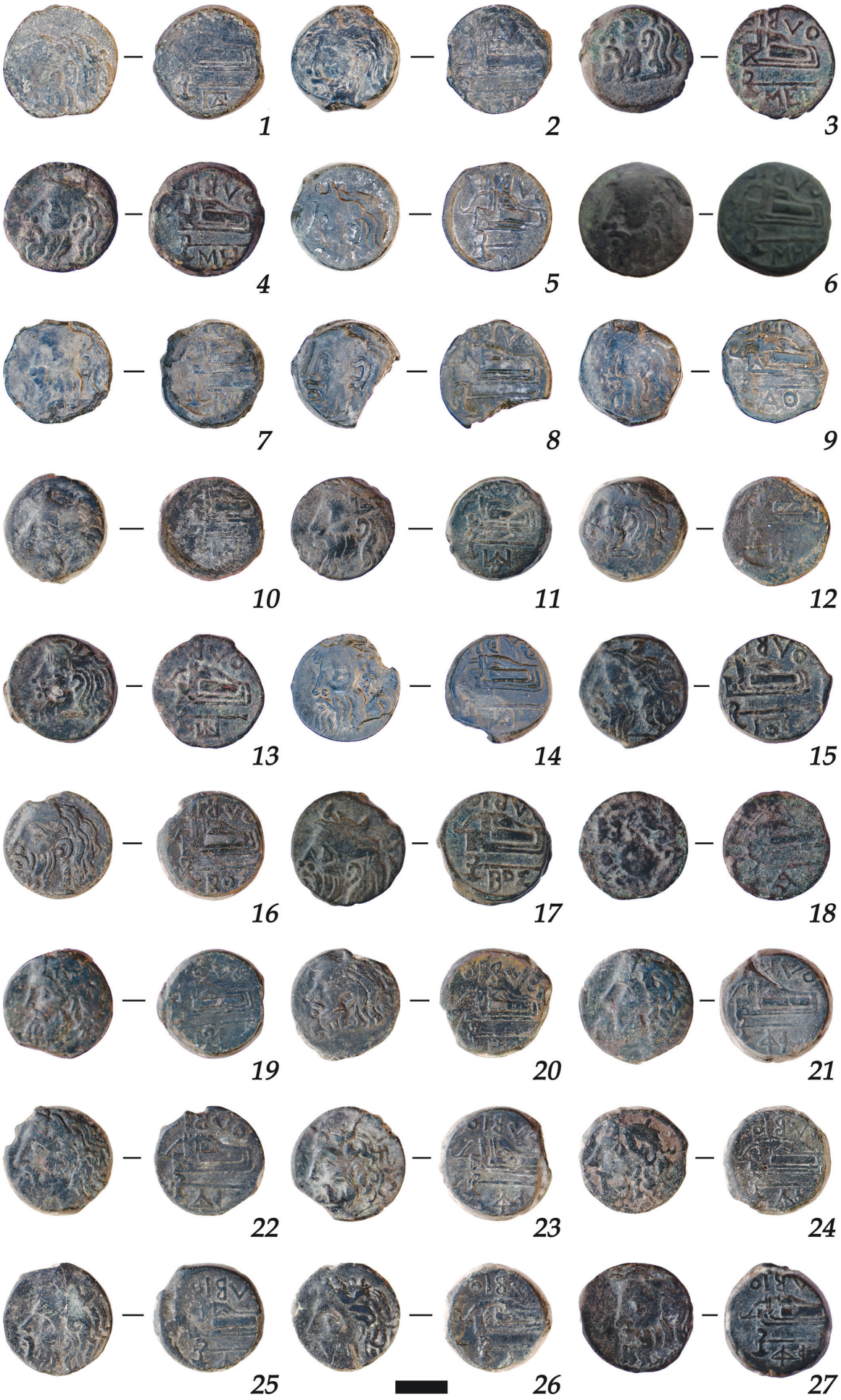

Рис. 3. Клад «борисфенов» из Капуловки. Монеты пятой (1–17), шестой (18–27) групп (по *Карышковский, 1988*)

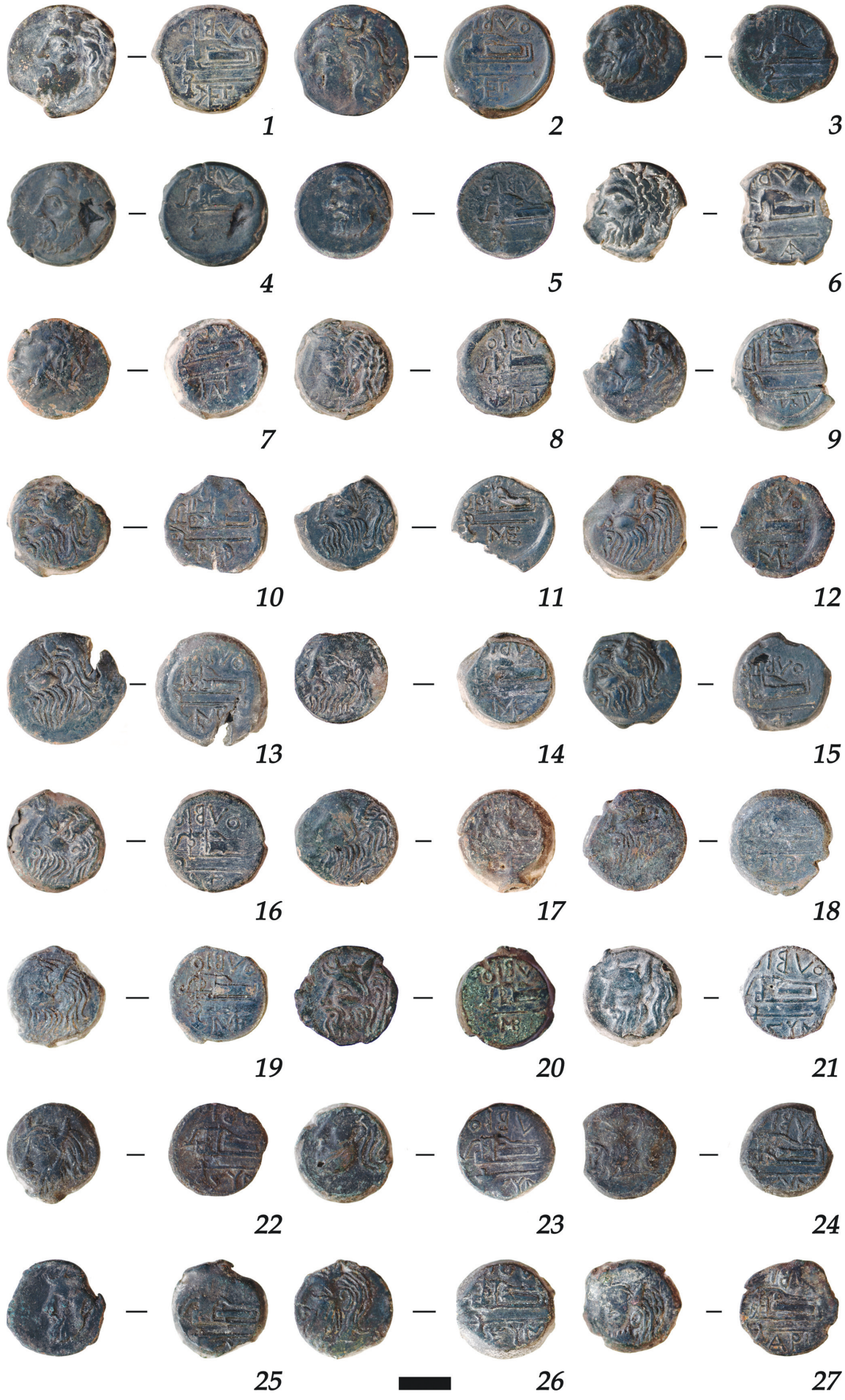

Рис. 4. Клад «борисфенов» из Капуловки. Монеты шестой (1–2), седьмой (3–6), восьмой *(7–20)*, девятой (21–27) групп (по *Карышковский, 1988*)

один с дифферентом ΒΟΣ, другой с неверно прочитанным дифферентом ΣΥΜ или ΣΥ, а «бык с рогами, который имеет человеческое лицо» и «неясный портрет царя» Скилура – неверно понятые изображения бородатого речного божества Борисфена.

Необходимо отметить, что Капуловское поселение «богато» на нумизматические находки до такой степени, что местные жители называют ольвийские «борисфены» «олвио» или «олбио», отличая их от других монет. Из 34 известных мне единичных находок античных монет из Капуловки: 28 – «борисфены», ещё 6 – монеты Пантикапея (готовятся к публикации). Таким образом, античные монеты с территории Капуловского поселения представлены в основном ольвийскими «борисфенами» с различными дифферентами.

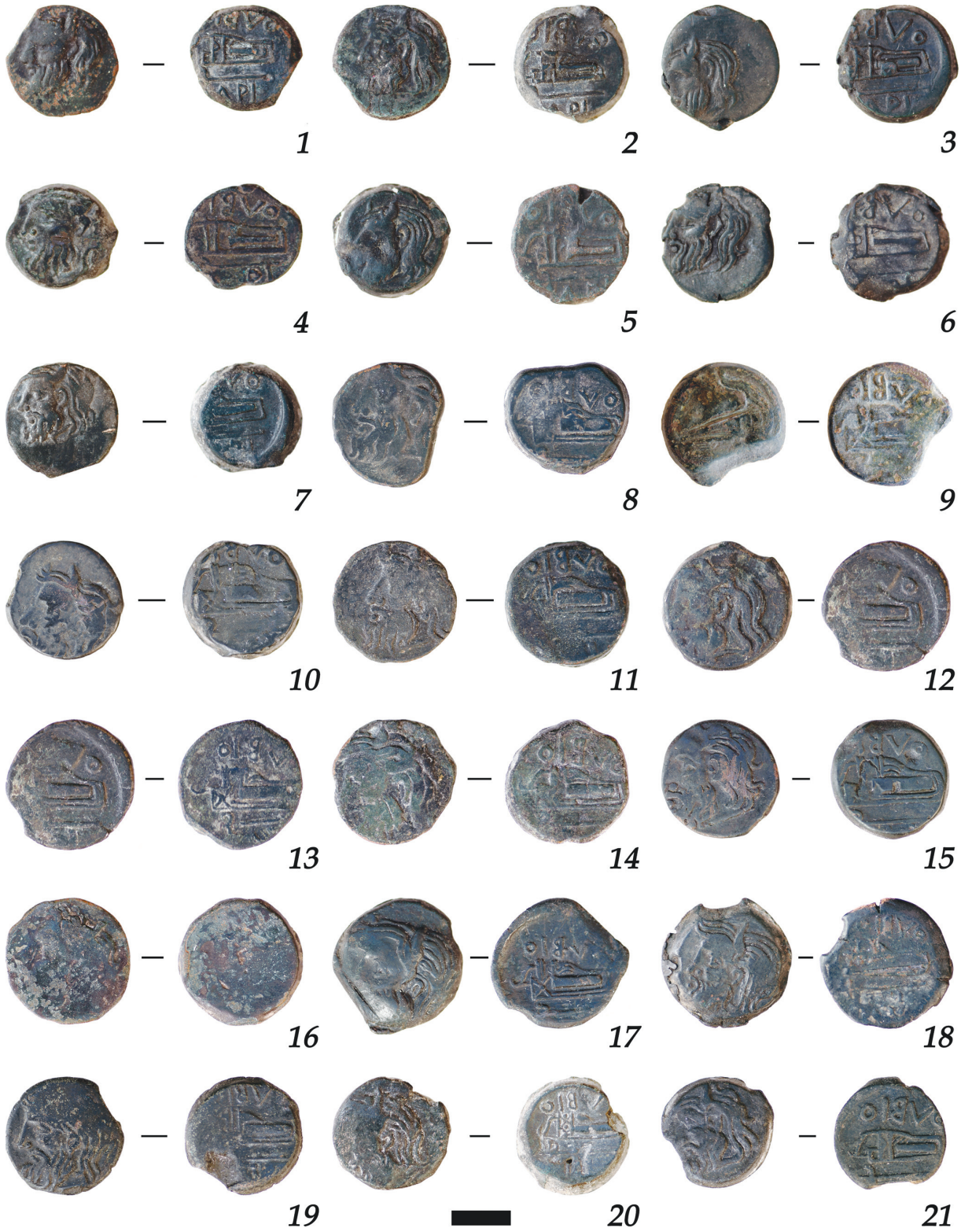

Рис. 5. Клад «борисфенов» из Капуловки. Монеты девятой (1–6), десятой (7) групп (по *Карышковский, 1988*), монеты с нечитаемыми дифферентами (8–21)

Время сокрытия публикуемого клада надёжно датируется амфорными материалами, найденными в большом количестве на Капуловском поселении, и определяется не позднее 270 г. до н. э., что находится в пределах датировки В.А. Анохина, который относит время прекращения выпуска «борисфенов» к 280 г. до н. э. (Анохин, 1989, 40)

Клад «борисфенов» из Капуловки значительно дополняет информацию об интенсивности и характере экономических связей между Ольвией и Скифией.

Приложение 1
Каталог «борисфенов» из Капуловки

Каталог содержит однотипные, ранее не публиковавшиеся, монеты.

Аверс: *Голова речного бога Борисфена влево.*

Реверс: ΟΛΒΙΟ *(перевёрнуто). Горит с луком и стрелами влево, под ним секира, внизу дифферент в виде отдельных букв или их сочетаний, букв в лигатуре или монограмм.*

Материал: *бронза*.

Монеты помещены в каталог в порядке нумерации групп и дифферентов по классификации, разработанной П.О. Карышковским (1988, 80-83, табл. 4). Каждую серию монет с одинаковыми дифферентами сопровождают указания на количество экземпляров. Далее приводится шифр каждого «борисфена», его размер и вес, ссылка на рисунок, например: **20.02.F – 22 мм, 8,73 г (рис. 1/2)**, где **20 –** номер дифферента, **02 –** вторая по счету монета в составе клада, **F** (Фатеев) или **T** (Третьяков) – классифицировал, измерял и взвешивал монету, **22 мм –** наибольший размер аверса монеты по горизонтали, **8,73 г –** вес патинированной монеты, **(рис. 1/2) –** ссылка на рисунок.

Стёртые, не поддающиеся чтению, а также фрагментированные монеты, даются в конце каталога, как статистический материал, хотя в будущем они могут быть идентифицированы по целым экземплярам, выполненным теми же штампами.

II группа (10 экз.)			
20	IK	6 экз.	20.01.F – 23 мм, 9,28 г **(рис. 1/1)**, 20.02.F – 22 мм, 8,73 г **(рис. 1/2)**, 20.03.F – 23 мм, 10,15 г **(рис. 1/3)**, 20.04.F – 23 мм, 10,79 г **(рис. 1/4)**, 20.05.T – 24 мм, 9,60 г **(рис. 1/5)**, 20.06.T – 23 мм, 9,80 г **(рис. 1/6)**.
21	ΦI	4 экз.	21.01.T – 23 мм, 8,00 г **(рис. 1/7)**, 21.02.T – 24 мм, 10,30 г **(рис. 1/8)**, 21.03.F – 24 мм, 10,73 г **(рис. 1/9)**, 21.04.T (утрачена).
III группа (10 экз.)			
23	ΣΩ	2 экз.	23.01.F – 24 мм, 10,29 г **(рис. 1/10)**, 23.02.T – 22 мм, 7,80 г **(рис. 1/11)**.
24	ΠO	4 экз.	24.01.F – 22 мм, 9,56 г **(рис. 1/12)**, 24.02.F – 21 мм, 10,82 г **(рис. 1/13)**, 24.03.F – 22 мм, 10,12 г **(рис. 1/14)**, 24.04.T – 22 мм, 10,00 г **(рис. 1/15)**.
25	E	2 экз.	25.01.T – 21 мм, 9,50 г **(рис. 1/16)**, 25.02.T – 21 мм, 9,50 г **(рис. 1/17)**.
26	ΛA	2 экз.	26.01.T – 22 мм, 10,10 г **(рис. 1/18)**, 26.02.F – 21 мм, 9,63 г **(рис. 1/19)**.
IV группа (22 экз.)			
31	A	4 экз.	31.01.F – 22 мм, 9,84 г **(рис. 1/20)**, 31.02.F – 22 мм, 10,53 г **(рис. 1/21)**, 31.03.F – 23 мм, 10,04 г **(рис. 1/22)**, 31.04.T – 22 мм, 10,30 г **(рис. 1/23)**.
34	AP	4 экз.	34.01.F – 23 мм, 8,72 г **(рис. 1/24)**, 34.02.F – 21 мм, 11,11 г **(рис. 1/25)**, 34.03.F – 21 мм, 9,73 г **(рис. 1/26)**, 34.04.T (утрачена).
35	EK	1 экз.	35.01.F – 22 мм, 9,58 г **(рис. 1/27)**.
36	ΔI	8 экз.	36.01.F – 22 мм, 9,15 г **(рис. 2/1)**, 36.02.F – 22 мм, 11,76 г **(рис. 2/2)**, 36.03.F – 22 мм, 10,31 г **(рис. 2/3)**, 36.04.F – 22 мм, 10,44 г **(рис. 2/4)**, 36.05.F – 22 мм, 10,23 г **(рис. 2/5)**, 36.06.T – 23 мм, 13,20 г **(рис. 2/6)**, 36.07.F – 22 мм, 9,61 г **(рис. 2/7)**, 36.08.T – 20 мм, 8,60 г **(рис. 2/8)**.
38	HΓ	1 экз.	38.01.T – 21 мм, 8,50 г **(рис. 2/9)**.
40	⅄T	2 экз.	40.01.T – 22 мм, 11,90 г **(рис. 2/10)**, 40.02.F – 23 мм, 13,53 г **(рис. 2/11)**.
40a	–	2 экз.	40a.01.T – 21 мм, 12,10 г **(рис. 2/12)**, 40a.02.F – 21 мм, 9,62 г **(рис. 2/13)**.
V группа (33 экз.)			
42	ΔI	1 экз.	42.01.F – 22 мм, 10,04 г **(рис. 2/14)**.
43	AM	1 экз.	43.01.F – 20 мм, 8,91 г **(рис. 2/15)**.
44	⊙EY	2 экз.	44.01.F – 22 мм, 8,32 г **(рис. 2/16)**, 44.02.T (утрачена).
45	ΛE	2 экз.	45.01.F – 20 мм, 7,24 г **(рис. 2/17)**, 45.02.T – 22 мм, 8,90 г **(рис. 2/18)**.
47	N°	1 экз.	47.01.F – 22 мм, 9,62 г **(рис. 2/19)**.
50	AP	1 экз.	50.01.F – 22 мм, 9,85 г **(рис. 2/20)**.

52		1 экз.	52.01.F – 22 мм, 12,84 г **(рис. 2/21)**.
53		1 экз.	53.01.T – 21 мм, 10,20 г **(рис. 2/22)**.
55		2 экз.	55.01.F – 21 мм, 7,86 г **(рис. 2/23)**, 55.02.F – 22 мм, 7,39 г **(рис. 2/24)**.
56		1 экз.	56.01.T – 23 мм, 11,20 г **(рис. 2/25)**.
57		5 экз.	57.01.F – 22 мм, 11,40 г **(рис. 2/26)**, 57.02.F – 21 мм, 8,54 г **(рис. 2/27)**, 57.03.F – 22 мм, 10,61 г **(рис. 3/1)**, 57.04.F – 21 мм, 8,56 г **(рис. 3/2)**, 57.05.T (утрачена).
58		1 экз.	58.01.T – 22 мм, 9,10 г **(рис. 3/3)**.
59		3 экз.	59.01.T – 22 мм, 10,20 г **(рис. 3/4)**, 59.02.F – 21 мм, 9,37 г **(рис. 3/5)**, 59.03.T – 22 мм, 10,90 г **(рис. 3/6)**.
60		2 экз.	60.01.F – 21 мм, 8,89 г **(рис. 3/7)**, 60.02.F – 21 мм, 7,84 г **(рис. 3/8)**.
61		1 экз.	61.01.F – 20 мм, 7,08 г **(рис. 3/9)**.
62		2 экз.	62.01.F – 20 мм, 9,18 г **(рис. 3/10)**, 62.02.T – 20 мм, 11,60 г **(рис. 3/11)**.
63		2 экз.	63.01.F – 21 мм, 10,50 г **(рис. 3/12)**, 63.02.T – 21 мм, 8,70 г **(рис. 3/13)**.
64		1 экз.	64.01.F – 21 мм, 7,60 г **(рис. 3/14)**.
66		1 экз.	66.01.T – 21 мм, 8,30 г **(рис. 3/15)**.
68		2 экз.	68.01.F – 21 мм, 8,90 г **(рис. 3/16)**, 68.02.T – 22 мм, 10,70 г **(рис. 3/17)**.
VI группа (13 экз.)			
69		1 экз.	69.01.T – 21 мм, 6,10 г **(рис. 3/18)**.
72		1 экз.	72.01.F – 21 мм, 9,20 г **(рис. 3/19)**.
73		1 экз.	73.01.F – 21 мм, 9,23 г **(рис. 3/20)**.
74		7 экз.	74.01.F – 22 мм, 11,14 г **(рис. 3/21)**, 74.02.F – 21 мм, 9,16 г **(рис. 3/22)**, 74.03.F – 22 мм, 10,60 г **(рис. 3/23)**, 74.04.F – 21 мм, 9,76 г **(рис. 3/24)**, 74.05.F – 21 мм, 7,65 г **(рис. 3/25)**, 74.06.F – 21 мм, 7,65 г **(рис. 3/26)**, 74.07.T – 21 мм, 10,20 г **(рис. 3/27)**.
76		3 экз.	76.01.F – 21 мм, 9,44 г **(рис. 4/1)**, 76.02.F – 22 мм, 9,97 г **(рис. 4/2)**, 76.03.T (утрачена).
VII группа (5 экз.)			
79		3 экз.	79.01.F – 20 мм, 7,97 г **(рис. 4/3)**, 79.02.F – 21 мм, 6,05 г **(рис. 4/4)**, 79.03.F – 19 мм, 6,67 г **(рис. 4/5)**.
80		1 экз.	80.01.T **(утрачена)**.
81		1 экз.	81.01.F – 20 мм, 6,22 г **(рис. 4/6)**.
VIII группа (17 экз.)			
82		4 экз.	82.01.F – 20 мм, 8,28 г **(рис. 4/7)**, 82.02.F – 19 мм, 8,31 г **(рис. 4/8)**, 82.03.F – 20 мм, 7,53 г **(рис. 4/9)**, 82.04.T (утрачена).
84		1 экз.	84.01.T **(утрачена)**.
86		1 экз.	86.01.F – 20 мм, 5,99 г **(рис. 4/10)**.
88		8 экз.	88.01.F – 20 мм, 6,45 г **(рис. 4/11)**, 88.02.F – 20 мм, 6,45 г **(рис. 4/12)**, 88.03.F – 22 мм, 6,86 г **(рис. 4/13)**, 88.04.F – 19 мм, 7,81 г **(рис. 4/14)**, 88.05.F – 19 мм, 5,99 г **(рис. 4/15)**, 88.06.F – 19 мм, 7,35 г **(рис. 4/16)**, 88.07.F – 20 мм, 7,37 г **(рис. 4/17)**, 88.08.T (утрачена).
89		3 экз.	89.01.F – 20 мм, 6,65 г **(рис. 4/18)**, 89.02.F – 19 мм, 6,69 г **(рис. 4/19)**, 89.03.T – 20 мм, 6,90 г **(рис. 4/20)**.
IX группа (14 экз.)			
90		7 экз.	90.01.F – 18 мм, 7,00 г **(рис. 4/21)**, 90.02.F – 18 мм, 6,21 г **(рис. 4/22)**, 90.03.F – 19 мм, 7,59 г **(рис. 4/23)**, 90.04.F – 18 мм, 6,30 г **(рис. 4/24)**, 90.05.F – 19 мм, 6,98 г **(рис. 4/25)**, 90.06.F – 19 мм, 6,52 г **(рис. 4/26)**, 90.07.T (утрачена).

91	API	7 экз.	91.01.F – 19 мм, 6,87 г **(рис. 4/27)**, 91.02.F – 19 мм, 5,41 г **(рис. 5/1)**, 91.03.F – 20 мм, 7,66 г **(рис. 5/2)**, 91.04.F – 20 мм, 7,30 г **(рис. 5/3)**, 91.05.F – 19 мм, 5,78 г **(рис. 5/4)**, 91.06.F – 20 мм, 8,42 г **(рис. 5/5)**, 91.07.F – 19 мм, 6,55 г **(рис. 5/6)**.
Х группа (2 экз.)			
93	ЕПІ	2 экз.	93.01.F – 19 мм, 7,56 г **(рис. 5/7)**, 93.02.T (утрачена).
Монеты с нечитаемыми дифферентами (14 экз.)			
?	?	14 экз.	99.01.F – 19 мм, 9,49 г **(рис. 5/8)**, 99.02.F – 21 мм, 10,27 г **(рис. 5/9)**, 99.03.F – 20 мм, 9,63 г **(рис. 5/10)**, 99.04.F – 21 мм, 8,30 г **(рис. 5/11)**, 99.05.F – 22 мм, 8,85 г **(рис. 5/12)**, 99.06.F – 21 мм, 8,41 г **(рис. 5/13)**, 99.07.F – 21 мм, 8,05 г **(рис. 5/14)**, 99.08.F – 20 мм, 8,33 г **(рис. 5/15)**, 99.09.F – 21 мм, 6,44 г **(рис. 5/16)**, 99.10.F – 22 мм, 7,60 г **(рис. 5/17)**, 99.11.F – 22 мм, 7,55 г **(рис. 5/18)**, 99.12.F – 20 мм, 6,45 г **(рис. 5/19)**, 99.13.F – 20 мм, 7,58 г **(рис. 5/20)**, 99.14.F – 19 мм, 6,11 г **(рис. 5/21)**.

Литература

Анохин, 1989 – Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев. Наукова думка. 128 с.

Бодянский, 1951 – Бодянський О.В. Щоденник археологічних дослідів на правому березі Дніпра // Короткі повідомлення за археологічні досліди в 1951 р. на території Нижнього Дніпра та Дніпрових порогів. НА ІА НАНУ. №1951/12.

Бодянский, 1977 – Бодянський О.В. Археологічні пам'ятки Запорізької та Дніпропетровської областей, які зруйновані або руйнуються водами оз. Леніна та Каховського водосховища. НА ІА НАНУ. №1977/89.

Волчкова, 1956 – Волчкова Н.И. Клад античных монет из Каменки Днепровской // КСИА. Вып. 6. С. 55-56.

Гаврилюк, Абикулова, 1991 – Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Киев. Препринт. 48 с.

Граков, 1954 – Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36. М. 238 с.

Зограф, 1951 – Зограф А.Н. Античные монеты. МИА. № 16. 263 с.

Карышковский, 1988 – Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев. Наукова думка. 168 с.

О.А. Шинкарь

Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III-II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья

Northern Black Sea littoral imports in the burials of the III-II centuries BC in the Volga-Don interfluve. *The article considers imports of the Northern Black Sea littoral in the burials of the III-II centuries BC in the Volga-Don interfluve. These imports in the sarmatian graves show cross-cultural ties with the North Black Sea antique centers, being a result of trade relations and military invasions.*

Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III-II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья. *В статье рассматриваются находки – импортные изделия на территории междуречья Волги и Дона в погребениях III-II вв. до н. э. Наличие таких предметов у кочевников свидетельствует о межкультурных связях с Северо-Причерноморскими античными центрами. Появление таких контактов, скорее всего, стало результатом торговых отношений и военных набегов.*

Погребения раннесарматского времени с территории Волго-Донского междуречья[1] III-II вв. до н. э. трудно датируются без наличия в них импортных предметов. Поскольку эта территория удалена от северопричерноморских торговых центров, на ней импорты античного производства исключительно редко встречаются в погребениях III-II вв. до н. э. Но небольшое количество импортных вещей всё же проникает на кочевнические территории, и является большой удачей, если они встречаются в закрытых комплексах **(рис. 1/1.)**. Такие находки сразу позволяют достаточно точно датировать погребение. На мой взгляд, для полноты картины следует рассмотреть импортные предметы, поступающие к кочевникам с кубанских и донских территорий, поскольку это самый короткий путь поступления этих импортов.

Для раннесарматского периода характерно несколько категорий импортных изделий, встречающихся в погребениях, в основном это керамическая посуда и украшения. Это можно проиллюстрировать следующими находками.

«Мегарская» чаша **(рис. 1/2).** Происходит из детского погребения 6 кургана 1 могильника Мариновка, раскопанного в 1978 г. (Мамонтов, 1978, рис. 23, 26/4). Чаша с тонкими стенками из светло-серой хорошо отмученной глины. Орнамент состоит из вертикально отштампованных листочков, между ними ряды вертикальных точек, выше которых идёт фриз из волнистой линии, между изгибами которой имеются небольшие налепы. Аналогичные чаши происходят с территории Нижнего Подонья из погребения 3 кургана 1 могильника Северо-Западный I и погребения 17 кургана 1 могильника Кулешовка (Глебов, 2005, рис. 3/4,5). Близкие по форме и орнаментации экземпляры, по мнению В.П. Глебова, относятся к ионийской группе и происходят из Делоса, куда попадали, скорее всего, из Эфеса. Ссылаясь на мнение С.А. Коваленко, В.П. Глебов пишет, что ввоз «мегарских» чаш из Ионийской Греции в Северное Причерноморье начался во второй четверти II в. до н. э., был наиболее интенсивен во второй половине столетия и резко снизился к концу II в. до н. э. (Глебов, 2005, 40).

Унгвентарии (рис. 1/6, 7). Красноглиняный веретенообразный угвентарий происходит из богатого воинского погребения 4 кургана 27 Жутовского курганного могильника (Шилов, 1975, рис. 53/1). Сероглиняный унгвентарий обнаружен в погребении 6 кургана 23 могильника Перегрузное-I (Клепиков, Шинкарь, 2004, 144, рис. 14/13). Такие предметы относятся к боспорским изделиям и часто встречаются в памятниках Северного Причерноморья. В Артюховском кургане керамические унгвентарии относятся к группам D и E афинской агоры и датируются серединой и второй половиной II в. до н. э., а сам курган датирован 140-125 гг. до н. э. (Максимова, 1979, 8, 108-109, табл. III). Наиболее близкий по форме жутовскому унгвентарий происходит из мавзолея Неаполя Скифского и датируется не ранее II в. до н. э. (Зайцев, 2003, 15, рис. 91/4). Основываясь на кубанском материале, И.И. Марченко относит такой тип унгвентариев к IV типу и датирует их серединой II – первой половиной I в. до н. э. (Марченко, 1996, 42, рис. 6). С территории Нижнего Подонья происходит несколько веретенообразных унгвентариев: погребение 20 кургана 3 могильника Алитуб, разрушенное погребение у пос. Кадамовский, погребение 8 кургана 6 могильника Подгорненский-IV. По мнению В.П. Глебова, они датируются в пределах середины II – первой половины I в. до н. э. (Глебов, 2005, 40, рис. 3/6).

Погребение из Перегрузного могильника по совокупности вещей относится ко II-I вв. до н. э.; более узко его датировать не представляется возможным, т.к. такая категория боспорской посуды как унгвентарии начинают появляться в раннесарматской среде со II в. до н. э.

Бронзовый котёл **(рис. 1/8).** Из погребения 4 кургана 27 могильника Жутово происходит и кованый котёл, который, перед тем как попасть в погребение, преднамеренно был помят, а две кольцевые ручки были оторваны и лежали

[1] Территориально для исследования были взяты погребения, расположенные в Волгоградской и Астраханской областях Российской Федерации.

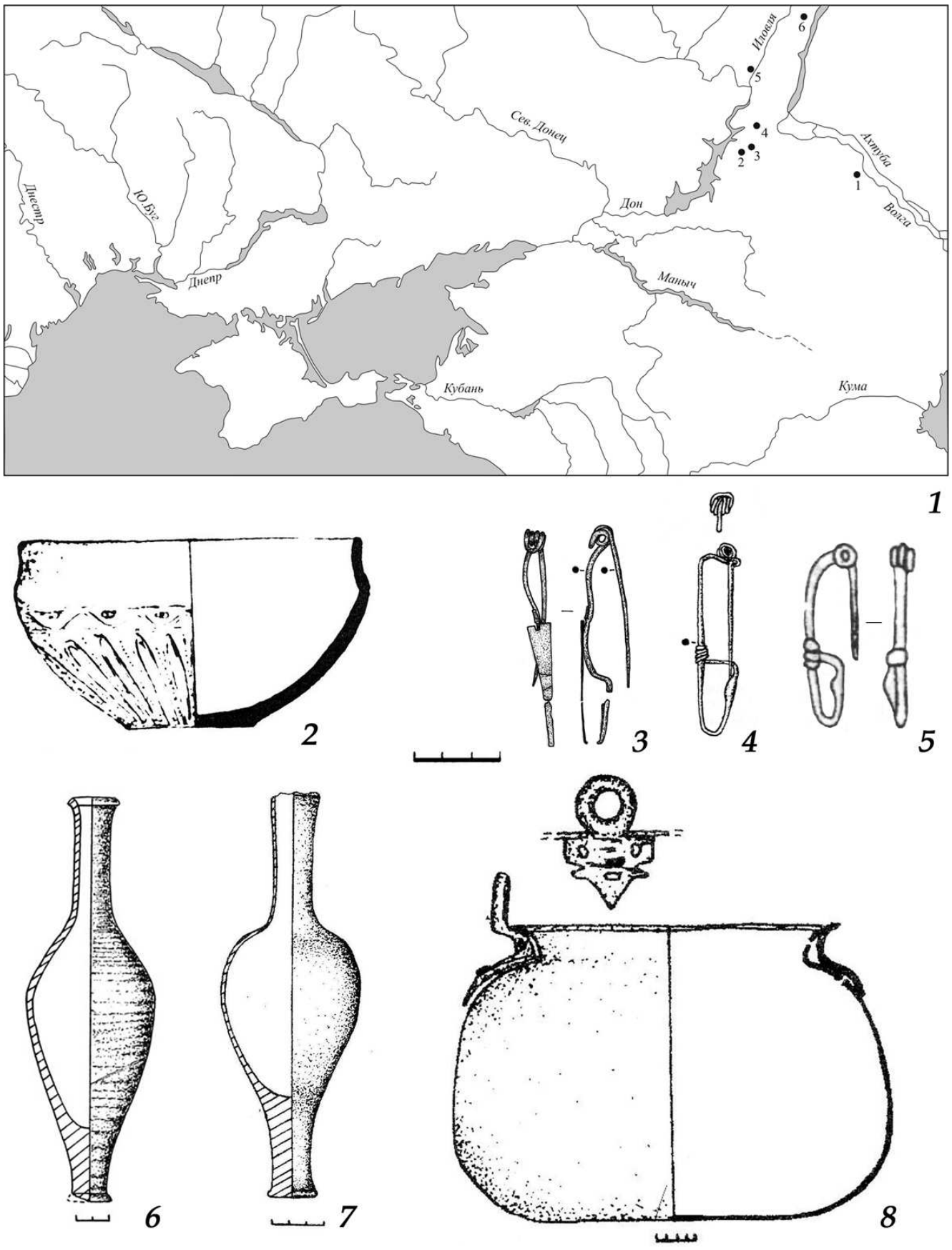

Рис. 1. 1 – Карта-схема могильников: 1 – Кривая Лука; 2 – Жутово; 3 – Перегрузное; 4 – Мариновка; 5 – Писаревка; 6 – Петрунино; 2 – Мариновка к. 1, п. 6; 3 – Перегрузное-I к. 33, п. 5; 4 – Писаревка-II к. 6, п. 2; 5 – Петрунино-II к. 1, п. 9; 6 – Перегрузное-I к. 23, п. 6; 7, 8 – Жутово к. 27, п. 4

рядом (Шилов, 1975, 138, рис. 52/2). Этот котёл изготовлен в технике выколотки и относится к варианту 2 типа I кованых котлов (Демиденко, 2008. 41, 62). Где конкретно осуществлялось производство такого типа котлов, неизвестно. Так, В.П. Шилов приводит близкий по форме жутовскому котёл из этрусских могил VI в. до н. э. (Шилов, 1975, 139). Похожий котёл происходит из Курджипского кургана из Прикубанья IV в. до н. э. (Галанина, 1980, 35-36). Котлы подобной формы бытуют в Куковой могиле в Болгарии первой половины – середины V в. до н. э.; для I и IV Семибратных курганов в Прикубанье Л.К. Галанина не исключает производство таких котлов в меото-скифской среде, а С.В. Демиденко предполагает их северокавказское происхождение (Демиденко, 2008, 46).

Жутовское погребение очень синкретично по набору вещей и состоит из импортных изделий, происходящих как из античных центров Северного Причерноморья, так и восточных – греко-иранских (фалары, найденные в насыпи кургана, принадлежат богатому воину из погребения № 4) (Мордвинцева, 1994, 99). Из этого же погребения происходит и фрагмент античного бальзамария из синего финикийского стекла, и парадный меч с золотыми обкладками (Мордвинцева, Шинкарь, 1999, 139, 140, рис. 2, 6). Наиболее вероятная дата жутовского погребения – конец II – первая половина I до н. э. Данный комплекс должен принадлежать аорсской знати. Именно в это время и на этой территории аорсов помещает Страбон (Скрипкин, Шинкарь, 2010, 141).

Фибулы **(рис. 1/3-.5).** В погребениях раннесарматского времени фибулы, наряду с другим

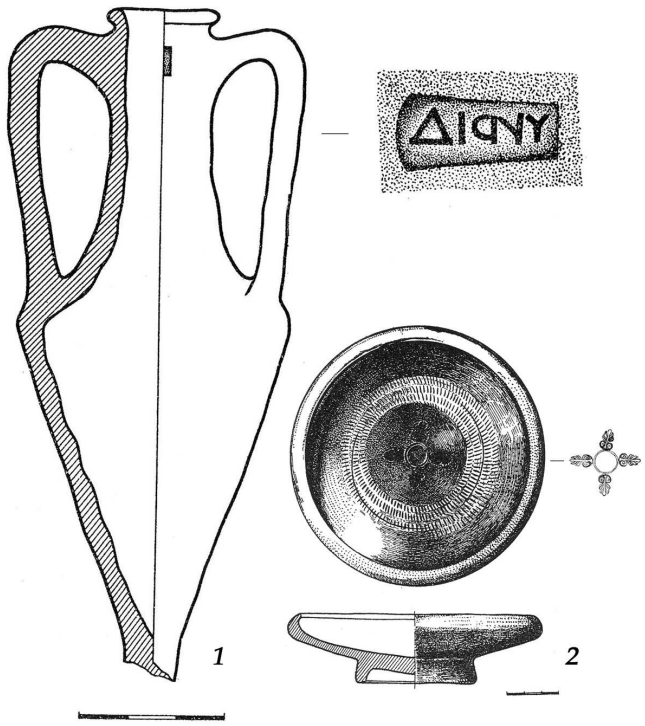

Рис. 2. Керамические импорты из погребения 14 кургана 1 могильника Кривая Лука VI.

античным импортом, являются надежным датирующим материалом. Одной из ранних фибул с территории Волго-Донского междуречья можно назвать застёжку из погребения 5 кургана 33 могильника Перегрузное-I. Бронзовая фибула «зарубинецкого типа» с треугольно расширенным концом ножки, скреплённой со спинкой. Авторы раскопок датируют погребение не позже середины I в. до н. э. (Клепиков и др., 2008, 61). В последнее время произошел пересмотр хронологии латенских древностей Я. Филиппа; как следствие, удревняются северопричерноморские фибулы. В настоящее время из памятников Крыма известно около десятка находок фибул такой конструкции. Современная их датировка – вторая половина II – начало I в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003, 150) или вторая четверть II в. до н. э. по материалам Кубани (Марченко, 1996, 32). Скорее всего, бронзовая фибула «зарубинецкого типа» из Перегрузного-I датирует погребение второй половиной II – началом I в. до н. э.

Фибулы среднелатенской схемы на рассматриваемой территории пока не встречаются, но они превосходно представлены в Заволжье: погребение 6 кургана 2 могильника Быково; погребение 3 кургана 27 могильника Калиновка; погребение 5 кургана 14 могильника Ровное; погребение 12 кургана 3 могильника Рыбный. Фибула такой схемы известна и в Ростовской области – в погребении 10 кургана 40 могильника Арпачин. Фибулы среднелатенской схемы сейчас принято датировать началом или серединой II – серединой I в. до н. э. (Марченко, 1996, 32; Берлизов, Еременко, 1998, 26; Глебов, 2004, 128; Скрипкин, Клепиков, 2004, 98).

Ранние лучковые фибулы были найдены в погребении 9 кургана 1 могильника Петрунино-II и в погребении 2 кургана 6 могильника Писаревка-II. Две фибулы такой схемы происходят из Заволжских комплексов: погребение 12 кургана 1 могильника Верхне-Погромное; погребение 2 кургана 7 могильника Быково. Фибулы такого типа сейчас датируются I в. до н. э. (Скрипкин, 2003, 128) или концом II в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003, 151). Интересен факт нахождения лучковой фибулы вместе с «мегарской» чашей в погребении 3 кургана 1 могильника Северо-Западный-I (Глебов, 2005, 38). По всей видимости, этот тип фибул начинает появляться в погребениях раннесарматского времени со II в. до н. э.

Бусы. Такая категория импорта как бусы довольно многочисленна в раннесарматских погребениях. Мода на бусы в подвижной кочевой среде распространяется достаточно быстро, некоторые типы бус бытуют на протяжении всех сарматских культур, а некоторые являются хроноиндикаторами отдельных периодов. Например, пирамидальные и кеглевидные стеклянные

бусы-подвески характерны только для IV в. до н. э., а стеклянные бусы с внутренней позолотой являются хроноиндикаторами для II-I вв. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, 57, 66). Несомненно, при определении типа и хронологии бус все исследователи обращаются к труду Е.М. Алексеевой по античным бусам Северного Причерноморья; установить же, из каких мастерских (ближневосточных или западных) в кочевую среду попадали украшения, достаточно трудно. По мнению О.Н. Мошеевой, решить проблему происхождения нижневолжских украшений из кочевнических погребений или хотя бы локализовать центры-производители возможно лишь после полного количественного спектрального анализа (Мошеева, 2010, 148-149).

Интересные находки с античными импортными вещами начала III в. до н. э. происходят из погребения 14 кургана 1 могильника Кривая Лука VI. По мнению В.М. Клепикова, оно принадлежит к савроматской погребальной традиции, в пользу чего свидетельствуют широтное положение скелета, часть туши барана и кость крупного домашнего животного (коровы?) (Клепиков, 2007, 41). Но нужно учитывать тот факт, что это погребение было впущено в курган эпохи бронзы в круг других многочисленных раннесарматских погребений. Кроме того, уже отмечена нередкость находок костей крупных домашних животных и ножей с костяными рукоятями в погребениях раннесарматской культуры. При анализе погребального обряда и предметов материальной культуры раннесарматского времени А.С. Скрипкин и В.М. Клепиков выделяют сочетание в IV – начале III в. до н. э. традиций предшествующей савроматской культуры – преобладание широких прямоугольных ям, частой встречаемости костей крупных животных, сохранение ориентировки в западный или восточный сектор (Скрипкин, Клепиков, 2004, 96). В этом погребении были обнаружены два греческих керамических импорта.

Амфора **(рис. 2/1).** Коническая гераклейская амфора с клеймом DIONY была вкопана с правой стороны у ног женского костяка (Дворниченко и др., 1977, 66-67, рис. 47, 70). И.В. Яценко датировала амфору первой половиной III в. до н. э., ссылаясь на классификацию клейм И.Б. Брашинского и мнение Д.Б. Шелова (Яценко, 1977, 78).

Современные классификации амфорного материала показывают, что гераклейские амфоры с клеймом фабриканта Дионисия датируются началом III в. до н. э. С.Ю. Монахов относит их по морфологическим признакам к варианту II-А-3 (тип II-Б по И.Б. Брашинскому). Данный вариант характеризуется приземистыми пропорциями конического тулова и грубым изготовлением (Монахов, 2003, 138, 144). Такие амфоры с клеймом Дионисия являются достаточно распространёнными в Северном Причерноморье в начале III в. до н. э. Несколько подобных амфор было обнаружено в слое разрушения 70-х годов III в. до н. э. посёлка У7 поселения Панское I, ряд амфор хранится в различных музейных хранилищах, в том числе и в Симферополе (Монахов, 2003, 139).

Чернолаковая миска **(рис. 2/2)**. Рядом с амфорой в этом же погребении была обнаружена чернолаковая миска с загнутым краем, на кольцевом поддоне. С внутренней стороны поверхность миски орнаментирована штампованным орнаментом в виде концентрических кругов насечек, в центре – четыре лепестка пальметты. Такие миски характерны для античных центров Северного Причерноморья. Так, в керамическом комплексе Херсонеса Таврического они являются частыми находками и датируются IV – серединой III в. до н. э. (Стоянов, 2007, 272, рис. 8/4-7). Более узко такие миски с территории Херсонеса Таврического датирует С.В. Ушаков, относя их к третьей четверти IV – первой четверти III в. до н. э. (Ушаков, 2010, 11, рис. 8/13, 28).

С территории правобережья среднего Приднепровья из скифского кургана 472 у с. Ситняжка происходит близкая по форме и орнаменту чернолаковая миска. Погребение датируется началом III в. до н. э. (Галанина, 1977, 32, табл. 15/1). Похожая миска найдена и в степной зоне левобережного Дона в погребении 3 кургана 2 у г. Азов. В дельте Дона подобные миски достаточно часто встречается в погребениях Елизаветовского и Беглицкого некрополей. По мнению В.Е. Максименко, они датируются третьей четвертью IV в. до н. э. (Максименко, 1983, 83, 84, рис. 27/4).

Наличие в погребении из Кривой Луки VI гераклейской амфоры с клеймом Дионисия и чернолаковой миски сужает дату погребения до 70-х гг. III в. до н. э. По всей видимости, связанная с этим погребением ситуация показывает нам совместное существование в этом регионе савроматской и раннесарматской археологических культур с заимствованием определённых обрядовых черт как минимум на протяжении столетия.

В связи с появлением у кочевников междуречья Волги и Дона импортных вещей встаёт вопрос, каким путём такие предметы попадали к ним. В научной литературе уже давно обсуждается проблема характера и путей проникновения античных импортных изделий к кочевникам (Д.Б. Шелов, В.В. Кропоткин, С.И. Капошина, Л.С. Клейн, Б.А. Раев, А.В. Симоненко, Н.Е. Берлизов, В.Е. Еременко). Суммируя выводы этих исследователей, можно выделить несколько путей попадания античного импорта в кочевую среду:

– в результате торговых отношений с Танаисом;

– как военная добыча в результате военных действий, столкновений и набегов;

– в результате дипломатических контактов: как подношения для вождей и родоплеменной знати;

– посредством межплеменного обмена.

Для территории междуречья Волги и Дона, как уже было отмечено, импортные изделия – большая редкость в погребениях III-II вв. до н. э. Наличие таких предметов у кочевников свидетельствует о межкультурных связях с северопричерноморскими античными центрами, Кубанью и Нижним Доном. Появление таких контактов, скорее всего, являлось результатом торговых отношений и военных набегов.

Литература

Берлизов, Еременко, 1998 – Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации //Древности Кубани. Вып. 7. Краснодар. Изд-во Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. С. 25-33.

Галанина, 1977 – Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) САИ Д1-33. 68 с.

Галанина, 1980 – Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племён IV века до н. э. Л. Искусство. 128 с.

Глебов, 2005 – Глебов В.П. О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // НАВ. Вып. 7. С. 34-50.

Дворниченко и др., 1977 – Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края. Труды Поволжской археологической экспедиции (отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов) Вып. 4. М. Наука. С. 3-77.

Демиденко, 2008 – Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М. ЛКИ. 328 с.

Зайцев, 2003 – Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь. Универсум. 212 с.

Зайцев, Мордвинцева, 2003 – Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода //РА. № 2. С. 135-154.

Клепиков, 2007 – Клепиков В.М. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье //Региональные особенности раннесарматской культуры. Мат-лы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II (отв. ред. И.В. Сергацков). Волгоград. Изд-во Волгоградского государственного университета. С. 37-59.

Клепиков, Скрипкин, 2002 – Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 5. С. 47-82.

Клепиков и др., 2008 – Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Мат-лы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (отв. ред. Л.Т. Яблонский). Оренбург. Изд-во ОГПУ. С. 50-63.

Клепиков, Шинкарь, 2004 – Клепиков В.М., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения курганного могильника у с. Перегрузное // Мат-лы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2 (отв. ред. И.В. Сергацков). Волгоград. Изд-во Волгоградского государственного университета. С. 134-169.

Максименко, 1983 – Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Изд-во Ростовского университета. 224 с.

Максимова, 1979 – Максимова М.И. Артюховский курган. Л. Искусство. 152 с.

Мамонтов, 1978 – Мамонтов В.И. Отчёт о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1978 г. Волгоград. Архив ВОКМ. №37. 82 с. + 99 ил.

Марченко, 1996 – Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар. Изд-во Кубанского государственного университета. 340 с.

Монахов, 2003 – Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва – Саратов. Киммерида – Изд-во Саратовского университета. 352 с.

Мордвинцева, 1994 – Мордвинцева В.И. Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника // Петербургский археологический вестник. Вып. 8. С. 96-100.

Мордвинцева, Шинкарь, 1999 – Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. Вып. 2. С. 138-149.

Мошеева, 2010 – Мошеева О.Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 11. С. 147-170.

Скрипкин, Клепиков, 2004 – Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (отв. ред. Б.А. Раев). Краснодар. Фирма ННС. С. 95-107.

Скрипкин, Шинкарь, 2010 – Скрипкин А.С., Шинкарь О.А. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // РА. № 1. С. 130-142.

Стоянов, 2007 – Стоянов Р.В. Комплекс керамики второй четверти IV – середины III вв. до н. э. из северо-восточного района Херсонеса Таврического // Hyperboreus: studia classica. Vol. 13. Fasc. 1–2. (отв. ред. А.Л. Верлинский). München. Beck-Verlages. С. 257-272.

Ушаков, 2010 – Ушаков С.В. Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики – 1935 г.») // Мат-лы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. II (ред.-сост. М.М. Чореф). Севастополь – Тюмень. Изд-во ТюмГУ. С. 7-26.

Шилов, 1975 – Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. Наука. 208 с.

Яценко, 1977 – Яценко И.В. О клейме на гераклейской амфоре из могильника Кривая Лука VI // Древности Астраханского края. Труды Поволжской археологической экспедиции (отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов). Вып. 4. М. Наука. С. 78.

И.И. Шкрибляк

Мегарские чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ)

Mouldmade bowls from Neapolis Scythian: preliminary analysis. *The article is dedicated to preliminary analysis of mouldmade bowls from Neapolis Skythian' late Hellenistic layers. 21 bowls were selected for the investigation, which were analyzed in accordance with context of the find, basic motifs of the pictures, the features of clay and varnish. It was found that Ionian cities, particularly, Ephesos, were the main suppliers of relief bowls in the capital of Late Skythian Kingdom.*

Мегарские чаши из Неаполя Скифского: предварительный анализ. *Статья посвящена предварительному анализу комплекса мегарских чаш из позднеэллинистических слоёв Неаполя Скифского. Для исследования была отобрана 21 чаша, которые рассматривались в соответствии с контекстом находки, основными мотивами изображений, характеристиками глины и лака. Проведённое исследование позволило выяснить, что основными поставщиками рельефных чаш в столицу позднескифского государства были ионийские полисы, в частности, Эфес.*

Рельефные (мегарские) чаши, происходящие из позднеэллинистических слоёв античных памятников Северного Причерноморья, издавна находились в поле зрения исследователей. Первые отечественные работы, затрагивающие проблемы производства, хронологии и импорта данной категории находок, появились ещё в начале XX в. (Латышев, 1902, 141; Штерн, 1902, 93-117), всего лишь на два десятилетия отстав от первых исследований зарубежных коллег в этой области.

Вопросы историографии и методики изучения по данной проблематике подробно освещены в диссертации и нескольких статьях С.А. Коваленко и С.Ю. Внукова (Коваленко, 1986, 1987, 2007; Внуков, Коваленко, 1998), поэтому повторять их здесь нет необходимости. Следует лишь отметить, что в последнее время точка зрения об Эфесе, как наиболее крупном ионийском производителе штампованной рельефной керамики и основном её импортёре в Северное Причерноморье, приобретает всё больше сторонников (Fenn, 2008, 2; Bilde, 2010, 275). Несмотря на то, что в Малой Азии мастерские по изготовлению рельефных чаш размещались практически в каждом более или менее крупном городе, ни одна из них не смогла приблизиться к уровню эфесских. Определённым исключением здесь, пожалуй, является Пергам, продукция которого была весьма конкурентоспособной (Bouzek, 2005, 56). С другой стороны, были высказаны критические замечания по поводу реального существования 14 мастерских, выделенных А. Ламонье в 1977 г. на материалах о. Делос (Bilde, 2010, 275). Присутствие признаков, принятых исследователем в качестве типообразующих для каждой отдельной мастерской Ионии (например, изображение головы Медузы Горгоны для мастерской с условным названием Belles Meduses) впоследствии было зафиксировано на чашах с монограммами разных мастеров (Афинея, NI и PAR). Подобное «смешение», по мнению П.Г. Бильде, было обусловлено избирательностью А. Ламонье в процессе анализа декора чаш (Bilde, 2010, 276), что и повлекло за собой слишком частое дробление мастерских. К настоящему времени считается общепризнанной точка зрения о существовании в Эфесе более крупных производств рельефных чаш, в рамках которых могли изготавливаться несколько типов чаш, выделенных А. Ламонье. Например, в общее определение «мастерская PAR» могут быть включены мастерские: Beles Méduses, Petites Roses Spiralées, Comique a la canne и 14 série (Rogl, 2001, 101).

Естественно, что упомянутой проблемой не ограничивается весь круг вопросов, касающихся исследования рельефной керамики с лаковым покрытием, изготовленной в формах. Их решение зачастую напрямую зависит от своевременных и полноценных публикаций материала.

Что касается античных памятников Крымского полуострова, то для них этот показатель сравнительно высок. С другой стороны, мегарские чаши варварских городищ и поселений Крыма до недавнего времени были практически неизвестны в опубликованном виде.

Так, в 1998 г. увидела свет обобщающая публикация по находкам рельефных чаш из Кара-Тобе (Внуков, Коваленко, 1998), а в 2008 г. были опубликованы все подобные находки из Булганакского городища (Шапцев, 2008). Мегарским чашам из позднескифского горизонта Керкинитиды в обобщающей монографии по этому памятнику посвящен один абзац текста и три таблицы иллюстраций (Кутайсов, 2004, 79, рис. 265-267), а соответствующие находки из Калос-Лимена представлены рисунками всего двух чаш (Уженцев, 2006, 214). Две специальные работы посвящены аналогичным материалам из Чайки (Коваленко, 1987; 2007). Наконец, в 2006 г. был опубликован склеп с коллективными погребениями у с. Кринички, в котором помимо прочего был найден целый комплекс фрагментированных мегарских чаш (Кропотов, Лесков, 2006).

Рельефная керамика из Неаполя Скифского – самого крупного и наиболее изученного памятника позднескифской культуры Крыма – публиковалась всего три раза. Первое упоминание

о подобных находках, сопровождаемое рисунками отдельных фрагментов, содержится в монографии Т.Н. Высотской (1979, рис. 61). Автором было учтено 40 фрагментов мегарских чаш, из которых большинство было отнесено к продукции Делоса,[1] а отдельные фрагменты определены как импорт Пергама.

Новая публикация фрагментов неапольских рельефных чаш последовала в 2003 г. В соответствии с контекстом они были разделены на 3 группы: происходящие из подгоризонтов E3-E2 зольника № 3 (26 экз.), из горизонтов E-D Южного дворца (13 экз.) и из горизонтов E-D раскопа VIIв (3 экз.). Вместе с другими находками они послужили хронологическими реперами при определении горизонтов городища, однако отдельного стилистического и морфологического анализа этих фрагментов представлено не было (Зайцев, 2003, 90, 135, 137).

В статье, посвящённой участку западной оборонительной стены Неаполя Скифского, были полностью опубликованы находки рельефных сосудов из раскопок 2004-2005 гг. (13 экз.) (Зайцев, 2010, рис. 8). Необходимо отметить, что это пока единственная выборка мегарских чаш из Неаполя скифского, опубликованная в цвете.

Таким образом, к настоящему времени без описания лака и глины и в большинстве случаев в графическом варианте опубликованы 94 фрагмента и одна археологически целая рельефная чаша. Учитывая то обстоятельство, что всего в слоях городища за все годы раскопок было найдено 204 фрагмента от 172 чаш,[2] необходимость нового, комплексного анализа этой категории находок Неаполя Скифского очевидна.

Данная работа представляет собой первую попытку проведения общего анализа мегарских чаш с Неаполя Скифского, который включает стилистический и хронологический аспекты. Учитывая специфику и формат данного издания, в задачи этой статьи не входит издание полного каталога находок с детальным описанием каждого фрагмента, будут детально рассмотрены лишь отдельные экземпляры, наиболее показательные для того или иного центра производства.[3]

Пространственное распределение находок фрагментов чаш по территории памятника выглядит следующим образом.

Большая часть коллекции (более 40 экз.) происходит из раскопок зольника № 3 1988-1989 гг. В эти годы экспедицией исследовались нижние его горизонты,[4] что и обусловило присутствие в находках значительного массива позднеэллинистического керамического материала.

Вторая по численности группа фрагментов мегарских чаш происходит из раскопок 1947-1948 гг. В этот период Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ им. А.С. Пушкина исследовала так называемый «дом с полуподвалом», который являлся одним из архитектурных элементов Южного дворца (Зайцев, 2003, 34). Фрагменты мегарских чаш происходят из его мусорной засыпи, которая образовалась, вероятно, в процессе функционирования двух соседних зданий – мегарона Н и дома Р.

Оставшаяся часть находок приблизительно равномерно распределена по территории Южного дворца и в ближайшем его окружении. 13 фрагментов чаш найдено при исследовании западного участка оборонительной стены, небольшое их количество также зафиксировано в ранних горизонтах на раскопе Д в северной части городища; на остальных раскопах находки мегарских чаш единичны.

Предваряя анализ фактического материала, следует отметить, что определение отдельных фрагментов чаш было выполнено по доступным рисункам и фотографиям, что делает весьма вероятным некоторую корректировку полученных результатов в будущем. С учётом этого обстоятельства, картина распределения по центрам производства выглядит следующим образом (**табл. 1**):

Таблица 1. Мегарские чаши из Неаполя Скифского

Центр производства	Кол-во фрагментов	%
Эфес	90	52.4
Кимы	3	1.7
Пергам (?)	1	0.6
Иония	41	23.8
Боспор	1	0.6
Не определён	36	20.9
Итого	172	100 %

Выборка мегарских чаш из Неаполя скифского демонстрирует абсолютное доминирование продукции эфесских мастерских. Для Северного Причерноморья такое соотношение является вполне обычным явлением: общепризнанно, что с середины II в. до н. э. Эфес был главным поставщиком рельефных чаш в данный регион. Так, в материалах Нижнего города Ольвии их

[1] К моменту выхода монографии представление о Делосе как о центре производства мегарских чаш было уже пересмотрено (Внуков, Коваленко, 1998, 62). В этой связи представляется странной ссылка автора на А. Ламонье, который первым подверг сомнению факт развитого производства рельефных чаш на Делосе.

[2] Цифры предварительные, в дальнейшем возможна их незначительная корректировка.

[3] Выражаю благодарность Ю.П. Зайцеву за возможность работать с неопубликованными материалами, а также за полезные замечания, высказанные в процессе работы.

[4] Благодаря тому, что насыпь зольника № 3 Неаполя Скифского была исследована практически полностью, в деталях удалось зафиксировать историю его формирования. Сначала здесь находился невысокий зольник эллинистического времени, перекрытый слоем пожара, вывезенного из Южного дворца и прорезанный многочисленными хозяйственными ямами. Затем на этом месте возник хозяйственно-жилой комплекс из нескольких мегаронов и землянок (I в. до н. э. – I в. н. э.), который впоследствии стал засыпаться слоями новых зольников, уже римского времени (Зайцев, 2003, 35).

Рис. 1. Фрагменты мегарских чаш из Неаполя Скифского

процент по отношению к продукции мастерских других центров составил более 60% (Bilde, 2010, 271), находки из Булганакского городища (Шапцев, 2008, 332), Чайки (Коваленко, 2007, 204) и Кара-Тобе (Коваленко, Внуков, 1998, 74) демонстрируют аналогичную ситуацию.

Рассмотрим несколько характерных примеров продукции **эфесских мастерских.**

1. Фрагмент венчика с туловом полусферической чаши **(рис. 1/1)**. Диаметр не определяется.

Контекст находки: 1958 г., раскоп Е, горизонт Е-Д.

Рис. 2. Фрагменты мегарских чаш из Неаполя Скифского.

Глина плотная, светло-коричневого оттенка, с большим количеством мелкой слюды. *Лак* блестящий, тёмно-красного насыщенного цвета, в районе бордюра чашу опоясывает чёрная полоса (подобная двухцветность характерна для продукции Эфеса, локальное почернение лакового покрытия вызвано размещением чаш в обжигательной печи в стопках). *Орнаментация*: бордюр украшен меандром, средняя зона – чётко проработанной вьющейся виноградной лозой, тулово – перемежающимися листьями аканфа, ланцетника и молодыми побегами. Мотив вьющейся виноградной лозы типичен для классического пласта продукции Эфеса, его соотносят, как правило, с мастерской PAR (Bilde 2010, 278).

Датировка: вторая четверть – середина II в. до н. э.

Аналогии: Чайка (Коваленко 2007, рис. 19/6), Ольвия (Bilde, 2010, F-25, 26), Истрия (Domăneanţu, 1999-2000, pl. 13/206)

2. Фрагмент тулова и нижней части полусферической чаши **(рис. 1/2)**.

Контекст находки: 1958 г., раскоп Е, горизонт Е-Д.

Глина светло-коричневого оттенка, плотная, с небольшим количеством известковых включений и множеством слюды. *Лаковое покрытие* тёмно-красного оттенка, по венчику проходит тёмная полоса, сильно стёрто и сохранилось в промежутках между рельефными украшениями. *Орнаментация*: три фриза, верхний – меандр, средний – лесбосский киматий, нижний – ионийский киматий. Тулово: лист лотоса.

Датировка: увеличение количества фризов является сравнительно поздним хронологическим показателем для мастерских Эфеса, в данном случае это вторая половина II в. до н. э.

Аналогии: неизвестны.

3. Венчик с туловом и небольшой частью нижней зоны полусферической чаши **(рис. 1/3)**. Диаметр 14 см.

Контекст находки: 1988 г., зольник № 3, горизонт Е1, слой пожара 1.

Глина светло-коричневого оттенка, плотная, с большим количеством слюды. *Лак* двухцветный, матового чёрного и насыщенного красного оттенка. Поверхность весьма потёрта. *Орнаментация*: три фриза, верхний – меандр, средний – чередующиеся побеги растений (в разной степени роста), нижний – чередующиеся побеги лотоса.

Датировка: третья четверть II в. до н. э.

Аналогии: неизвестны.

4. Фрагменты тулова (2 экз.) полусферической чаши **(рис. 1/4)**.

Контекст находки: 1950 г., раскоп А, горизонт Д.

Глина светло-оранжевого оттенка с большим количеством слюды. *Лак* ярко-красного, насыщенного цвета, блестящий. *Орнаментация:* концентрические незамкнутые круги из точек (pendent semicircle), которые разграничиваются 8-лепестковыми розетками. Подобный орнамент хорошо прослежен на экземплярах из Ольвии и Истрии, находки на варварских памятниках неизвестны.

Аналогии: Ольвия (Bilde, 2010, F-45-47), Истрия (Domăneanţu, 1999-2000, pl. 35/535-537)

Датировка: первая половина II в. до н. э.

5. Археологически целая полусферическая чаша **(рис. 1/5)**. Профиль собран из девяти фрагментов. Диаметр венчика 13 см.

Контекст находки: 2005 г., раскоп на участке западной оборонительной стены, горизонт Д.

Глина светло-коричневая, плотная, с большим количеством слюды. *Лак* двухцветный, в районе венца блестящий, тёмно-коричневый, ниже – тёмно-красного оттенка. Нижняя часть сосуда и донце значительно потёрты. *Орнаментация*: бордюр – ионийский киматий, средняя зона – пучки мирта с ягодами вправо, тулово – чередующиеся листья лотоса, согнутые стебли аканфа и «наконечники копий» (по определению К. Домэнянцу), донце – 16-ти лепестковая розетка.

Датировка: третья четверть – середина II в. до н. э.

Аналогии: Кара-Тобе (Внуков, Коваленко, 1998, рис. 1/3), Керкинитида (Кутайсов, 2004, рис. 62/1, 10), Ольвия (Bilde, 2010, F-16-21), Истрия (Domăneanţu, 1999-2000, pl. 12/181, 187-190), Приена (Fenn, 2008).

6. Фрагмент венчика с частью тулова полусферической чаши **(рис. 2/11)**. Диаметр венчика 13 см.

Контекст находки: 1988 г., зольник № 3, горизонт Е3-Е2.

Диаметр венчика – 13 см. *Глина* светло-коричневого оттенка, плотная, с большим количеством мелкой слюды. *Лак* двухцветный – венчик и бордюр черного цвета, средняя зона с фигурными изображениями – темно-красного цвета.

Орнаментация: бордюр – гильош влево, тулово – сцены амазономахии, амазонка с овальным щитом и двулезвийным топором в боевой позиции. Среди преобладающих растительных мотивов в оформлении чаш эфесских мастерских изображения амазономахии (наряду с изображениями Эротов) являются достаточно редкими: на Неаполе Скифском найдено всего два подобных фрагмента.

Датировка: первая-вторая четверти II в. до н. э.

Аналогии: Ольвия (Bilde, 2010, F-13).

7. Фрагмент тулова полусферической чаши **(рис. 1/6)**.

Контекст находки: 1988 г., зольник № 3, горизонт Е3-Е2.

Глина светло-коричневая с известковыми включениями и небольшим количеством слю-

ды, плотная. *Лак* тёмно-коричневого, практически чёрного цвета, с металлическим блеском. *Орнаментация:* фриз с восьмилепестковыми розетками, на фрагменте тулова изображён Эрот с поднятой рукой. Вероятно, этот мотив представляет собой Эрота в жесте адорации.

Датировка: первая четверть II в. до н. э. Данный мотив отнесён П.Г. Бильде к раннему горизонту эфесской продукции (Bilde, 2010, 276). На это также указывает качество лакового покрытия и характеристики теста. Сочетание блестящего чёрного лака и светлой, практически жёлтой глины весьма характерно для продукции афинских ателье, которую на раннем этапе своей деятельности копировали эфесские мастера. В более поздний период (после середины II в. до н. э.) лаковое покрытие становится двухцветным.

Аналогии: Ольвия (Bilde, 2010, F-4)

8. Фрагмент тулова полусферической чаши **(рис. 1/7)**.

Контекст находки: 1992 г., раскоп Б, горизонт Д3-Д2.

Глина плотная, светло-розового оттенка, с большим количеством слюды. *Лак* двухцветный, блестящий. *Орнаментация*: изображена передняя часть лошади, что может являться частью сцены с Эротом либо Никой на колеснице.

Датировка: середина – третья четверть II в. до н. э. Вариант классической продукции Эфеса.

Аналогии: Булганакское городище (Шапцев, 2008, рис. 4/3), Ольвия (Bilde, 2010, F-15)

9. Фрагмент венчика с частью тулова и донце (отдельно) полусферической чаши **(рис. 1/8)**. Диаметр венчика 12 см.

Контекст находки: 1947 г., раскоп Б, горизонт Д3-Д2.

Глина светло-коричневого оттенка, тесто плотное, с большим количеством мелкой слюды. *Лак* светло-коричневого и красного оттенков, тусклый, местами отслоился. *Орнаментация*: два фриза – верхний украшен небольшими ромбами, перемежающимися с точками, образующими букву Х, нижний – 11-лепестковыми головками цветов и перехваченными посередине пучками листьев. Тулово: лист лотоса, донце – 12-лепестковой розеткой. Подобная орнаментация бордюра соотносится исследователями с монограммными мастерскими (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 10/143), и в частности – с мастерской Менемаха (Коваленко, 1986, 210, мотив 53).

Датировка: вторая половина II в. до н. э.

Аналогии: Истрия (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 2/39-41).

10. Фрагменты тулова (4 экз.) полусферической чаши **(рис. 1/9)**.

Контекст находки: 1947 г., раскоп Б, горизонт Д.

Глина светло-коричневого оттенка, с большим количеством мелкой слюды. *Лак* тёмно-красный, густой, блестящий. *Орнаментация:* средняя зона – фриз из дельфинов вправо, отделённых друг от друга 12-лепестковыми розетками. Придонная часть – чередующиеся листья лотоса и аканфа.

Аналогии: неизвестны.

Датировка: середина – третья четверть II в. до н. э.

11. Фрагмент тулова полусферической чаши **(рис. 2/9).**

Контекст находки: 1988 г., зольник № 3, горизонт Е3-Е2.

Глина светло-коричневого цвета с красноватым оттенком, плотная, с включениями слюды и извести. *Лак* хорошего качества, темно-коричневого оттенка, блестящий с матовым отливом. *Орнаментация:* средняя зона украшена перемежающимися ланцетовидными листьями и листьями аканфа. Изображения выполнены аккуратно и чётко, рельеф высокий.

Аналогии: Истрия (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 8/117,119).

Датировка – вторая-третья четверти II в. до н. э.

12. Фрагмент тулова полусферической чаши **(рис. 2/3).**

Контекст находки: 1993 г., раскоп Б, горизонт Д3-Д2.

Глина плотная, светло-оранжевого оттенка с известковыми включениями.

Лак матовый, светло-коричневого оттенка, из-за неравномерной температуры обжига местами переходящий в темно-коричневый и практически черный оттенки. *Орнаментация:* птицы (одна с расправленными крыльями, другая – со сложенными) и Эрот с поднятой рукой. Данный сюжет хорошо известен на материалах раскопок Нижнего города Ольвии и, по предположению П.Г. Бильде, представляет собой изображение Эрота, отпускающего птиц (Bilde, 2010, p. 286). Вполне вероятно, что данный мотив может быть отнесён к коллекции штампов мастерской Кирбея/Поссис.

Аналогии: Ольвия (Bilde, 2010, F-104, 105), Истр (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 46/649).

Датировка: третья-четвертая четверти II в. до н. э.

Последующие фрагменты отнесены к продукции Эфеса условно, поскольку оттенки их лака и состав глины отличаются от описанных выше экземпляров, хотя наборы мотивов в целом схожи. Скорее всего, здесь мы имеем дело с сосудами, которые были несколько пережжены либо в результате некачественно обжига, либо в пожаре, отчего лаковое покрытие и глина приобрели насыщенный чёрный оттенок (Schmid, 2004, 502). В то же время, характер включений и плотность теста практически не отличаются от классических сосудов мастерских Эфеса.

С другой стороны, традиция производства сероглиняных сосудов в малоазийских мастерских имела давние корни (Bilde, 2010, 283) , а её дальнейшее развитие было вызвано высокой популярностью и одновременной дороговизной серебряной столовой посуды, которой подражали подобные сосуды.

В неапольской коллекции сероглиняные чаши составляют значительный процент, однако отделять их от типичных эфесских экземпляров вряд ли имеет смысл: набор орнаментальных мотивов (преимущественно, растительных) в данном случае весьма схож.

13. Фрагмент тулова полусферической чаши **(рис. 2/1)**.

Контекст находки: 2005 г., раскоп на участке западной оборонительной стены, горизонт Д.

Глина светло-серого оттенка, плотная, с включениями слюды и извести. *Лак* тёмно-серого оттенка, тусклый. *Орнаментация:* средняя зона заполнена пучками мирта вправо с ягодами в верхней и нижней части, придонная часть – перемежающимися согнутыми листьями аканфа и ланцетовидными листьями. К. Домэнянцу включает идентичный экземпляр из Истрии (лак и глина – светло-розовых оттенков) в группу монограммных мастерских.

Датировка: середина – третья четверть II в. до н. э.

Аналогии: Истрия (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 7/99).

14. Фрагменты венчика с часть тулова полусферической чаши **(рис. 2/2)**. Диаметр венчика 17 см.

Контекст находки: 1947 г., раскоп Б, горизонт Д4-Д3.

Глина светло-серого оттенка, плотная, с включениями извести и слюды. *Лак* чёрный блестящий. *Орнаментация:* бордюр – ионийский киматий, тулово – длинные лепестки, перемежающиеся с вертикальными рядами точек. Близ бордюра каждый ряд точек оканчивался ещё двумя поперечными. Мотив представляет собой широко распространённый среди чаш ионийского производства тип орнаментации – long petal decoration. Данный признак в сочетании с цветом лака и теста, а также диаметром венца позволяет отнести этот экземпляр к продукции мастерской Филона (Коваленко, 1986, 40).

Датировка: третья четверть II в. до н. э.

Аналогии: Истрия (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 19/286-289).

15. Фрагмент тулова с венчиком полусферической чаши **(рис. 2/4)**. Диаметр 12 см. На венчике имеется ремонтное отверстие.

Контекст находки: 1958 г., раскоп Е, горизонт Е-Д.

Глина тёмно-серого оттенка, с включениями слюды и извести, тесто плотное. *Лак* чёрный, матовый, местами от длительного использования сосуда стерся. *Орнаментация:* бордюр – ионийский киматий, тулово – плотно уложенные небольшие листики с чётко выделенной центральной жилкой. Данный экземпляр может быть также отнесён к продукции мастерской Филона.

Датировка: последняя четверть II в. до н. э.

Аналогии: Истрия (Domăneanțu, 1999-2000, pl. 18/274)

16. Фрагменты тулова (3 экз.) полусферической чаши **(рис. 2/5)**.

Контекст находки: 1946 г., раскоп Б, горизонт Д4-Д3.

Глина светло-серого оттенка с включениями извести и слюды. *Лак* чёрный, жидкий. *Орнаментация*: тулово украшено крупными листьями аканфа с чётко выделенным центральным стеблем. Листья отделены друг от друга вертикальными рядами точек. По наблюдениям С.А. Коваленко, подобный мотив может быть уверенно связан лишь с одной мастерской – Герайоса (Коваленко, 1986, 42).

Датировка: третья четверть II в. до н. э.

Аналогии: точные неизвестны.

Среди общего массива находок «мегарских» чаш на Неаполе скифском с определённой долей уверенности можно выделить два фрагмента сосудов производства **Ким.** Отличительными чертами чаш этого центра является форма и оформление венцов – отогнутых наружу и с двумя (либо более) глубокими желобками.

17. Фрагмент венчика полусферической чаши **(рис. 2/7)**. Диаметр 8,5 см.

Контекст находки: 1958 г., раскоп А, горизонт Д2-Д1.

Глина светло-коричневого цвета, плотная, с большим количеством мелкой слюды. *Лак* жидкий, светло-коричневого оттенка, в местах расположения рельефных изображений тёмно-коричневый. *Орнаментация:* под двумя глубокими желобками сразу следует оформление тулова – вьющиеся растения (плющ?), перемежающееся с округлыми крупными листьями.

Датировка: последняя четверть II в. до н. э.

Аналогии: неизвестны.

18. Фрагмент венчика полусферической чаши **(рис. 2/6)**. Диаметр 10 см.

Контекст находки: 1947 г., раскоп Б, горизонт Д4-Д3.

Глина светло-коричневого цвета, плотная, с включениями извести и слюды. *Лак* тёмно-коричневого оттенка, жидкий. *Орнаментация:* под двумя глубокими желобками венчика расположен бутон лотоса.

Датировка: третья четверть II в. до н. э.

Аналогии: неизвестны.

Фрагментом одного сосуда представлен **Пергам.**

19. Фрагмент тулова и придонной части полусферической чаши **(рис. 2/8)**.

Контекст находки: 1988 г., зольник № 3, горизонт Е3-Е2.

Состав *глины* ввиду сильной прокалённости сосуда проследить невозможно. *Лак* матовый, тёмно-коричневый. *Орнаментация*: средняя зона – побеги растений поочерёдно с небольшими концентрическими окружностям. Среднюю зону от придонной части отделяет фриз таких же окружностей. Придонная часть украшена листьями аканфа. Принадлежность к пергамским керамическим мастерским была определена по присутствию характерного мотива – небольшим концентрическим окружностям, вписанным друг в друга (Коваленко, 1986, 243).

Датировка: первая-вторая четверти II в. до н. э.

Аналогии: неизвестны.

Во время полевых исследований 2011 г. на Неаполе Скифском в слое зольника к западу от центральных крепостных ворот было найдено дно «мегарской» чаши с изображением женского профиля в башенной короне вправо и надписью в свободном поле окружности – ПОССІДОС.

20. Фрагмент дна с частью тулова полусферической чаши **(рис. 2/10)**.

Контекст находки: 2011 г., раскоп А, горизонт Е3-Е2.

Глина светло-коричневого оттенка, с большим количеством слюды и отдельными включениями извести, немного слоится. *Лак* тёмно-коричневый, местами практически чёрный, на наиболее рельефных участках стерт. *Орнаментация:* сохранившаяся часть тулова плотно покрыта округлыми листиками с чётко выделенными краями и четырьмя жилками. Зона донца с именем мастера и женским профилем окружена двумя рельефными линиями.

Датировка: 60-80-е гг. II до н. э.

Аналогии: для подобного сочетания оформления тулова и донца не встречены.

На сегодняшний день это единственная атрибутированная находка чаши мастерской Кирбея/Поссис на варварских памятниках Крыма. Интересной особенностью таких рельефных чаш является сочетание в оформлении сосудов мотивов разных производственных центров (Афин, Ким, Эфеса, Пергама) (Bilde, 2010, 285). Неапольский фрагмент не является исключением: здесь сочетаются чёрный оттенок лака и светло-коричневая глина (что характерно для продукции Афинских мастерских) и мотив плотно уложенных, с выделенными центральными жилками, листьев (часто встречается на чашах эфесского происхождения). Подобное смешение послужило основанием для предположения, что Поссис был «бродячим» мастером, ранняя продукция которого циркулировала где-то в северной части Ионии (Bilde, 2010, 285).

Возвращаясь к вопросам историографического характера, следует отметить, что проблема местонахождения данной мастерской до сих пор остается открытой. Несмотря на признанное отечественными учёными мнение о её локализации в одном из городов Ионии, основанное, прежде всего, на присутствии слюды в тесте и на аналогиях с монетными изображениями, специалисты по классической археологии Средиземноморья по-прежнему связывают её деятельность с северопричерноморским регионом, как правило, с Ольвией (Bilde, 2010, 285). Одним из аргументов является более частые, по сравнению с другими регионами, находки чаш этой мастерской на памятниках Северного Причерноморья. К 2008 г. их было известно 90 экземпляров (70 с подписью Кирбея и 20 – Поссис), из которых большинство было найдено в позднеэллинистических слоях Ольвии (Bilde, 2010, 285).

Завершая анализ комплекса рельефных чаш с лаковым покрытием из Неаполя Скифского, заметим, что он по набору сюжетов, характеристикам лака и глины, весьма схож с аналогичными находками из других варварских памятников Северного Причерноморья и особенно – Северо-Западного Крыма. Абсолютное преобладание продукции эфесских мастерских, полное отсутствие (либо небольшой процент) чаш из других ионийских центров, материковой и островной Греции, позволяет определить Неаполь в качестве ещё одного крупного импортёра ионийских рельефных чаш в Северном Причерноморье. Примечательно, что продукция боспорских мастерских в неапольских материалах определена только один раз **(рис. 2/12)** (к сожалению, этот фрагмент увидеть так и не удалось). На фоне тесных политических, экономических и культурных связей Крымской Скифии и Боспорского царства, подтверждённых многими данными, этот факт выглядит весьма странно. Объяснение ему, вероятно, следует искать в сопоставлении времени производства рельефных чаш на Боспоре и основных событий хронологической колонки Неаполя Скифского. Выпуск боспорской сероглиняной рельефной керамики с наибольшей вероятностью может быть датирован самым концом II – первой половиной I в. до н. э. (Внуков, Коваленко, 1998, 71). Этот хронологический диапазон соотносится с горизонтом С археологической периодизации Неаполя, отличительной чертой которого является весьма скромный процент импортной посуды в культурных отложениях. Исторический контекст подобных перемен связывается с последствиями так называемых Диофантовых войн (115-108 гг. до н. э.), после окончания которых материальная культура памятника приобрела гораздо более варварский облик (Зайцев, 2003, 44).

Литература

Внуков, Коваленко, 1998 – Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Труды ГИМ. Вып. 102. Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. (отв. ред. Д.В. Журавлёв). С. 61-77.

Высотская, 1979 – Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев. Наукова думка. 208 с.

Зайцев, 2003 – Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь. Универсум. 212 с.

Зайцев, 2010 – Зайцев Ю.П. Западная оборонительная стена Неаполя скифского (раскопки 2004-2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика (сборник статей к юбилею О.А. Махневой) (ред. Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский). Симферополь. Универсум. С. 207-218.

Коваленко, 1986 – Коваленко С.А. Античная рельефная керамика III-I вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 469 с.

Коваленко, 1987 – Коваленко С.А. Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории и культуры общественной мысли народов СССР (отв. ред. С.С. Дмитриев). М. Изд-во Московского университета . С. 3-15.

Коваленко, 2007 – Коваленко С.А. Свалка II в. до н. э. в южной части Чайкинского городища // Мат-лы исследований городища Чайка в Северо-западном Крыму (отв. ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова). М. Изд-во МГУ. С. 195-252.

Кропотов, Лесков 2006 – Кропотов В.В., Лесков А.М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. № 84. Симферополь. С. 25-39.

Кутайсов, 2004 – Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев. Корвин Пресс. 326 с.

Латышев, 1902 – Латышев В.В. К вопросу об античной посуде со штемпелем «KIRBEI» // ИАК. Вып. 4. С. 141.

Уженцев, 2006 – Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь. Сонат. 248 с.

Шапцев, 2008 – Шапцев М.С. Мегарские чаши позднескифского городища Булганак // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XXI (глав. ред. М.Г. Абрамзон). М. – Магнитогорск – Новосибирск. С. 325-336.

Штерн, 1902 – Штерн Э.Р. Ваза с рельефными украшениями из Ольвии// ИАК. Вып. 3. С. 93-117.

Bilde, 2010 – Bilde G.P. Mouldmade bowls // Black Sea Studies. 13. The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Vol. 1 (eds. N.A. Lejpunskaja, P.G. Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij). Aarhus. Aarhus University Press. P. 269-288.

Bouzek, 2005 – Bouzek J. Ephesische Keramik in Mittel- und Schwarzmeergebiet //Synergia. Festschrift für Friedrich Krinzinger. Band 1. Wien. P. 55-65.

Domăneanţu, 1999-2000 – Domăneanţu C**.** Les Bols Hellenistiques a Decor en Relief // Histria. XI. Bucureşti. CIMEC. 146 p.

Fenn, 2008 – Fenn N. The Hellenistic Mould-made Bowl Production at Priene in Ionia – A Case Study Concerning the Reception of Ephesian Examples // Pottery, peoples and places: the late Hellenistic period, c. 200-50 BC between the Mediterranean and the Black Sea. International conference at Sandbjerg Manor house 27-29 November 2008. Unedited conference abstract. http: //www.pontos.dk/news_calendar/news/ppp-conference-2008/fenn.

Rogl, 2001 – Rogl C. Eine Vorschau zu den reliefverzierten Trinkbechern der Ephesischen Monogramm-Werkstätte // Studien zu hellenistischen Keramik in Ephesos (ed. E. Krinzinger). P. 99-111.

Schmid, 2004 – Schmid G. Stephan Some reflection on recently found mouldmade and relief decorated pottery from Eretria // ΣΤ' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Βόλος 2000. Πρακτικά (γενική επιμέλεια Ν. Ζαφειροπουλου). Αθήνα. Εκλοση Ταμειου Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων. P. 495-504.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК – Археология Крыма. Симферополь.
АКМ – Археологическая карта МССР. Кишинёв.
АМА – Античный мир и археология. Саратов.
АО – Археологические открытия. М.
АП УРСР – Археологічні пам'ятки Української РСР.
АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л. (СПб).
БИ – Боспорские исследования. Симферополь. Симферополь – Керчь.
ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический университет.
ВДИ – Вестник Древней Истории. М.
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВЭ – Вопросы эпиграфики. М.
ДСПК – Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗІФ ОНУ – Записки історичного факультету Одеського національного університету. Одеса.
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир, Краснодар.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИИД – Известия на историческото дружество. София.
ИКИАИ – Известия Кавказского историко-археологического института. Махачкала.
ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК – Отчёт Императорской Археологической Комиссии. СПб.
РА – Российская археология. М.
РИО ПГУ – Редакционно-издательский отдел Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.).
ССПіК – Старожитності степового Причорномор'я і Криму, Запоріжжя.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.).
ХС – Херсонесский сборник. Севастополь.
AJA – American Journal of Archaeology. Princeton – NJ.
BAR – British Archaeological Reports. London.
BCH – Bulletin de correspondence Hellenique. Paris.
JIAN – Journal International d'Archeologie Numismatique. Paris.
MBAH – Münstersche Beitrage zur antiken Handelsgeschichte. St. Katharinen
PPS – Proceeding Prehistoric Society. Cambridge.
PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RA – Revista arheologică. Chişinău.
SCIV – Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилюк Надежда Авксентиевна – в.н.с. Отдела археологии раннего железного века Института археологии Национальной Академии наук Украины, д.и.н. Киев, Украина. E-mail: ***gavr51@mail.ru***

Глебов Вячеслав Петрович – н.с. Археологического научно-исследовательского бюро, к.и.н. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: ***glebov-63@mail.ru***

Дедюлькин Антон Владимирович – с.н.с. Новочеркасского музея истории Донского казачества. Новочеркасск., Россия. E-mail: ***donrumata@inbox.ru***

Егорова Татьяна Валерьевна – н.с. кафедры археологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, к.и.н. E-mail: *TVEgorova@yandex.ru*

Зайцев Юрий Павлович – директор Историко-археологического заповедника «Неаполь Скифский», с.н.с. Отдела греко-варварской археологии Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины, к.и.н. Симферополь, Украина. E-mail: *skilur46@mail.ru*

Заноч Аурел – доцент кафедры археологии и древнего мира Молдавского Государственного Университета, доктор истории. Кишинёв, Молдова. E-mail: ***azanoci@gmail.com***

Иващенко Михаил Вениаминович – магистрант кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия. E-mail: ***scriptum2010@yandex.ru***

Карнаух Евгений Григорьевич – соискатель Отдела археологии раннего железного века Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев, Украина. E-mail: ***dezz14@mail.ru***

Кац Владимир Иванович – доцент кафедры истории Древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, к.и.н. Саратов, Россия. E-mail: ***anstrig1@yandex.ru***

Коваленко Александр Николаевич – зав. учебным музеем археологии Научно-методического центра археологии Педагогического института Южного Федерального университета, к.и.н. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: ***alex_arx@rambler.ru***

Копылов Виктор Павлович – директор Научно-методического центра археологии Педагогического института Южного Федерального университета, к.и.н. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: ***viktor@rspu.edu.ru***

Малюкевич Александр Евгеньевич – н.с. Одесского археологического музея Национальной Академии наук Украины. Одесса, Украина. E-mail: ***maluykevich@mail.ru***

Матеевич Наталья – зав. Отделом Доисторической археологии Национального Музея Археологии и Истории Молдовы, доктор истории. Кишинёв, Молдова. E-mail: ***amforaelada@yahoo.com***

Меньшикова Вера Александровна – ст. лаборант Научно-методического центра археологии Педагогического института Южного Федерального университета. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: ***menshikova.vera@yandex.ru***

Монахов Сергей Юрьевич – зав. кафедрой истории Древнего мира, директор Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, д.и.н. Саратов, Россия. E-mail: ***monachsj@mail.ru***

Островерхов Анатолий Степанович – с.н.с. Одесского археологического музея Национальной Академии наук Украины, к.и.н. Одесса, Украина. E-mail: ***varenyk@GCN.Ua***

Полин Сергей Васильевич – с.н.с Отдела археологии раннего железного века Института археологии Национальной Академии наук Украины, к.и.н. Киев, Украина. E-mail: ***polin-arheo@ukr.net***

Самойлова Татьяна Львовна – зав. отделом археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии Национальной Академии наук Украины, к.и.н. Одесса, Украина. E-mail: *tlsama@rambler.ru*

Синика Виталий Степанович – с.н.с. НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, к.и.н. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. E-mail: ***sinica80@mail.ru***

Смирнов Александр Игоревич – преподаватель кафедры археологии, древней и средневековой истории Института истории и права Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского. Николаев, Украина. E-mail: ***smyrnovl@rambler.ru***

Снытко Иван Алексеевич – с.н.с. Государственной инспекции по охране памятников культуры Николаевской области Украины. Николаев, Украина. E-mail: ***maharadze_v@ mail.ru***

Тельнов Николай Петрович – зав. НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, к.и.н. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. E-mail: ***telnov_nikolai@mail.ru***

Топал Денис – зам. редактора журнала Stratum plus, Высшая антропологическая школа. Кишинёв, Молдова. E-mail: ***denis.topal@gmail.com***

Третьяков Юрий Юрьевич – директор Никопольского городского эколого-натуралистического центра. Никополь, Украина. E-mail: ***na2re-yu@mail.ru***

Туровский Евгений Яковлевич – зав. отдела Музеефикации и охраны заповедных территорий Национального заповедника «Херсонес Таврический», к.и.н. Севастополь, Украина. E-mail: ***tuevgenij@yandex.ru***

Фатеев Олег Викторович – археолог, историк. Днепропетровск, Украина. E-mail: ***fateev1963@gmail.com***

Фидельский Сергей Анатольевич – н.с. НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. E-mail: ***fidel1975@mail.ru***

Четвериков Игорь Анатольевич – с.н.с. НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. E-mail: ***chetverikov67@mail.ru***

Шинкарь Ольга Анатольевна – глав. специалист Областного научно-производственного центра по охране памятников Волгоградской области. Волгоград, Россия. E-mail: ***shinkar@volgodon.ru***

Шкрибляк Ирина Ивановна – зам. директора Историко-археологического заповедника «Неаполь Скифский». Симферополь, Украина. E-mail: ***vejde_v_l@mail.ru***

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) 5

С.А. Фидельский. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н. э. 16

Н.А. Гаврилюк. Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н. э. – II в. н. э. 21

В.П. Глебов. Кочевники Нижнего Подонья IV-II вв. до н. э. Некоторые проблемы изучения 28

А.В. Дедюлькин. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии 34

Т.В. Егорова. Комплекс помещений позднего греческого периода (второй половины III – первой половины II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка» 46

Ю.П. Зайцев. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья 55

Ю.П. Зайцев. Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) 67

А. Заноч. Фрако-гетские поселения Среднего Поднестровья в контексте восточно-карпатских земель 73

М.В. Иващенко. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра 81

В.И. Кац. Амфорные клейма из Поднестровья 87

В.П. Копылов, А.Н. Коваленко. Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) 96

Н. Матеевич, Т.Л. Самойлова. Знаменитая династия родосских фабрикантов (на основе коллекции тирских клейм) 101

В.А. Меньшикова. Лепные курильницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья 106

С.Ю. Монахов. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнения к классификации 111

А.С. Островерхов, А.Е. Малюкевич. Новые памятники глиптики времени Митридата VI Евпатора из Тиры 125

С.В. Полин, Е.Г. Карнаух. Гордашевский «клад» 134

Т.Л. Самойлова. Хора Тиры и проблемы её организации 145

А.И. Смирнов. Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев 149

И.А. Снытко. Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV-III вв. до н. э.: особенности исторической топографии, характер и структура 165

Д. Топал. Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом 169

Е.Я. Туровский. Херсонес Таврический в III-II вв. до н. э. 172

О.В. Фатеев. Новая группа средиземноморских амфорных клейм 178

О.В. Фатеев, Ю.Ю. Третьяков. Клад ольвийских «борисфенов» из Капуловки 183

О.А. Шинкарь. Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III-II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья 192

И.И. Шкрибляк. Мегарские чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ) 197

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 206

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 207

Научное издание

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
III–II вв. до н.э.
Материалы Международной научной конференции

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *С.В. Олейников*

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.02.
Подписано в печать 01.10.12.
Формат 60x84/8. Уч.-изд. л. 26,5. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 200 экз. Заказ № 025.

Отпечатано с готового оригинала-макета в типографии ООО «Ремонт вычислительно техники»
3200, г. Бендеры, ул. Московская, 30.

Для заметок